

Уилки Коллинз
Собрание сочинений в десяти томах
Том 8
М.: Бастион, 1996

Содержание:

- Уилки Коллинз. Закон и жена (роман), стр. 3-315

Переводчик не указан. Печатается по изданию 1875 года.

Уилки Коллинз

Закон и жена

Часть первая

Глава I. ОШИБКА НОВОБРАЧНОЙ

«Таким образом в древние времена святые жены, уповая на Господа и повинуюсь мужьям своим, украшали себя добродетелями; Сара повиновалась Аврааму, называя его господином, вы же, как дочери ея, должны следовать по тому же пути».

Промолвив известные слова, которыми заканчивается в англиканской церкви обряд венчания, дядя мой, Старкуатер, закрыл книгу и с нежным участием взглянул на меня из-за решетки алтаря. В то же самое время тетка моя, мистрис Старкуатер, стоявшая рядом со мной, потрепала меня по плечу, говоря:

— Вот ты и замужем, Валерия.

Где были мои мысли? Что стало со мной? Я была точно в оцепенении. При словах тетки я вздрогнула и посмотрела на своего мужа. Он был в таком же состоянии, как и я. Нам обоим, по-видимому, одновременно пришла одна и та же мысль. Неужели, против воли его матери, мы стали мужем и женой? Тетка моя, Старкуатер, снова коснулась моего плеча и нетерпеливо прошептала:

— Возьми его руку!

Я исполнила ее приказание.

— Следуй за дядей.

Держа мужа под руку, я пошла за дядей и викарием, принимавшим участие в богослужении.

Оба священнослужителя повели нас в ризницу. Церковь эта находилась в одном из мрачных кварталов Лондона, между Сити и Вест-Эндом. День был пасмурный, воздух тяжелый и сырой. Наша невеселая свадьба вполне гармонировала с печальной местностью и пасмурной погодой. На ней не было ни знакомых, ни друзей нового мужа; его семейство, как я уже говорила выше, не одобряло женитьбы. С моей же стороны были только дядя и тетка. Родителей своих я лишилась давно, друзей имела мало. Старый, преданный приказчик моего доброго отца, Бенджамин, присутствовал на свадьбе в роли посаженного отца. Он знал меня с детства, и, когда я осталась сиротой, он был ко мне добр, как отец.

Нам предстояло исполнить последнюю церемонию: расписаться в церковной книге. Совсем растерявшись и никем не предупрежденная, я совершила ошибку, которая, по мнению моей тетушки, была дурным предзнаменованием. Я подписалась моей новой фамилией вместо девичьей.

— Как! — воскликнул мой дядя своим громким и веселым голосом. — Ты уже забыла

свою девичью фамилию? Хорошо! Хорошо! Дай Бог, чтобы тебе никогда не пришлось раскаиваться, что ты ее переменяла. Расписывайся снова, Валерия, расписывайся снова!

Дрожащей рукой я взяла перо, зачеркнула написанное и поставила довольно неразборчиво свою девичью фамилию: *Валерия Бринтон*.

Когда пришла очередь моего мужа поставить свою подпись, я с удивлением заметила, что рука его сильно дрожала, и он написал свое имя так неясно, что не делало чести его обычно разборчивому почерку: *Юстас Вудвиль*.

Тетушка, расписываясь после нас, указывая кончиком пера на мою первую подпись, заметила:

— Дурное начало! И, как говорит муж мой, дай Бог, чтобы никогда не пришлось тебе раскаиваться в том, что ты переменяла свою фамилию!

Даже тогда, в дни неведения и невинности, эта странная вспышка тетушкиного суеверия произвела на меня неприятное, тяжелое впечатление. Но у меня стало легче на душе, когда мой муж сжал крепко мне руку и вслед за тем раздался задушевный голос моего дяди, желавший нам счастья. Добрый старик приехал нарочно для венчания из своего прихода, где я жила у него после смерти моих родителей. Тотчас после венчания он должен был уехать домой первым поездом. Прощаясь со мной, он заключил меня в свои могучие объятия и так громко поцеловал, что поцелуй этот, вероятно, достиг слуха праздных зрителей, ожидавших у церковных дверей выхода новобрачных.

— От всей души желаю тебе здоровья и счастья, моя милая, — сказал он. — Ты в таких годах, когда можешь сама выбирать мужа, — не в обиду вам, мистер Вудвиль, ведь мы с вами новые друзья, — и дай Бог, Валерия, чтобы выбор твой оказался удачным. Без тебя дом наш делается скучным и печальным, но я не жалею, моя дорогая. Напротив, если эта перемена в твоей жизни принесет тебе счастье, я первый порадуюсь. Полно, полно, не плачь, или твоя тетушка тоже расплачется, а в ее годы этим шутить нельзя. Что же касается тебя, то слезы испортят твою красоту. Посмотри на себя в зеркало, и ты увидишь, что я говорю правду. Прощай, дитя, да благословит тебя Бог!

Он взял тетушку под руку и поспешно вышел из церкви. Как нежно ни любила я мужа, но сердце мое болезненно сжалось, когда удалился единственный друг и покровитель моей юности. Затем последовало прощание со старым Бенджамином.

— Желаю вам всего хорошего, моя дорогая, не забывайте меня! — Вот и все, что он сказал. Но при этих немногих словах все прошлое воскресло передо мною. При жизни отца Бенджамин каждое воскресенье обедал с нами и всегда приносил какой-нибудь подарок для дочери своего хозяина. Я была готова «испортить свою красоту», как выразился дядя, когда подставила щеку для поцелуя и услышала, как он тяжело вздохнул, точно не надеялся на счастье предстоящей мне жизни.

Голос мужа вывел меня из этого состояния, придав моим мыслям более радостное направление.

— Не пора ли нам, Валерия? — спросил он.

Я оставила его у выхода из ризницы и последовала совету дяди, другими словами, я посмотрелась в зеркало, висевшее над камином.

Что же я увидела в нем? Высокую, стройную молодую девушку лет двадцати трех. Но она не привлекла бы на улице внимания прохожих: у нее не было ни модных рыжих волос, ни нежного румянца на щеках. Волосы у нее были черные и уложены не по моде: просто зачесаны со лба (эта прическа нравилась моему отцу, и я всегда носила ее) и собраны в узел на затылке, как у Венеры Медицейской, но так, что оставляли открытой шею. Цвет лица у нее бледный, и только в минуты волнения румянец выступал на щеках. Глаза были темно-синего цвета, такого темного, что их обыкновенно принимали за черные. Брови, почти правильно очерченные, слишком темные и густые; нос орлиный и немного велик; рот, лучшая часть ее лица, чрезвычайно изящен и отличался способностью принимать разнообразные выражения. Вообще же лицо в нижней части своей было несколько узко и длинно, в верхней же части немного широко и лоб низок. Вся фигура, отражавшаяся в

зеркале, представляла женщину довольно изящную, чуть-чуть бледную, скорее, слишком степенную и серьезную в минуты покоя, одним словом, женщину, которая несколько не поражает постороннего наблюдателя при первом взгляде на нее, но при втором, а иногда даже и при третьем взгляде вызывает всеобщее уважение. Что касается ее одежды, то она вовсе не походила на подвенечный наряд. Серый кашемировый тюник, отделанный серой шелковой материей, и такая же юбка, на голове простенькая шляпка с приподнятыми полями, белым рюшем-плиссе и тёмно-красным розаном как нельзя более соответствовала всему туалету.

Удачно ли описала я отображение, увиденное мною в зеркале, — судить не мне. Я всячески старалась избежать двух видов тщеславия: порицания и восхваления своей собственной особы. Но как бы то ни было, хорошо или дурно вышло описание — слава Богу, оно окончено!

А кого же я увидела рядом с собою в зеркале? Человека меньше меня ростом и казавшегося старше своих лет. На голове его красовалась преждевременная лысина; в темной бороде и длинных усах пробивалась седина. На лице его играл румянец, которого не доставало мне, и вся фигура его дышала решительностью, которой мне тоже не доставало. Его карие глаза, каких я никогда не встречала у мужчин, смотрели на меня нежно и ласково. Улыбка, редко появлявшаяся на его лице, была чрезвычайно приятна. Его обращение, совершенно спокойное и сдержанное, отличалось той тайной силой, которая обаятельно действует на женщин. Он слегка прихрамывал из-за раны, полученной им несколько лет назад, когда он был в Индии на военной службе, и ходил всегда как в доме, так и за его пределами, опираясь на бамбуковую палку со странной ручкой вместо набалдашника (его старой любимицей). Несмотря на этот маленький недостаток (если это действительно недостаток), в нем не было ничего болезненного, дряхлого, неуклюжего. Его легкая хромота (может быть, на пристрастный взгляд) придавала ему определенную грацию, которая более привлекательна, чем проворная, свободная походка других мужчин. Наконец, и это самое главное, я люблю его. Люблю, люблю! Этим и заканчивается описание моего мужа в день нашей свадьбы. Зеркало поведало все, что мне было нужно.

...Мы вышли из ризницы. Небо, с утра покрытое тучами, заволкло еще больше, пока мы были в церкви, и теперь шел сильный дождь. Зрители, ожидавшие у дверей, мрачно смотрели на нас из-под своих зонтов, когда мы поспешно садились в карету. Ни веселья, ни солнца, ни цветов — ничего не было на нашем пути. Ни парадного завтрака, ни красноречивых тостов, ни подруг, ни благословения родителей на нашей свадьбе. Печальная свадьба, нельзя не сознаться, и дурное начало, как сказала тетюшка Старкуатер.

Предварительно у нас было заказано специальное купе в поезде. Услужливый носильщик в ожидании награды спустил шторы на окнах, чтоб оградить нас от любопытных взглядов. Поезд тронулся. Муж обнял меня.

— Наконец-то! — прошептал он, устремив на меня нежный взор и горячо прижимая меня к своей груди. Я обвила руками его шею; глаза наши встретились, и губы слились в первом долгом поцелуе.

Воспоминания об этом путешествии воскресают передо мною, пока я пишу эти строки; слезы застилают мои глаза, и я на сегодня оставляю перо.

Глава II. МЫСЛИ НОВОБРАЧНОЙ

Не более часа были мы в пути, как в нас обоих постепенно произошла странная перемена. Сидели мы по-прежнему взявшись за руки, голова моя покоилась на его плече, но мало-помалу замолчали. Неужели мы истощили пусть скудный, но красноречивый словарь любви? Или мы по взаимному, но безмолвному соглашению решили после наслаждения

страстным разговором испытать еще большее блаженство — страстное безмолвие. Не могу сказать почему это случилось, знаю только, что под каким-то странным влиянием уста наши оставались замкнутыми. Мы ехали погруженные в собственные думы. Думал ли он исключительно обо мне, как я думала о нем? Прежде чем закончилось наше путешествие, я начала в этом сомневаться, а некоторое время спустя была уже уверена, что мысли его были далеко от молодой жены и все они были обращены к самому себе.

Что касается меня, то я испытывала невыразимое наслаждение, сидя подле него и думая о нем.

Я вспоминала в эту минуту первую встречу с ним близ дома моего дяди... Наша знаменитая, богатая форелями река, сверкая и пенясь, протекала меж крутых берегов. Приближался вечер, солнце садилось за багряными облаками. Одиноким рыболов забрасывал свою удочку в тихой заводи. Молодая девушка (это я) стояла на противоположном берегу и незаметно для него с любопытством ожидала, когда у него затрепещет на удочке форель.

Наступила долгожданная минута: рыба клюнула.

Следуя то по песчаному берегу, то, когда изгибалась река, спускаясь в прозрачную воду и пробираясь по камням, шел рыболов за своей пленницей, поочередно отпуская и натягивая леску, чтобы благополучно вытащить рыбу. Я шла за ним по другой стороне реки, наблюдая борьбу ловкости с хитростью между человеком и рыбой. Я довольно долго прожила с дядей Старкуатером и за это время успела заразиться его восторженной любовью к сельским удовольствиям, а в особенности к рыбной ловле. Внимательно наблюдая за каждым движением незнакомца и не глядя себе под ноги, я шла по самому краю берега и вдруг, оступившись, упала в воду.

Берег был невысок, река неглубока, дно, к счастью для меня, песчаное. Я только испугалась и вся промокла. Через несколько минут я выбралась из воды, стыдясь своей неловкости. За это время, однако, рыба успела исчезнуть. Рыболов, услышав крик, вырвавшийся у меня при падении, бросил свою удочку и прибежал ко мне на помощь. Так в первый раз мы встретились с ним лицом к лицу: я стояла на берегу, он — в воде. Глаза наши встретились, и я в ту же минуту почувствовала, что и сердца наши соединились. Забыв обо всех, мы молча глядели друг на друга.

Я первая пришла в себя. Что же сказала я ему?

Я объяснила, что не ушиблась, и настоятельно просила его вернуться к своей удочке и, если возможно, попытаться поискать свою рыбу.

Он неохотно оставил меня, но через несколько минут вернулся, конечно без рыбы. Представляя себе, как мой дядя был бы огорчен подобной неудачей, я совершенно искренно просила извинения у незнакомца и во искупление своей вины предложила показать ему место внизу по реке, где отлично ловилась рыба.

Он не хотел и слышать об этом и уговаривал меня идти поскорее домой и переменить платье. Я почти забыла о своем мокром платье, но повиновалась ему, сама не зная почему.

Мы пошли вместе. Дорога в гостиницу проходила мимо дома викария. Незнакомец поведал мне, что приехал в наши края из-за любви к уединению и к рыбной ловле, что он видел меня из окна своей гостиницы, а также спросил меня, не дочь ли я викария.

Я рассказала ему о себе, рассказала, что викарий был женат на сестре моей матери и что оба они заменили мне родителей после их смерти. Он попросил у меня позволения представиться доктору Старкуатеру на следующий день, заметив при этом, что у них с дядей есть общие друзья. Я пригласила его к нам, будто дом дяди был моим собственным. Я была совершенно очарована его глазами и голосом. До этого я не раз воображала себя влюбленной, но никогда ни к кому не испытывала того, что чувствовала в присутствии этого человека. Когда он ушел, мне показалось, что ночь спустилась вдруг на окружающий ландшафт. Прислонясь к ограде дядюшкиного дома и с трудом переводя дыхание, я не могла собраться с мыслями, сердце билось так сильно, точно хотело выскочить из груди, и все это из-за незнакомца! Я горела от стыда, но, несмотря ни на что, была счастлива!

И вот теперь, едва прошло несколько недель после нашей первой встречи, я сижу

рядом с ним, он мой навсегда! Я приподняла голову и посмотрела на него. Я, как ребенок с новой игрушкой, хотела убедиться, точно ли он мой.

Он сидел, не шевелясь, в уголке купе, погруженный в свои мысли. Но думал ли он обо мне?

Я снова тихонько склонила голову к нему на грудь, стараясь его не потревожить. Мысли мои витали далеко отсюда, и перед глазами возникла другая картина из золотого прошлого.

Передо мной раскинулся пасторский сад. Была ночь. Мы тайком встретились. Бродили то по тенистым аллеям, то по открытому лугу, озаренному лунным светом.

Мы уже давно признались друг другу в любви и обещали посвятить друг другу свою жизнь. Наши интересы слились воедино, радости и горе сделались общими. Я согласилась на это тайное свидание, чтобы успокоить свое сердце, утешить себя его присутствием и почерпнуть мужество в его голосе. Обняв меня, он заметил, что я вздохнула, и, обеспокоенный, повернул меня к свету, чтобы прочитать тревогу на моем лице. Как часто в первые дни нашей любви читал он блаженство в моих чертах!

— У тебя какие-то дурные новости, ангел мой, — сказал он, нежно проводя рукой по моим волосам. — Я вижу на лбу морщинки, которые возвещают тревогу и горе. Я почти желал бы любить тебя не так сильно, как я люблю тебя, Валерия.

— Почему?

— Тогда бы я мог возвратить тебе данное тобою слово. Стоило бы мне уехать отсюда, и дядя твой был бы доволен, и ты освободилась бы от всех гнетущих вас теперь тревог и забот.

— Не говори этого, Юстас! Если ты желаешь, чтобы я забыла все мои тревоги, скажи лучше, что ты любишь меня больше прежнего.

На эти слова он ответил поцелуем. В продолжение нескольких минут мы испытали величайшее в жизни блаженство, забыв все, кроме друг друга и своей любви. Я опомнилась от этого упоения успокоенная и ободренная, готовая перенести многое за подобный поцелуй. Если женщина любит, она не остановится ни перед каким страданием, ни перед каким самоотверженным поступком.

— Что же случилось? Нашли какие-нибудь новые доводы против нашего брака? — спросил он, тихо прохаживаясь взад и вперед.

— Нет, ни дядя, ни тетка ничего более не говорят. Они наконец вспомнили, что я в таких годах и могу сама выбрать себе мужа. Но они очень просили меня отказать тебе, Юстас. Тетка, которую я считала твердой и суровой женщиной, впервые плакала при мне. Мой дядя, всегда добрый и ласковый ко мне, сделался еще добрее, еще ласковее. Он сказал мне, что, если я буду настаивать на этой свадьбе, он меня не оставит и будет на ней присутствовать, мало того, он хочет даже сам совершать богослужение, и тетка моя проводит меня в церковь. Но он умолял меня обдумать это дело серьезнее, согласиться на временную разлуку с тобой, посоветоваться с другими, если я не хочу прислушаться к его мнению. О, мой дорогой, им так хочется разлучить нас, как будто ты самый дурной человек, а не лучший из всех.

— Не случилось ли со вчерашнего дня чего-либо такого, что усилило их недоверие ко мне? — с тревогой спросил он.

— Да.

— Что же это такое?

— Ты помнишь, дядя говорил с тобой о вашем общем друге?

— Да. О майоре Фиц-Дэвиде.

— Дядя написал майору.

— Зачем?

Он произнес это слово таким неестественным тоном, что голос его прозвучал для меня словно чужой.

— А ты не будешь сердиться, если я скажу тебе это? — спросила я. — У дяди, как я поняла его, были разные причины, чтобы написать майору, и между прочим он попросил у

него адрес твоей матери.

Юстас вдруг остановился. Я умолкла, сознавая, что, продолжая, могу оскорбить его.

По правде говоря, его поведение после того, как было объявлено моему дяде о нашей помолвке, могло показаться легкомысленным и странным (по крайней мере, несообразным с приличиями). Пастор, конечно, расспрашивал его о семействе. Он отвечал, что отец его умер, и очень неохотно согласился уведомить свою мать о предполагаемом браке. Объявив нам, что она живет в провинции, он не дал нам более подробного ее адреса и отправился к ней сам. Через два дня он вернулся со странным известием. Мать его не имела ничего против меня и моих родственников, но она так решительно не одобряла брака своего сына (и все члены ее семейства были заодно с нею) с племянницей пастора Старкуатера, что отказывалась присутствовать на свадьбе, если мистер Вудвиль, несмотря ни на что, захочет настоять на своем. Когда Юстаса просили растолковать это необычайное известие, он сказал, что его мать и сестры имели для него в виду другую невесту и что они были оскорблены и разочарованы, когда узнали, что он помимо их желания остановил свой выбор на другой девушке. Этим объяснением я вполне была удовлетворена, тем более что таким образом признавалось мое влияние на Юстаса, что женщинам весьма приятно. Но дядя и тетка не успокоились. Пастор объявил мистеру Вудвилю, что он намеревается писать его матери или повидаться с ней, чтобы узнать причину такого странного поведения. Юстас положительно не хотел дать ее адрес, говоря, что вмешательство пастора будет совершенно бесполезно. Дядя решил, что в этом заключается какая-то тайна и что дело здесь неладно. Он отказал мистеру Вудвилю в согласии на наш брак и в тот же день написал майору Фиц-Дэвиду, на которого ссылался и Юстас.

Говорить о побудительных причинах письма дяди было очень неудобно, но Юстас вывел меня из затруднительного положения, задав вопрос, на который мне легко было ответить.

— Получил ли твой дядя ответ от майора Фиц-Дэвида?

— Да.

— Тебе позволили прочитать его? — Его голос дрогнул, когда он произносил эти слова; на лице его отразилось беспокойство, которое тяжело было видеть.

— Я принесла с собой ответ, чтобы показать его тебе, — сказала я.

Он почти вырвал у меня письмо и, отвернувшись, прочитал его при свете месяца. Письмо было коротко, и на его чтение потребовалось немного времени. Я знала наизусть, могу и теперь повторить его:

«Любезный пастор!

Мистер Юстас Вудвиль совершенно справедливо сообщил вам, что по рождению и по положению своему в свете он джентльмен и что по завещанию своего отца наследует хорошее состояние, с которого будет получать до 2000 в год.

Всегда ваш ЛОРЕНЦ ФИЦ-ДЭВИД».

— Кажется, невозможно желать ответа более определенного, — сказал Юстас, возвращая мне письмо.

— Если бы я справлялась о тебе, — отвечала я, — мне было бы достаточно такого ответа.

— А разве дяде недостаточно?

— Нет.

— Что же он говорит?

— Зачем тебе это знать, мой дорогой?

— Я хочу все знать, Валерия. Между нами по этому поводу не должно быть никаких секретов. Сказал что-нибудь дядя, показывая тебе письмо майора?

— Да.

— Что именно?

— Дядя сказал, что его письмо к майору было на трех страницах, а ответ заключается в немногих строках. «Я писал, — прибавил он, — что могу приехать к нему, чтобы переговорить подробно об этом деле, а он ничего не упоминает об этом предложении. Я спрашивал у него адрес мистрис Вудвиль; он обратил столько же внимания на мою просьбу, как и на предложение. Он ограничился кратким изложением голых фактов. Обратись к своему здравому смыслу, Валерия. Неужели не имеет никакого значения такое странное поведение со стороны джентльмена по рождению и воспитанию, и к тому же моего друга?»

Тут Юстас прервал меня:

— Что ты ответила на вопрос дяди?

— Я сказала только, что не понимаю поведения майора.

— И что же ответил дядя на это? Если ты меня любишь, Валерия, ты скажешь мне всю правду.

— Он горячился, Юстас. Он старик, и тебе не следует обижаться.

— Я не обижаюсь. Так что же он говорил?

— Он сказал: «Попомни мои слова! Здесь скрывается какая-то тайна, касающаяся мистера Вудвиля или его семейства, и майор Фиц-Дэвид не считает себя вправе открыть ее. На самом же деле это письмо не что иное, как предостережение. Покажи его мистеру Вудвилю и передай ему, если желаешь, слова мои...»

Юстас опять не дал мне договорить.

— Ты уверена, что дядя сказал именно эти слова? — спросил он, внимательно рассматривая меня при свете месяца.

— Совершенно уверена. Но не думай, пожалуйста, что и я того же мнения.

Он вдруг крепко прижал меня к своей груди и пристально посмотрел мне в глаза. От этого взгляда мне стало как-то страшно.

— Прощай, Валерия, — сказал он. — Не поминай меня лихом, когда выйдешь замуж за человека более счастливого.

Он хотел удалиться, но я вцепилась в него, дрожа с головы до ног.

— Что это значит? — спросила я, едва овладев собою. — Я твоя и, кроме тебя, никогда никому не буду принадлежать. Что я сказала, что сделала, чтобы заслужить эти жестокие слова?

— Мы должны расстаться, ангел мой, — сказал он грустно. — В этом виновата не ты, а злосчастная судьба. Дорогая Валерия! Как можешь ты выйти замуж за человека, которому не доверяют твои близкие и друзья? Я до сих пор вел печальную, одинокую жизнь. Я не встречал ни в одной женщине такой симпатии и утешения, какие нашел в тебе. Тяжело лишиться тебя! Тяжело вернуться к прежней печальной жизни! Но я должен принести эту жертву ради тебя! Ради любви моей к тебе! Я не более твоего понимаю это письмо! Но разве твой дядя поверит мне? Разве поверят твои друзья? Поцелуй меня еще раз, Валерия. Прости, что я так страстно, так преданно тебя любил. Прости меня и отпусти!

Я с отчаянием, изо всех сил держала его. Взгляд его выводил меня из себя, слова сводили с ума.

— Иди куда хочешь, — сказала я, — я пойду за тобой! Друзья, репутация! Мне нет до них никакого дела. О, Юстас, я женщина, не своди меня с ума! Я не могу жить без тебя. Я должна и хочу быть твоей женой.

Едва произнесла я эти безумные слова, как разразилась истерическими слезами.

Он уступил. Своим обворожительным голосом он утешил меня, а нежными ласками окончательно привел в чувство. Он призывал небо в свидетели, что посвятит мне всю свою жизнь, торжественно, в самых красноречивых выражениях клялся, что днем и ночью будет думать только о том, чтобы стать достойным моей любви. И как благородно исполнил он свою клятву! Обручение наше в эту памятную ночь было подтверждено венчанием перед алтарем Всевышнего.

Господи! Какая жизнь была передо мною! Может ли быть на земле большее

блаженство?

Я опять подняла голову с груди его, чтобы с наслаждением убедиться, что он подле меня, он, моя жизнь, моя любовь, мой собственный муж!

Не вполне отделяя поглотившие меня воспоминания от сладкой действительности, я припала щекой к его щеке и нежно сказала:

— О, как я люблю тебя! Как я люблю тебя!

В следующую минуту я быстро отстранилась от него. Сердце у меня перестало биться. Я поднесла руку к своему лицу, и что же я почувствовала на щеке? (Я не плакала, я была слишком счастлива.) Слезы!

Он сидел, отвернувшись от меня. Я схватила его за голову и насильно повернула к себе лицом.

Я взглянула на него и увидела, что у моего мужа в день свадьбы глаза были полны слез.

Глава III. РАМСГИТСКИЙ БЕРЕГ

Юстасу удалось унять мою тревогу, но рассудок мой был далеко не удовлетворен.

Юстас сказал мне, что думал в эту минуту о контрасте между его прежней и настоящей жизнью. Горькие воспоминания пробудили в нем мрачное сомнение: сумеет ли он сделать мою жизнь счастливой. Он спрашивал себя, не слишком ли поздно он меня встретил, не слишком ли он разбит и надломлен всеми бурями и невзгодами прошлой своей жизни? Подобные сомнения, все более и более овладевая его душой, наполнили глаза его слезами, которые я вдруг заметила, и теперь он умолял меня во имя моей любви к нему забыть его навсегда.

Я простила его, утешила, оживила его, но были минуты, когда воспоминание об этих слезах втайне волновало меня, и я невольно спрашивала себя, действительно ли муж мой так же откровенен со мною, как я с ним.

Мы приехали в Рамсгит.

Эти минеральные воды были любимым местом отдыха, но теперь сезон купаний закончился, и местечко было пусто. В программу нашего путешествия входила поездка по Средиземному морю на яхте, которую одолжил Юстасу один из его друзей. Мы оба очень любили море и сильно желали на некоторое время избежать общества наших друзей и знакомых. Поэтому мы, самым скромным образом обвенчавшись в Лондоне, известили капитана яхты, чтобы он прибыл в Рамсгит. Из этого порта (так как сезон был окончен и отдыхающие разъехались) мы могли, не привлекая к себе ничего внимания, отправиться в море, на что нельзя было надеяться на обычной стоянке яхт на острове Уайт.

Прошло три дня чудного уединения и полнейшего счастья, которое никогда не повторится и которое невозможно забыть до конца жизни!

Рано утром четвертого дня случилось ничтожное обстоятельство, поразившее меня своей неожиданностью.

Я вдруг пробудилась от глубокого сна (чего обыкновенно со мной не бывало) с чувством какого-то нервного беспокойства, прежде мне не знакомого. В прежние времена, в доме пастора, моя способность спать непробудным сном служила предметом шуток: едва голова моя касалась подушки, как я засыпала и просыпалась лишь тогда, когда горничная начинала стучать ко мне в дверь. В любое время и при любых обстоятельствах я, обыкновенно наслаждалась безмятежным сном ребенка.

А теперь я без всякой видимой причины проснулась несколькими часами раньше обычного. Я старалась снова заснуть, но тщетно. Мною овладело какое-то беспокойство, и мне не лежалось в постели. Муж крепко спал. Чтобы не потревожить его, я тихонько встала и надела утренний капот и туфли.

Я подошла к окну. Солнце только что показалось из-за гладкой поверхности моря. Вскоре величественное зрелище, раскинувшееся перед моими глазами, несколько успокоило мои напряженные нервы, но ненадолго, тревожное состояние вновь овладело мной. Я стала ходить по комнате взад и вперед, но это монотонное движение скоро наскучило мне. Я взяла книгу и села, но никак не могла сосредоточить своего внимания, ибо автор не был в состоянии привлечь мои мысли к своему произведению. Я снова встала, подошла к Юстасу и стала любоваться им; мне казалось, что я никогда так не любила его, как во время этого безмятежного сна. Потом я опять вернулась к окну, но прекрасное утро уже не представляло для меня никакой прелести. Я села перед зеркалом и стала смотреться в него. Какой истомленный и измученный вид был у меня оттого, что я встала раньше обычного. Опять поднялась я с места, не зная, что делать. Заключение в этих четырех стеках становилось невыносимо. Я отворила дверь и пошла в уборную мужа, полагая, что перемена места хорошо на меня подействует.

Первый предмет, бросившийся мне в глаза, был открытый несессер на туалетном столике.

Из одного его отделения я вынула флакончики, баночки, щеточки, гребешки, ножики и ножницы, из другого — письменные принадлежности. Я понюхала духи и помаду, вытерла носовым платком флакончик. Мало-помалу я выбрала из несессера все, что в нем находилось. Изнутри он был отделан голубым бархатом. В одном уголке я заметила узенькую голубую тесемочку. Дернув за нее, я приподняла дно и обнаружила, что оно фальшивое и под ним находится тайник для писем и бумаг. При моем странном настроении, капризном, пытливом и, так сказать, инквизиционном, я испытывала наслаждение, перебирая бумаги и вещи.

Тут были уплаченные счета, вовсе меня не интересовавшие, письма, которые я отложила в сторону, конечно не читав их, но только взглянув на адреса, и наконец, в самом низу, фотографическая карточка, положенная лицом вниз. На обратной стороне ее была надпись, которую я прочитала: «Моему дорогому сыну Юстасу».

Его мать, женщина, которая так упорно, немилосердно противилась нашему браку!

Я поспешно перевернула фотографию, ожидая увидеть женщину суровую, злую, отвратительной наружности. К моему величайшему удивлению, на этом лице можно было обнаружить остатки былой красоты, а выражение, хотя и решительное, было привлекательное, доброе, нежное. Седые волосы спускались старомодными буклями из-под кружевного чепчика и обрамляли ее лицо. Около уголка рта было родимое пятнышко, придававшее лицу характерную особенность. Я долго и пристально всматривалась в портрет. Эта женщина, оскорбившая меня и моих родных, была, бесспорно, (насколько можно судить по наружности) чрезвычайно привлекательной личностью, и знакомство с ней, вероятно, было бы для многих честью и удовольствием.

Я впала в глубокую задумчивость. Открытие фотографической карточки значительно успокоило меня.

Бой часов напомнил мне, что времени прошло уже много. Я старательно положила в несессер все вещи, начиная с фотографии, в том же порядке, в каком я нашла их, и вернулась в спальню. Увидев мужа, по-прежнему спавшего, я невольно спросила себя: почему его добрая, милая мать так настойчиво хотела разлучить нас? Так сурово и безжалостно противилась нашему браку?

Обращусь ли я с этим вопросом к Юстасу, когда он проснется? Нет, я боялась вдаваться в такие подробности. Между нами было безмолвно решено не говорить о его матери, и к тому же он может рассердиться, узнав, что я открыла тайник его несессера.

В это самое утро, после завтрака, мы получили известие с яхты. Она благополучно прибыла в гавань, и капитан ожидал распоряжений моего мужа.

Юстас не решился взять меня с собой на яхту. Ему нужно было хорошенько осмотреть ее и уладить некоторые вопросы, вовсе не интересные женщине: позаботиться о морской

карте, компасе, провизии и воде. Он просил меня дожидаться дома его возвращения.

Погода была великолепная, на море начинался отлив. Мне захотелось прогуляться по берегу, и хозяйка гостиницы, в которой мы остановились, предложила проводить меня. Мы договорились пойти по направлению к Бродстерсу, а Юстас, окончив свои дела, должен был присоединиться к нам.

Полчаса спустя мы с хозяйкой были уже на взморье.

Зрелище, представившееся нам в это прекрасное осеннее утро, было прелестно. Легкий ветерок, светло-лазурное небо, волнующееся синее море, береговые утесы и песок, блестящий под солнечными лучами, длинная вереница кораблей, движущихся по Английскому каналу, - все это было так красиво, так очаровательно, что, будь я одна, так, кажется, и запрыгала бы, как ребенок, от удовольствия. Единственной помехой моему наслаждению была непрерывная болтовня моей хозяйки. Это была добрая, услужливая, но глупая женщина, которая говорила, не обращая внимания на то, что я ее не слушаю. Она чуть не к каждому слову прибавляла: «мистрис Вудвиль», что я находила неприличной фамильярностью от лица, которое по своему положению в свете стояло гораздо ниже меня.

Уж полчаса гуляли мы по берегу, когда поравнялись с какой-то дамой.

В ту минуту, когда мы догнали ее, она вынимала из кармана платок и выронила письмо, не заметив этого. Я подняла письмо и подала его незнакомке.

Когда она обернулась поблагодарить меня, я остолбенела. Это был оригинал фотографической карточки, найденной мною в несессере мужа! Мать моего мужа стояла передо мной! Я узнала седые локоны, доброе привлекательное выражение лица, родимое пятнышко у уголка рта. Невозможно было ошибиться: это была его мать!

Старая леди весьма естественно приняла мое смущение за застенчивость, с большим тактом и очень любезно вступила она со мною в разговор. Несколько минут спустя я шла рядом с женщиной, которая никак не хотела принять меня в свое семейство. Я была страшно взволнована, не зная, должна или не должна я взять на себя ответственность и в отсутствие мужа открыть ей, кто я.

Моя словоохотливая хозяйка, шедшая по другую сторону моей свекрови, решила вопрос за меня. Я вскользь произнесла, что мы скоро достигнем цели нашей прогулки — местечка Бродстерс.

— О нет, мистрис Вудвиль, — вскричала эта болтунья, — не так скоро, как вы думаете.

Я с замиранием сердца взглянула на пожилую леди. К величайшему моему удивлению, я не заметила никакой перемены в ее лице. Старшая мистрис Вудвиль продолжала разговаривать с молодой мистрис Вудвиль так спокойно, точно она никогда в жизни не слышала своей фамилии.

В моем лице и вообще в манерах, должно быть, обнаружили замешательство и волнение. Случайно взглянув на меня при последних словах, пожилая леди остановилась и сказала своим мягким голосом:

— Я боюсь, что вы устали. Вы очень бледны, и вид у вас такой утомленный. Присядьте здесь, я вам дам понюхать нашатырного спирта.

Я, совершенно обессиленная, последовала за нею к скале. Здесь мы присели на камни. Я смутно слышала выражения сочувствия и сожаления, без умолку изливавшиеся из уст моей хозяйки. Я машинально взяла флакончик с нашатырным спиртом из рук моей свекрови, которая слышала мое имя, но продолжала обращаться со мной как с посторонней.

Если бы я думала только о себе, я бы, конечно, не выдержала и тотчас же начала бы объясняться, но я думала о Юстасе. Я не знала, в дружеских или неприязненных отношениях был он со своей матерью. Что мне было делать?

Между тем пожилая леди продолжала разговаривать со мной с добродушным сочувствием. Она тоже очень устала, говорила она, проведя дурную ночь у постели больной родственницы, живущей в Рамсгите. Накануне она получила телеграмму, извещавшую ее, что сестра ее очень больна. Сама же она, благодаря Богу, здорова и крепка, а потому немедленно отправилась в Рамсгит. К утру состояние больной улучшилось. «Доктор уверил

меня, — продолжала она, — что теперь нет никакой опасности, и я подумала, что не мешает мне несколько освежиться после бессонной ночи, и отправилась прогуляться по взморью».

Я слышала ее слова, понимала их, но была слишком взволнована и смущена своим странным положением, чтобы продолжать разговор. Хозяйка выручила меня, заговорив первой.

— Вон идет какой-то джентльмен, — сказала она, обращаясь ко мне и указывая по направлению к Рамсгиту. — Вы не сможете возвратиться пешком. Не попросить ли его, чтобы он прислал нам из Бродстерса экипаж?

Джентльмен подошел ближе.

И я, и хозяйка в ту же минуту узнали в нем Юстаса, шедшего к нам навстречу, как было между нами условлено. Хозяйка воскликнула в восторге:

— Вот счастье-то, мистрис Вудвиль! Это ведь сам мистер Вудвиль!

Я тотчас же взглянула на свою свекровь, но и на этот раз эта фамилия не произвела на нее никакого впечатления. Ее зрение не было таким хорошим, как наше: она еще не узнала своего сына. Он же сразу заметил свою мать. В ту же минуту он остановился, как пораженный громом. Потом он подошел к ней; лицо его было бледно как смерть, глаза устремлены на мать.

— Вы здесь? — спросил он.

— Как поживаешь, Юстас? — спокойно отвечала она. — Ты тоже слышал о болезни тетки? Разве ты знал, что она живет в Рамсгите?

Он не отвечал. Хозяйка из услышанных ею слов сообразила, в чем дело, и с таким удивлением молча смотрела то на меня, то на мою свекровь, словно у нее отнялся язык. Я же, не спуская глаз с мужа, ждала, как он поступит. Если бы он еще минуту замедлил признать меня, вся последующая моя жизнь, может быть, изменилась бы; я стала бы презирать его.

Но он не мешкал. Он подошел ко мне и взял меня за руку.

— Вы знаете, кто это? — спросил он свою мать.

Взглянув на меня и любезно кивнув головой, она отвечала:

— Эту даму, Юстас, я встретила на берегу; я выронила письмо, а она любезно возвратила его мне. Фамилию ее, кажется, слышала, — она обернулась к хозяйке, — мистрис Вудвиль, если не ошибаюсь.

Пальцы моего мужа бессознательно до того крепко сжали мою руку, что мне стало очень больно. Он тотчас же, несколько не колеблясь, совершенно спокойно сказал матери:

— Матушка, это моя жена.

До сих пор она продолжала сидеть, но тут немедленно встала и молча посмотрела на меня. Выражение удивления исчезло с ее лица. Взгляд ее выразил страшное негодование и презрение. Никогда ничего подобного не видела я в глазах женщины.

— Мне жаль твою жену, — сказала она.

С этими словами она повернулась, сделав рукою жест, которым как бы запрещала ему следовать за собой, и пошла от нас прочь.

Глава IV. ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Оставшись одни, мы несколько минут молчали. Юстас заговорил первый.

— Ты можешь вернуться пешком? — спросил он. — Или не пойти ли нам в Бродстерс и оттуда отправиться по железной дороге в Рамсгит?

Он задал эти вопросы так спокойно, точно не случилось ничего необыкновенного. Но его глаза и губы выдавали его.

Я понимала, что он сильно страдал. Странная сцена, только что разыгравшаяся передо

мной, не только не лишила меня последнего мужества, но, напротив, укрепила мои нервы и возвратила мне самообладание. Я не была бы женщиной, если бы мое достоинство не было оскорблено необычайным поведением моей свекрови, когда Юстас представил меня ей, и не возбудило в высшей степени моего любопытства. Что значило ее презрение к нему и жалость ко мне? Чем объяснить ее равнодушие при двукратном повторении моей фамилии? Почему ушла она так быстро, точно ей была ужасна сама мысль оставаться в нашем обществе? Главной целью моей жизни становилась теперь разгадка этой тайны. Могу ли я идти пешком? Я была в таком лихорадочном ожидании, что могла бы дойти до конца света, лишь бы муж шел рядом со мной и я могла бы дорогой добиться от него разрешения занимавших меня вопросов.

— Я полностью оправилась, — ответила я. — Пойдем пешком.

Юстас взглянул на хозяйку. Та тотчас же поняла его.

— Я не буду беспокоить вас своим обществом, — резко сказала она. — У меня есть дела в Бродстерсе, а так как мы теперь находимся недалеко от него, то я и воспользуюсь случаем. Честь имею кланяться, мистрис Вудвиль.

Она сделала особенное ударение на моей фамилии и при этом как-то многозначительно посмотрела на меня, чего я при своей озабоченности не совсем поняла. Но теперь было не время спрашивать у нее объяснения. Слегка поклонившись Юстасу, она оставила нас и, так же как его мать, направилась к Бродстерсу.

Наконец-то мы остались совершенно одни. Я, не теряя времени, принялась за расспросы; без всяких предисловий я прямо обратилась к нему:

— Как объяснить поведение твоей матери?

Вместо ответа он вдруг захохотал, громко, резко, неприятно; никогда не слыхала я подобного звука из его уст; смех этот так мало соответствовал его характеру, то есть тому, как я понимала его, что я как вкопанная остановилась на берегу и искренне рассердилась.

— Юстас, ты не похож на себя! — воскликнула я. — Ты меня пугаешь!

Он не обратил на меня внимания; он, казалось, был поглощен своими мыслями, пронесившимися у него в голове, и продолжал хохотать.

— Это так похоже на мою мать! — вскричал он наконец, как бы невольно поддаваясь своим веселым мыслям. — Расскажи мне, Валерия, все, что было между вами.

— Рассказать тебе? — повторила я. — После всего случившегося, я полагаю, твой долг объяснить мне ее поведение.

— Ты не видишь в этом ничего смешного? — спросил он.

— Не только не вижу тут ничего смешного, но в словах твоей матери и ее обращении есть нечто такое, что дает мне право требовать у тебя серьезного объяснения.

— Милая моя Валерия, если бы ты знала мою мать так же хорошо, как знаю ее я, то тебе и в голову бы не пришло требовать у меня серьезного объяснения. Смешно относиться к моей матери серьезно. — Он снова расхохотался. — Милая моя, ты не можешь себе представить, как ты меня забавляешь.

Все в нем было натянуто, неестественно. Он, самый деликатный и самый изящный из людей, джентльмен в полном смысле этого слова, был теперь груб, резок, вульгарен. Мое сердце дрогнуло от внезапного предчувствия; несмотря на всю мою любовь к нему, я не могла устоять против него и с невыносимой тоской и тревогой спросила себя: неужели мой муж обманул меня? Неужели он разыгрывает передо мной комедию, и разыгрывает ее очень плохо, через несколько дней после свадьбы?

Я решила другим путем добиться его доверия. Он, очевидно, хотел заставить меня отнестись к этому делу с его точки зрения. Я согласилась исполнить его желание.

— Ты говоришь мне, что я не знаю твоей матери, — сказала я кратко. — Так помоги же мне узнать ее.

— Нелегко помочь тебе узнать женщину, которая сама себя не понимает, — отвечал он. — Но я попытаюсь. Лучшим ключом к объяснению характера моей матери может послужить слово «эксцентричность».

Невозможно было подобрать слова, менее подходящего к старой леди, встреченной мною на взморье. Ребенок, который видел бы, что я видела, и слышал бы, что я слышала, и тот понял бы, что от него самым грубым, самым безобразным образом хотят скрыть истину.

— Запомни мои слова, — продолжал он, — и если ты желаешь узнать мою мать, то исполни мою просьбу! Расскажи мне все, что было. Почему пришлось тебе заговорить с ней? С чего ты начала?

— Твоя мать все сама рассказала тебе, Юстас. Я шла сзади нее, когда она нечаянно уронила письмо.

— Не нечаянно, — прервал он. — Это письмо должно было послужить предлогом.

— Невозможно! — удивилась я. — Зачем надо было твоей матери нарочно ронять письмо.

— Вспомни, что мать моя эксцентрична. Мать сделала это для того, чтобы познакомиться с тобой.

— Чтобы познакомиться со мной? Я уже говорила тебе, что шла сзади. Она и не знала о моем существовании, пока я с ней не заговорила.

— Ты так думаешь, Валерия?

— Я в том уверена.

— Извини, ты не знаешь моей матери так, как я.

Я начинала терять терпение.

— Не хочешь ли ты меня уверить, — спросила я, — что твоя мать нарочно вышла на взморье, для того чтобы познакомиться со мной?

— Я в том нимало не сомневаюсь, — холодно отвечал он.

— Почему же она не признала моей фамилии? — вскричала я. — Два раза хозяйка называла меня «мистрис Вудвиль» при твоей матери, и я честным словом могу тебя заверить, что это имя не производило на нее ни малейшего впечатления. Она смотрела на меня и держала себя со мной так, будто она ни разу в жизни не слышала этого имени.

— Это все была комедия, — сказал он по-прежнему спокойно. — Не только на сцене умеют женщины играть комедию. Моя мать хотела хорошенько познакомиться с тобой и изучить твой характер в разговоре с незнакомкой. Это так походит на нее! Удовлетворить свое любопытство относительно невестки, которой она не желала! Если бы я не пришел так скоро, то ты подверглась бы допросу, и самому строгому, как о себе, так и обо мне, и ты наивно отвечала бы ей, полагая, что говоришь со случайной знакомой. Этим вполне обрисовывается моя мать! Она твой враг, помни это, враг, а не друг. Она ищет в тебе не достоинства, а недостатки. А ты удивляешься, что твоя фамилия, дважды при ней произнесенная, не произвела на нее никакого впечатления! Бедное, невинное создание! Я только могу сказать, что ты увидела мою мать в настоящем свете в ту минуту, когда я, представив тебя ей, положил конец этой мистификации. Ты видела, как она рассердилась, и теперь ты понимаешь, почему.

Я не прерывала его речи; я молча слушала, но как тяжело было у меня на сердце. Мною овладевало ужасное чувство разочарования и отчаяния! Предмет моего обожания, товарищ, руководитель, покровитель моей жизни пал так низко! Дозволил себе такую гнусную ложь!

Было ли хоть слово истины во всем, что он говорил мне? Если бы я не увидела утром фотографии, то, конечно, не только не узнала бы, но и не подозревала бы, что повстречавшаяся мне старая леди — его мать. Все, что он сказал, была ложь, и единственное, что говорило в его пользу, это то, что ложь была грубая и неискusstная; было видно, что он не привык лгать. Боже милостивый! Если верить словам мужа, то мать его, значит, следила за нами в Лондоне, в церкви, на железной дороге, до самого Рамсгита. Если допустить, что она знала, что я жена Юстаса, и нарочно уронила письмо, чтобы познакомиться со мною, нужно было допустить как факт чудовищную невероятность.

Я не могла больше вымолвить ни слова. Я молча шла подле него, мучительно сознавая, что между мною и моим мужем разверзлась бездна в виде семейной тайны. Если не в действительности, то мысленно мы с ним разлучены после четырех дней брачной жизни.

— Ты ничего не хочешь сказать мне, Валерия? — спросил он.

— Нет.

— Тебя не удовлетворило мое объяснение?

Я уловила легкое дрожание в голосе, когда он произносил эти слова, и в первый раз в течение этого разговора услышала хорошо знакомый мне его тон. Среди сотни тысяч различных способов влияния мужчины на любящую его женщину, по-моему, один из самых сильных — это голос. Я не из тех женщин, у которых от малейшей безделицы появляются слезы, это не в моем характере. Но когда я услышала этот естественный тон, в моих мыслях (я не могу сказать почему) вдруг воскрес счастливый день, когда я осознала, что люблю его. Я залилась слезами.

Он вдруг остановился и схватил меня за руку, стараясь заглянуть мне в глаза.

Я опустила голову и глядела в землю. Мне стало стыдно своей слабости. Я решила не смотреть на него.

Наступило молчание; вдруг он опустился передо мною на колени и вскричал с таким отчаянием, которое, как ножом, резануло меня по сердцу:

— Валерия! Я низкий, подлый, я недостойн тебя. Не верь ни слову из всего мною сказанного; все ложь, ложь, гадкая, гнусная ложь! Ты не знаешь, через что я прошел, что я выстрадал! О, моя дорогая, не презирай меня! Я был вне себя, когда говорил все это. У тебя был такой оскорбленный, обиженный вид; я не знал, что делать. Я хотел сгладить эту, хотя бы минутную, неприятность, хотел уничтожить ее. Ради самого Бога, не спрашивай меня больше ни о чем. Моя любовь, мой ангел, не думай о том, что происходит между мною и матерью, тут ничего такого нет, что могло бы тревожить меня. Я люблю тебя! Я весь твой. Удовольствуйся этим. Забудь случившееся. Ты больше не увидишь моей матери. Мы завтра же уедем отсюда. Не все ли равно, где мы будем жить, лишь бы жили друг для друга! Прости и забудь! О, Валерия, Валерия, прости и забудь!

Страшное страдание выражалось на его лице, слышалось в голосе. Помните это и помните, что я его любила.

— Нелегко забыть, — сказала я грустно. — Но ради тебя, Юстас, я постараюсь забыть.

Я ласково подняла его, произнося эти слова. Он целовал мои руки с видом человека, который не смеет позволить более фамильярной ласки для выражения своей благодарности. Чувство неловкости, испытываемое нами, когда мы продолжали нашу дорогу к дому, было так невыносимо, что я ломала себе голову, придумывая какой-нибудь предмет для разговора, точно я шла в обществе постороннего человека. Наконец из сострадания к нему я спросила его, как он нашел яхту.

Он ухватился за этот предмет, как утопающий хватается за протянутую ему руку.

По поводу этой несчастной яхты он говорил, говорил, точно жизнь его зависела от того, чтобы ни на минуту не замолчать до самого дома. Мне страшно было его слушать. Я могла судить, как он страдал, по дикой, неестественной говорливости, совершенно противоречившей натуре, взглядам и привычкам этого обыкновенно молчаливого и серьезного человека. С трудом сохраняла я самообладание, но, как только дошла до дверей нашей квартиры, сейчас же заявила, что очень устала и хочу на некоторое время остаться одна в своей комнате.

— Отправимся мы завтра в море? — вдруг спросил он, когда я поднималась по лестнице.

Ехать с ним завтра в Средиземное море. Остаться с ним наедине в продолжение нескольких недель в тесной каюте со страшной тайной, которая с каждым днем более и более будет отдалять нас друг от друга. Я содрогнулась при этой мысли.

— Завтра слишком скоро, — сказала я. — Дай мне немного времени подготовиться к путешествию.

— Сколько тебе угодно, — отвечал он с видимой неохотой. (По крайней мере, мне так показалось). — Пока ты отдыхаешь, я опять вернусь на яхту, там нужно кое-что устроить. Не надо ли тебе чего, Валерия?

— Ничего; благодарю, Юстас.

Он поспешно направился к пристани. Боялся ли он своих мыслей, оставаясь один дома? Общество капитана и матросов не казалось ли ему лучше одиночества?

Бесполезно было задавать себе эти вопросы. Что знала я о нем или о его мыслях? Я заперлась в своей комнате.

Глава V. ОТКРЫТИЕ ХОЗЯЙКИ ДОМА

Я села и старалась собраться с мыслями. Теперь или никогда надо было решить, к чему обязывает меня долг мой в отношении мужа и самой себя.

Но это усилие оказалось свыше моих сил. Измученная душой и телом, я была совершенно не способна к правильному размышлению. Я смутно сознавала, что если я не выясню истинного положения дел, то мне никогда впоследствии не разогнать мрака, покрывавшего мою так счастливо начатую семейную жизнь. Мы могли жить вместе для сохранения приличий, но забыть случившееся или удовлетвориться моим положением было для меня невозможно. Мое спокойствие как женщины и, может быть, самые дорогие интересы как жены вполне зависели от объяснения таинственного поведения моей свекрови и открытия подлинного смысла, скрывавшегося в диких словах раскаяния и самобичевания, сказанных мужем по дороге.

Мои мысли остановились на осознании настоящего моего положения и не шли далее. Когда я спрашивала себя, что должна я делать, безнадежное смущение и безумное сомнение овладевали моей душой, и я становилась самой жалкой, самой беспомощной женщиной на свете. Я отказалась от борьбы. В тупом, бессмысленном отчаянии бросилась я на постель и от изнеможения скоро впала в тяжелый сон. Меня пробудил стук в дверь.

Неужели это мой муж! При этой мысли я быстро вскочила. Не предстоит ли моему терпению и мужеству подвергнуться новому испытанию? Нервно, с досадой я спросила, кто там.

Голос хозяйки отвечал мне:

— Я хотела бы поговорить с вами.

Я отворила дверь. Не могу не признаться, что, хотя я нежно любила своего мужа, хотя покинула для него родных и друзей, для меня в эту минуту было большим облегчением узнать, что он еще не вернулся.

Хозяйка, войдя в комнату, взяла стул и, не ожидая приглашения, села подле меня. Она не довольствовалась более равенством со мной, но, поднявшись на высшую ступень общественной лестницы, приняла со мною покровительственный тон и смотрела на меня с жалостью, как на предмет, достойный сожаления.

— Я только что пришла из Бродстера, — начала она. — Надеюсь, вы отдадите мне справедливость и поверите, что я искренне сожалею о случившемся.

Я кивнула головой и не сказала ни слова.

— Я сама женщина благородная, — продолжала хозяйка. — Несчастные обстоятельства заставили меня сделаться квартирной хозяйкой, но я тем не менее осталась той же благородной женщиной и чувствую к вам большую симпатию. Я даже пойду далее: скажу вам, что я вас не осуждаю. Нет, нет! Я заметила, что вы были удивлены и поражены поведением вашей свекрови, а это значит много, очень много. Но я должна исполнить свою обязанность. Это неприятно, но это мой долг. Я женщина одинокая не потому, что я не имела случая изменить свое положение, прошу это заметить, а по собственному моему желанию. В моем положении я могу принимать в свой дом только почтенных жильцов. У моих жильцов не должно быть тайн. Тайна — как бы это сказать, чтобы не оскорбить вас, — налагает на человека пятно. Прекрасно! Теперь я обращаюсь к вашему здравому смыслу и спрашиваю

вас, может ли женщина в моем положении подвергнуть себя такому риску? Я говорю это в братском и христианском духе. Вы сами как леди (и позволю себе сказать, как леди жестоко обиженная) легко поймете...

Я не могла больше выносить и прервала ее:

— Я понимаю, вам угодно, чтобы мы оставили вашу квартиру. Когда желаете вы, чтобы мы съехали?

Хозяйка подняла свою длинную, красную, грубую руку, как бы выражая тем грустный, родственный протест.

— Нет, — сказала она, — не принимайте со мной этого тона, не смотрите на меня так! Совершенно естественно, что вы встревожены, рассержены. Но все же вы должны себя сдерживать. Я обращалась к вашему здравому смыслу, не лучше ли вам отнестись ко мне как к другу. Вы не знаете, какую жертву, какую тяжелую жертву принесла я ради вас.

— Вы! — воскликнула я. — Какую жертву?

— Какую жертву! — повторила она. — Я унизила свое достоинство. Я лишилась своего собственного уважения.

Она на минуту замолчала и потом, вдруг схватив меня за руку, с неистовым порывом воскликнула:

— О, моя бедняжка! Я узнала кое-что. Негодяй обманул вас. Вы столько же замужем, сколько я.

Я вырвала у нее свою руку и с гневом вскочила со стула.

— Вы с ума сошли? — спросила я.

Она подняла глаза к потолку с видом мученицы.

— Да, — сказала она. — Полагаю, что я сошла с ума, потому что хотела оказать услугу неблагодарной, не умеющей оценить христианского самопожертвования. Хорошо! Впредь я ничего подобного не сделаю, клянусь небом!

— Что же вы сделали? — поинтересовалась я.

— Последовала за вашей свекровью, — закричала хозяйка, вдруг из мученицы превращаясь в ведьму. — Мне стыдно вспомнить об этом. Я проследила до самых дверей ее дома.

До сих пор меня поддерживала гордость, но тут она мне изменила. Я снова опустилась в кресло, ожидая с ужасом продолжения ее речи.

— Я с особенным выражением взглянула на вас, оставив вас на берегу, — продолжала хозяйка, горячася все более и более. — Благодарная женщина поняла бы этот взгляд. Но это ничего, я никогда больше этого не сделаю. Я догнала вашу свекровь в расщелине между скалами. Я последовала за нею — теперь я вполне сознаю, как я унизила себя, — до самой станции Бродстерса. Она отправилась с поездом в Рамсгит, я также. Она направилась к своей квартире, я — за нею. О, какой стыд! К счастью, хозяин дома, которого я считала своим приятелем, а теперь же не знаю, что и думать о нем, оказался дома. У нас нет друг от друга секретов, когда дело идет о наших жилищах. Теперь я могу сообщить вам, сударыня, настоящую фамилию вашей свекрови. Она ничего не знает о мистрис Вудвиль по очень простой причине: ее зовут не Вудвиль, а Маколан. Следовательно, и фамилия вашего мужа — Маколан. Она вдова генерала Маколана, а ваш муж вам не муж. Вы не девушка, не жена и не вдова. Вы хуже, чем ничего, сударыня, а потому должны оставить мой дом.

Я остановила ее, когда она отворяла дверь. Она нарушила мое хладнокровие. Сомневаться в законности моего брака? Это уж слишком, этого я не могла вынести.

— Дайте мне адрес миссис Маколан, — сказала я.

Гнев хозяйки вдруг сменился изумлением.

— Не хотите ли этим сказать, что вы отправитесь к старой леди? — спросила она.

— Никто не может мне сказать того, что я желаю знать, — отвечала я. — Ваше открытие, как вы это называете, может удовлетворять только вас; для меня этого недостаточно. Откуда вы знаете, что мистрис Маколан не была два раза замужем и что ее первый муж не назывался Вудвилем?

Теперь удивление на лице хозяйки уступило место любопытству. В сущности, как я уже и говорила, она была женщина добрая. Она была вспыльчива, как обыкновенно добрые натуры, и ее нетрудно было как рассердить, так и успокоить.

— Подождите минутку, — сказала она. — Если я вам дам адрес, обещаете ли вы мне рассказать все, что скажет вам свекровь.

Я дала слово и получила адрес.

— Вы, однако, не сердитесь, — продолжала она, возвращаясь вдруг к своему прежнему фамильярному тону.

— Я не сержусь, — ответила я как можно любезнее.

Десять минут спустя я была у дверей дома, в котором жила моя свекровь.

Глава VI. МОЕ ОТКРЫТИЕ

К моему счастью, дверь отворила мне не сама хозяйка, когда я позвонила. Впустила меня глупая служанка, которой и в голову не пришло спросить мою фамилию. Мистрис Маколан была дома, гостей у нее не было. Сообщив мне это, девушка повела меня наверх и без доклада ввела в гостиную.

Свекровь моя сидела одна у рабочего столика и вязала. Когда я появилась на пороге, она отложила свою работу; приподнявшись с места, она повелительным жестом дала мне понять, что желает говорить первая.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказала она. — Вы пришли расспросить меня. Пощадите себя и меня. Я предупреждаю вас, что не буду отвечать на вопросы касательно моего сына.

Слова эти были сказаны твердо, но не резко. Я, в свою очередь, твердо сказала ей:

— Я пришла сюда, сударыня, не для того, чтобы расспрашивать вас о вашем сыне. Я желаю, если позволите, задать вопрос, относящийся только к вам.

Она пристальным, пронизывающим взглядом посмотрела на меня через очки. Я, очевидно, удивила ее.

— Что это за вопрос? — спросила она.

— Только что я узнала, что вы носите фамилию Маколан, — проговорила я. — Ваш сын женился на мне под именем Вудвиля. Объяснить это, насколько мне известно, можно только тем, что муж мой — ваш сын от первого брака. Счастье всей моей жизни зависит от этого обстоятельства. Войдите в мое положение и позвольте мне задать вам следующий вопрос: были ли вы два раза замужем и была ли фамилия вашего первого мужа — Вудвиль.

Она задумалась, прежде чем ответить.

— Вопрос совершенно естественный в вашем положении, — согласилась она. — Но мне кажется, лучше не отвечать на него.

— Могу я узнать, почему?

— Конечно. Если я сейчас отвечу вам, это вызовет ряд других вопросов, на которые я не могу ответить. Мне очень грустно огорчать вас. Я повторю, что говорила на берегу моря: я не питаю к вам никакого неприязненного чувства, напротив, я жалею вас. Если бы вы до свадьбы обратились ко мне, я с полной откровенностью сообщила бы вам все. Теперь уже поздно. Вы замужем. Остается смириться с вашим положением и довольствоваться тем, что есть.

— Извините, сударыня, — возразила я, — я не могу довольствоваться тем, что есть, я даже не знаю, замужем ли я. Все, что я знаю, это то, что ваш сын венчался со мною под чужим именем. Могу ли я быть уверена, что я законная его жена?

— Полагаю, что не может быть никакого сомнения в том, что вы законная жена моего сына, — отвечала мистрис Маколан. — Во всяком случае, об этом можно справиться. Если б

оказалось, что вы повенчаны не вполне законно, мой сын, несмотря на свои недостатки и заблуждения, настоящий джентльмен. Он не способен сознательно обмануть женщину, которая любит и доверяет ему; он будет к вам справедлив. Я со своей стороны поступлю так же. Если мнение юристов будет не в вашу пользу, я обещаю ответить вам на некоторые из ваших вопросов. Но я полагаю, что вы вполне законная жена моего сына, и я еще раз повторяю вам, постарайтесь смириться со своим положением. Довольствуйтесь преданной любовью вашего мужа. Если вы дорожите своим душевным спокойствием и своим счастьем, то не старайтесь узнать больше того, что вам уже известно.

Она опустила в кресло с видом человека, сказавшего свое последнее слово.

Дальнейшие увещания были бы безуспешны, это видно было по ее лицу и слышалось в ее голосе. Я направилась к дверям.

— Вы жестоки ко мне, сударыня, — сказала я уходя, — но я в вашей власти и должна покориться.

Она быстро взглянула на меня; ее доброе красивое старое лицо покрылось румянцем, и она отвечала мне:

— Бог мне свидетель, дитя мое, что я от души жалею вас!

После такого необычайного порыва чувствительности она одной рукой взяла работу, а другой сделала мне знак оставить ее одну.

Я, не произнеся ни слова, поклонилась ей и вышла.

Входя в дом я решительно не знала, что из этого выйдет; оставляла же я его с твердым намерением раскрыть тайну матери и сына. Что касается имени, то я в настоящую минуту смотрела на этот вопрос с другой точки зрения. Если б мистрис Маколан была два раза замужем (как я было предполагала сначала), то на нее произвело бы какое-нибудь впечатление, когда она услышала, что меня называют именем ее первого мужа. Тут все было таинственно, но одно ясно. Каковы бы ни были причины, побудившие Юстаса к такому поступку, но очевидно, он обвенчался со мною под чужим именем.

Подходя к дому, я увидела своего мужа, прогуливающегося взад и вперед, очевидно, ожидающего моего возвращения. Если он меня спросит, откуда я, я решила откровенно рассказать ему, где была и что произошло между его матерью и мной.

Он поспешно подошел ко мне; вид его выражал сильнейшее волнение.

— Я к тебе с просьбой, Валерия, — сказал он. — Не согласишься ли ты вернуться со мною в Лондон первым поездом?

Я взглянула на него, не веря своим ушам.

— Этого требует важное дело, — продолжал он, — не денежное, а лично меня касающееся. Необходимо мое присутствие в Лондоне. Ты, кажется, сама не желала так скоро отправиться в море? Я не могу оставить тебя здесь одну. Имеешь ты что-нибудь против поездки в Лондон на день или на два?

Я не возражала, потому что сама горячо желала вернуться назад.

В Лондоне я могла навести справки и узнать наверное, законная ли я жена Юстаса или нет. Там я могла найти помощь и совет у верного, старого приказчика моего отца. Я могла довериться Бенджамину, как никому другому. Как нежно ни любила я дядю своего Старкуатера, я не могла обратиться к нему в настоящий момент. Его жена указала мне как на плохую примету, когда я по ошибке подписалась не той фамилией в церковной книге. Как же могла я сообщить ей о случившемся? Гордость не позволяла мне признаться, что ее предсказания оправдались прежде, чем окончился наш медовый месяц.

Два часа спустя мы уже ехали по железной дороге. Ах, какую поразительную разницу представляла эта поездка в отличие от первой! Когда мы ехали в Рамсгит, всякий с первого взгляда сказал бы, что мы счастливые новобрачные. На пути в Лондон нас никто не замечал, мы точно многие годы были уже мужем и женой.

Мы остановились в отеле поблизости от Портленд-плейс.

На следующий день после завтрака Юстас объявил мне, что он должен меня оставить и отправиться по своему делу. Я еще прежде сообщила ему, что мне нужно будет в Лондоне

сделать некоторые покупки. Он охотно согласился отпустить меня одну, но с условием, чтобы я взяла принадлежащую отелю карету.

Тяжело было у меня на душе в это утро. Я чувствовала, что между мною и мужем образовалась точно какая-то пропасть. Муж мой уже отворил было дверь, чтобы уйти, но вернулся и крепко поцеловал меня. Этот порыв нежности тронул меня. Под впечатлением минуты я обвила его шею руками и ласково притянула его к себе.

— Дорогой мой, будь со мною вполне откровенен, — сказала я. — Я знаю, что ты меня любишь. Поверь, ты можешь мне довериться.

Он тяжело вздохнул и отошел от меня прочь, не с досадой, а с огорчением.

— Я полагал, Валерия, что мы уже решили не возвращаться больше к этому вопросу, — сказал он. — Ты этим только расстраиваешь и себя, и меня.

Он быстро вышел из комнаты, точно боялся оставаться больше со мной наедине. Лучше не останавливаться на чувствах, которые овладели мной, когда он ушел. Я тотчас же спросила карету, желая движением и переменой места заглушить собственные мысли.

Во-первых, я отправилась в магазин и сделала покупки, о которых говорила Юстасу, чтобы оправдать свое отсутствие. Только потом я занялась интересовавшим меня делом и отправилась в маленький домик по дороге в Сент-Джонс-Вуд.

Когда прошло первое удивление при виде меня в Лондоне, добрый старик тотчас же заметил, что я бледна и озабочена. Я созналась ему в своей тревоге. Мы уселись перед камином в его маленькой библиотеке. Здесь Бенджамин удовлетворял страсть к книгам, насколько позволяли его ограниченные средства. Я откровенно и чистосердечно рассказала своему старому другу все выше описанное.

Он был до того взволнован, что не мог вымолвить ни слова. Он горячо пожимал мою руку и благодарил Бога за то, что отец мой не дожид до того дня, чтобы услышать то, что он слышал. Помолчав с минуту, он повторил фамилию моей свекрови каким-то вопросительным тоном.

— Маколан? — сказал он. — Маколан? Где слышал я это имя? Оно звучит как знакомое мне.

Но, видя, что напрасно напрягает память, он с нежной заботливостью спросил, что может он для меня сделать. Я отвечала, что прежде всего он может разъяснить мое сомнение насчет того, действительно ли я законная жена. При этих моих словах в нем вспыхнула прежняя энергия, которою он отличался в то время, когда заведовал делами моего отца.

— Ваша карета у подъезда, — отвечал он. — Поедьте вместе к моему адвокату, не теряя ни минуты.

Мы отправились в Линкольн-Инн.

По моей просьбе Бенджамин изложил дело адвокату так, будто оно касалось моей приятельницы, в которой я принимаю большое участие. Ответ был дан без малейшего колебания. Я венчалась в полной уверенности, что моему мужу действительно принадлежит та фамилия, которую он носит. Свидетели моего брака — мой дядя, тетка и Бенджамин — действовали, как и я, в той же уверенности. При таких обстоятельствах не могло быть никакого сомнения в законности брака. Я была законная жена. Маколан или Вудвиль — все равно он муж мой.

Этот решительный ответ избавил меня от мучительного беспокойства. Я приняла приглашение моего старого друга и отправилась в Сент-Джонс-Вуд разделить с ним его обед вместо завтрака.

В пути я беспрестанно возвращалась к другому вопросу, от которого никак не могла освободиться. Я окончательно решила узнать, почему Юстас венчался со мной не под настоящим своим именем.

Спутник мой качал головой и советовал мне хорошенько обдумать прежде, чем предпринять что-нибудь. Совет его — странное совпадение! — был повторением слов, сказанных мне свекровью: «Оставьте это дело, как оно есть. Ради своего собственного спокойствия довольствуйтесь любовью вашего мужа. Вы знаете, что вы его жена, что он

любит вас. Неужели этого недостаточно?»

У меня на это был только один ответ. При таких условиях жизнь становилась для меня невыносимой. Ничто не могло изменить моего решения по той простой причине, что я не находила возможным жить с моим мужем в таких отношениях, в каких мы были теперь. Оставалось только узнать: подаст ли Бенджамин руку помощи дочери своего старого хозяина.

Добрый старик отвечал, как и следовало ожидать от него:

— Объясните, что вам от меня нужно, моя дорогая.

В это время мы проезжали по улице, соседней с Портмен-сквер. Я только хотела ответить, но слова замерли у меня на устах. Я увидела моего мужа.

Он выходил из подъезда. Глаза его были опущены в землю, и он не поднял их, когда наша карета проезжала мимо. Когда слуга затворил за ним дверь, я заметила на ней номер 16. На первом углу я прочла название улицы: Вивиен-плейс.

— Не знаете вы, кто живет в доме под номером 16 на Вивиен-плейс? — спросила я своего спутника.

Бенджамин вздрогнул. Вопрос мой был, конечно, странный после того, что было им сказано мне.

— Не знаю, — ответил он. — Почему вы меня спрашиваете об этом?

— Я сейчас видела, как муж мой вышел из этого дома.

— Так что ж из этого, моя дорогая?

— Мысли мои мрачно настроены, Бенджамин. Все, что делает мой муж и чего я не понимаю, возбуждает во мне подозрения.

Старик поднял к небу свои иссохшие руки и снова опустил их на колени с видом скорби и сожаления.

— Еще раз повторяю вам, — сказала я, — что такая жизнь невыносима. Я не могу ручаться за то, что я сделаю, если не прекратится мое недоверие к человеку, которого я люблю больше всего на свете. Вы человек опытный. Предположите, что Юстас отказывает вам в своем доверии, как он это делает со мной, предположите, что вы его так же глубоко любите, как я, и осознаете всю тягость своего положения, как сознаю ее я. Скажите, что бы вы сделали в таком случае?

Вопрос был ясен, и Бенджамин так же ясно ответил на него:

— Думаю, что постарался бы познакомиться с каким-нибудь старым другом моего мужа и как можно осторожнее расспросил бы его.

Какого-нибудь друга моего мужа? Я уже думала об этом. Мне был известен один друг его, которому писал мой дядя, — майор Фиц-Дэвид. У меня сильно забилось сердце, когда я припомнила это имя. Последовать ли мне совету Бенджамина и прибегнуть к помощи майора? Если он откажется отвечать мне, положение мое оттого нисколько не будет хуже, чем теперь. Я решила попытаться. Единственное затруднение заключалось в том, чтобы узнать адрес Фиц-Дэвида. Я возвратила письмо майора дяде Старкуатеру по его просьбе. Я помнила только, что жил он где-то в Лондоне, и более ничего.

— Благодарю вас, старый друг мой. Вы подали мне хороший совет, — сказала я Бенджамину. — Нет ли у вас дома адрес-календаря?

— Нет, моя дорогая, — ответил он в каком-то смущении, — но я могу достать его у кого-нибудь.

Мы вернулись в его загородный дом и тотчас же послали служанку за адрес-календарем в ближайший книжный магазин. Она принесла его в ту минуту, когда мы садились за стол. Отыскивая имя майора на букву Ф, я была поражена новым открытием.

— Бенджамин! — воскликнула я. — Посмотрите, какое странное совпадение.

Он взглянул на строчку, которую я ему указывала.

— Майор Фиц-Дэвид, номер 16, Вивиен-плейс, — прочел он.

Тот самый дом, откуда выходил мой муж, когда мы проехали мимо него!

Глава VII. НА ПУТИ К МАЙОРУ

— Да, — сказал Бенджамин, — странное совпадение! Впрочем...

Он остановился и взглянул на меня. Казалось, он несколько сомневался, способна ли я выслушать то, что он хотел сказать.

— Продолжайте, — попросила я.

— Впрочем, моя дорогая, я не вижу ничего подозрительного в том, что случилось. По моему мнению, это совершенно естественно, что муж ваш, приехав в Лондон, навестил своего друга. И также естественно, что мы, возвращаясь домой, проехали по Вивиен-плейс. Вот единственно разумный взгляд на случившееся. Бы что на это скажете?

— Я уже говорила вам, что мысли мои мрачно настроены и подозрения против Юстаса возникают от всяких пустяков, — отвечала я. — Но убеждена, что он не без причины посетил майора; это не простой визит, в этом я твердо убеждена.

— Не приступить ли нам к обеду? — смиренно заговорил Бенджамин. — Это бараний бок, самый обыкновенный бараний бок, моя дорогая. В нем нет ничего подозрительного, не так ли? Докажите мне свое доверие к баранине, покушайте. Вот и вино, в нем тоже нет ничего таинственного. Готов поклясться, тут только невинный виноградный сок, и более ничего. Если вы не уверены ни в чем другом, то поверьте, по крайней мере, этому виноградному соку. За ваше здоровье, моя дорогая.

Я, насколько могла, поддерживала добродушный юмор своего старого друга. Мы ели, пили и вспоминали былое. На время я была почти счастлива в обществе старика. Почему я не старуха? Почему я не покончила с любовью, с радостями и бедами, с жестоким разочарованием, горькими сомнениями? Последний осенний цветок с наслаждением грелся под осенними лучами солнца; собака Бенджамина разлеглась на земле с полным комфортом, переваривая свой обед. Попугай в соседнем доме весело выкрикивал весь запас своих вокальных дарований. Вполне сознавая преимущество быть человеком, я завидовала счастливой участи животных и растений.

Краткий момент забвения быстро миновал, вернулись все мои тревоги. Прощаясь со стариком, я снова была преисполнена сомнений, недовольства, уныния.

— Обещайте мне, дорогая, не предпринимать ничего опрометчивого, — попросил Бенджамин, отворяя мне дверь.

— Поехать к майору Фиц-Дэвиду не будет опрометчивостью? — спросила я.

— Нет, если вы поедете не одна. Вы не знаете, что это за человек, как он примет вас. Позвольте мне сделать первую попытку и, как говорится, проложить вам дорогу. Положитесь на мою опытность. В таких делах не может быть ничего лучше, как проложить дорогу.

Я на минуту задумалась. Я обязана была ради своего старого друга хорошенько обдумать, прежде чем сказать «нет».

По зрелом размышлении я решила действовать самостоятельно. Добрый или злой, сострадательный или жестокий, все же майор — мужчина. Влияние женщины должно на него подействовать и привести к желаемой мною цели. Не легко было объяснить это Бенджамину, не оскорбив его. Я договорилась со стариком, чтобы он приехал ко мне на следующее утро потолковать об этом деле. К стыду своему, я должна признаться, что мысленно решила (если будет возможно исполнить) повидаться с майором Фиц-Дэвидом прежде, чем успеет приехать Бенджамин.

— Не поступайте опрометчиво, моя дорогая, ради своих собственных интересов будьте осторожны.

Это были последние слова старика, я уехала.

Когда я вернулась в отель, муж был дома и ожидал меня в гостиной. Его расположение духа, казалось, несколько улучшилось по сравнению с его настроением утром. Он весело пошел ко мне навстречу, держа в руках развернутый лист бумаги.

— Я закончил свои дела гораздо быстрее, чем думал, — начал он. — А ты, Валерия, сделала все покупки? Свободна ли ты, моя красавица?

Я уже научилась (прости, Господи!) не доверять его веселости и осторожно спросила:

— Что ты подразумеваешь под словами «свободна ли я сегодня»?

— Свободна ли ты сегодня, завтра, на будущей неделе, в будущем месяце, году для меня, — отвечал он, страстно обнимая меня. — Посмотри сюда!

Он показал мне развернутый лист бумаги, который еще раньше я заметила у него в руках. Он держал его так, чтобы я могла его прочесть. Это была телеграмма к капитану яхты, уведомлявшая его, что мы возвратимся в Рамсгит сегодня вечером и намерены с первым приливом выйти в Средиземное море.

— Я только ожидал твоего возвращения, — прибавил муж, — чтобы отправить телеграмму по назначению.

С этими словами он направился к звонку. Я остановила его.

— Боюсь, что не смогу поехать в Рамсгит сегодня вечером, — сказала я.

— Почему так? — спросил он, резко изменив тон.

Многим, может быть, покажется странным, если я скажу, что мое намерение ехать к майору Фиц-Дэвиду быстро поколебалось, когда он обнял меня. Малейшая ласка с его стороны совершенно увлекала меня и склоняла к уступкам, но перемена его тона сделала из меня другую женщину. Я в ту же минуту осознала, и сильнее прежнего, что в моем критическом положении нельзя останавливаться, а тем более возвращаться назад.

— Мне очень жаль огорчать тебя, — ответила я, — но я положительно не могу, как уже говорила тебе в Рамсгите, отправиться в путешествие теперь же. Мне нужно время.

— На что нужно тебе время?

При этом вопросе не только тон, но и взгляд его перевернул все во мне. Не знаю, как и почему, но во мне вспыхнул гнев за его недостойный поступок по отношению ко мне: женитьбу под вымышленным именем. Боясь ответить слишком поспешно, сказать что-либо, о чем придется потом пожалеть, я молчала. Только женщина может оценить, чего мне стоило это молчание, и только мужчина поймет, как это молчание должно было раздражить моего мужа.

— Тебе нужно время, — повторил он. — Я опять спрашиваю, на что нужно тебе время?

Мое самообладание, доведенное до последней крайности, больше не выдержало. Необдуманные слова слетели с моих уст, как птица из клетки.

— Мне нужно время, — воскликнула я, — чтобы привыкнуть к моему настоящему имени.

Он вдруг приблизился ко мне, устремив на меня мрачный взор.

— Что ты подразумеваешь под своим настоящим именем?

— Тебе это, конечно, известно, — отвечала я. — Раньше я думала, что я мистрис Вудвиль; теперь же я открыла, что я мистрис Маколан.

Он отшатнулся при звуке своего имени, когда я произнесла его, и так побледнел, что я подумала, что он упадет в обморок прямо у моих ног. О, язык мой! Почему не сумела я удержать вовремя злой, вредный женский язык!

— Я вовсе не думала встревожить тебя, Юстас, — сказала я. — Я так сболтнула. Извини меня, пожалуйста.

Он нетерпеливо замахал рукой, точно мои извинения надоедали, беспокоили его, как летом мухи, и он старался отогнать их от себя.

— Что еще открыли вы? — спросил он глухим голосом.

— Ничего, Юстас.

— Ничего, — повторил он и замолчал, медленно проводя рукою по лбу. — Разумеется, ничего, — повторил он как бы говоря про себя, — иначе ее не было бы здесь. — И он молча,

пристально стал глядеть на меня. — Не говори мне никогда то, что сейчас сказала, — вымолвил он, — не делай этого как для себя самой, так и для меня, Валерия.

Он опустил в ближайшее кресло и снова замолчал.

Я, без сомнения, слышала, почувствовала предостережение, но слова, произнесенные им перед этим, как бы про себя, произвели на меня более сильное впечатление. Он сказал: «Разумеется, ничего, иначе ее не было бы здесь». Значит, если бы мне удалось открыть еще что-нибудь, кроме вымышленного имени, то я не захотела бы вернуться к мужу. Неужели именно это хотел он сказать? Неужели открытие, которое он подразумевал, было так ужасно, что навсегда разлучило бы нас? Я всматривалась в его лицо, стараясь найти разрешение всех своих страшных вопросов. Это лицо, бывало так красноречиво говорившее мне о его любви, теперь ничего не выражало.

Он недолго посидел, погруженный в свои мысли, ни разу не взглянув на меня. Потом вдруг поднялся и взялся за шляпу.

— Приятель, который одолжил мне яхту, находится в настоящее время в городе. Думаю, мне лучше повидаться с ним и сообщить, что наши планы изменились. — При этих словах он с угрюмым видом разорвал телеграмму. — Ты, очевидно, не отправишься со мной в морское путешествие, — прибавил он. — Лучше совсем отказаться от него. Кажется, больше ничего не остается делать. Ты как думаешь?

В его голосе звучало почти презрение, но я была слишком встревожена за себя, слишком огорчена за него, чтобы этим оскорбиться.

— Решай, как ты находишь лучше, Юстас, — сказала я. — Мне кажется, это путешествие не обещает нам ничего утешительного. Пока ты не удостоишь меня своим доверием, мы не можем быть счастливы ни на суше, ни на море.

— Если бы ты могла сдержать свое любопытство, — ответил он мрачно, — мы могли бы жить довольно счастливо. Я воображал, что женился на женщине, которая стоит выше пошлых слабостей ее пола. Хорошая жена не вмешивается в дела своего мужа, которые нисколько ее не касаются.

Трудно было стерпеть это, но я стерпела.

— Разве меня не касается, что муж мой женился на мне под вымышленным именем? — тихо спросила я. — Разве также не касается и то, что твоя мать говорит, что она жалеет твою жену? Жестоко с твоей стороны, Юстас, обвинять меня в любопытстве за то, что я нахожу невыносимым положение, в которое ты меня поставил. Твое ужасное молчание омрачает мое счастье в настоящем и грозит в будущем. Оно отталкивает нас друг от друга в самом начале нашей супружеской жизни. А ты винишь меня за эти чувства. Ты говоришь, что я вмешиваюсь в дела, касающиеся тебя одного. Эти дела не только твои, они также и мои. Дорогой мой, зачем так играть нашей любовью и доверием друг к другу? Зачем оставляешь ты меня в неизвестности? К чему тайны?

Он сурово и безжалостно ответил:

— Для твоей же собственной пользы.

Я молча отошла от него. Он обращался со мною, как с ребенком. Муж мой последовал за мною. Тяжело опустив руку на мое плечо, он заставил меня повернуться к нему лицом.

— Выслушай меня, — сказал он. — То, что я хочу сказать тебе, скажу в первый и в последний раз. Валерия, если ты откроешь то, что я от тебя скрываю, жизнь твоя обратится в пытку, спокойствие твое будет потеряно. Дни твои будут днями ужаса, ночи полны страшных сновидений; и все это будет не по моей вине, понимаешь, вовсе не по моей вине! Каждый день в твоей душе будут возникать новые подозрения относительно меня, ты будешь бояться меня и всем этим наносить мне незаслуженные оскорбления. Как истинный христианин, как честный человек, говорю тебе, не ищи разгадки тайны, или ты загубишь счастье всей нашей жизни. Подумай серьезно о том, что я тебе сказал; я тебе дам время на размышление. Я пойду к своему приятелю, сообщу ему, что наши планы относительно путешествия по Средиземному морю изменились. Я вернусь не раньше вечера. — Он вздрогнул и взглянул на меня с глубокой грустью. — Я люблю тебя, Валерия, — прибавил

он. — Несмотря на все, что случилось. Бог мне свидетель, я люблю тебя еще больше, чем прежде.

Сказав это, он ушел.

Я должна сказать о себе правду, какой странной ни покажется она. Я не имею обыкновения анализировать свои чувства или рассуждать, как поступила бы на моем месте другая женщина. Верно то, что на меня ужасное предостережение моего мужа — еще более ужасное по своей таинственности и неопределенности — произвело действие совершенно противоположное тому, чего следовало ожидать: оно еще более подтолкнуло меня в моем намерении открыть то, что от меня так тщательно скрывали. Не прошло и двух минут после его ухода, как я позвонила и приказала подать карету, чтобы ехать к майору Фиц-Дэвиду.

В ожидании кареты, прохаживаясь взад и вперед по комнате — я была в таком лихорадочном состоянии, что не могла оставаться на месте, — я нечаянно увидела себя в зеркале.

Я была поражена своей наружностью, такой дикий и растрепанный вид был у меня. Могла ли я явиться в таком виде к постороннему человеку и надеяться произвести на него приятное впечатление? А между тем я сознавала, что, вполне вероятно, мое будущее зависит от того, сумею ли я расположить к себе майора Фиц-Дэвида. Я снова позвонила и послала за одной из горничных отеля. Со мной не было горничной, так как на яхте мне должна была прислуживать жена буфетчика. В большем я не нуждалась.

Вскоре явилась горничная. Лучшим доказательством беспорядочного, расстроенного состояния моих мыслей может служить то, что я обратилась к совершенно неизвестной мне женщине с вопросом о том, как я выгляжу. Горничная была средних лет, с большим опытом в разных делах, и развращенность ее ясно выражалась и на ее лице, и во всех ее манерах. Я сунула ей в руку столько денег, что она была удивлена. Она поблагодарила меня с циничной улыбкой, очевидно, объясняя мою щедрость дурными побуждениями.

— Чем могу быть полезна, сударыня? — спросила она конфиденциальным шепотом. — Только не говорите громко, в соседней комнате кто-то есть.

— Я хотела бы принарядиться, — сказала я, — и послала за вами, чтобы вы помогли мне.

— Понимаю, сударыня.

— Что понимаете вы?

Она многозначительно кивнула головой и снова заговорила шепотом.

— Слава Богу, не впервой! Я к этим делам привыкла, — отвечала она. — Вероятно, тут замешан какой-нибудь молодой человек. Не волнуйтесь, сударыня. Просто у меня такая манера вести себя. Я не вижу ничего дурного в вашем поведении. — Она замолчала и окинула меня внимательным взглядом. — На вашем месте я не стала бы менять платье, — продолжала она, — оно вам очень к лицу.

Уже не время было останавливать дерзость этой женщины, оставалось только воспользоваться ее услугами. К тому же она была права относительно платья. Оно было нежно-маисового цвета, премило отделано кружевами и очень шло мне. Но мои волосы требовали особенного внимания. Горничная с большой ловкостью и умением убрала их, было видно, что она опытна в этом деле. Положив щетку и гребень на стол, она взглянула на меня, потом на туалетный столик, отыскивая, очевидно, вещь, которой ей не доставало.

— Куда вы их прячете? — спросила она.

— О чем вы говорите?

— Посмотрите на свое лицо, сударыня. Он испугается, увидев вас в таком виде. Вам нужно немножко подрумяниться. Куда же вы их прячете? Как! У вас их вовсе нет? Вы их не употребляете? Вот чудеса-то!

Она с минуту от удивления не могла прийти в себя, наконец, оправившись, попросила позволения удалиться на минуту. Я отпустила ее, зная, зачем она пошла. Она вернулась с коробочкой румян и белил, я ей не мешала; в зеркало я наблюдала, как кожа моя приняла неестественную белизну, щеки покрылись румянцем, глаза получили странный блеск, и я ее

не остановила. Я даже залюбовалась необыкновенным искусством и ловкостью горничной, с помощью которых происходило это перевоплощение. Это поможет мне, думала я про себя (такое безумие овладело мною в те минуты), произвести выгодное впечатление на майора; только бы мне добиться разрешения загадочных слов моего мужа.

Превращение мое было окончено. Горничная пальцем указала мне на зеркало.

— Вспомните, сударыня, как выглядели вы, когда я пришла к вам, — сказала она, — и посмотрите, какой вы стали теперь. Вы прелестнейшая женщина в Лондоне. Вот что значит жемчужный порошок, когда с ним умеют обращаться.

Глава VIII. ДРУГ ЖЕНЩИН

Невозможно описать ощущения, охватившие меня по пути к майору Фиц-Дэвиду. Я сомневаюсь даже в том, чувствовала ли и думала ли я что-нибудь.

С той минуты, как я обратилась за помощью к горничной, я словно отрешилась от себя, и характер мой совершенно изменился. В прежнее время мой нервный темперамент заставлял меня преувеличивать все затруднения, встречавшиеся на пути. В прежнее время, если бы я отправлялась на подобное щекотливое свидание с незнакомым мне человеком, я бы разумно все взвесила, что именно должна сказать ему. Теперь же я вовсе не обдумывала предстоящего мне свидания, я чувствовала лишь безотчетную уверенность в себе и слепую веру в него. Теперь не тревожило меня ни прошлое, ни будущее; я, не рассуждая, жила настоящим. Я смотрела на магазины, мимо которых проезжала, на экипажи, сновавшие взад и вперед. Я замечала — да! — с радостью замечала, что пешеходы любовались мной, и мысленно говорила себе: «Это подает мне надежду приобрести благосклонность майора». Когда мы остановились у подъезда на Вивиен-плейс, я могу без преувеличения сказать, что во мне жило только одно опасение: не застать майора дома.

Дверь открыл мне слуга без ливреи, старик, в молодости своей, очевидно, бывший на военной службе. Он очень внимательно оглядел меня с головы до ног, и лицо его выразило одобрение. Я спросила майора Фиц-Дэвида, последовал не очень утешительный ответ: слуга не был уверен, дома ли его хозяин.

Я протянула ему свою визитную карточку: «Мистрис Юстас Вудвиль». Визитные карточки были отпечатаны ко дню нашей свадьбы, поэтому на них указано было еще вымышленное имя. Слуга провел меня в комнату нижнего этажа и исчез с карточкой.

Осмотревшись вокруг, я заметила дверь в стене напротив окна. Дверь эта была не обыкновенная, она не отворялась, а выдвигалась и задвигалась. Приглядевшись к ней, я заметила, что она не плотно задвинута. Оставлена была небольшая щель, через которую можно было услышать все, что происходит в соседней комнате.

— Оливер, что вы ей сказали, когда она спросила обо мне? — проговорил тихо мужской голос.

— Я сказал, что не знаю, дома вы или нет, — отвечал голос впусившего меня слуги.

— Думаю, мне лучше не принимать ее, — сказал майор.

— Очень хорошо, сударь.

— Скажите, что я вышел и вы не знаете, когда я возвращусь. Попросите ее написать, если у нее есть дело до меня.

— Слушаюсь.

— Постойте, Оливер.

Тот остановился. Здесь произошла маленькая пауза, потом майор начал расспрашивать его.

— Молода она, Оливер?

— Да, сударь.

- И хороша?
- По моему мнению, более чем хороша.
- Эге! Значит, она красавица?
- Да, сударь.
- Высокого роста?
- Почти с меня, майор.
- Ого! И стройная?
- Тонка, как молодая пальма, и пряма, как стрела.
- В таком случае я дома. Введите ее сюда, Оливер.

Оказывалось, что я правильно поступила, прибегнув к помощи горничной. Что доложил бы обо мне Оливер, если бы я явилась сюда бледная и с неуложенными волосами?

Слуга возвратился и повел меня через прихожую во внутреннюю комнату. Майор поспешил мне навстречу. Что это за человек?

Майор был пожилой, но хорошо сохранившийся мужчина лет шестидесяти, небольшого роста, худощавый, с непомерно длинным носом, прямо бросавшимся в глаза. Потом я обратила внимание на прекрасный каштанового цвета парик, на блестящие серые глаза, розовый цвет лица, небольшие усы, подстриженные по-военному и подкрашенные под цвет парика, белые зубы и привлекательную улыбку и, наконец, синий фрак с камелией в петличке и великолепное кольцо с рубином, замеченное мною в ту минуту, когда майор любезно указал мне рукою на кресло.

— Дорогая мистрис Вудвиль, как это любезно с вашей стороны. Я с таким нетерпением ожидал счастья познакомиться с вами. Юстас — мой старый приятель. Я поздравлял его, услышав о его женитьбе. Но теперь, позвольте покаяться, увидев его супругу, я завидую ему.

Может быть, будущее мое находилось в руках этого человека, поэтому я тщательно изучала его, стараясь по лицу угадать его характер.

Серые блестящие глазки майора смягчались, глядя на меня, а суровый и грубый голос принимал самые нежные оттенки, когда он говорил со мной. Вся фигура майора выражала полнейшее восхищение и почтение. Он придвинул свой стул как можно ближе ко мне, как бы считая особенным преимуществом быть подле меня. Взяв мою руку, он приложился к моей перчатке, как к чему-то в высшей степени приятному.

— Дорогая мистрис Вудвиль, — сказал он, нежно опуская мою руку обратно на колени, — простите старика за его поклонение прелестному полу. Вы своим присутствием озарили этот мрачный дом. Какое блаженство видеть вас здесь!

Старому джентльмену не было никакой надобности выражать свои чувства. Недаром вошло в поговорку, что женщины, дети и собаки инстинктивно чувствуют, кто их действительно любит. В майоре Фиц-Дэвиде женщины всегда находили истинного друга, может быть, в иное время опасного, слишком горячего друга. Я это поняла прежде, чем успела сесть в кресло и заговорить.

— Благодарю вас, майор, за ваш любезный прием и комплименты, — отвечала я, впадая в его легкий тон, насколько это было возможно с моей стороны. — Вы только что сделали мне признание, а можно мне сделать свое?

Майор Фиц-Дэвид снова взял мою руку и еще ближе придвинул свой стул. Я чрезвычайно серьезно и с достоинством посмотрела на него и постаралась высвободить свою руку. Майор отказывался выпустить ее, объясняя это следующим образом:

— Я нахожусь под впечатлением вашего чудного голоса, который слышу в первый раз. Дорогая миссис Вудвиль, не сердитесь на старика, но я совершенно вами очарован. Не лишайте меня невинного удовольствия. Оставьте, я желал бы сказать, отдайте мне вашу прекрасную ручку. Я чрезвычайно люблю хорошенькие ручки и гораздо лучше слушаю, когда держу такую ручку в своей. Все дамы снисходят к моей слабости, будьте и вы снисходительны ко мне. Кстати, что вы хотели мне сказать?

— Я хотела сказать, что чрезвычайно вам благодарна за ваш любезный прием и тем более, что у меня к вам просьба.

Начав говорить, я сознавала, что несколько поспешно приступаю к цели моего посещения. Но восхищение майора так быстро возрастало, что я находила нужным несколько ослабить его. Я не напрасно понадеялась на эти знаменательные слова: «У меня к вам просьба». Мой пожилой обожатель нежно опустил мою руку и самым деликатным образом переменял разговор.

— Просьбу свою можете считать исполненной, — промолвил он. — А теперь скажите мне, что подельывает наш дорогой Юстас?

— Он очень расстроен и в дурном расположении духа, — ответила я.

— Расстроен, в дурном расположении духа! — повторил майор. — Человек, у которого такая жена и которому все должны завидовать, расстроен и в дурном расположении духа! Это чудовищно! Он меня положительно разочаровывает, и я вычеркну его из списка своих друзей.

— В таком случае вам придется вычеркнуть и меня из вашего списка. Я тоже в самом дурном настроении. Вы старый друг моего мужа, а потому я могу вам признаться, что наша супружеская жизнь в настоящее время далеко не счастливая.

Майор приподнял свои брови, подкрашенные под цвет парика, выражая тем самым свое учтивое удивление.

— Уже! — воскликнул он. — Что же стало с Юстасом? Неужели он не умеет ценить красоту и грацию? Неужели он такой бесчувственный человек?

— Он лучший и добрейший из людей, — отвечала я. — Но есть какая-то страшная тайна в его прошлом...

Я не смогла продолжить, так как майор Фиц-Дэвид остановил меня. Он сделал это, по-видимому, с самой изысканной вежливостью, но в его маленьких блестящих глазах я совершенно ясно прочла: «Если вам угодно, сударыня, затрагивать такой щекотливый предмет, то я вам не товарищ».

— Мой прелестный друг! — воскликнул он. — Не правда ли, вы позволите мне называть вас моим прелестным другом? Вы обладаете, как я вижу, среди множества прекрасных качеств очень живым воображением. Не давайте ему воли! Послушайте совета старого друга, не давайте ему воли! Разрешите предложить вам что-нибудь, мистрис Вудвиль? Чашку чаю?

— Называйте меня моим настоящим именем, сударь, — смело заявила я. — Я открыла недавно и теперь так же хорошо знаю, как и вы, что моя фамилия — Маколан.

Майор вздрогнул и очень внимательно посмотрел на меня. Он сделался серьезен, и тон его совершенно изменился, когда он снова заговорил.

— Могу я узнать, сообщили ли вы вашему мужу о своем открытии? — спросил он.

— Конечно, — ответила я. — Я полагала, что мой муж обязан сам объяснить мне тайну, но он отказался сделать это в таких выражениях, что я перепугалась. Я обратилась к его матери, она тоже отказала мне в объяснении, и в таких выражениях, которые оскорбили меня. Добрейший господин Фиц-Дэвид, у меня нет друзей, которые бы поддержали меня. Мне не к кому обратиться, кроме вас. Сделайте величайшее одолжение, скажите, почему Юстас женился на мне под вымышленным именем?

— Окажите мне величайшую милость, не спрашивайте меня об этом, — ответил майор.

Несмотря на такой уклончивый ответ, лицо его выражало сочувствие. Я решила еще раз попытаться счастья.

— Я должна просить вас об этом, — настаивала я. — Войдите в мое положение. Могу ли я жить, зная то, что я знаю, и ничего более? Я готова услышать самые ужасные вещи, только не оставаться, как теперь, в постоянной неизвестности и непрерывном ожидании. Я всей душой люблю своего мужа, но при таких обстоятельствах я не в состоянии жить с ним; я могу сойти с ума. Я женщина, майор, и полагаюсь на вашу дружбу. Умоляю вас, не оставляйте меня бродить во мраке!

В порыве отчаяния я схватила его руку и поднесла к своим губам. Любезный джентльмен вздрогнул, точно от электрического тока.

— Дорогая моя, дорогая моя! — вскричал он. — Не могу передать, как я вам сочувствую! Вы очаровали меня, растрогали до глубины души. Что я могу сказать вам? Что сделать? Следуя вашему примеру, я постараюсь быть с вами вполне откровенным и чистосердечным. Вы мне рассказали, в каком находитесь положении, теперь я в свою очередь сообщу, в каком положении нахожусь я. Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь. У меня здесь есть флакон с нашатырным спиртом для дам, позвольте предложить вам его!

Он принес мне флакон, поставил под ноги маленькую скамеечку и настоятельно просил успокоиться. «Несносный безумец! — пробормотал он про себя, отойдя в сторону. — Если бы я был ее мужем, будь что будет, я рассказал бы ей всю правду».

Неужели майор говорил это об Юстасе? Уж не решился ли он вместо мужа рассказать мне всю правду?

Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как я вздрогнула от сильного звонка. Майор стал внимательно прислушиваться. Через несколько минут дверь в прихожую отворилась, и там зашуршало женское платье. Майор поспешил к двери с живостью молодого человека, но, несмотря на это, опоздал. Дверь быстро распахнулась в ту минуту, когда он подходил к ней, и дама в шуршащем платье не вошла, а вбежала в комнату.

Глава IX. ПОРАЖЕНИЕ МАЙОРА

Посетительница майора оказалась полной молодой девушкой с круглыми глазами, светлыми, как лен, волосами, румяными щеками и одетая чрезвычайно нарядно. С удивлением и внимательно осмотрев меня, она обратилась к майору и умышленно извинилась только перед ним в том, что явилась к нам без позволения. Она, как видно, принимала меня за последний предмет обожания старого джентльмена и не сочла нужным скрывать свою ревность, застав нас наедине. Майор уладил дело со свойственной ему любезностью. Он так же почтительно поцеловал руку молодой девушки, как целовал мою, и рассыпался в похвалах ее красоте. Потом проводил ее до той двери, в которую она вошла (другая вела в прихожую), говоря с восхищением, смешанным с уважением:

— Пожалуйста, без извинений, моя дорогая. Эта дама приехала ко мне по делам. Учитель пения ожидает вас наверху. Начинайте свой урок, я приду к вам через несколько минут. До свидания, моя прелестная воспитанница, до свидания.

Молодая девушка шепотом ответила на эту любезную речь, подозрительно уставив на меня свои круглые глаза. Дверь за нею затворилась, и майор принялся улаживать свое дело со мной.

— Я считаю эту молодую девушку счастливейшей находкой, — добродушно сказал старый джентльмен. — Она обладает самым лучшим сопрано в Европе. И, представьте себе, я в первый раз увидел ее на станции железной дороги. Бедное создание стояло за буфетом и распевало, моя посуда. Боже мой, как пела! Ее высокие ноты наэлектризовали меня. Я сказал себе: «Вот настоящая примадонна, нужно увести ее отсюда». Это будет третья, которую я выведу в люди. Я повезу ее в Италию, когда обучение ее продвинется несколько вперед, и усовершенствую его в Милане. В этой простой девушке вы видите, миледи, будущее театральное светило. Послушайте, она начинает арию. Каков голос! Bravo, bravo, bravissimo!

В эту минуту по всему дому раздались высокие ноты сопрано будущей оперной царицы. Невозможно было сомневаться в силе этого голоса, но нельзя было то же самое сказать о его нежности и чистоте.

Сказав майору несколько вежливых слов, которых требовало приличие, я попыталась вернуть его к нашему прежнему разговору, прерванному появлением посетительницы. Ему, видимо, не хотелось возвращаться к опасному вопросу, который его так было растрогал. Он

выбивал пальцем такт, слушая доносившееся к нам сверху пение; спросил меня, есть ли у меня голос и пою ли я; потом заметил, что жизнь была бы для него невыносима без любви и искусства. Мужчина на моем месте потерял бы всякое терпение и с отвращением отказался бы от борьбы. Но я, как женщина, твердо держалась своего намерения, и решение мое было непоколебимо. Я старалась переломить упорство майора и заставить его сдать. Я должна отдать ему справедливость в том, что когда он заговорил об Юстасе, то говорил откровенно и шел прямо к цели.

— Я знал вашего мужа еще мальчиком, — начал он. — В его прошлой жизни с ним случилось страшное несчастье. Тайна этого несчастья известна его друзьям, и они свято хранят ее. Это та самая тайна, которую он так тщательно скрывает от вас и, пока жив, не откроет ее вам. Я честным словом обязался ему не говорить о ней никому ни слова. Вы желали, дорогая мистрис Вудвиль, желали знать, каковы мои отношения с Юстасом. Теперь знаете.

— Вы упорно продолжаете называть меня мистрис Вудвиль, — заметила я.

— Ваш муж этого желает, — отвечал майор. — Он принял фамилию Вудвиль, боясь явиться в дом вашего дяди под своим собственным именем, и не хочет больше называться иначе, несмотря на все наши увещания. Вы должны, подобно нам, уступить воле безрассудного человека. Отличнейший человек во всех прочих отношениях, в этом деле он упрям и своеволен в высшей степени. Если желаете знать мое мнение, я прямо скажу вам, что он поступил дурно, ухаживая за вами и женившись на вас под вымышленным именем. Женившись на вас, он вверил вам свою честь и свое счастье, почему же не доверил он вам истории своего несчастья? Мать его разделяет мой взгляд на это дело. Вы не должны осуждать ее за то, что она не была с вами откровенна после свадьбы: тогда уже было поздно. До свадьбы она сделала все, что могла, чтобы убедить своего сына поступить с вами по справедливости. Как добрая мать, она не могла выдать его тайну. С моей стороны не будет нескромностью, если я скажу вам, что она отказала Юстасу в своем благословении на брак за то, что он не послушался ее совета и не хотел открыть вам правду; я со своей стороны всеми силами поддерживал миссис Маколан. Когда Юстас сообщил мне, что женится на племяннице моего доброго друга Старкуатера и что он указал на меня как на человека, у которого можно справиться о нем, я тотчас написал ему и предупредил, что не хочу вмешиваться в это дело, если он не откроет всей правды своей невесте. Он не послушался меня, как не послушался своей матери, и в то же время умолял меня не открывать его тайну невесте. Когда Старкуатер написал мне, я должен был выбирать одно из двух: или самому вмешаться в обман, против которого я восставал, или отвечать сухо и кратко, чтобы прервать переписку в самом начале. Я выбрал последнее и боюсь, что оскорбил тем моего дорогого друга. Теперь вы видите, в какое затруднительное положение я поставлен. Прибавьте к этому еще то, что сегодня был у меня Юстас и предупреждал меня, чтобы я был настороже, что вы можете обратиться ко мне с расспросами, что и действительно случилось. Он сообщил мне, что по нелепой случайности вы встретились с его матерью и узнали настоящую его фамилию. Он объявил мне, что нарочно приехал в Лондон, чтобы лично переговорить со мной об этом важном деле. «Я знаю вашу слабость к женскому полу, — сказал он. — Валерии известно, что вы мой старый друг. Она, вероятно, напишет вам, а пожалуй, решится и сама явиться к вам. Обещайте мне, повторите вашу клятву хранить в тайне великое несчастье моей жизни». Это собственные его слова. Я пытался обратить это в шутку, я смеялся над нелепым его желанием «повторить клятву», но все тщетно. Он настаивал на своем, напоминал мне о том, что он уже выстрадал, и наконец залился слезами. Вы его любите, и я также. Можете ли вы удивляться, что я исполнил его желание? В результате вышло то, что я вдвойне связал себя, повторив еще священную клятву не говорить вам ничего. Дорогая леди, я в этом деле на вашей стороне и рад бы был избавить вас от тревоги. Но что же могу я сделать?

Он остановился и с серьезным видом ожидал моего ответа.

Я с начала и до конца выслушала его, ни разу не прервав. Странная перемена в

выражении лица и манерах, происшедшая в нем в то время, как он говорил об Юстасе, чрезвычайно пугала меня. Как ужасна (думала я про себя) должна быть эта злополучная история, если легкомысленный майор Фиц-Дэвид становится серьезным и печальным, говоря о ней, не улыбается, не примешивает к своей речи комплиментов, не упоминает даже о пении, которое все еще слышится наверху. Сердце упало во мне, когда я пришла к этому ужасному заключению. В первый раз по приходе моем сюда я почувствовала себя в безвыходном положении, я не знала, что говорить, что делать.

Несмотря на это, я все еще оставалась на месте. Никогда решимость открыть тайну моего мужа не была во мне так сильна, как в эту минуту. Я не могу объяснить этого странного противоречия в моем характере, я только описываю факты, как они были в то время.

Пение наверху продолжалось. Майор Фиц-Дэвид ожидал, чтобы я сообщила ему, на что я решилась.

Прежде чем я остановилась на чем-либо, новый посетитель постучался у парадной двери. На этот раз не зашуршало дамское платье в прихожей, а в комнату вошел старый слуга, держа в руках великолепный букет.

— Леди Клоринда свидетельствует свое почтение и приказала напомнить майору об обещании.

Опять женщина, и на этот раз титулованная. Важная дама открыто посылает ему цветы. Майор, извинившись передо мною, написал несколько строк и отдал их посыльному. Когда дверь снова затворилась, он заботливо выбрал несколько цветков и сказал, предлагая их мне с прелестной грацией:

— Могу я вас спросить, понимаете ли вы теперь, в каком щекотливом положении я нахожусь между вами и вашим мужем?

Этот эпизод с букетом придал другое направление моим мыслям и помог мне несколько совладать собою. Теперь я была в состоянии доказать майору, что его рассудительное и любезное объяснение не пропало для меня даром.

— От души благодарю вас, майор, — сказала я. — Я убедилась, что не должна просить вас нарушить слово, данное моему мужу. Это обещание священо, и я должна уважать его. Я вполне это понимаю.

Майор вздохнул с облегчением и одобрительно потрепал меня по плечу.

— Отлично сказано! — прибавил он весело, в одну минуту превращаясь в прежнего любезника. — У вас особенный дар сразу понимать положение вещей. Вы мне напоминаете прелестную леди Клоринду. У нее тоже необычайное соображение, и она отлично понимает мое положение. Я бы желал познакомиться с нею, — сказал майор, погружая свой длинный нос в букет леди Клоринды.

Мне нужно было достигнуть цели, и, как женщина настойчивая (о чем вы уже, вероятно, догадались), я не отступилась от своего намерения.

— Мне было бы очень приятно познакомиться с леди Клориндой, но...

— Я устрою маленький обед, втроем, — продолжал майор в порыве энтузиазма. — Вы, я и леди Клоринда. Вечером явится наша примадонна и споет нам. Не составить ли нам меню? Мой милый, дорогой друг, какой суп предпочитаете вы осенью?

— Но, — продолжала я, — чтобы возвратиться к нашему прежнему разговору...

Улыбка мгновенно исчезла с лица майора, и перо, готовое обессмертить мой любимый осенний суп, выпало у него из рук.

— Разве мы должны возвращаться к нему? — жалостно возразил он.

— Только на одну минуту, — попросила я.

— Вы напоминаете мне, — снова заговорил майор, — другую прелестную мою приятельницу, француженку, госпожу Мирлифлор. Вы, как я вижу, чрезвычайно настойчивы, госпожа Мирлифлор тоже. Она в настоящее время в Лондоне, не пригласить ли нам ее на свой обед? — При этой мысли лицо майора просияло, и он снова взялся за перо. — Так скажите же мне, — продолжал он, — какой любите вы суп?

— Извините меня, — начала я, — но мы в то время говорили...

— О, моя дорогая! — вскричал майор. — Как, вы опять о том же?

— Да, о том.

Майор во второй раз опустил перо и с сожалением расстался с госпожой Мирлифлор и осенним супом.

— Итак, — продолжал он терпеливо и с покорной улыбкой, — вы говорили...

— Я говорила, — отвечала я, — что данное слово не позволяет вам открыть мне тайну, которую мой муж скрывает от меня. Но вы не давали ему обещания не отвечать мне, если я обращусь к вам с двумя-тремя вопросами.

Майор Фиц-Дэвид погрозил мне рукой и, устремив на меня пронизательный взор, сказал:

— Остановитесь! Мой дорогой друг, остановитесь! Я знаю, к чему приведут ваши вопросы и какой будет результат, если я начну отвечать вам на них. Когда ваш муж был у меня сегодня, он воспользовался случаем напомнить мне, что красивая женщина может из меня делать все что ей угодно. Он в этом совершенно прав. Я не могу ни в чем отказать хорошенькой женщине, я таю в руках ее, как воск. Дорогая, прелестная леди, не злоупотребляйте своим влиянием! Не заставляйте старого солдата изменить честному слову!

Я старалась сказать что-нибудь в защиту своих побуждений. Он сложил руки с умоляющим видом и смотрел на меня с дивным простодушием.

— Зачем упорствовать? — спросил он. — Я не защищаюсь. Я агнец. Зачем приносить меня в жертву? Я признаю вашу власть, отдаюсь. Всеми несчастьями моей юности и зрелого возраста обязан я женщинам, и теперь, стоя одной ногой в гробу, я остаюсь тем же, чем был прежде, так же люблю женщин и готов быть ими обманут. Не унижительно ли это? А между тем это справедливо. Посмотрите на этот знак. — И, приподняв локон своего прекрасного парика, он показал мне ужасный шрам. — Это рана, считавшаяся в то время смертельной, нанесена мне пулей из пистолета. Не защищая свое отечество, получил я ее, нет, но на дуэли за оскорбленную женщину от руки ее разбойника-мужа. И она стоила того.

Он поцеловал кончики своих пальцев при воспоминании об умершей или отсутствующей женщине и указал на висевший на стене акварельный рисунок, представлявший прелестный сельский дом.

— Это прекрасное поместье некогда принадлежало мне, — продолжал он, — но оно давно уже продано. А куда ушли деньги? На женщин (Господи, помилуй их всех!), но я об этом не сожалею. Если б у меня было еще поместье, оно, без сомнения, пошло бы туда же. Прекрасный пол всегда играл мною, моей жизнью, моим временем, моими деньгами, и Бог с ним! Я сохранил для себя только одно — честь. А теперь и она в опасности. Да! Если вы станете задавать мне вопросы со свойственным вам искусством, мягким, нежным голосом, устремив на меня свои прелестные глазки, я знаю, что случится. Вы отнимете у меня единственное и лучшее мое достояние. Чем заслужил я, чтобы со мной поступали таким образом, мой прелестный друг? И поступали именно вы? Фи, фи!

Он остановился и устремил на меня, как и прежде, простодушный, умоляющий взор, слегка склонив голову на сторону. Я снова пыталась заговорить об интересовавшем меня предмете. Майор еще настоятельнее просил меня пощадить его.

— Спрашивайте меня о чем хотите, — говорил он, — только не принуждайте меня изменять другу. Избавьте меня от этого, и я все готов сделать для вашего удовольствия. Выслушайте, что я вам скажу, — продолжал он, наклоняясь ко мне и принимая серьезный вид. — Я нахожу, что с вами поступили жестоко. Невозможно надеяться, чтобы женщина, поставленная в такое положение, согласилась оставаться на всю жизнь в неведении. Нет, нет! Если бы я в настоящий момент увидел, что вы близки к открытию тайны, которую Юстас так тщательно скрывает от вас, я вспомнил бы, что всякое обещание имеет свои границы. Моя честь не позволила бы мне помогать вам, но я не пошевелил бы пальцем, чтобы помешать вам открыть истину.

Наконец он заговорил чрезвычайно серьезно и сделал особенное ударение на

последних словах. При этом я быстро вскочила с места. Это было невольное, непреодолимое движение. Майор Фиц-Дэвид пробудил во мне новую мысль.

— Теперь мы понимаем друг друга, — сказала я. — Я принимаю ваши условия, майор, и потребую от вас только то, что вы сами предложили мне.

— Что я вам предложил? — спросил он с тревогой.

— Ничего такого, в чем вы могли бы раскаиваться, — ответила я, — или что вам было бы трудно исполнить. Позвольте мне задать вам смелый вопрос? Предположим, этот дом мой, а не ваш.

— Считайте его своим, — вскричал любезный джентльмен, — от чердака до кухни!

— Премного вам благодарна, майор; с этой минуты я буду считать его своим. Вы знаете, — и кому же это не известно? — что главная из женских слабостей — любопытство. Предположим, что любопытство побуждает меня осмотреть все в моем новом доме.

— И что же?

— Предположим, что я пойду из комнаты в комнату и буду рассматривать каждую вещь, заглядывать в каждый угол. Как вы думаете, могла бы я?..

Умный майор уже предвидел, какого рода последует вопрос. Он последовал моему примеру и вскочил с места, когда в голове его промелькнула новая мысль.

— Могла бы я добраться таким образом до тайны моего мужа? Одно слово, майор, отвечайте только: да или нет.

— Успокойтесь, — вскричал майор.

— Да или нет? — повторила я, волнуясь более прежнего.

— Да, — ответил он после минутного размышления.

Я этого ожидала, но это было слишком неопределенно и не могло удовлетворить меня. Нужно было добиться от него (если возможно) еще некоторых подробностей.

— Это «да» означает, что я найду здесь ключ к тайне? — спросила я. — Нечто такое, что можно видеть глазами, осязать руками?

Он снова задумался. Я видела, что я заинтересовала его, и терпеливо ждала его ответа.

— То, что вы называете ключом, — сказал он, — что вы можете видеть и осязать, вы найдете здесь.

— В этом доме?

Майор приблизился ко мне на несколько шагов и сказал:

— В этой самой комнате.

У меня голова пошла кругом, сердце учащенно билось. Я пыталась заговорить, но тщетно; я задыхалась. Пение наверху продолжалось; примадонна выводила свои трели, пробовала голос на отрывках из итальянской оперы. В ту минуту, когда я прислушалась к ее пению, она пела из «Сомнамбулы»: «Come per me sereno». С тех пор я, как только услышу эту дивную мелодию, переносюсь мысленно в роковой кабинет на Вивиен-плейс.

Майор Фиц-Дэвид, также сильно потрясенный, первый прервал молчание.

— Сядьте сначала в это кресло, — сказал он. — Вы слишком взволнованы, вам нужно отдохнуть.

Он был прав. Я едва держалась на ногах и тотчас же опустилась в кресло. Майор позвонил и сказал несколько слов слуге.

— Я здесь уже давно, — произнесла я слабым голосом. — Не мешаю ли вам, скажите откровенно.

— Мешаете? — повторил он с очаровательной улыбкой. — Вы забываете, что вы у себя дома!

Слуга возвратился с бутылкой шампанского и тарелкой воздушного печенья.

— Я держу это вино специально для дам, — объяснил он. — Бисквиты получаю из Парижа. Вы должны мне доставить удовольствие — попробовать их. А тогда, — он остановился, внимательно рассматривая меня, — тогда не нужно ли мне будет пойти наверх к примадонне и оставить вас одну?

Невозможно было деликатнее предупредить желание, с которым я только что

собиралась обратиться к нему. Я взяла его руку и с признательностью крепко пожала ее.

— Спокойствие всей моей жизни зависит от успеха моего предприятия, — проговорила я. — Когда я останусь здесь одна, будьте так великодушны, позвольте мне осмотреть здесь каждую вещь.

Он знаком показал мне на шампанское и бисквиты и сказал:

— Это дело серьезное. Я желаю, чтобы вы вполне владели собою. Подкрепите свои силы, и тогда я вам отвечу.

Я исполнила его пожелание. Через несколько минут после того, как я выпила вина, я почувствовала, что оживаю.

— Вы непременно хотите, чтобы я оставил вас здесь одну и предоставил вам возможность обыскать комнату?

— Это мое неперемное желание, — ответила я.

— Я беру на себя тяжелую ответственность, исполняя ваше желание. Но я исполняю его потому, что полагаю, как и вы, что счастье вашей жизни зависит от открытия истины. — При этих словах он вынул из кармана два ключа. — Вы будете подозрительно относиться, и совершенно естественно, ко всем замкам. Здесь, в комнате, заперты только шкафчики под книжными полками и итальянские шифоньерки, которые стоят по углам. Маленький ключ — от шкафчиков, а большой — от шифоньерок.

После этого он положил ключи передо мною на стол.

— Таким образом, я не нарушаю слова, данного мною вашему мужу, и остаюсь верен своему обещанию, каков бы ни был результат ваших поисков в этой комнате. По чести сказать, я не могу помогать вам ни словом, ни делом. Я даже не имею права сделать вам никакого намека. Понимаете вы это?

— Конечно.

— Очень хорошо. Теперь я должен в последний раз предостеречь вас, а потом я умываю руки. Если вам удастся найти желаемый вами ключ, помните, что открытие будет для вас ужасным ударом. Если вы не уверены в своих силах, не уверены, что выдержите страшный удар, который разразится над вами, то, ради Бога, откажитесь от своего намерения, и откажитесь навсегда.

— Благодарю вас за предостережение, майор, но я должна стать лицом к лицу с истиной, какие бы ни произошли от того последствия.

— Вы твердо решились?

— Да.

— Хорошо. Оставайтесь здесь сколько вам угодно. Дом и все, в нем находящееся, к вашим услугам. Позвоните один раз, если вам понадобится слуга, два раза, если нужна будет служанка. Время от времени я буду заглядывать сюда, чтобы справиться, как идут дела. Я считаю себя ответственным за ваше спокойствие и безопасность, пока вы находитесь под моей кровлей.

Он поднес мою руку к своим губам и еще раз пристально посмотрел на меня.

— Надеюсь, я не слишком рискую, — сказал он как бы про себя. — Женщины, бывало, подстрекали меня на весьма опрометчивые поступки. Но вы, кажется, побудили меня на самый отчаянный из всех поступков!

Сказав эти последние знаменательные слова, он важно поклонился и оставил меня.

Глава X. ПОИСКИ

Погода была холодная, зимняя; огонь в камине горел не очень ярко; в комнате было не очень тепло. Однако мне сделалось жарко и душно, по всей вероятности, от нервного волнения, когда майор Фиц-Дэвид оставил меня одну. Я сняла шляпку, накидку, перчатки и

открыла окно, выходящее на вымощенный плитами двор, в конце которого находились конюшни. Постояв несколько минут у окна, я освежилась, закрыла его и пустилась на поиски, то есть принялась старательно осматривать комнату и все находившиеся в ней предметы.

Я сама удивлялась своему спокойствию. Мое свидание с майором, может быть, лишило меня способности сильно переживать, по крайней мере на некоторое время. Я была очень довольна, что осталась одна и могла начать поиски. Только это чувство испытывала я в настоящую минуту.

Комната была продолговатая, в глубине была дверь, как я уже упоминала, выходящая в прихожую. Противоположная стена была вся занята окном, выходящим во двор.

По обе стороны дверей были поставлены карточные столы, над которыми на золоченых резных подставках красовались великолепные китайские вазы.

Я раскрыла столы, но не обнаружила в них ничего, кроме карт, простых счетов и марок. За исключением одной колоды, все карты были в запечатанных обертках, как будто только что принесенные из лавочки. Я рассмотрела всю распечатанную колоду, карту за картой, но не нашла на них никаких знаков, никакой надписи. С помощью библиотечной лестницы, стоявшей подле книжного шкафа, я заглянула в обе китайские вазы. Они были совершенно пусты. Что оставалось мне еще осмотреть в этой части комнаты? По углам стояли два стула с инкрустацией и шелковыми красными подушками. Я перевернула их и заглянула под подушки, но и здесь не нашла ничего особенного. Когда я поставила стулья на место, все предметы, находившиеся вдоль этой стены, были уже мною обследованы, но я не обнаружила ничего.

Я направилась к противоположной стене, к той, где было окно.

Окно (как я уже говорила, оно занимало почти всю стену в ширину и в высоту) состояло из трех частей, и по обеим сторонам его спускались тяжелыми складками великолепные красные бархатные занавеси. По углам стояли старинные булевские шифоньерки, в которых было по несколько выдвижных ящиков, а наверху бронзовые статуэтки; на одной — Венеры Милосской, на другой — Венеры Медицейской.

Майор Фиц-Дэвид позволил мне распорядиться всем как мне угодно. Я выдвинула все ящики шифоньерок и без малейшей нерешительности рассмотрела все, что в них находилось.

Начав с шифоньерки, стоявшей в правом углу, я довольно скоро окончила свои поиски. Все ящики были наполнены коллекцией ископаемых, которые, судя по странным надписям, были собраны самим майором в тот период его жизни, когда он занимался, не совсем успешно только, минералогией. Убедившись, что в них ничего нет, кроме ископаемых и карточек с надписями, я обратилась к левой шифоньерке.

Здесь предстало моему взору большое разнообразие предметов, и осмотр их занял у меня значительно больше времени.

В верхнем ящике была целая коллекция миниатюрных столярных инструментов, вероятно, сохранившихся с того времени, когда майор был еще мальчиком и получил их в подарок от своих родителей или друзей. Второй ящик был наполнен игрушками другого рода, как видно, тоже подарками, только полученными от прекрасного пола. Тут были вышитые подтяжки, щегольские ермолки, подушечки для булавок, роскошные туфли, блестящие кошельки. Вещи, находившиеся в третьем ящике, были менее интересны: это были старые счетные книги за много лет. Заглянув в каждую книгу и старательно встряхнув их, чтобы выпали все бумажки, которые могли там находиться, я перешла к четвертому ящику, где нашла разные денежные бумаги, уплаченные счета, связанные в пачки и с надписями. Между ними встречались также отдельные листы, не имеющие для меня никакого значения. В пятом ящике нашла я страшный беспорядок. Прежде всего я вынула целую кучу разрисованных карточек, на каждой из них было меню обедов, на которых присутствовал майор в Лондоне и Париже, потом ящик великолепно раскрашенных гусиных перьев (вероятно, дамский подарок), собрание театральных французских пьес и либретто,

карманный штопор, связку ключей, багажные ярлыки, паспорт, сломанную серебряную табакерку, два портсигара и изорванный план Рима. «Нигде ничего для меня интересного», — подумала я, закрывая пятый и выдвигая последний шестой ящик.

Велико было мое разочарование, ожидания совершенно обмануты. Здесь находились только обломки разбитой вазы.

Я сидела в это время напротив шифоньерки на низеньком стуле и в гневе на безуспешные поиски хотела толкнуть ящик ногой, как дверь, в переднюю отворилась и на пороге появился майор Фиц-Дэвид.

Встретившись со мной взором, он опустил глаза и, увидев выдвинутый ящик, вдруг изменился в лице. Это было моментально, и вслед за тем взглянул на меня с удивлением и подозрением, как будто увидел в моих руках какую-то руководящую нить.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — сказал он, — я пришел только задать вам один вопрос.

— Что вы хотите знать, майор?

— Не попались ли вам некоторые из моих писем во время ваших поисков?

— Нет еще, — ответила я. — Если мне попадутся какие-нибудь письма, я, конечно, не буду читать их.

— Я пришел сюда с намерением поговорить с вами об этом, — сказал он. — Мне только что пришла в голову мысль, что мои письма могут поставить вас в неловкое положение. На вашем месте я относился бы подозрительно ко всему, что для вас недоступно. Но я могу, кажется, устранить от вас эту неприятность и, не нарушая слова или моего обещания, могу просто сказать вам, что в этих письмах моих вы не найдете никакой подсказки к открытию тайны. Вы можете спокойно оставить их как предметы, недостойные вашего внимания. Вы меня поняли, я полагаю.

— Премного вам обязана, майор, я поняла вас.

— Не устали ли вы?

— Нисколько, благодарю вас.

— И вы все еще надеетесь на успех в своем предприятии? Вы еще не начали отчаиваться?

— Я нисколько не отчаиваюсь и с вашего позволения буду немедленно продолжать поиски.

Во время нашего разговора я не закрыла ящика шифоньерки; отвечая ему, мой взор случайно упал на обломки разбитой вазы. В эту минуту он совершенно владел собою и смотрел на вазу, по-видимому, с полнейшим равнодушием, но я вспомнила удивление и подозрение, выразившееся в его взоре при входе в комнату, и его хладнокровие показалось притворным.

— Это, однако, не обещает ничего, — сказал он, улыбаясь и указывая на обломки, лежавшие в ящике.

— Наружность бывает иногда обманчива, — возразила я. — В моем положении все кажется подозрительным, даже разбитая ваза.

Я пристально смотрела на него, пока говорила. Он тотчас же переменял разговор.

— Музыка вас беспокоит? — спросил он.

— Нисколько.

— Впрочем, она скоро кончится. Учитель пения уйдет, и вслед за ним явится учитель итальянского языка. Я ничего не жалею для образования моей примадонны. Занимаясь пением, она должна также изучить специальный язык музыки. Я усовершенствую ее произношение, когда повезу ее в Италию. Мой план заключается в том, чтобы ее приняли за итальянку, когда она появится на сцене. Не нужно ли вам что-нибудь? Не прислать ли вам шампанского?

— Премного вам благодарна, майор, я не желаю более шампанского.

Направляясь к двери, он послал мне рукою поцелуй. В этот самый момент я заметила, как взор его упал на шкаф с книгами.

Оставшись одна, я стала уделять шкафу больше внимания, чем прежде. Это был прекрасный старинный шкаф из резного дуба; стоял он у стены, параллельной с прихожей, и занимал ее от окна до двери в зал. На нем были расставлены попарно и в ряд вазы, канделябры и статуэтки.

Внимательно посмотрев на них, я заметила пустое место на углу, ближайшем к окну. На противоположном конце, к двери, стояла прекрасная ваза оригинального рисунка. Где же была ее пара, занимавшая, как видно, место на другом углу? Я вернулась к шифоньерке и заглянула в нижний ящик. Не было никакого сомнения: обломки принадлежали парной вазе.

Сделав это открытие, я вынула все обломки и с величайшим вниманием рассмотрела каждый в отдельности.

Не имея никакого понятия об искусстве, я не могла оценить этой вазы и даже признать, принадлежит она к старинным произведениям или новейшим, английской она или иностранной работы. Фон был нежно-молочного цвета; на двух сторонах вазы было по медальону окруженному цветами и купидонами. На одном из них была изображена головка женщины, нимфы, богини или, может быть, портрет какой-нибудь знаменитости; я в этом была совсем не сведуща и не могла определить личности. На другом — голова мужчины, также в классическом стиле. На пьедестале были изображены пастухи и пастушки, во вкусе Ватто, с собаками и овцами. Такова была эта ваза в то время, когда стояла еще на книжном шкафу. По какому случаю она разбилась? И почему майор изменился в лице, увидев, что я нашла эти обломки?

Вид их возбудил во мне эти вопросы, но нисколько не разрешал их. Припоминая выражение лица майора, я убедилась, что эта ваза, прямо или косвенно, должна дать мне ключ к открытию тайны.

Но сколько я ни задумывалась над этим вопросом, это не приводило меня ни к чему, и я снова вернулась к книжному шкафу.

До сих пор я полагала без всякой видимой причины, что ключ к разыскиваемой мною тайне найду я в какой-нибудь бумаге, письменном документе; но после ухода майора, уловив его знаменательный взгляд, я начала думать, что разгадка находится в какой-нибудь книге.

Я стала смотреть на нижнюю полку и, стоя довольно близко, могла прочесть заголовки на корешках переплетов. Я увидела Вольтера в красном сафьяне, Шекспира — в голубом, Вальтера Скотта — в зеленом, Историю Англии — в коричневом, Ежегодники — в желтом. Я остановилась утомленная и в унынии перед длинным рядом томов. Как (думалось мне) буду я рассматривать эти книги? И какого результата могу я ожидать от этого?

Майор Фиц-Дэвид говорил о страшном несчастье, омрачившем прошлую жизнь моего мужа. Какая возможность найти намек или след этого несчастья на страницах Ежегодника или Вольтера? Подобная мысль казалась нелепостью, и попытка серьезных поисков была бы лишь пустой тратой времени.

Вероятно, майор совершенно случайно взглянул на книжный шкаф. Разбитая ваза тоже стояла на книжном шкафу. Могли ли эти два обстоятельства служить доказательством того, что книжный шкаф и ваза приведут меня к открытию тайны. Трудно было решить эти вопросы, особенно в настоящую минуту.

Я стала смотреть на верхние полки. Расставленные здесь книги представляли больше разнообразия; книги были меньшего формата и расставлены не в таком порядке, как на нижней полке. Некоторые, выпав из ряда, лежали тут же на полках. Там и сям были пустые промежутки, книги были вынуты и не поставлены обратно. Вообще, на верхних полках не было того однообразия, которое приводило меня в отчаяние на нижней. Беспорядок этот, казалось, мог по какой-нибудь счастливой случайности привести меня к успеху. Я решила осмотреть весь шкаф, начиная с верхних полок.

Где стоит библиотечная лестница? Я оставила ее у противоположной стены, отделявшей эту комнату от зала. Взглянув в ту сторону, я увидела, что дверь полуотворена, и вспомнила, как майор Фиц-Дэвид расспрашивал своего слугу о моей внешности, когда тот докладывал ему о моем посещении. Никто не входил в эту дверь с тех пор, как я находилась

в комнате. Входили и выходили через дверь, ведущую в зал.

В ту минуту, когда я обратила глаза к двери, что-то зашевелилось в соседней комнате. Через узкое отверстие показался свет. Неужели кто-нибудь наблюдал за мной? Я тихонько подошла к двери, быстро растворила ее и очутилась лицом к лицу с майором. Я увидела по его лицу, что он наблюдал за моими поисками в шкафу.

В руках он держал шляпу, словно собирался выйти на улицу. Он тотчас же воспользовался этим обстоятельством, чтобы объяснить свое присутствие у двери.

— Уж не испугал ли я вас? — спросил он.

— Да, немного.

— Мне очень неприятно и совестно. Я только хотел отворить дверь, чтобы сообщить вам, что я ухожу. Я получил записку от одной дамы, прелестной особы, с которой желал бы познакомиться вас. Она в такой тревоге, бедняжка. У нее есть маленькие долги, и неблагородные торговцы требуют денег, а муж ее... О Боже мой, муж вовсе ее не стоит! А она прелестное создание! Вы немножко напоминаете мне ее, так же держите голову, как она. Я схожу не более чем на полчаса. Не могу ли чем служить вам? У вас такой утомленный вид. Пожалуйста, позвольте мне прислать вам шампанского? Не угодно? В таком случае обещайте мне, что вы потребуете, когда что-нибудь вам понадобится. До свидания, мой прелестный друг, до свидания!

Как только он вышел, я затворила дверь и опустилась на стул, чтобы несколько успокоиться.

Он наблюдал за моими поисками в книжном шкафу! Он, друг моего мужа, человек, знающий, где можно найти ключ к открытию тайны, наблюдал за мной! Нет больше сомнения, ключ к тайне должен быть здесь. Майор Фиц-Дэвид указал мне место, в котором он хранится.

Я с равнодушием посмотрела на все вещи, находившиеся у четвертой стены, мною еще не осмотренной. Без малейшего любопытства окинула глазами маленькие изящные безделушки на столах и на камине, которые при других обстоятельствах возбудили бы во мне немалые подозрения. Даже акварельные рисунки не заинтересовали меня при настоящем расположении духа. Я только подумала, что это, может быть, портреты мимолетных богинь чувственного майора, и больше не обращала на них внимания. В этой комнате интересовал только книжный шкаф, а в этом я была теперь убеждена. Я встала и взяла лестницу, твердо решив начать свои поиски с верхней полки.

Направляясь к лестнице, я прошла мимо стола, на котором майор Фиц-Дэвид оставил к моим услугам свои ключи.

Самый маленький из двух ключей напомнил мне о шкафчиках под книжными полками. Странно, что я совсем забыла о них. Смутное недоверие, безотчетное подозрение возникло в моей душе при виде запертых дверок. Я оставила лестницу на ее прежнем месте и принялась изучать шкафчики.

Их было три. Когда я открыла первый, пение наверху смолкло. В продолжение нескольких минут в наступившей тишине было что-то тяжелое, подавляющее. Вероятно, мои нервы были до предела напряжены. Первый шум, раздававшийся в доме, — а это был скрип мужских сапог на лестнице, — заставил меня вздрогнуть. Мужчина, спускавшийся с лестницы, был, без сомнения, учитель пения, окончивший свой урок. Я слышала, как дверь захлопнулась за ним, и при этом столь обыкновенном звуке я содрогнулась, точно услышав что-то ужасное. Наступила снова тишина. Я несколько успокоилась и начала осмотр с первого шкафчика.

В нем было два отделения. В верхнем не было ничего, кроме ящиков с сигарами, аккуратно расставленных рядами; второе было занято коллекцией раковин, валявшихся в беспорядке. Майор, как видно, гораздо больше дорожил своими сигарами, чем раковинами. Я старательно осмотрела это отделение, полагая, что здесь может встретиться что-нибудь для меня интересное, но в нем не оказалось ничего, кроме раковин.

Когда я открыла второй шкафчик, то мне показалось, что стемнело.

Я посмотрела в окно. До вечера еще было далеко, но потемнело от туч, заволакивающих небо. Крупные капли дождя стучали в окно, и осенний ветер свистел во дворе. Я поправила огонь в камине, прежде чем снова принялась за дело. Мои нервы совсем расхотелись, я вся дрожала, когда возвратилась к шкафчику. Мои руки тряслись, я не понимала, что со мной творится.

Во втором шкафчике, в верхнем отделении, я увидела прелестные камеи, еще не отделанные, разложенные на подносах, обложенных ватой. В одном углу из-под них выглядывали небольшие рукописи, вероятно каталог камей, и больше ничего!

Открыв нижнее отделение, я нашла в нем более драгоценные редкости: разные изделия из слоновой кости и образцы редких китайских шелков. Меня начинали утомлять все сокровища майора. Чем дольше я искала, тем дальше, казалось, отдалялась от предмета моих стремлений. Затворив дверку второго шкафчика, я остановилась в недоумении, открывать ли мне третий и продолжать ли в нем поиски.

После краткого размышления я решила, что, раз начав осмотр нижних шкафчиков, следовало уж и окончить его. Итак, я отворила последний.

На верхней полке представилась мне в одиноком величии большая книга в роскошном переплете. По своему формату она не имела ничего общего с современными книгами. Переплет ее был голубой, бархатный, с серебряными застежками великолепного фасона и с таким же замком, чтобы защитить ее от любопытных взоров. Когда я взяла ее в руки, то увидела, что замок был не заперт.

Имела ли я право воспользоваться этим обстоятельством и открыть книгу? Я впоследствии несколько раз обращалась с этим вопросом к своим друзьям мужского и женского пола. Женщины все оправдывали мой поступок ввиду важных интересов и находили совершенно естественным, что я внимательно рассматривала каждую книгу в доме майора Фиц-Дэвида. Мужчины, напротив того, заявляли, что я не должна была открывать книгу в голубом бархатном переплете и, чтобы избавить себя от искушения посмотреть в нее, должна была запереть шкафчик. Я думаю, что мужчины были правы.

Но как женщина я без малейшего колебания открыла книгу.

Листы ее из тончайшей веленовой бумаги были изящно разрисованы по краям. Что же содержали в себе эти роскошно разукрашенные страницы? К величайшему моему изумлению и разочарованию, посредине каждой страницы был прикреплен локон волос с надписями, которые свидетельствовали, что это были залого любви разных леди, к которым сердце майора в разные периоды его жизни пылало страстью. Надписи эти были сделаны на разных языках; все они клонились к тому, чтобы напомнить майору о разрыве его с разными предметами его любви. На первой странице был локон белокурых волос со следующими словами: «Моя обожаемая Магдалена. Образец постоянства. Увы, июля 22, 1839!» На следующей странице под локоном каштановых волос французская надпись гласила: «Клеманс, божество души моей. Всегда верна. Увы, 2 апреля 1840». Под следующим рыжим локоном латинские сетования и примечание, что эта госпожа происходила от древних римлян, почему майор и употребил латинский язык для выражения своих чувств. Затем следовало много других локонов и много надписей, на которые мне уже надоедало смотреть. Я с досадой положила книгу в ящик, но после краткого размышления опять взяла ее. До сих пор я очень внимательно осматривала каждую попадавшуюся мне вещь, приятно это было или нет, и ввиду важности собственных интересов я должна была продолжать так же, как начала.

Перевернув все листы и дойдя до пустых белых страниц, я окончила осмотр книги и для большей предосторожности, чтобы убедиться, что никакой клочок бумаги не ускользнул от моего внимания, я встряхнула книгу.

В эту минуту я была вознаграждена за свое долгое терпение: из книги выпала фотографическая карточка, приведшая меня в сильное волнение. На ней были запечатлены два человека.

В одном из них я узнала своего мужа, другое лицо было женское.

Лицо это было мне совершенно незнакомо, молодое. Женщина сидела в кресле, а мой муж стоял позади, нагнувшись к ней и держа ее за руку. Лицо ее было некрасиво, с резкими чертами, в которых выражались сильные страсти и твердая сила воли. Хотя она была некрасива, однако во мне зашевелилось чувство ревности при виде фамильярного обращения с ней моего мужа. Представленная фотографом пара выражала короткость отношений. Юстас во время своего ухаживания за мной рассказывал, что до встречи со мной он не один раз воображал себя влюбленным. Неужели эта безобразная женщина была некогда предметом его обожания? Неужели она была настолько близка с ним, настолько дорога ему, что он захотел сняться с ней на одном портрете, держась за руки? Я долго, не спуская глаз, смотрела на эту карточку, пока наконец не кончилось мое терпение. Женщины — странные создания, иногда для самих себя остаются они тайной. Я бросила карточку в угол шкафчика. Я была раздражена против своего мужа, я ненавидела — да! ненавидела эту женщину, которая держала его руку в своей, эту неизвестную мне женщину с суровым, упрямым лицом.

Оставалось осмотреть нижнюю полку последнего шкафчика. Чтобы сделать это, я встала на колени, стараясь успокоить мою взволнованную душу, которой овладело вдруг такое унижительное чувство ревности.

К несчастью, на нижней полке не было ничего, кроме трофеев военной службы майора: шпага, пистолеты, эполеты, темляк и разные другие принадлежности. Ничего такого, что могло бы возбудить во мне интерес. Глаза мои как-то невольно обращались к верхней полке, и как полоумная — в ту минуту я решительно не заслуживала более мягкого названия — я снова схватила фотографию и злилась, глядя на нее. В эту минуту я заметила надпись, сделанную женской рукой на оборотной стороне карточки. Вот она: «Майору Фиц-Дэвиду с двумя вазами. От его друзей, С. и Ю. М.» Не одна ли из этих ваз была разбита? И перемена в лице майора не была ли вызвана каким-нибудь воспоминанием, связанным с нею? Как бы то ни было, но я была не расположена предаваться размышлениям об этом предмете, больше меня занимал вопрос о буквах на оборотной стороне карточки.

«С и Ю. М.» Эти две последние буквы были начальными буквами имени и настоящей фамилии моего мужа — Юстас Маколан. В таком случае самая первая буква означала ее имя. Какое право имела она соединять свое имя с его? После минутного размышления я вдруг вспомнила, что у Юстаса есть сестры. Он несколько раз говорил об этом еще до свадьбы. К чему это я мучаю себя, ревнуя своего мужа к сестре? С., может быть, начальная буква ее имени. Мне стало стыдно при этой мысли. Как я была неправа перед ними обоими! Я перевернула карточку и с раскаянием стала рассматривать. Теперь я стала искать родственное сходство между этими двумя лицами. Но его не было; напротив того, они как по чертам лица, так и по выражению совершенно отличались друг от друга. Сестра ли это? Я посмотрела на их руки; правая ее рука лежала в руке Юстаса, левая — на коленях. На третьем пальце ее было видно обручальное кольцо. Была ли хоть одна из сестер моего мужа замужем? Я задавала ему этот вопрос, когда он мне рассказывал о них, и очень хорошо помню, что ответ был отрицательный.

Неужели чувство инстинктивной ревности с самого начала подсказало мне правду? В таком случае что же означали эти начальные буквы? Что значило обручальное кольцо? Боже милосердный! Неужели передо мною портрет моей соперницы и эта соперница — его жена?

С криком ужаса отбросила я фотографию. В эту страшную минуту мне казалось, что я теряю рассудок. Не знаю, что случилось бы или что я сделала бы с собой, если б любовь моя к Юстасу не преодолела мучительно волновавших меня чувств. Эта верная любовь пробудила мой помрачившийся рассудок и позволила восторжествовать лучшей, благороднейшей стороне моего характера. Неужели человек, которого я так нежно, так преданно любила, был способен жениться на мне при живой жене? Нет! Низко, подло было с моей стороны допустить такую мысль хоть на одно мгновение!

Я подняла с пола ненавистную фотографию и положила ее на старое место в книгу. Поспешно затворив шкафчик, я взялась за лестницу и приставила ее к книжному шкафу. В

занятии хотела я искать спасения от мучительных мыслей. Ненавистное и вместе с тем унижительное для меня подозрение беспрестанно возвращалось ко мне, несмотря на все мои усилия. Книги! Книги! Вот где должна я найти забвение!

Едва поставила я ногу на лестницу, как услышала, что отворяется дверь из зала.

Я оглянулась, полагая увидеть майора, но вместо него на пороге стояла его будущая примадонна, устремившая на меня пристальный взгляд.

— Я многое могу сносить терпеливо, — начала она хладнокровно, — но этого дальше терпеть не буду.

— Чего вы не будете терпеть дальше? — спросила я.

— Если бы вы пробыли здесь несколько минут, это ничего, но вы находитесь тут уже добрых два часа, — продолжала она, — здесь, в кабинете майора. Я ревнива — да, и хочу знать, что все это значит.

Она сделала несколько шагов вперед и приблизилась ко мне с покрасневшим лицом и пылающим взглядом.

— Он готовит вас к сцене? — резко спросила она.

— Конечно, нет.

— Что же, он влюблен в вас?

При других обстоятельствах я, может быть, попросила бы ее оставить комнату. Но в моем положении, в эту критическую для меня минуту, присутствие живого существа было для меня облегчением. Даже эта девушка со своими грубыми вопросами и резкими манерами была приятна в моем одиночестве: она отвлекала меня от моих мыслей.

— Ваш вопрос не очень вежлив, — заметила я, — но я вас извиняю. Вы, вероятно, не знаете, что я женщина замужняя.

— Ему какое до этого дело? — возразила она. — Замужняя или нет, для майора это все равно. Наглая госпожа, называемая леди Клориндой, тоже замужняя, а три раза в неделю посылает ему букеты! Вы не подумайте, что я влюблена в того старого дурака. Но я оставила место на железной дороге: должна же я охранять свои собственные интересы, а Бог весть что могло бы случиться, если бы я допустила другой женщине встать между ним и мною. Теперь вы видите, в чем дело? У меня сердце не на месте, видя, что он оставляет вас распоряжаться здесь как вам угодно. В этом нет ничего обидного, я прямо говорю, что думаю. Я хочу знать, что вам нужно в этой комнате. Где вы подхватили майора? До сегодняшнего дня он никогда ничего не говорил мне о вас.

За внешней грубостью и эгоизмом этой странной девушки скрывалась независимость и прямота, говорившая в ее пользу; она меня заинтересовала. Я так же откровенно ответила ей:

— Майор Фиц-Дэвид старый друг моего мужа и оказывает мне любезность ради него. Он мне позволил осмотреть все в этой комнате.

Я остановилась, не зная, как объяснить ей мое занятие, не открывая истинных его причин, и в то же время рассеять ее подозрения.

— Осмотреть все в этой комнате — для чего? — спросила она. Ее взгляд обратился на библиотечную лестницу, возле которой я стояла, и она продолжала: — Вы ищете книгу?

— Да, — сказала я, хватаясь за ее предложение, — ищу книгу.

— Вы нашли ее?

— Нет еще.

Она пристально взглянула на меня, как бы стараясь разгадать, правду я говорю или нет.

— Вы, кажется, хороший человек, — сказала она как бы в заключение своих наблюдений. — В вас нет никакой натянутости, ничего театрального. Я готова помочь вам, как могу. Я не раз шарила в этих книгах и переставляла их с места на место, а потому они мне более знакомы, чем вам. Какую книгу вам нужно?

Едва выговорила она эти слова, как заметила букет леди Клоринды, лежавший на столе. В ту же минуту она забыла все: и меня, и книгу, бросилась как фурия на букет и стала неистово топтать его ногами.

— Вот так поступила бы я и с самой леди Клориндой, если бы она была здесь, —

кричала она.

— А что скажет на это майор? — спросила я.

— Мне какое дело? Не полагаете ли вы, что я боюсь его? На прошлой неделе я разбила одну из его прекрасных редкостей, и все из-за леди Клоринды и ее цветов.

При том она указала на верх книжного шкафа, на пустое место близ окна. Мое сердце дрогнуло, и глаза обратились по направлению ее руки. Она разбила вазу! Не может ли эта девушка привести меня к открытию тайны? Я не в состоянии была вымолвить ни слова и только смотрела на нее.

— Да, — продолжала она, — эта вещь стояла тут. Он знает, как я ненавижу ее цветы, и поставил присланный ею букет в эту вазу. На ней было изображено женское лицо, и он говорил мне, что оно очень похоже на нее. На самом же деле оно походило столько же на нее, сколько на меня. Это меня взбесило, и я запустила в вазу книгой, которую тогда читала. Ваза упала на пол и разбилась вдребезги. Однако постойте! Я забыла, какую искали вы книгу. Вы, может быть как и я, любите читать судебные процессы?

Судебные процессы! Не ослышалась ли я? Нет, она сказала: «судебные процессы».

Я ответила ей безмолвным наклоном головы, так как не в силах была вымолвить ни слова. Она пошла к камину и, взяв щипцы, возвратилась к книжному шкафу.

— Книга эта, — объяснила она, — завалилась за шкаф, я сейчас достану ее.

Я ждала, не произнося ни слова, и даже ни один мускул не дрогнул во мне.

— Эту ли книгу вы искали? Откройте ее и посмотрите, — сказала она, подходя ко мне и держа в одной руке щипцы, а в другой книгу в простеньком переплете.

Я взяла книгу.

— Она чрезвычайно интересна, — продолжала будущая примадонна. — Я прочла ее два раза. Но все-таки мне кажется, что он виноват.

Виноват! Кто виноват? О чем идет речь? Я делала над собой усилия, чтобы задать вопросы, но тщетно, из уст моих не выходило никакого звука.

Она, казалось, потеряла со мной всякое терпение. Вырвав у меня из рук книгу и открыв на титульном листе, она положила ее передо мной на стол.

— Вы точно беспомощный ребенок, — сказала она с презрением. — Смотрите же, однако, та ли это книга?

Я прочитала заглавие:

ПОЛНЫЙ ОТЧЕТ
судебного процесса
Юстаса Маколана

Я остановилась и взглянула на нее. Она отскочила от меня с криком ужаса. Я вновь обратила глаза к книге и прочитала дальше следующие строки:

по обвинению в отравлении жены

Тут господь сжалился надо мной: я упала в обморок.

Глава XI. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Когда я стала приходить в себя, первым моим чувством было ощущение боли, мучительной боли, точно все нервы мои были вытянуты и вывернуты. Вся натура моя безмолвно, но сильно протестовала против усилий возвратить меня к жизни. Я отдала бы все

на свете, чтобы быть в состоянии упросить окружающих дать мне умереть. Долго ли продолжалась эта безмолвная агония — я не знаю, но мало-помалу я почувствовала облегчение. Я слышала свое собственное тяжелое дыхание; я чувствовала, что мои руки слегка, машинально шевелятся, как у малого ребенка. Я открыла глаза и посмотрела вокруг, точно возвратилась из загробной жизни и пробудилась к новым чувствам и новому миру.

Первым увидела я незнакомого мне мужчину. Он тихо отошел в сторону, кивнул головой другому лицу, бывшему в комнате.

Медленно и неохотно этот последний приблизился к кушетке, на которой я лежала. При виде его у меня вырвался крик радости, и я протянула к нему свои слабые руки. Это был мой муж.

Я устремила на него пламенный взор, но он даже не взглянул на меня. С опущенными в землю глазами, со странным выражением замешательства и ужаса на лице вышел он из комнаты. Незнакомец последовал за ним. Я закричала ему вслед:

— Юстас!

Он не ответил и даже не обернулся. С величайшим усилием повернула я голову и посмотрела в другую сторону. Знакомое лицо мелькнуло перед моими глазами, как во сне. Мой добрый, старый Бенджамин сидел подле кушетки с глазами, полными слез. Он молча взял мою руку и ласково пожал ее.

— Где Юстас? — спросила я. — Почему он ушел, оставив меня?

Я была еще ужасно слаба. Глаза мои произвольно обвели всю комнату, когда я задавала этот вопрос. Я увидела майора Фиц-Дэвида; увидела стол, на который певица положила книгу, раскрыв ее, и самую певицу, сидевшую в углу, закрыв глаза платком, точно она плакала. В одно мгновение ко мне возвратилась память; я вспомнила роковой титульный лист. Но в настоящую минуту во мне преобладало единственное желание увидеть моего мужа, броситься в его объятия и сказать ему, что я убеждена в его невинности, что я еще пламеннее, еще нежнее люблю его. Слабой, дрожащей рукой ухватилась я за Бенджамина и дико воскликнула:

— Приведите его ко мне! Где он? Помогите мне встать.

Незнакомый голос ответил мне ласково, но твердо:

— Успокойтесь, сударыня, господин Вудвиль в соседней комнате и ожидает, пока вы оправитесь.

Я взглянула на говорившего и узнала в нем незнакомца, вышедшего из комнаты вместе с моим мужем. Почему он вернулся один? Почему Юстас не оставался со мною, как другие? Я старалась встать, но незнакомец снова нежно уложил меня на подушки. Я попробовала сопротивляться, но совершенно безуспешно. Его твердая рука хотя нежно, но крепко удерживала меня на месте.

— Вы должны немного отдохнуть, — сказал он, — и выпить глоточек вина. В противном случае вы можете снова лишиться чувств.

Бенджамин подошел ко мне объяснил:

— Это доктор, дорогая моя. Вы должны исполнять его требования.

Доктор! Они позвали доктора на помощь. Я начала понимать, что мой обморок носил более серьезные симптомы, чем простой женский обморок. Я обратилась к доктору и беспомощным, жалобным тоном поинтересовалась у него о причине странного отсутствия моего мужа:

— Почему позволили вы ему оставить комнату? Если я не могу идти к нему, почему не приведете вы его ко мне?

Доктор, казалось, не находил слов для ответа. Он посмотрел на Бенджамина и сказал:

— Не угодно ли вам поговорить с госпожою Вудвиль?

Бенджамин в свою очередь посмотрел на майора и сказал:

— Не угодно ли вам?

Майор сделал им обоим знак выйти из комнаты. Они тотчас же отправились в соседнюю комнату и затворили за собою дверь. В ту же минуту девушка, так странно

открывшая мне тайну моего мужа, встала и приблизилась к кушетке.

— Полагаю, мне тоже лучше уйти! — обратилась она к майору.

— Как вам угодно, — ответил тот.

Он говорил, как мне показалось, очень холодно. Она покачала головой и отвернулась от него с негодованием.

— Я должна замолвить слово за себя, — воскликнуло это странное существо с лихорадочной энергией. — Я должна сказать, иначе я не выдержу.

С этим странным предисловием она обратилась ко мне и разразилась целым потоком слов.

— Вы слышали, каким тоном говорил со мной майор, — начала она. — Он обвиняет меня во всем случившемся. Я невинна, как новорожденный младенец. Я хотела сделать как лучше. Я думала, что вам нужна эта книга, и подала ее. Откуда я знала, что, открыв книгу, вы упадете в обморок. А майор винит меня. В чем же я виновата? Я сама никогда не падаю в обморок, но всегда сочувствую тем, с кем это случается. Да! Я происхожу от почтенных родителей. Мое имя Гойти — мисс Гойти. Мое самолюбие оскорблено несправедливым обвинением. Если кто-либо виноват, то это вы сами. Не сказали ли вы, что ищете книгу? И я подала ее вам с добрым намерением. Теперь вы, кажется, в состоянии говорить сами, заступитесь за бедную девушку, которую до смерти замучили пением, языками и еще Бог знает чем. Бедную девушку, за которую некому вступиться. Я так же достойна уважения, как и вы. Мои родители занимались торговлей, и мать моя видала лучшие дни и бывала в лучшем обществе.

С этими словами мисс Гойти поднесла платок к глазам и залилась слезами.

Конечно, странно было обвинять ее в случившемся. Я отвечала ей, как могла любезнее, и стала защищать ее перед майором Фиц-Дэвидом. Он понимал, в каком мучительном состоянии была я в эту минуту, поэтому отказался слушать меня и принялся сам утешать свою примадонну. Что он говорил ей, я не слышала и не имела ни малейшего желания услышать. Он говорил шепотом; успокоив ее и поцеловав у нее руку, он вывел ее из комнаты так почтительно, как какую-нибудь герцогиню.

— Надеюсь, эта глупая девушка не расстроила вас? — заботливо спросил он, вернувшись ко мне. — Не могу выразить словами, как я огорчен случившимся. Вы помните, я предостерегал вас. Если б я мог предвидеть...

Я не дала ему продолжать. Никакой предусмотрительный человек не мог предвидеть того, что случилось. Как ни было ужасно сделанное открытие, оно все-таки было не так тяжело и не причиняло мне таких страданий, как неизвестность, в которой я находилась до сих пор. Я сказала ему об этом и перевела разговор на предмет, наиболее интересовавший меня в эту минуту, — на моего мужа.

— Каким образом попал он сюда? — спросила я.

— Он приехал с мистером Бенджаминем, как только я вернулся домой, — ответил майор.

— Вскоре после того, как я упала в обморок?

— Нет. Только что я послал за доктором, серьезно встревожившись вашим состоянием.

— Что привело его сюда? Он был в гостинице и, не застав меня, отправился отыскивать?

— Да. Он вернулся раньше, чем предполагал, и очень забеспокоился, не найдя вас в гостинице.

— Он подозревал, что я у вас? Сюда приехал он прямо из гостиницы?

— Нет. Он, кажется, был прежде у мистера Бенджамина, чтобы справиться о вас. Что он узнал от вашего старого друга, я не имею представления. Знаю только, что мистер Бенджамин вместе с ним приехал сюда.

Для меня было совершенно достаточно этого краткого объяснения: я поняла все, что случилось. Юстас напугал простого, доброго старика моим исчезновением из гостиницы. И встревоженный Бенджамин поддался его убеждениям и передал ему мой разговор с ним о

майоре Фиц-Дэвиде. Теперь появление моего мужа в доме майора объяснялось очень просто. Но его странное поведение, уход его из комнаты в ту самую минуту, когда я пришла в себя, оставались непонятными. Майор Фиц-Дэвид пришел в очевидное замешательство, когда я задала ему этот вопрос.

— Я, право, не знаю, как вам объяснить это, — ответил он. — Юстас удивил и смутил меня своим поведением.

Он сказал это чрезвычайно серьезно, но его вид выражал больше, чем слова. Он встревожил меня.

— Юстас не поссорился с вами? — спросила я.

— Нет.

— Он знает, что вы не нарушили своего обещания в отношении его?

— Конечно. Моя молодая певица, мисс Гойти, подробно рассказала доктору обо всем случившемся, а доктор в ее присутствии передал этот рассказ вашему мужу.

— Доктор видел книгу «Полный отчет судебного процесса»?

— Ни доктор, ни мистер Бенджамин не видели книгу. Я спрятал ее и тщательно скрыл ото всех ужасную историю ваших взаимоотношений с обвиняемым. Мистер Бенджамин, по-видимому, что-то подозревает. Но ни доктор, ни мисс Гойти не имеют ни малейшего понятия о причине вашего обморока. Они оба полагают, что вы подвержены нервным припадкам и что фамилия вашего мужа действительно Вудвиль. Я сделал для Юстаса все, что мог сделать преданнейший друг. Но он тем не менее продолжает бранить меня за то, что я впустил вас в свой дом. Но что хуже всего, так это то, что он решительно утверждает, что нынешние события навсегда разлучают вас с ним. «Это конец нашей супружеской жизни, — сказал он мне. — Теперь она знает, что меня судили в Эдинбурге по обвинению в отравлении моей жены».

Я в ужасе вскочила с кушетки.

— Боже милостивый! — воскликнула я. — Неужели, Юстас полагает, что я сомневаюсь в его невиновности.

— Он отрицает, что вы или кто-нибудь другой может поверить в его невиновность, — возразил майор.

— Проведите меня до двери, — попросила я. — Где он? Я должна, я хочу видеть его.

Я в изнеможении опустилась на кушетку, произнесла последние слова. Майор Фиц-Дэвид подал мне стакан вина и настоятельно советовал выпить.

— Вы увидите его, — сказал майор. — Я обещаю вам это. Доктор запретил ему уходить из дома прежде, чем вы его увидите. Только подождите немного, моя бедная, дорогая, подождите несколько минут, соберитесь с силами.

Мне ничего более не оставалось, как повиноваться ему. Как ужасно оставаться в таком беспомощном состоянии. Я не могу и ныне вспомнить без содрогания об ужасных минутах, проведенных тогда мною на кушетке.

— Приведите его сюда! — вскричала я. — Ради Бога, приведите его сюда.

— Кто может уговорить его прийти сюда? — сказал майор. — Могу ли я или кто-либо другой убедить человека, или, вернее сказать, безумца, который мог оставить вас в ту минуту, когда вы стали приходить в себя и открыли глаза. Я разговаривал с ним наедине в соседней комнате, пока доктор был при вас. Я старался убедить его в вашей и моей уверенности, что он невиновен, но на все убеждения, на все просьбы старого друга он отвечал только одно — постоянно ссылаясь на шотландский приговор.

— Шотландский приговор! Что это? — спросила я.

Майор с удивлением взглянул на меня при этом вопросе.

— Неужели вы в самом деле никогда не слышали о его процессе? — удивился он.

— Никогда.

— Когда вы сказали мне, что узнали настоящее имя своего мужа, мне показалось очень странным, что вы, не припомнили тотчас же его историю. Три года тому назад вся Англия говорила о вашем муже. Не удивительно, что он после этого переименовал свою фамилию. Где

же вы были в это время?

— Это было три года тому назад? — спросила я.

Я поняла подоплеку моего странного неведения о событии, всем так хорошо известном. Три года назад мой отец был еще жив. Мы жили с ним на даче в Италии, в горах близ Сиены. Мы по целым неделям не видели ни английских газет, ни английских путешественников. Может быть, кто-нибудь и писал моему отцу из Англии о знаменитом Шотландском процессе, но он ничего не говорил мне о нем; если же и упоминал, то я совершенно о том забыла.

— Скажите мне, пожалуйста, — обратилась я к майору, — какое же отношение имеет Шотландский приговор к ужасным сомнениям моего мужа? Юстас свободен, следовательно, он оправдан от тяготевшего над ним обвинения.

Майор Фиц-Дэвид покачал головой.

— Дело Юстаса слушалось в Шотландии, — ответил он. — По шотландским законам допускается особая форма приговора, которая не существует, как мне известно, ни в какой другой цивилизованной стране. Если присяжные сомневаются, следует ли оправдать или осудить подсудимого, то им позволяется выразить это сомнение в особенной форме. Если нет достаточных доказательств для оправдания подсудимого и нет необходимых улик для его обвинения, присяжные выпутываются из затруднения таким решением: «Не доказано».

— Таков был приговор в деле Юстаса? — спросила я.

— Да.

— Присяжные не были убеждены в том, что мой муж виновен? Не были также убеждены в его невиновности? Таков был Шотландский приговор?

— В том-то и дело, что в продолжение трех лет это сомнение, выраженное присяжными и отразившееся в общественном мнении, тяготеет над ним.

О мой бедный друг, невинный мученик! Наконец я поняла все: и почему он женился на мне под чужим именем, и ужасные слова, сказанные им мне, когда он так просил меня уважать его тайну, и страшное его недоверие ко мне в эту минуту. Теперь мне стало все ясно. Я встала с кушетки с твердой решимостью, которую возбудил во мне Шотландский приговор, решимостью такой смелой и святой, что первым делом должна была сообщить о ней своему мужу.

— Ведите меня к Юстасу — сказала я. — Я достаточно окрепла, чтобы выдержать многое.

Пристально посмотрев на меня, майор молча подал мне руку. Мы вместе вышли из комнаты.

Глава XII. ШОТЛАНДСКИЙ ПРИГОВОР

Мы прошли через прихожую. Майор открыл дверь в длинную узкую комнату, служившую для курения и выходившую окнами во двор.

Мой муж был здесь один и сидел в дальнем конце комнаты у камина. Когда я вошла, он встал, не говоря ни слова. Майор осторожно затворил дверь и вышел. Юстас не сделал ни шага ко мне навстречу. Я бросилась к нему, обвила его шею руками и поцеловала. Он не обнял меня, не поцеловал, только пассивно выносил мои ласки, и более ничего.

— Юстас, — вскричала я, — никогда так нежно, так горячо не любила я тебя, как в эту минуту! Никогда не чувствовала я к тебе того, что чувствую теперь!

Он тихо высвободился из моих объятий и машинально, вежливо, точно чужой, знаком пригласил меня сесть.

— Благодарю тебя, Валерия, — начал он холодным тоном, — ты не могла ничего иного сказать мне после всего, что случилось. Благодарю тебя.

Мы стояли у камина. Он отошел от меня, опустив голову, и, как видно, намеревался оставить комнату. Я последовала за ним, потом прошла вперед и заслонила собою дверь.

— Отчего ты оставляешь меня? — спросила я. — Почему ты говоришь со мной таким жестким тоном? Ты на меня сердишься, Юстас? Дорогой мой, милый, если ты на меня сердишься, то я прошу тебя, прости меня.

— Это я должен просить у тебя прощения, — возразил он. — Прости, Валерия, что я женился на тебе.

Он произнес эти слова с таким безнадежным, сокрушенным видом, что было невыносимо тяжело смотреть на него. Я протянула к нему руку и попросила:

— Юстас, взгляни на меня.

Он медленно поднял глаза и остановил на мне свой холодный, безжизненный взор, в котором выражалась непоколебимая покорность и отчаяние. В эту злополучную минуту я была так же спокойна и холодна, как муж мой. Вид его леденил меня.

— Неужели ты сомневаешься, что я верю в твою невиновность? — вскричала я.

Он не ответил, только тяжело вздохнул.

— Бедная женщина, — сказал он, совершенно как посторонний человек. — Бедная женщина!

Сердце мое так сильно билось, точно хотело выскочить из груди. Я оперлась на его плечо, чтобы не упасть.

— Я не прошу у тебя сострадания, Юстас; я прошу только справедливости. Ты ко мне несправедлив. Если бы ты открыл мне истину с первых дней, как мы узнали и полюбили друг друга, если бы ты рассказал мне все и даже более, чем я знаю теперь. Бог свидетель, я все равно вышла бы за тебя замуж. Теперь ты думаешь, что я не верю в твою невиновность!

— Я в том не сомневаюсь, — сказал он. — Все твои побуждения благородны. Ты говоришь и чувствуешь благородно. Не осуждай меня, бедное дитя мое, за то, что я вижу дальше твоего, вижу то, что должно произойти непременно, неминуемо в жестоком будущем.

— В жестоком будущем! — повторила я. — Что ты хочешь этим сказать?

— Ты веришь в мою невиновность, Валерия. Присяжные, судившие меня, сомневались в том и оставили меня в подозрении. По какой же причине, на каких основаниях ты, несмотря на судебный приговор, считаешь меня невиновным?

— Мне не нужно доказательств. Я верю в тебя вопреки присяжным, вопреки судебному приговору.

— А друзья твои будут ли того же мнения? Что скажут твои дядя и тетка, когда узнают о случившемся, а ведь рано или поздно они должны узнать. Они скажут тогда: «Он начал дурно; он скрыл от нашей племянницы, что был под судом, женился на ней под вымышленным именем. Он может говорить, что он невиновен, но можно ли верить его словам? После разбирательства дела приговор присяжных заявил: «Не доказано». Не доказано! Но разве это может удовлетворить нас? Если присяжные были несправедливы к нему, если он невиновен, пускай он это докажет». Вот что думает и говорит обо мне свет. Это же самое будут думать и говорить твои друзья. Наступит время, когда и ты, Валерия, будешь сама сознавать, что друзья твои правы.

— Никогда такое время не наступит! — горячо воскликнула я. — Ты несправедлив ко мне, ты меня жестоко оскорбляешь.

Он снял мою руку со своего плеча и отошел от меня, горько улыбаясь.

— Мы женаты только несколько дней, Валерия. Твоя первая любовь горяча, но время, которое все сглаживает, умерит также и пыл твоего чувства ко мне.

— Никогда! Никогда!

Он еще дальше отошел от меня и продолжал:

— Посмотри вокруг себя. В самых счастливых браках между мужем и женой происходят недоразумения и неприятности; на самом ясном небе семейной жизни появляются мрачные тучи. Когда наступят для нас такие дни, в тебе зародится сомнение и

страх, которого ты не испытываешь теперь. Когда небо твоей супружеской жизни покроется тучами, когда я скажу тебе первое грубое слово и ты необдуманно ответишь мне, то в уединении, в тишине бессонной ночи в памяти твоей возникнет странная смерть моей первой жены. Ты вспомнишь, что ответственность в том падала на меня и невиновность моя недоказана. Ты скажешь про себя: «Тогда, может быть, между ними тоже началось все с грубых слов. Неужели и между нами закончится тем же?» Ужасные вопросы для жены! Ты будешь с трепетом избавляться, стараться заглушить их, как добрая жена. Но на другой день, увидев меня, ты будешь настороже, я замечу это и пойму твое внутреннее состояние. Задетый за живое, я скажу тебе еще более грубые слова. В мыслях твоих тотчас же появится воспоминание, что мужа твоего судили как отравителя и что смерть его первой жены так и осталась не выясненной. Вот таким адом может стать наша семейная жизнь! Вот почему я предостерегал тебя, умолял тебя не пытаться открыть тайну! Могу ли я теперь в случае твоей болезни быть возле твоей постели и не возбуждать в тебе воспоминания о случившемся с моей первой женой. Подавая тебе лекарство, я буду казаться подозрительным, так как говорили, что я отравил ее лекарством. Подавая тебе чашку чая, я буду воскрешать в тебе мысль о том, что я, как говорили, положил мышьяк в ее чашку. Если, выходя из комнаты, поцелую тебя, тебе невольно вспомнится тот поцелуй, о котором говорили, что это скорее для соблюдения приличий и чтобы обмануть сиделку. Можно ли жить в таких условиях? Ни одно живое существо не в состоянии вынести таких мук. Еще сегодня я говорил тебе: «Если ты в этом деле сделаешь еще шаг вперед, погибнет счастье всей нашей жизни». Ты сделала этот шаг, и наступил конец нашему счастью. Жало сомнения проникло в тебя и в меня, и нам никогда не освободиться от него.

До сих пор я сдерживалась и слушала его, но при последних словах, перед картиной будущего, которую он нарисовал передо мной, я не могла более выдержать.

— Перестань говорить такие ужасы, — вскричала я. — Неужели в наши годы мы должны проститься с любовью, проститься с надеждой? Говорить это — значит оскорблять священные чувства: любовь и надежду.

— Ты еще не ознакомилась с материалами процесса, — отвечал он, — но ты, вероятно, решилась на это?

— Прочту все до последнего слова. Я возымела намерение, которое ты должен теперь узнать, Юстас.

— Никакие намерения твои, Валерия, — ни любовь, ни надежда — не могут изменить неумолимых фактов. Моя первая жена умерла от яда, и суд присяжных не оправдал меня от обвинения в ее отравлении. Пока это не было тебе известно, мы могли еще быть счастливы, но теперь, когда ты узнала эту роковую тайну, я повторяю: наша супружеская жизнь кончена.

— Нет, — сказала я. — Теперь, напротив, наша супружеская жизнь только начинается, появилась новая цель для преданности жены, новая причина для ее любви.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я подошла к нему и взяла его за руку.

— Что говорит о тебе свет, по твоему мнению? — спросила я. — Что скажут о тебе мои друзья? «Не доказано» — разве такое решение может удовлетворить нас? Если суд был к нему несправедлив, если он невиновен, пускай докажет это». Не эти ли слова влагал ты в уста моих друзей? Хорошо, я скажу больше: мне недостаточно того, что обвинение не доказано. Докажи свою невинность, Юстас, добейся того, чтобы суд сказал: невиновен. Чего ты ждал три года? Не догадываюсь ли я? Не ожидал ли ты, чтоб тебе в этом помогла жена? Так вот, она перед тобою, готовая помогать тебе и сердцем, и умом, готовая доказать свету и присяжным, что муж ее невиновен в выдвинутом ему обвинении.

Я была в возбужденном состоянии, пульс мой лихорадочно бился, и голос звучно раздавался в комнате. Тронула ли я его? Каков будет его ответ?

— Прочти процесс, — прозвучало мне в ответ.

Я схватила его за руку. В порыве негодования и отчаяния я сжала ее изо всех сил.

Господи, помилуй! Я, кажется, готова была ударить его за тон и взгляд, с которым он произнес эти слова.

— Я уж говорила тебе, что намерена непременно прочитать его, — сказала я, — и прочитать от строчки до строчки. Произошло какое-то страшное недоразумение, допущена непростительная ошибка, не представлено в твою пользу нужных доказательств: какие-то подозрительные обстоятельства не исследованы, не попали на след виновного. Юстас! Я твердо убеждена, что тобою и твоими защитниками оставлено без внимания какое-нибудь важное обстоятельство или совершена ошибка. Решимость исправить этот несправедливый приговор родилась в душе моей в ту минуту, как только я услышала о ней. Мы исправим ее, не правда ли? Мы должны исправить ее ради тебя, ради меня, ради детей, если Господь благословит нас ими. О мой милый, мой дорогой, не смотри на меня таким холодным взором. Не отвечай таким жестким тоном. Не обращай со мной, как с глупой, безумной женщиной, возмечтавшей о невозможном!

Ничто не могло повлиять на него. Он заговорил скорее с сожалением, чем с холодностью:

— Меня защищали лучшие адвокаты в стране. Если все усилия их остались безуспешны, то что можешь ты, Валерия, что могу я? Нам остается только покориться.

— Никогда! — вскричала я. — Никогда! Самые лучшие адвокаты такие же смертные, как и мы, они также делают ошибки! Ты не можешь отрицать этого!

— Прочти процесс, — в третий раз повторил он жестокие слова и замолчал.

Совершенно отчаявшись растрогать его и сознавая, чувствуя с болью в сердце беспощадную справедливость его слов, несмотря на все то, что я говорила в порыве любви и преданности, я подумала о майоре Фиц-Дэвиде. При своем душевном расстройстве я совсем забыла, что майор уж пытался убедить его, но безуспешно. Я слепо верила в эту минуту, что майор как старый друг может повлиять на него.

— Я тебя не убедила? — спросила я. Он отвернулся вместо всякого ответа. — Так подожди одну минуту, — продолжала я. — Я хочу, чтобы ты выслушал еще одно мнение.

Я оставила его и вернулась в кабинет. Майора там не было. Я постучала в дверь, ведущую в соседнюю комнату, и майор тотчас же вышел ко мне. Доктора уже не было, а Бенджамин все еще оставался тут.

— Не поговорите ли вы с Юстасом? — спросила я. — Скажите ему, что...

Не успела я договорить, как парадная дверь открылась и затворилась. Майор Фиц-Дэвид и Бенджамин также слышали это, они молча переглянулись.

Прежде чем майор успел остановить меня, я бросилась в ту комнату, где оставила мужа. Комната была пуста. Мой муж ушел.

Глава XIII. НА ЧТО РЕШИЛСЯ МУЖ

Моей первой мыслью было бежать за Юстасом на улицу. Майор и Бенджамин воспротивились этому безрассудному намерению. Они напомнили мне о чувстве собственного достоинства, но это (насколько я помню) не произвело на меня никакого впечатления. Уговоры их были успешнее, когда они попросили меня иметь терпение ради моего мужа и подождать еще полчаса. Если же он не вернется по истечении этого времени, они сами отправятся со мной отыскивать его в гостиницу.

Ради Юстаса я согласилась ждать. Нет возможности передать словами, что я выстрадала в эти минуты пассивного ожидания. Но лучше я продолжу свой рассказ.

Бенджамин первый спросил меня о том, что произошло между мною и мужем.

— Вы смело можете говорить, моя дорогая. Я знаю обо всем случившемся с вами в доме майора. Никто не рассказывал мне о том, я сам догадался. Вы, может быть, помните,

что я был поражен, когда вы впервые упомянули имя Маколан. Я тогда не мог сразу припомнить, в чем дело, теперь я все знаю.

Услышав это, я, ничего не скрывая, рассказала им содержание разговора между нами. К величайшему моему огорчению, оба приняли сторону моего мужа и назвали мои намерения безумными бреднями. Они отвечали мне его же словами: «Вы еще не читали процесса». Я вышла из себя.

— Для меня достаточно факта! — вскричала я. — Мы знаем, что он невиновен! Почему же невиновность его не доказана? Она должна быть и будет доказана! Если процесс покажет мне, что это невозможно, я не поверю ему. Где книга, майор? Дайте мне убедиться собственными глазами, Действительно ли защитники не оставили мне никакого выхода. Разве они любили его, как я? Дайте мне книгу.

Майор Фиц-Дэвид взглянул на Бенджамина.

— Если я исполню ее желание, это только усилит ее волнение и огорчение, — сказал он. — Как вы думаете?

Я возразила прежде, чем Бенджамин успел открыть рот.

— Если вы мне откажете в моей просьбе, майор, — воскликнула я, — вы заставите меня отправиться в ближайший книжный магазин и купить там эту книгу о процессе. Я твердо решила прочитать ее.

Теперь Бенджамин принял мою сторону.

— Ничто не может ухудшить положение этого дела, — сказал он. — С вашего позволения, я советовал бы предоставить ей действовать по ее усмотрению.

Майор встал и вынул книгу из шифоньерки, куда он спрятал ее.

— Моя молодая приятельница сообщила мне, что она рассказала вам о своей непростительной вспышке, случившейся несколько дней тому назад, — сказал он, подавая мне книгу. — Я до сих пор не знал, какую бросила она книгу, когда разбила вазу. Оставив вас одну в комнате, я полагал, что отчет о процессе был на своем месте, на верхней полке книжного шкафа. Признаюсь, мне было очень любопытно узнать, осмотрите ли вы эту полку. Разбитая ваза — теперь нет надобности скрывать это от вас — была подарена мне вашим мужем и его первой женой за неделю до ее страшной смерти. Я предчувствовал в ту минуту, когда ваш взор был устремлен на обломки этой вазы, что вы достигнете своей цели и откроете роковую тайну; это взволновало меня, и мне показалось, что мой вид выдал мою тревогу и вы это заметили.

— Я действительно это заметила, майор, и смутно сознавала, что я на пути к открытию. Не угодно ли вам посмотреть на часы, не прошел ли уж назначенный срок?

Мое нетерпение обмануло меня: получаса еще не прошло.

Все медленнее и медленнее тянулось время, а муж мой не возвращался. Мы напрасно старались поддерживать разговор, это нам не удавалось. Наступила глубокая тишина, прерываемая лишь уличным шумом. Одна неотвязная мысль, как я ни отгоняла ее от себя, все упорнее гнездилась у меня в голове в эти минуты мучительного ожидания. Я содрогалась, спрашивая себя, неужели супружеская жизнь моя действительно кончилась и Юстас в самом деле меня покинул?

Майор заметил то, что ускользнуло от проницательности Бенджамина, что моя твердость начинала слабеть под тяжестью ожидания.

— Давайте отправимся в гостиницу, — произнес он.

Недоставало еще пяти минут до получаса. Я взором поблагодарила майора за эту уступку: говорить я не могла. Молча отправились мы втроем в гостиницу.

Хозяйка встретила нас в зале. Юстаса никто не видал, и ничего о нем не знали. Но в моей комнате наверху меня ожидало письмо, за несколько минут до моего прихода принесенное рассыльным.

Дрожа и задыхаясь, поднялась я по лестнице, оба джентльмена следовали за мной. Адрес на конверте был написан рукой моего мужа. Сердце у меня сжалось при взгляде на эти строки. Зачем пишет он мне? Не таятся ли в этом конверте его прощальные слова? Я сидела

ошеломленная, опустив письмо на колени, не в состоянии распечатать его.

Добрейший Бенджамин пытался утешить и ободрить меня. Майор, как человек опытный в обращении с женщинами, заставил его замолчать.

— Подождите, — сказал он ему шепотом. — Теперь с ней не следует говорить. Дайте ей немного прийти в себя.

Как бы повинуюсь внезапному побуждению, я протянула к нему руку с письмом. Каждая минута была дорога, если Юстас действительно покинул меня. Теряя время, мы могли потерять возможность вернуть его.

— Вы его старый друг, майор, — сказала я. — Вскройте письмо и прочтите его мне.

Майор распечатал конверт и сначала прочитал письмо про себя. Прочитав, он с негодованием бросил его на стол.

— Его можно извинить, — сказал он, — потому что он сошел с ума.

После этих слов мне стало все ясно.

Уже зная самое худшее, я могла прочесть письмо. Вот оно:

«Моя возлюбленная Валерия!

Читая эти строки, ты услышишь мое последнее «прости». Я возвращаюсь к своей одинокой, мрачной жизни, к жизни, которую я вел, прежде чем узнал тебя.

Дорогая моя, я жестоко поступил с тобою. Тебя обманул человек, публично обвиненный в отравлении своей жены и не оправданный присяжными. И ты это знаешь!

Можешь ли ты сохранить ко мне доверие и уважение после такого обмана? Нам можно было бы жить счастливо, если б ты не знала истины. Но теперь, когда ты ее знаешь, это невозможно.

Все, что я могу сделать во искупление своей вины, — это расстаться с тобою. Единственная надежда на счастье в будущем заключается для тебя в разлуке с опозоренным человеком. Я люблю тебя, Валерия, люблю глубоко, преданно, страстно. Но призрак отравленной жены стоит между нами. Хотя никогда и в помышлении у меня не было нанести вред моей жене, но невиновность моя не доказана. И нет возможности доказать ее на этом свете. Ты молода, полна надежд, натура любящая, благородная. Доставь другому счастье, Валерия, своими редкими достоинствами и прелестями. Они слишком велики для меня. Отравленная женщина стоит между нами. Если бы ты жила со мною, ты тоже постоянно видела бы ее, как и я. Этой пытки ты не должна знать. Я люблю тебя и потому расстанусь с тобой.

Ты считаешь меня жестоким и бессердечным. Потерпи немного, и время изменит твои воззрения. Через несколько лет ты скажешь себе: хотя он низко обманул меня, все же в нем было чувство благородства, у него хватило мужества освободить меня.

Да, Валерия, я возвращаю тебе свободу. Если есть возможность разорвать наш брак, я согласен. Возврати свою независимость, воспользуйся ею и будь уверена в моей полной покорности. Я в этом случае дал нужные инструкции своим поверенным. Твой дядя может обратиться к ним, и я полагаю, он останется доволен моей готовностью оказать тебе справедливость. Теперь я думаю только об одном: как бы устроить твое счастье и благосостояние в будущем, то и другое невозможно при нашем с тобой союзе.

Не могу более писать. Это письмо будет тебя ожидать в гостинице. Бесплезно меня разыскивать. Я знаю свою слабость: сердце мое принадлежит тебе, и, увидев тебя еще раз, я, пожалуй, не в состоянии буду устоять против своего чувства. Покажи это письмо своему дяде и друзьям, мнение которых ты уважаешь. Мне остается только написать мое опозоренное имя, и всякий одобрит и поймет, почему я это делаю. Это имя оправдывает, вполне оправдывает это письмо. Прости мне и забудь меня. Прощай!

Этим письмом он прощался со мною навсегда шесть дней спустя после нашей свадьбы.

Глава XIV. ОТВЕТ ЖЕНЫ

До сих пор я писала о себе с полной откровенностью и, честно говоря, с немалым мужеством. Но и откровенность, и мужество изменяют мне, когда я смотрю на прощальное письмо моего мужа и вспоминаю о страшной буре страстей, поднявшейся в моей душе. Нет, я не могу, я не смею сказать правду о себе в те ужасные минуты. Мужчины, призовите на помощь свое знание женщин и представьте себе, что я чувствовала. Женщины, загляните в свое сердце, и вы поймете мои ощущения!

Что же я сделала, когда немного пришла в себя, гораздо легче рассказать. Я отвечала на письмо моего мужа. На следующих страницах я приведу этот ответ. Я хочу, насколько возможно, передать впечатление, произведенное на меня его бегством, побудительные причины, поддерживавшие меня, и надежды, воодушевлявшие меня, в новой тяжелой жизни.

Я переехала из гостиницы к доброму, старому другу моего отца, Бенджамину. Он приготовил для меня комнату в своем маленьком загородном домике. Здесь провела я первую ночь после разлуки с мужем и только к утру, истомленная и измученная, сомкнула наконец глаза и несколько отдохнула.

Во время завтрака майор Фиц-Дэвид приехал справиться обо мне. Накануне он был у поверенных моего мужа и говорил с ними обо мне. Они объяснили ему, что знают о местопребывании Юстаса, но что им строго запрещено сообщать его адрес кому бы то ни было. Во всех других отношениях распоряжения их клиента касательно жены были, как они выразились, «в высшей степени благородны и великодушны». Мне только стоило написать им, и они с первой же почтой вышлют мне копию его указаний.

Вот новости, привезенные мне майором. Со свойственным ему тактом он спросил меня лишь о здоровье и не задал больше никаких вопросов. После этого он распрощался со мной и имел длинный разговор с Бенджамином в саду.

Я удалилась в свою комнату и написала дяде Старкуатеру, подробно поведав ему обо всем случившемся и приложив копию письма мужа. Окончив все это, я вышла подышать свежим воздухом, но скоро устала и вернулась в свою комнату. Мой добрый Бенджамин предоставил мне полную свободу оставаться одной сколько мне угодно. После полудня я значительно оправилась и могла думать об Юстасе без слез и разговаривать с Бенджамином, не пугая и не расстраивая доброго старика.

В эту ночь я спала гораздо лучше и наутро была настолько спокойна и бодра, что могла исполнить мой первый и главный долг, а именно: отвечать мужу.

Вот что я написала ему:

«Я еще слишком утомлена и слаба, Юстас, чтобы писать тебе подробно, но вполне владею рассудком. Я составила себе определенное мнение о тебе и твоём письме и решила, что я должна делать теперь, когда ты меня покинул. Иные женщины в моем положении решили бы, что ты потерял всякое право на доверие. Я так не думаю и потому излагаю тебе прямо и откровенно все свои мысли.

Ты говорил, что любишь меня и потому удаляешься. Я не понимаю, как можно бросить женщину, любя ее. Я со своей стороны, несмотря на тягостные мысли, высказанные и написанные тобою, несмотря на твой неожиданный отъезд, я люблю тебя и не брошу. Нет! Пока я жива, я останусь твоей женой.

Это удивляет тебя? Это удивляет и меня самоё. Если б другая женщина написала то же самое своему мужу после того, как он поступил бы с нею так, как ты

поступил со мною, я сочла бы ее поведение очень странным. Я также странным нахожу и свой поступок. Я должна бы ненавидеть тебя, а я не могу разлюбить тебя. Мне стыдно за себя, но я говорю правду.

Не бойся, что я буду стараться открыть твое убежище или уговаривать вернуться ко мне. Я не настолько безумна. Ты не в состоянии вернуться ко мне, ты сам не свой, но, когда успокоишься и одумаешься, ты сам вернешься ко мне, я в этом уверена. И неужели я буду иметь слабость простить тебя? Да, да это верно, я буду слаба и прощу тебя.

Но каким образом ты оправишься? Вот вопрос, над которым я думаю день и ночь, и мне кажется, что ты никогда не оправишься без моей помощи.

Чем могу я помочь тебе? На это ответить легко. Чего не мог сделать для тебя закон, то сделает жена. Ты помнишь, что я сказала тебе в доме майора Фиц-Дэвида, когда пришла в себя после обморока и узнала вердикт Шотландского суда? Я сказала тебе, что решила доказать его неправильность. Да! Письмо твое еще более укрепило во мне эту решимость. Единственное средство возвратить тебя ко мне как мужа любящего и раскаивающегося, заключается в том, чтобы изменить подлый Шотландский приговор «не доказано» на честный английский вердикт «невиновен».

Ты удивляешься, что, полная невежда по части законов, я высказываю теперь некоторые соображения? Я изучала их, мой милый; закон и женщина теперь знакомы между собой. Как истая англичанка я обратилась к «Лексикону» Огильви, и он подсказал мне; приговор «не доказано» означает, что во мнении присяжных виновность подсудимого не доказана; приговор «невиновен» означает, что присяжными доказана невиновность подсудимого. Юстас! Такой приговор должен быть произнесен над тобою целым светом, и в особенности Шотландским судом. Этому делу посвящу я всю жизнь свою, если Господь поможет мне.

Кто поможет мне, когда я буду нуждаться в помощи, этого я еще не знаю. Было время, когда я думала, что мы с тобой пойдем рука об руку для совершения этого важного дела. Теперь я лишилась этой надежды. Я не буду более ожидать или просить, чтобы ты помог мне. Человек, который думает, как ты, не может никому помочь; его удел безнадежность. Пусть будет так! Я буду надеяться за двоих и действовать за двоих. И я найду себе помощь, если буду ее достойна.

Я не буду ничего сообщать тебе о моих планах, я еще не читала отчета о процессе. Для меня достаточно того, что я уверена в твоей невиновности. Если человек невиновен, должно найтись средство доказать это; главное, напасть на путеводную нить. Рано или поздно, с посторонней помощью или без нее, но я найду эту нить. Да! Еще не зная подробностей твоего процесса, я с уверенностью говорю тебе: я достигну своей цели!

Ты можешь смеяться или плакать над этой слепой уверенностью. Я не забочусь о том, буду ли я предметом насмешек или сострадания. Я уверена в одном: обвиняемый будет возвращен свету оправданным и незапятнанным благодаря стараниям его жены.

Пиши мне иногда, Юстас, и верь мне; несмотря на всю горечь настоящего, верь в любовь и преданность.

ВАЛЕРИЯ».

Вот мой ответ! Как ни плох он с литературной стороны (теперь я могу написать гораздо лучше), но он имеет свое достоинство: он честно и откровенно выражал мои чувства и мысли.

Я прочла его Бенджамину. Он поднял руку кверху, это был его обычный жест, когда что-нибудь очень удивляло или поражало его.

— Это самое безрассудное письмо из всех, какие когда-либо были написаны, — сказал старик. — Никогда не слыхал я, Валерия, чтобы женщина бралась за такое дело. Господи, помилуй! Я совсем не понимаю нового поколения. Желал бы я, чтобы дядя ваш, Старкуатер,

был здесь! Послушал бы я, что он сказал бы на это! О, дорогая моя! Что это за письмо жены к мужу! И вы намерены его отправить?

Я отвечала утвердительно, к величайшему удивлению моего старого друга. Я хотела прочесть «указание», оставленное моим мужем, и взяла с собой письмо, чтобы передать его поверенным.

Фирма принадлежала двум компаньонам. Когда я приехала к ним в контору, они оба вместе приняли меня. Один был сухощавый, нежный господин с кислой улыбкой, другой — полный, с сердито нахмуренными бровями. Оба не понравились мне. Они, как видно, чувствовали ко мне сильное недоверие. С первых же слов между нами произошел разлад. Они показали мне указание моего мужа, состоявшее в том, что он назначал половину своих доходов в пожизненное пользование своей жены, но я решительно отказалась от этих денег и заявила, что никогда не возьму из них ни одного фартинга.

Поверенные были непритворно поражены и удивлены таким решением. Ничего подобного ни разу не случилось им встретить в течение долговременной своей практики. Они спорили и убеждали меня отказаться от намерения. Компаньон с сердитыми бровями просил меня объяснить причины такого поступка. Господин с кислой улыбкой заметил ему, что я дама и, следовательно, не могу дать ему желаемых объяснений. Вместо всякого ответа я просила их передать мое письмо по назначению и оставила контору.

Я не желаю приписывать себе качеств, которых во мне нет. Я поступила так потому, что гордость запрещала мне принять что-либо от Юстаса после того, как он меня покинул. Мое собственное маленькое состояние (800 фунтов годового дохода) оставалось за мной по брачному контракту. Этого было более чем достаточно для одинокой женщины, и я решила этим довольствоваться. Бенджамин настаивал, чтоб я жила у него и считала дом его своим. При таком сложившемся положении предстояли расходы только на ведение дела для оправдания моего мужа. Я могла и хотела быть вполне независимой.

Пока я исповедую свои слабости и заблуждения, я, по справедливости, должна прибавить, что, несмотря на любовь к моему несчастному, заблуждающемуся мужу, я не могла простить ему одного. Прощая все, я никак не могла примириться с мыслью, что он утаил от меня свою первую женитьбу. Почему именно эта мысль была так горька и нестерпима для меня, я не в состоянии объяснить. Тут замешалась, как мне кажется, ревность. А между тем нелепо было ревновать, в особенности при воспоминании об ужасной смерти несчастной женщины. Когда я впадала в уныние или была в дурном расположении духа, я все-таки говорила себе: «Юстас не должен был скрывать от меня этой тайны». Что сказал бы он, если бы я была вдовой и скрыла от него это?

Домой я вернулась уже к вечеру. Бенджамин, как видно, поджидал меня, потому что отворил мне садовую калитку, прежде чем я успела позвонить.

— Приготовьтесь к сюрпризу, дорогая, — сказал он. — Ваш дядя, почтенный доктор Старкуатер, приехал и желает вас видеть. Получив сегодня утром ваше письмо, он с первым же поездом отправился в Лондон.

Через минуту я была уже в крепких объятиях своего дяди. В своем одиночестве я глубоко чувствовала всю доброту пастора, немедленно приехавшего в Лондон, чтобы увидеть меня, и от души была ему благодарна. Глаза мои наполнились слезами, но слезы эти не были горькими и тяжелыми.

— Я приехал за тобою, дорогое дитя, — сказал он. — Не нахожу слов, чтоб выразить тебе, как я глубоко сожалею, что ты покинула нас с теткой. Но довольно об этом! Зло содеяно, остается только, насколько возможно, исправить его. О, если бы мои руки были так длинны, что я мог бы достать до твоего мужа, тогда, Валерия, тогда! Прости, Господи! Я забываю, что я лицо духовное. Вот чудо-то! Кстати, тетка тебя нежно целует. Она сделалась еще суевернее. Эта несчастная история ее несколько не удивила. Она уверяет, что все это произошло оттого, что ты сделала ошибку, подписав свое имя в церковной книге. Ты, вероятно, помнишь? Представь себе, какой вздор! Совсем безумная женщина моя жена, но у нее доброе сердце. Она приехала бы сюда со мной, если бы я согласился взять ее с собой. Но

я сказал ей: «Оставайся, смотри за домом и приходом, а я привезу наше дитя». Мы отправимся домой, если ты можешь встать рано, с девятичасовым поездом завтра утром.

Отправимся в пасторат! Да разве это возможно? Как же я могу достигнуть своей цели, похоронив себя в глуши? Нет, мне невозможно сопровождать доктора Старкуатера в его селение.

— От души благодарю вас, дядя, — сказала я, — но мне нельзя оставить Лондон в настоящее время.

— Ты не можешь оставить Лондон в настоящее время? — повторил он. — Что хочет она сказать, мистер Бенджамин?

Бенджамин уклонился от прямого вопроса, он только сказал:

— Она может оставаться здесь сколько ей угодно. Она знает, что я ей рад.

— Это не ответ, — вскричал дядя с горячностью и обратился ко мне: — Что удерживает тебя в Лондоне? Ты его прежде терпеть не могла. Есть же для этого какая-нибудь причина?

Должна же я была рано или поздно открыть свои намерения моему доброму покровителю и другу. Собравшись с силами, я откровенно изложила перед ним суть дела. Он слушал меня, едва переводя дыхание. Потом обратился к Бенджамину с сокрушенным видом, смешанным с изумлением.

— Господи, помилуй! — вскричал он. — Бедняжка совсем сошла с ума!

— Я был уверен, что вы не одобрите ее намерений, — сказал Бенджамин своим тихим и мягким голосом. — Я, признаюсь, тоже против этого.

— Не одобряю, это слишком мягко сказано, сударь! — воскликнул пастор. — Ее намерения — настоящее безумие.

Он повернулся ко мне и посмотрел на меня так, как бывало, когда он читал наставления непослушному ребенку.

— Ты не будешь, я полагаю, упорствовать в таком решении?

— Мне очень прискорбно потерять ваше доброе отношение, дядя, — отвечала я, — но должна сознаться, что твердо решила исполнить свое намерение.

— Неужели ты настолько самонадеянна, что воображаешь успеть в том, чего не могли сделать лучшие шотландские адвокаты? Они общими силами, несмотря на все свои старания, не могли доказать его невиновность. А ты одна хочешь сделать это? Право, ты удивительная женщина, — вскричал дядя и вдруг, переходя от негодования к иронии, продолжал: — Могу я, ничтожный деревенский пастор, не привыкший к адвокатам в юбках, спросить вас, что вы думаете делать?

— Я думаю сначала внимательно прочесть все о процессе, дядя.

— Прекрасное чтение для молодой женщины! А затем почитай еще несколько французских романов и повестей, это тебе тоже пригодится. А когда прочтешь отчет о процессе, тогда что? Подумала ты об этом?

— Конечно, подумала. Я сначала постараюсь (то есть по прочтении отчета о процессе) сделать для себя заключение, кто действительно совершил преступление. Потом составлю список свидетелей, выступавших в защиту моего мужа, отправлюсь к ним и объясню, кто я и что мне нужно. Я обращусь к ним с такими вопросами, которые могли показаться солидным адвокатам слишком ничтожными или мелочными. Я буду потом руководствоваться полученными ответами и не буду приходить в отчаяние от затруднений, которые могут мне встретиться на пути. Вот мои планы, дядя.

Пастор и Бенджамин переглянулись между собою, точно сомневаясь, действительно ли они все это видели и слышали. Пастор заговорил первым.

— Правильно ли я понял тебя? — спросил он. — Ты хочешь отправиться по разным городам и сама разыскать незнакомых тебе людей, рискуя встретить Бог знает какой прием? Ты, молодая женщина, брошенная своим мужем! Одна, без покровителя! Слышали вы, мистер Бенджамин? Верите вы своим ушам? Я небо призываю в свидетели, что не знаю, во сне или наяву вижу это и слышу. Вы посмотрите на нее. Она так спокойно сидит, точно не

сказала ничего необыкновенного и не собирается ничего делать из ряда вон выходящего. Но что же буду я с ней делать? Скажите, пожалуйста, что должен я делать?

— Предоставьте мне действовать и сделать попытку, какой бы она ни показалась вам безрассудной, — сказала я. — Ничто другое не успокоит и не утешит меня, а Бог видит, как я нуждаюсь в успокоении и утешении. Не считайте меня упрямой. Я сама очень хорошо осознаю, что меня ожидает множество затруднений и препятствий.

Пастор снова вооружился своим ироническим тоном.

— О! — сказал он. — Ты это сознаешь? Отлично! И это уже шаг вперед.

— Многие другие женщины и до меня, — продолжала я, — решались вступать в борьбу из-за любимого человека, и им удавалось достигнуть цели.

Доктор Старкуатер поднялся с места с видом человека, потерявшего всякое терпение.

— Должен ли я из этого заключить, что ты любишь мистера Юстаса Маколана? — спросил он.

— Да, — отвечала я.

— Ты любишь героя знаменитого процесса об отравлении? Человека, который обманул тебя и бросил? Ты любишь его?

— Более прежнего.

— Мистер Бенджамин, — сказал он, — если она придет в себя к десяти часам завтрашнего утра, то пришлите ее к этому времени в Локслейскую гостиницу, где я остановился. Прощай, Валерия. Я посоветуюсь с теткой, что нам делать далее. Более мне нечего сказать.

— Поцелуй меня, дядя, хоть раз на прощание.

— Пожалуй, поцелую. Сколько тебе угодно. Я дожил до шестидесяти пяти лет и полагал, что научился понимать женщин, а оказывается, что я ничего не смыслю. Мой адрес — Локслейская гостиница, мистер Бенджамин. Прощайте.

У Бенджамин был очень серьезный вид, когда он вернулся, проводив пастора до калитки сада.

— Прошу вас, обдумайте все хорошенько, — сказал он. — Я не утверждаю, что мой взгляд на это дело безошибочен, но мнение вашего дяди заслуживает внимания.

Я не возражала, так как это было бы бесполезно. Я знала, что меня не поймут и не одобрят, и готовилась к этому.

— Прощайте, мой добрый друг, — сказала я Бенджамину. Потом повернулась и ушла в свою комнату с глазами, полными слез.

В спальне моей шторы не были спущены, и осенняя луна заливала комнату ярким светом.

Стоя у окна и любясь луной, я вспомнила другую лунную ночь, когда мы с Юстасом гуляли вместе в пасторском саду еще до свадьбы. Это была та самая ночь, в которую, как я уже говорила выше, Юстас, ввиду препятствий к нашему браку, предложил возратить мне данное ему слово. Я видела перед собой его милое лицо, я слышала его слова и свои. «Прости меня, — говорил он, — что я так страстно, так преданно тебя любил. Прости меня и забудь».

А я отвечала: «О, Юстас, я женщина, не своди меня с ума. Я не могу жить без тебя! Я должна, я хочу быть твоей женой». И вот мы обвенчаны и разлучены. Разлучены, страстно любя друг друга! А почему? Потому что он был обвинен в преступлении, которого не совершил, и потому что шотландские присяжные не сумели отличить невинного от виновного.

Любуясь прелестной лунной ночью, я отдалась воспоминаниям и думам. Новые силы поднимались во мне. «Нет! — сказала я себе. — Ни друзья, ни родные не заставят меня отказаться от дела мужа. Доказать его невиновность будет целью всей моей жизни; примусь за дело в нынешнюю же ночь».

Я спустила штору и зажгла свечу. В тишине ночи одна, без чьей бы то ни было помощи, сделала я первый шаг по трудному пути, лежавшему передо мной. От заглавия до

последней страницы, не переводя дух и не пропуская ни одного слова, я прочитала отчет о процессе по обвинению моего мужа в отравлении его первой жены.

Глава XV. ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Еще раз должна я сознаться в слабости, прежде чем начну изложение процесса. Я не в состоянии переломить себя и вновь написать ужасный заголовок, позорящий имя моего мужа. Я уже ознакомила с ним в десятой главе, довольно и того.

Перевернув страницу, я нашла заметку, удостоверяющую в совершенной правильности и полноте отчета. Составлявший его заявлял, что пользовался некоторыми преимуществами, что сам председатель суда просматривал свою речь к присяжным, а также и прокурор, и защитники подсудимого — свои речи. Наконец, свидетельские показания все были тщательно проверены. Заметка эта доставила мне большое удовольствие, успокоив меня насчет верности отчета даже в мельчайших подробностях.

Следующая страница еще более заинтересовала меня. Она представляла список лиц, принимавших участие в этой судебной драме, людей, которые держали в своих руках честь и жизнь моего мужа. Вот они:

Лорд — председатель суда
Лорд Друмфенник, Лорд Ноблекир — судьи
Лорд-адвокат (Минтлоу), Дональд Дрю, эсквайр — представители обвинения
Мистер Джеймс Арлисс — коронный судья
Старшина адвокатов (Формайкель), Александр Кракст (адвокат), эсквайр —
защитники подсудимого
Мистер Торнибек, Мистер Плеймор — присяжные заседатели

Затем следовал обвинительный акт. Я не буду выписывать эту неуклюжую речь со всеми ненужными повторениями и погрешностями против грамматики, речь, в которой мой муж торжественно и ложно обвинялся в отравлении своей первой жены. Чем короче будет этот ложный и ненавистный акт на этих страницах, тем лучше.

Ограничимся следующей выпиской: Юстас Маколан «обвинялся Давидом Минтлоу, эскв., лордом-адвокатом Ее Величества» в причинении смерти жене своей посредством отравления в имении его, называемом Гленинч, в Мид-Лосиане. Яд был злоумышленно и преступно дан подсудимым жене своей, Сапе, в два приема: в первый раз мышьяк был положен в чай, второй раз — в лекарство, а может быть, и «в иное питье или пищу, неизвестные обвинителю». Далее говорилось, что жена обвиняемого умерла от яда, данного ей мужем в том или другом виде, а может быть, и в обоих, и что таким образом была умерщвлена им. В следующем за тем параграфе заявлялось, что Юстас Маколан при Джоне Давиоте, эсквайре, адвокате, помощнике шерифа Мид-Лосиана, в Эдинбурге 29-го октября дал письменное показание в своей невинности. Это показание вместе с другими документами и бумагами значилось в описи как доказательство в пользу обвиняемого. Обвинительный акт заканчивался заявлением, что если подсудимый будет признан присяжными виновным, то он, Юстас Маколан, «должен быть наказан по законам, чтобы примером своим предохранить других от совершения подобных преступлений».

Вот обвинительный акт! Я покончила с ним и очень тому рада.

Затем следовал длинный перечень бумаг, документов, вещественных доказательств, занимавший следующие три страницы. Далее шел список свидетелей, список присяжных (числом 15) и, наконец, начиналось изложение самого процесса, который в уме моем делился на три вопроса; и в таком виде я намерена изложить его здесь.

Глава XVI. ВОПРОС ПЕРВЫЙ: ОТ ЯДА ЛИ ОНА УМЕРЛА?

Заседание открылось в десять часов. Обвиняемый был приведен перед верховным эдинбургским уголовным судом. Он почтительно поклонился и тихим голосом отвечал: «Невиновен».

Все присутствующие заметили, что лицо подсудимого выражало жестокое страдание. Он был мертвенно-бледен, глаза его ни разу не обратились к публике. Когда являлись свидетели, он внимательно их осматривал и затем снова опускал глаза в пол. Когда показания касались болезни и смерти его жены, он был глубоко растроган и закрывал свое лицо руками. Публика вообще с удивлением замечала, что подсудимый, мужчина, выказал гораздо менее самообладания, чем женщина, которую судили перед ним и уличили в убийстве. Некоторые из зрителей (меньшинство) истолковали это в пользу обвиняемого. Самообладание при таких ужасных обстоятельствах означало, по их мнению, страшную бесчувственность мерзкого, закоснелого преступника и было признаком виновности.

Первым свидетелем был вызван Джон Давиот, эсквайр, помощник шерифа в Мид-Лосиане. Его расспрашивал лорд-адвокат (обвинитель). Он показал:

— «Обвиняемый был приведен ко мне по настоящему делу. Он дал словесное и письменное показание 29-го октября и дал его свободно и добровольно, после сделанного ему предварительного должного внушения».

Признав подлинность письменного показания, помощник шерифа, допрашиваемый старшиною адвокатов (со стороны защиты), продолжал:

— «Подсудимый обвинялся в убийстве. Ему было объявлено о том прежде, чем он подписал показание. Вопросы задавались частично мной, частично судебным следователем. Ответы давались отчетливо и, насколько я могу судить, искренно, без утайки. Все они вошли в показание».

Клерк шерифа официально предъявил письменное показание и подтвердил его подлинность.

Появление следующего свидетеля произвело заметное оживление в зале. Это была сиделка по имени Христина Ормсей, ухаживавшая за мистрис Маколан во время последней ее болезни.

После первых формальностей сиделка (допрашиваемая лордом-адвокатом) объявила:

— «Меня позвали в первый раз к покойной леди 7-го октября. Она страдала сильной лихорадкой и ревматизмом левого колена. До этого, как я слышала, она отличалась хорошим здоровьем. Ухаживать за ней было не трудно, нужно было только уметь взяться за дело и приноровиться к ее характеру. Она была вспыльчива и упряма, но не зла; ее легко было раздражить, вывести из себя, а также и успокоить. Мне кажется, что она сделалась такою вследствие своей несчастной супружеской жизни. Она не была ни скрытна, ни сдержанна, напротив того, очень общительна и откровенна в отношении себя и своих горестей, в особенности с людьми, стоящими ниже ее, как я. Она, не стесняясь, рассказывала мне, когда поближе познакомилась со мною, что она очень несчастна и ее огорчает обращение с ней мужа. Однажды ночью, когда ей не спалось, она сказала мне...»

Старшина адвокатов прервал ее. Он от имени подсудимого обратился к судьям, спрашивая их, неужели такие пустые речи могут приниматься за доказательства?

Лорд-адвокат как сторона обвинения заявил, что он имеет право предъявлять любые доказательства. При настоящем положении дела очень важно установить по свидетельству беспристрастного лица, какие отношения были в то время между мужем и женой. Свидетельница была личность очень почтенная, сумевшая заслужить доверие покойной.

После краткого совещания судьи единогласно решили, что подобные показания не

могут служить доказательством, что будет выслушано судом только то, что свидетельница видела и слышала сама.

Затем лорд-адвокат продолжил допрос свидетелей. Вот показания Христины Ормсей:

— «Как сиделка я, конечно, чаще всех видела мистрис Маколан и потому могу сообщить многое, неизвестное другим лицам, только изредка заходившим в ее комнату.

Я имела случай наблюдать и убедиться, что мистер и мистрис Маколан не были счастливы в своем супружестве. Я могу рассказать вам факт, не слышанный мною от кого-нибудь, а замеченный мною самой. В последние дни моего пребывания у мистрис Маколан приехала погостить в Гленинч молодая вдова мистрис Бьюли, кузина мистера Маколана. Покойница ревновала к ней мужа, и она обнаружила это накануне смерти, когда мистер Маколан пришел к ней узнать, как она провела ночь. «О, — вскричала она, — не все ли тебе равно, как я спала! Разве ты заботишься о моем сне? Как провела ночь мистрис Бьюли — это другое дело! Все так ли она прелестна? Ступай к ней, пожалуйста, ступай к ней! Не теряя времени со мной!» Начав таким образом, она все более и более горячилась и наконец пришла в иступление. Я в это время причесывала ей голову и, находя свое присутствие тут неуместным, хотела выйти из комнаты, но она запретила мне это. Мистер Маколан, так же как и я, нашел, что при подобных обстоятельствах долг мой предписывал мне удалиться, и он сказал об этом прямо. Мистрис Маколан настаивала, чтобы я осталась, в таких дерзких выражениях, что муж сказал ей: «Если вы не умеете сдерживать себя, то или сиделка, или я должны оставить комнату». Она и тут не согласилась. «Какой прекрасный предлог, чтобы пойти к мистрис Бьюли!» — заметила она. Он воспользовался этими словами и вышел вон. Едва затворил он за собою дверь, как больная разразилась бранью против мужа и между прочим упомянула, что для него было бы величайшим удовольствием услышать о ее смерти. Я пыталась очень почтительно возражать ей, она схватила щетку для волос и бросила ею в меня, а потом отказала мне от места. Я вышла и решила подождать, пока гнев ее утихнет. Когда я через несколько минут возвратилась к ее постели, все пошло по-прежнему.

Теперь не мешает сказать несколько слов для объяснения ревности ее к кухне мужа. Мистрис Маколан была очень некрасива: глаза у нее косили, цвет лица чрезвычайно нехороший (если смею так выразиться), какой-то землистый. Мистрис Бьюли, напротив того, была очень привлекательная, красивая женщина. Глаза ее приводили всех в восторг, у нее был свежий, прелестный цвет лица. Бедная мистрис Маколан совершенно несправедливо говорила, что она красится.

Но ужасный цвет лица бедной леди происходил не от болезни, это был природный недостаток.

Болезнь ее (если я должна определить) была, скорее, беспокойная, чем опасная. До последнего дня не было никаких серьезных симптомов. Ревматизм в колене заставлял ее страдать при малейшем движении, и ей необходимо было лежать в постели, что ее очень сердило. Впрочем, в ее положении, до рокового припадка, не было ничего опасного.

У ее постели был устроен передвижной столик, книги и письменные принадлежности находились у нее под руками, она иногда очень много читала и писала. В другое же время спокойно лежала, погружившись в свои мысли, или разговаривала со мною и двумя леди, своими приятельницами, которые постоянно навещали ее.

Писала она, насколько мне известно, стихи, и, кажется, очень хорошие. Однажды она показала мне некоторые из своих стихотворений. Я в этом деле не судья, но стихи ее всегда были грустные, мрачные, она с отчаянием говорила о себе, о том, зачем она родилась, и разные нелепые вещи. О муже рассказывала она, что он жесток с ней и не замечает ее достоинств. Словом, письменно она выражала то же неудовольствие, что и вслух. Бывали минуты, и нередко, когда ангел небесный и тот не угодил бы ей.

Во время своей болезни она занимала одну и ту же комнату, большую спальню (самую лучшую в доме), на втором этаже. План комнаты, показанный мне на суде, совершенно согласуется с той, насколько я помню. Одна дверь отворялась в широкий коридор, в который выходили все двери. Вторая дверь, боковая, помеченная на плане буквою Б, выходила в

спальню мистера Маколана, а третья, помеченная буквою В, в противоположной стене, сообщалась с комнатой, служившей кабинетом мистрис Маколан-матери, когда она приезжала в Гленинч, и никогда не отворялась в ее отсутствие. Мистрис Маколан-матери не было в Гленинче, когда я там находилась. Дверь эта была заперта, и ключ из нее вынут. Я не знаю, у кого находился этот ключ и был он один или несколько. Дверь при мне никогда не отворялась. Один раз входила я туда с экономкой, но через дверь, выходящую в коридор.

Я могу положительно и точно говорить о болезни миссис Маколан и о внезапно происшедшей перемене в ее положении, перемене, окончившейся ее смертью. По приказанию доктора я записывала числа, часы и другие подробности. Прежде чем прийти сюда, я просмотрела свои заметки.

С седьмого октября, с того дня, когда я вступила к ней в должность, по 20-е число того же месяца здоровье ее медленно, но постепенно поправлялось. Коленка все меньше беспокоила ее, и воспалительное состояние прекратилось. Что касается других симптомов, то не было никаких, кроме слабости от лежания в постели и нервного раздражения. Должно еще прибавить, что она плохо спала. Против этого, впрочем, доктор прописал ей успокоительные капли.

Утром 21-го числа в седьмом часу я увидела впервые, что с мистрис Маколан случилось что-то недоброе.

Я вдруг услышала звон колокольчика, стоявшего на столике у ее постели. Надо вам сказать, что я уснула в третьем часу на диване в спальне от сильнейшей усталости. Мистрис Маколан не спала и была в очень дурном расположении духа. Я хотела было убрать с ее ночного столика туалетный несессер, когда она окончила свой вечерний туалет, так как несессер этот занимал много места и не понадобился бы ей до утра. Но она настоятельно запретила мне. В шкапулке было зеркало, и она, несмотря на свою некрасивую внешность, беспрестанно смотрелась в него. Видя, что она не в духе, я повиновалась и оставила ей несессер. После этого она рассердилась, не хотела ни говорить со мной, ни принять успокоительных капель, и я легла в этой же комнате на софу и крепко уснула.

В ту же минуту, как она позвонила, я вскочила и, подойдя к постели, спросила ее, что с нею. Она жаловалась на слабость, тяжесть в груди и тошноту. На вопрос мой, не принимала ли она лекарство или не съела ли чего-нибудь, она отвечала, что муж приходил к ней с час тому назад и дал ей успокоительных капель. Мистер Маколан, спавший в соседней комнате, пришел к нам, услышав, что мы разговариваем. Он также пробудился от звона колокольчика. На слова жены о каплях он ничего не ответил. Мне показалось, что слабость жены его встревожила. Я предложила ей выпить воды с вином или водкой. Она отвечала, что не может проглотить ни вина, ни водки, так как у нее и без того жжет в желудке. Я приложила руку к ее желудку, слегка, едва дотронулась, она вскрикнула от боли.

Этот симптом испугал меня. Мы сейчас же послали за доктором Гелем, который лечил мистрис Маколан во время ее болезни. Но последний, казалось, не более нашего понимал, отчего произошла такая перемена в состоянии больной. Услышав, что она жалуется на жажду, он велел дать ей молока. Тотчас после того ее вырвало, и стало как будто лучше. Вскоре она задремала. Господин Гель ушел, строго наказав нам сразу же послать за ним, если ей будет хуже.

Ничего подобного, однако, не случилось. В продолжение трех часов, если не более, она спокойно спала и, проснувшись в половине десятого, спросила о муже. Я отвечала, что он ушел в свою комнату, и предложила позвать его. Но она сказала, что не нужно. Я поинтересовалась, не желает ли она чего-нибудь выпить или скушать, но и на это она отвечала «нет» каким-то странным, беззвучным голосом и прибавила, что я могу идти вниз завтракать. Спускаясь по лестнице, я встретила экономку, которая и пригласила меня завтракать в свою комнату; обыкновенно же я завтракала на кухне. Я пробыла у нее не более получаса.

Поднимаясь по лестнице, я встретила служанку, подметавшую площадку. Она сообщила мне, что мистрис Маколан в мое отсутствие выпила чашку чаю. Камердинер

мистера Маколана, по приказанию своего господина, велел ей заварить чай, что она и исполнила и отнесла чашку в комнату больной. Сам мистер Маколан, как она говорила, открыл ей дверь, когда она постучалась, и взял чай у нее из рук. Когда он отворял дверь, она заметила, что в комнате, кроме мистрис Маколан, никого не было.

Поговорив немного со служанкой, я возвратилась в спальню. Мистрис Маколан лежала спокойно, отвернувшись к стене, а в комнате никого не было. Приблизившись к кровати, я на что-то наступила. Это была разбитая чашка. «Кто это разбил чашку?» — спросила я мистрис Маколан. Она, не оборачиваясь, каким-то странным, глухим голосом отвечала мне: «Я уронила ее». «Не выпивши чай?» — спросила я. «Нет, — сказала она, — отдавая назад чашку мистеру Маколану». Я расспрашивала ее об этом, для того чтобы снова сходить за чаем, если она еще не пила его. Я очень хорошо помню как свои вопросы, так и ее ответы. Потом я спросила ее, долго ли она оставалась одна. «Да, — отвечала она, — я все старалась заснуть». — «А лучше ли вы себя чувствуете?» — «Да», — опять отвечала она. Пока мы обменивались этими словами, она все время лежала, отвернувшись к стене. Наклонившись над нею и поправляя одеяло, я взглянула на столик. Письменные принадлежности лежали на нем в беспорядке, и на одном из перьев еще не высохли чернила. «Вы, верно, писали, сударыня?» — спросила я. «А почему же не писать, если мне не спалось?» — отвечала она. «Новую поэму?» — спросила я. «Да, новую поэму», — сказала она, горько засмеявшись. «Это хорошо, — прибавила я, — значит, вы поправляетесь, и не будет надобности посылать сегодня за доктором». Она ничего не ответила, только сделала нетерпеливый жест рукой. Я не поняла этого движения, и она сказала сердитым тоном: «Я желаю побыть одна, оставьте меня».

Я должна была повиноваться. Она, как видимо, не нуждалась в сиделке в это время. Я подвинула к ней поближе звонок и ушла вниз. Прошло полчаса, а колокольчика все не было слышно. Я как-то была беспокойна, сама не знаю почему. Ее странный глухой голос раздавался у меня в ушах. Я была недовольна, что оставила ее одну на такое длительное время, но не смела пойти к ней без зова, зная ее горячий характер. Наконец я решила пойти в комнату нижнего этажа, называемую «утренней» и посоветоваться с мистером Маколаном. Он всегда находился по утрам в этой комнате, но теперь его там не было, комната была пуста.

В эту самую минуту я услышала голос мистера Маколана на террасе. Я прошла туда и застала его разговаривающим с мистером Декстером, его старым другом, так же (как и мистрис Бьюли) гостившим в Гленинче. Мистер Декстер сидел у окна на верхнем этаже (он был калека, безногий, и передвигался только вместе со своим креслом), а мистер Маколан разговаривал с ним, стоя внизу на террасе.

«Декстер, — говорил он, — где миссис Бьюли? Видели вы ее?» Мистер Декстер отвечал скороговоркой: «Нет, я ничего о ней не знаю».

Тогда я подошла к мистеру Маколану, извинилась, что беспокою его, и сообщила ему о своем затруднении: идти без зова в комнату его супруги или не идти. Прежде чем он успел что-либо ответить, на террасу явился слуга и сказал, что мистрис Маколан звонит, и звонит очень настойчиво.

Было одиннадцать часов. Быстро поднявшись по лестнице, я поспешно вошла в спальню. Не успела я отворить дверь, как услышала стоны. Она ужасно страдала, у нее жгло в желудке и в горле и опять тошнило, как утром. Хотя я не доктор, однако видела, что этот второй припадок значительно сильнее первого. Позвонив, чтобы послать за мистером Маколаном, я бросилась к двери посмотреть, нет ли где поблизости служанки. Я увидела в коридоре только мистрис Бьюли; она шла из своей комнаты, чтобы справиться о мистрис Маколан, как она говорила. «Мистрис Маколан серьезно заболела, — сказала я ей. — Не потрудитесь ли вы сказать мистеру Маколану, чтобы он послал поскорее за доктором». Она спустилась вниз, чтобы исполнить мое поручение.

Только что я возвратилась к постели больной, как мистер Маколан и мистрис Бьюли вместе вошли в комнату. Мистрис Маколан бросила на них какой-то странный взор (взор,

которого я не сумею описать) и велела им оставить ее. Мистрис Бьюли казалась очень испуганной и немедленно удалилась. Мистер Маколан, напротив того, приблизился к кровати жены. Она опять так же странно посмотрела на него и вскричала полуугрожающим, полуумоляющим тоном: «Оставьте меня с сиделкой! Уйдите!» Он только шепнул мне: «За доктором поехали», — и вышел вон.

Прежде чем прибыл доктор Гель, мистрис Маколан сильно вырвало какой-то мутной пеной, слегка окрашенной кровью. Доктор Гель, увидев это, принял очень серьезный и тревожный вид. Я слышала, как он пробормотал про себя: «Что бы это значило?» Он приложил все старания чтобы облегчить страдания больной, но все было тщетно. Несколько времени спустя ей как будто полегчало, потом опять началась рвота, и так попеременно ей делалось то лучше, то хуже. В течение этого времени руки и ноги были у нее холодны как лед. Я несколько раз их ощупывала. А доктор, измеряя пульс, постоянно твердил: «Слаба, чрезвычайно слаба». Я спросила его: «Но что же это такое? Что нам делать, сударь?» Доктор Гель отвечал: «Я не могу принять на себя одного такую ответственность, нужно послать за доктором в Эдинбург».

Запрягли в кабриолет самую крепкую в гленинческих конюшнях лошадь и послали в Эдинбург за знаменитым доктором Жеромом. Пока мы ожидали его приезда, мистер Маколан с доктором Гелем пришли в комнату больной. Как ни была она истощена, однако тотчас же подняла руку и сделала ему знак выйти. Он ласково уговаривал ее позволить ему остаться с ней. Но нет! Она настаивала, чтобы он ушел. Это, казалось, оскорбило его: в такое время и в присутствии доктора она не хотела видеть его! Прежде чем она догадалась, что хочет он сделать, он быстро подошел к ее кровати, наклонился и поцеловал ее в лоб. Она с криком отшатнулась от него. Доктор Гель вступился и выпроводил его из комнаты.

К вечеру прибыл мистер Жером. Знаменитый врач вошел в комнату в ту минуту, когда у нее случился новый приступ рвоты. Он внимательно, не говоря ни слова, наблюдал за нею во время пароксизма и после, когда она успокоилась. Мне казалось, что он никогда не закончит своего обследования. Наконец, он попросил меня оставить его наедине с мистером Гелем. «Мы позвоним, когда вы нам понадобится», — добавил он.

Прошло много времени, прежде чем они позвонили. Кучера тем временем снова отправили в Эдинбург с письмом доктора Жерома к его камердинеру, которого он извещал, что в продолжение нескольких часов он не вернется в город к своим пациентам. Из этого многие из нас заключили, что мистрис Маколан чувствует себя очень плохо, другие же полагали, что доктор надеется спасти ее и ожидает, пока пройдет кризис.

Наконец меня позвали. Когда я вошла в спальню, доктор Жером отправился поговорить с мистером Маколаном, оставив меня с господином Гелем. С этой минуты до самой смерти бедной леди я не оставалась с нею наедине. Один из докторов был постоянно в комнате. Для них была приготовлена закуска, но они и в это время чередовались: один уходил, другой оставался. Если бы они давали лекарства своей пациентке, то меня не удивило бы такое их поведение. Но они отказались уже от лечения и, казалось, только караулили больную. Я решительно не понимала, в чем дело, и находила поведение врачей чрезвычайно странным. Сидеть у постели больной должна была я, а не они.

Когда зажгли лампу, я увидела, что конец близок. Больная, казалось, не страдала более, только иногда ей судорогой сводило ноги. Глаза глубоко ввалились, все тело было холодное и в испарине, губы не только побелели, но посинели. Ничто не могло вывести ее из апатии, кроме попытки мужа увидеть ее. Он вошел в комнату с доктором Жеромом, вид его был ужасен. Она уже лишилась речи, но в ту же минуту, когда его увидела, слабым движением и каким-то невнятным звуком дала понять, что не позволяет ему приближаться к себе. Он так был поражен этим, что доктор Гель должен был помочь ему выйти из комнаты. Никого другого не допускали к больной. Мистер Декстер и мистрис Бьюли приходили к дверям справляться о больной, но в комнату их не впускали. Когда наступил вечер, доктора сидели по обе стороны постели, безмолвно ожидая ее смерти.

Было восемь часов. Руки, казалось, отнялись у нее и беспомощно лежали на одеяле.

Потом она как будто впала в глубокий сон. Ее тяжелое дыхание мало-помалу становилось слабее. В двадцать минут десятого доктор велел мне поднести лампу к кровати, посмотрел на нее, положил ей руку на сердце и сказал мне: «Вы можете идти вниз, здесь все кончено». Потом, обратившись к мистеру Гелю, он прибавил: «Не угодно ли будет вам узнать, может ли мистер Маколан переговорить с нами?» Я отворила дверь доктору Гелю и последовала за ним. Доктор попросил у меня ключ от двери. Я подала ему ключ, но, признаюсь, находила все это очень странным. Когда я сошла в людскую, я нашла, что все в каком-то тревожном состоянии, все думали, что в доме что-то неладно. Мы беспокоились, сами не зная о чем.

Немного спустя доктора уехали. Мистер Маколан был совершенно не в состоянии принять их и выслушать, что они хотели сообщить ему. А потому они переговорили с мистером Декстером как со старым другом мистера Маколана и единственным мужчиной в доме.

Прежде чем ложиться спать, я отправилась наверх, чтобы одеть покойницу для погребения. Комната, в которой она лежала, была заперта как из коридора, так и из кабинета мистрис Маколан-матери. Ключи были взяты доктором Гелем. Двое слуг караулили у дверей. Их должны были сменить в четыре часа утра, вот все, что я узнала от них.

За отсутствием всяких объяснений и распоряжений я взяла на себя смелость постучаться у двери мистера Декстера. Из уст его я услышала страшную новость: оба доктора отказались выдать свидетельство о смерти. На следующее утро будут вскрывать тело покойной».

Этим заканчивались показания Христины Ормсей. Как ни была я несведуща в законах, могла четко представить, какое впечатление они должны были произвести на присяжных. Доказав, что мой муж имел две возможности дать яд: один раз в лекарстве, другой — в чае, представители обвинительной власти старались внушить присяжным, что подсудимый воспользовался этими случаями, чтобы освободиться от безобразной и ревнивой жены, ужасный характер которой он не в состоянии был выносить долее.

Достигнув своей цели, лорд-адвокат окончил допрос. Старшина адвокатов, защищавший подсудимого, старался отметить хорошие стороны характера мистрис Маколан при передопросе свидетельницы. Если бы ему это удалось, присяжные могли изменить свое убеждение относительно того, что покойница могла вывести мужа из терпения своими капризами. В таком случае зачем же мужу было отравлять ее? И обвинение могло бы поколебаться вследствие этого.

Допрашиваемая искусным адвокатом сиделка принуждена была выставить мистрис Маколан совсем в ином свете. Вот суть ее показаний защитнику:

«Я утверждаю, что у мистрис Маколан был чрезвычайно несдержанный характер. Правда, она была тотчас же готова загладить обиду, сделанную ею сгоряча. Когда она успокаивалась, то обыкновенно извинялась передо мной, и делала это чрезвычайно мило и любезно. В эти минуты в ней было что-то привлекательное. Она говорила и поступала как настоящая леди. Что же касается ее наружности, то хотя лицо у нее было некрасивое, но прекрасная, стройная фигура, руки и ноги точно изваяны искусным художником. Голос у нее был очень приятный, и она превосходно пела. Кроме того, как рассказывала мне ее горничная, она умела хорошо одеваться и служила образцом для всех соседних леди. Что же касается мистрис Бьюли, то мистрис Маколан хотя и ревновала мужа к молодой вдове, но доказала также, что умеет сдерживать это чувство. Когда мистрис Бьюли хотела отложить свое посещение по случаю болезни хозяйки, то не мистер Маколан, а жена его уговаривала мистрис Бьюли не откладывать, а немедленно приехать в Гленинч. Далее, говорила она, мистрис Маколан была любима своими друзьями и любима прислугой. Все в доме плакали, когда узнали о ее смерти. Что же касается ссор с мужем, при которых присутствовала сиделка, то мистер Маколан никогда не выходил из себя и не употреблял грубых выражений: он казался всегда более огорчен, чем рассержен».

Из всего вышесказанного присяжным предстояло решить два вопроса: могла ли такая женщина, как мистрис Маколан, довести мужа до желания отравить ее? И был ли он

способен отравить жену свою?

Произведя передопросом своим противоположное первому впечатление, старшина адвокатов сел. Теперь вызваны были доктора. Здесь очевидность была неоспорима.

Доктор Жером и доктор Гель показали под присягой, что все симптомы указывали на отравление мышьяком. Лекарь, производивший вскрытие тела, подтвердил их слова, и наконец для довершения этого поразительного свидетельства два химика предъявили мышьяк, найденный ими в теле покойницы, в достаточном количестве, чтобы убить двух человек. Таким образом разрешался первый вопрос: от отравы ли она умерла? И разрешался он утвердительно, не оставалось никакой возможности сомневаться.

Другие свидетели должны уже были отвечать на следующий таинственный и ужасный вопрос: кто отравил ее?

Глава XVII. ВОПРОС ВТОРОЙ: КТО ОТРАВИЛ ЕЕ?

Первый день заседания суда закончился показаниями докторов и химиков.

На следующий день показания со стороны обвинения вызвали всеобщее любопытство и интерес. Суд выслушал сначала показания официальных лиц, производивших следствие в Гленинче по делу совершения преступления. Судебный следователь, производивший первоначальное дознание, был вызван первым во второй день.

На допросе лорда-адвоката следователь отвечал: «Двадцать шестого октября я получил уведомление о смерти мистрис Маколан от доктора Жерома из Эдинбурга и от Александра Геля, частнопрактикующего врача, живущего в деревне Дингдови, близ Эдинбурга. Уведомление гласило о каких-то подозрительных обстоятельствах, сопровождавших кончину супруги мистера Маколана в Гленинче, близ Дингдови. При этом присланы были мне два акта: один о вскрытии тела покойной, другой об открытии, сделанном химиками при исследовании некоторых, ее внутренних органов. Результат обоих исследований ясно показывал, что мистрис Маколан умерла от отравления мышьяком.

При таких обстоятельствах я тотчас же произвел следствие в гленинческом доме и окрестностях, сделал все, что мог, чтобы пролить хоть малейший свет на обстоятельства, сопровождавшие кончину мистрис Маколан, но ни откуда не получил никаких сообщений ни о смерти, ни о виновном, кроме уведомления докторов. Дознания в Гленинче и окрестностях, начатые мной 26-го октября, продолжались до 28-го числа. Основываясь на некоторых открытиях моих подчиненных, на письмах, мною самим прочитанных, и других документах, доставленных мне, я составил обвинительный акт против подсудимого и испросил приказ об его аресте. Он был допрошен шерифом двадцать девятого октября и предан уголовному суду».

Когда судебный следователь окончил свои показания, вызваны были лица, служащие у него. Они сообщили сведения в высшей степени интересные. Это были те роковые открытия, на основании которых судебный следователь обвинил моего мужа в убийстве своей первой жены. Первым из свидетелей выступил помощник шерифа Исая Скулькрафт.

Допрошенный лордом-адвокатом и его товарищем, господином Дрю, Исая Скулькрафт показал следующее:

«Двадцать шестого октября я получил приказ отправиться в Гленинч, поместье, лежащее недалеко от Эдинбурга. Я взял с собой Роберта Лорри, помощника следователя. Мы сначала осмотрели комнату, в которой скончалась мистрис Юстас Маколан. На постели и на передвижном столике, стоящем у кровати, мы нашли книги, письменные принадлежности и лист бумаги с неоконченным стихотворением, написанным рукой покойной. Все эти вещи мы завернули в бумагу и запечатали.

Потом мы открыли индийскую шифоньерку, стоящую здесь же в спальне. В ней мы

обнаружили много стихов и других бумаг, исписанных той же рукой, а также несколько писем и в уголке на одной из полок скомканную бумагу. При внимательном осмотре на этом клочке оказался печатный ярлык и несколько крупинок белого порошка. И письма, и эту бумажку мы также тщательно завернули и запечатали.

Дальнейший осмотр этой комнаты не привел ни к чему и не пролил ни малейшего света на все это дело. Мы осмотрели гардероб, драгоценности и книги покойной, и все это заперли. Мы нашли ее туалетный несессер и, опечатав его, отправили судебному следователю вместе с другими вещами, найденными нами в этой комнате.

На следующий день мы продолжали обыск в доме, получив от судебного следователя новые инструкции. Мы начали с комнаты, дверь которой выходила в спальню мистрис Маколан. Она была заперта со дня ее смерти. Не найдя в ней ничего, что могло бы иметь значение для следствия, мы перешли в другую комнату, где, как нам сказали, подсудимый лежал больной в постели. Он страдал нервным расстройством со дня смерти своей жены и последовавшего за тем судебного следствия. Он, говорили нам, был не в состоянии принимать посторонних. Но мы, несмотря на это, вследствие полученных нами инструкций, настоятельно требовали, чтобы нас пустили в его комнату. Когда мы спросили его, не вынес ли он чего-либо из своей спальни, бывшей рядом со спальней его жены, в эту комнату, в которой он лежал, он ничего не ответил, только закрыл глаза, как бы не имея сил говорить или вовсе не замечая нас. Не беспокоя его более, мы принялись за осмотр комнаты и находящихся в ней предметов.

Пока мы занимались этим, нас вдруг поразил странный звук. Это было что-то похожее на стук колес, катившихся по коридору.

Дверь отворилась, и в комнату быстро въехал джентльмен, безногий, сам управляющий креслом, в котором он сидел. Он направился к маленькому столику, стоявшему у постели подсудимого, и что-то сказал ему шепотом. Тот открыл глаза и знаком отвечал ему. Мы очень почтительно объявили безногому джентльмену, что не можем допустить его присутствие в комнате в эту минуту. Он, казалось, не обратил ни малейшего внимания на наши слова, только ответил: «Меня зовут Декстером. Я один из старых товарищей мистера Маколана. Не я, а вы не имеете права быть здесь». Мы снова повторили ему, что он должен оставить комнату, и заметили ему, что он так поставил свое кресло, что мешает нам осмотреть столик у постели. Он захохотал. «Да разве вы не видите, — сказал он, — что это стол, и более ничего». На это мы возразили ему, что действуем по законному предписанию и что он может подвергнуться ответственности, препятствуя нам исполнять свои обязанности. Видя, что наши предостережения несколько на него не действуют, я взял и отодвинул его кресло, между тем как Роберт Лорри перенес столик на другой конец комнаты. Безногий джентльмен вышел из себя от гнева, что я осмелился дотронуться до его кресла. «Мое кресло — это я, сударь, — сказал он, — как вы смеете распускать руки». Я отворил дверь и, уважая его каприз, толкнул кресло не рукою, а палкой. Кресло, таким образом приведенное в движение, быстро и благополучно выкатилось из комнаты.

Затворив дверь, чтобы предупредить вторичное вторжение, я присоединился к Роберту Лорри и стал осматривать столик. В нем оказался ящик, который был заперт.

Мы попросили ключ у подсудимого. Он решительно отказался дать нам его, заявив, что мы не имеем права отпирать его ящички. Он был ужасно рассержен и сказал, что счастье наше, что он слаб и не может встать с постели. Я вежливо отвечал ему, что мы по обязанности должны осмотреть ящик и что если он отказывается дать нам ключ, то мы должны будем взять столик с собою и отпереть его с помощью слесаря.

Пока мы спорили, кто-то постучал в дверь. Я осторожно отворил, но вместо ожидаемого мною безногого джентльмена я увидел другого незнакомого господина. Подсудимый приветствовал его как друга и соседа и горячо просил его заступиться за него. Этот второй господин был очень любезен в обращении. Он тотчас же объяснил нам, что за ним посылал мистер Декстер, что он поверенный, и попросил нас показать ему наше предписание. Прочитав его, он сказал подсудимому (как видно, к величайшему удивлению

последнего), что он должен покориться и разрешить нам осмотреть ящик, хотя и может это опротестовать. И потом, без дальнейших разговоров, взял ключ и сам открыл нам ящик.

Мы нашли в нем несколько писем и большую книгу с замочком. На ней была надпись золотыми буквами: «Мой дневник». Мы, конечно, овладели письмами и книгой и, запечатав, передали следователю. Этим временем поверенный написал протест от имени подсудимого и вручил нам его вместе со своей визитной карточкой, из которой мы узнали его имя, это Плеймор, один из защитников подсудимого в настоящее время. Визитку, протест и другие документы мы передали следователю. Никаких других открытий мы в Гленинче не сделали.

Вслед за этим мы отправились в Эдинбург к аптекарю, фамилия которого значилась на ярлыке найденной нами скомканной бумажки, и к другим аптекарям, которых нам поручено было расспросить. Двадцать девятого октября все собранные нами сведения были уже доставлены судебному следователю и наши обязанности закончились».

Показания Лорри вполне соответствовали показанию Скулькрафта. При передопросе они ни в чем нисколько не изменились и были в высшей степени неблагоприятны для подсудимого.

Положение его еще более ухудшилась, когда был вызван новый свидетель. Выступление drogиста, фамилия которого значилась на скомканной бумаге, еще более усугубило безнадежное положение бедного моего мужа.

Эндрю Кинлау, эдинбургский drogист, показал следующее:

«У меня есть особая книга, в которой я записываю отпускаемые мною яды. В означенное в ней число мистер Маколан, находящийся в настоящую минуту на скамье подсудимых, зашел в мой магазин и попросил мышьяк. Когда я спросил, зачем он ему нужен, он сказал мне, что в нем нуждается садовник для истребления насекомых в оранжерее. Он тотчас же назвал мне свое имя: мистер Маколан из Гленинча. Я приказал своему помощнику отпустить ему две унции мышьяка и занес это в книгу. Мистер Маколан расписался в получении, и я сам засвидетельствовал. Заплатив за мышьяк, завернутый в две бумажки (на каждой из них был ярлык с моей фамилией и адресом и надписью «Яд» крупными буквами), он вышел. Предъявленная бумажка с ярлыком, найденная в Гленинче, совершенно такая же, какую я отпустил тогда».

Следующий свидетель Потер Стокдаль (также drogист из Эдинбурга) показал:

«Подсудимый зашел в мой магазин в день, означенный в моей книге. Как видно, несколько дней спустя после числа, означенного в книге мистера Кинлау. Он потребовал на шесть пенсов мышьяка. Помощник мой, к которому он обратился, позвал меня. В моем магазине взято за правило не отпускать яд без моего уведомления. Я спросил подсудимого, на что ему нужен мышьяк, и услышал в ответ: «Для истребления крыс в Гленинче». «Имею я честь говорить с мистером Маколаном из Гленинча?» — спросил я. Он ответил утвердительно. Я продал ему полторы унции мышьяка, насыпал его в склянку с надписью «Яд», сделанной моей собственной рукой. Он расписался в книге, взял мышьяк и, заплатив за него, вышел».

Передопрос этих двух свидетелей вызвал некоторые технические противоречия в их показаниях. Но тот факт, что мой муж сам покупал мышьяк, остался неопровергнутым.

Новые свидетели: садовник и повар из Гленинча, еще более скрепили цепь улик, немилосердно опутавшую подсудимого.

Садовник показал под присягой: «Я никогда не получал мышьяк от мистера Маколана, ни в означенное число, ни в какое-либо другое. Я никогда не употреблял мышьяк, и никто из моих подчиненных не употреблял его по моему распоряжению ни в саду, ни в оранжереях Гленинча. Я не одобряю его для истребления вредных насекомых, нападающих на цветы и растения».

Повар отвечал то же, что и садовник: «Ни господин мой, ни кто другой никогда не давал мне мышьяк для истребления крыс. Да это и не надо было. Я объявляю под присягой, что никогда не видал в доме крыс и не слышал о их появлении».

Прочая прислуга Гленинча подтвердила это показание. На передопросе они утверждали

то же самое, что в доме не было крыс и никто не слышал о них. И так, мышьяк был у моего мужа, и он никому не передавал его. Что он купил его, это было доказано, и что спрятал его у себя, явствовало из сделанных показаний.

Следующие свидетели еще более усилили обвинение. Купив мышьяк, что сделал с ним подсудимый? Факты прямо указывали на его употребление.

Камердинер подсудимого показал, что господин его позвонил в сорок минут десятого в день кончины мистрис Маколан и попросил его принести чашку чая для нее. Когда приказание это было ему отдано, дверь в комнату больной была открыта, и он очень хорошо видел, что там никого не было в это время.

Служанка, вызванная после камердинера, сказала, что она сделала чай и сама отнесла его в комнату мистрис Маколан в десятом часу. В дверях подсудимый взял у нее чашку из рук, и она хорошо видела, что в комнате больной, кроме него, подсудимого, никого не было.

Сиделка, Христина Ормсей, снова допрошенная, повторила слова, услышанные ею от мистрис Маколан в то утро, когда та почувствовала себя дурно: она сказала ей в шесть часов утра, что приходил мистер Маколан примерно час тому назад и, видя, что ей не спится, дал успокоительных капель. Это случилось в пять часов утра, когда Христина Ормсей спала на диване. Далее сиделка показала под присягой, что она тотчас же посмотрела на склянку с лекарством и заметила, что после того, как она давала капли, в ней оставалось капель еще на один прием.

Передопрос служанки и сиделки привлек особенное внимание. Он обнаружил, какой будет характер защиты.

Допрашивая служанку, старшина адвокатов спросил:

— Не замечали ли вы когда-нибудь, убирая комнату мистрис Маколан, чтобы в умывальнике вода была черноватого цвета?

Свидетельница отвечала:

— Никогда ничего подобного я не замечала.

Старшина адвокатов продолжал:

— Не находили ли вы порошок под подушкой или в другом каком потайном месте в спальне мистрис Маколан или не находили ли вы книги или брошюры о лечении от дурного цвета лица?

Свидетельница опять отвечала: «Нет». Но старшина адвокатов настаивал:

— Не слышали ли вы, что мистрис Маколан говорила что-нибудь о мышьяке как о средстве исправить цвет лица?

Свидетельница ответила: «Никогда».

Те же вопросы были предложены и сиделке, и опять прозвучали отрицательные ответы.

С этой минуты, несмотря на отрицательные ответы, для присяжных и прочей публики впервые прояснился план защиты. Чтобы предупредить возможность ошибки в этом серьезном деле, председатель, по удалении свидетельниц, обратился к защитнику со следующим вопросом:

— Суд и присяжные желают знать, с какой целью задавали вы эти вопросы служанке и сиделке. Не хочет ли защита доказать, что мистрис Маколан употребляла мышьяк, купленный ее мужем, для улучшения цвета своего лица?

Старшина адвокатов отвечал:

— Да, милорд, мы смотрим на дело с этой точки зрения и на этом основываем нашу защиту. Мы не можем оспаривать доказанного факта, смерти миссис Маколан от отравления. Но мы утверждаем, что она умерла от слишком большой дозы мышьяка, принятой ею по неведению, тайком в своей комнате, как средства для улучшения цвета ее лица, недостатка всеми признанного и доказанного. В показаниях подсудимого судье прямо сказано, что он покупал мышьяк по просьбе своей жены.

Председатель спросил тогда, не возражает ли кто-либо из присяжных против прочтения на суде показаний подсудимого.

На это старшина адвокатов отвечал, что будет рад чтению данного документа, так как

он может подготовить умы присяжных к защите, которую он предполагает вести.

Лорд-адвокат со своей стороны был доволен тем, что может в этом случае исполнить желание своего ученого собрата. Так как показания подсудимого, ничем не доказанные, послужат скорее против него, чем за него, то он охотно согласился выслушать чтение этого документа.

Вследствие этого, показание подсудимого, заявившего судье о своей невинности при обвинении его в отравлении жены, было зачитано. Привожу его:

«Я два раза покупал мышьяк по просьбе моей жены. В первый раз она сказала мне, что он нужен садовнику для оранжереи, во второй раз — что у нее попросил мышьяк повар, чтобы очистить дом от крыс.

Оба раза тотчас по возвращении домой я отдавал мышьяк жене. Мне он ни на что не был нужен. Обычно жена сама отдавала приказания садовнику и повару, всем распоряжалась она, а не я.

Я никогда не расспрашивал жену об использовании мышьяка, так как это меня совсем не интересовало. Я месяцами не заглядывал в оранжерею, так как я вовсе не охотник до цветов. Что же касается крыс, то я предоставил их истребление повару или кому-либо другому из прислуги, так как домашним хозяйством я совсем не занимался.

Жена моя никогда не говорила мне, что ей нужен был мышьяк для улучшения цвета лица. Я, конечно, был бы последним лицом, кому она открыла бы тайны своего туалета. Я просто поверил тому, что она мне говорила: что мышьяк нужен садовнику и повару.

Я положительно утверждаю, что у нас с женой были дружеские отношения, хотя и бывали между нами отдельные недоразумения, встречающиеся в семейном быту. Если я чувствовал разочарование относительно моего брака, то как муж и джентльмен я ставил себе в обязанность скрывать это от жены. Я был очень огорчен и поражен ее преждевременной смертью и глубоко сожалел, что недостаточно нежно заботился о ней при ее жизни.

Торжественно заявляю, что я так же мало знаю о том, как она приняла мышьяк, найденный в ее теле, как младенец в утробе матери. Я не виновен даже в помысле нанести какой-нибудь вред этой несчастной женщине. Я дал ей успокоительные капли, как они были в склянке, и подал ей чай, принятый из рук служанки, ничего туда не примешивая. Я не держал в руках мышьяк с тех пор, как отдал его жене. Я ничего не знал о том, как она использовала его или куда она его спрятала. Я призываю Бога в свидетели, что невиновен в ужасном преступлении, возводимом на меня».

Чтением этих искренних и трогательных слов окончилось заседание второго дня.

Я должна сознаться, что чтение отчета все более и более печалило меня, уменьшая мои надежды. Все свидетельские показания и улики второго дня были против моего мужа. Несмотря на то что я была женщина и пристрастна к нему, я не могла этого не видеть.

Беспощадный лорд-адвокат (я должна покаяться, что ненавидела его) доказал, во-первых, что Юстас купил яд; во-вторых, что причина покупки, объявленная дрогисту, была ложная; в-третьих, что у него было два удобных момента всыпать тайком яд своей жене.

Что же доказал старшина адвокатов со своей стороны? Ничего! Заявление подсудимого о своей невинности не подтверждалось никакими фактами, как уже заметил лорд-адвокат. Не было представлено никакого доказательства в том, что жена его тайком употребляла мышьяк для улучшения цвета своего лица.

Единственным моим утешением при чтении отчета о процессе было то, что я открыла существование двух друзей, на симпатию которых я, по всей вероятности, могла рассчитывать. Безногий Декстер в особенности выказал себя горячим сторонником моего мужа. Моя душа исполнилась теплого чувства к человеку, который креслом своим хотел защитить бумаги Юстаса. Я тут же решила, что мистеру Декстеру первому сообщу свои намерения и надежды. Если он найдет затруднительным для себя содействовать мне, тогда я обращусь к адвокату, мистеру Плеймору, второму другу моего мужа, который формально протестовал против захвата бумаг Юстаса.

Несколько успокоенная и подкрепленная этой решимостью, я перевернула страницу и

приступила к чтению третьего заседания.

Глава XVIII. ВОПРОС ТРЕТИЙ: КАКАЯ БЫЛА У НЕГО ПОБУДИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

На первый вопрос: от яда ли она умерла? — ответ был положительный. На второй: кто отравил ее? — предположительный. Теперь предстоял третий и последний вопрос: какая была у него побудительная причина? На это должны были ответить свидетельства родных и друзей покойной.

Леди Брайдгэвен, вдова контр-адмирала Джорджа Брайдгэвена, допрошенная мистером Дрю, показала:

«Покойная мистрис Юстас Маколан — моя племянница. Она была единственной дочерью моей сестры и жила у меня после смерти своей матери. Я была против этого брака, но мои доводы казались странными и сентиментальными ее друзьям. Мне очень тяжело говорить об этих обстоятельствах публично, но я готова принести эту жертву, если этого требует правосудие.

Подсудимый в то время, о котором я буду говорить, гостил у меня в доме. Однажды во время прогулки верхом с ним случилось несчастье: он серьезно повредил себе ногу. Нога же эта была уже у него прежде повреждена, во время его службы в Индии. Это обстоятельство серьезно ухудшало положение дела. Ему было предписано не вставать с дивана в продолжении нескольких недель. Все дамы, жившие в доме, взяли на себя обязанность по очереди сидеть около него, читать ему и разговаривать с ним. Племянница моя была первая среди этих добровольных сиделок. Она прелестно играла на фортепиано, а больной, к несчастью, очень любил музыку.

Последствия этих невинных отношений имели гибельный конец для моей племянницы. Она страстно привязалась к мистеру Маколану, но в нем не возбудила к себе взаимности. Я, насколько было возможно, старалась вмешаться в это дело, но племянница моя, к несчастью, отказала мне в своем доверии. Она настойчиво отрицала свое пламенное чувство к нему и утверждала, что лишь по-дружески привязалась к нему. Таким образом, я лишилась возможности разлучить их, не обнаружив настоящей причины, а это привело бы к скандалу, который мог навредить репутации моей племянницы. Муж мой был еще жив, и все, что я могла сделать тогда, я сделала. Я просила мужа моего тайно поговорить с мистером Маколаном и обратиться к его чести, чтобы выручить нас из затруднительного положения и не повредить репутации девушки.

Мистер Маколан поступил чрезвычайно благородно. Он был еще очень слаб, но, несмотря ни на что, через два дня после этого разговора с мужем оставил дом наш под таким предлогом, который невозможно было оспаривать.

Намерения были хорошие, но было уже поздно, и они не привели ни к чему. Зло уже принесло свои плоды, племянница стала чахнуть. Ни медицинская помощь, ни перемена воздуха и места не помогали ей. Вскоре, когда мистер Маколан оправился от болезни, я узнала, что она ведет с ним тайную переписку через посредничество своей горничной. Письма его, я обязана это сказать, были очень осторожны и благоразумны. Однако, я сочла своей обязанностью прекратить эту переписку.

Мое вмешательство — но могла ли я не вмешаться? — привело дело к развязке. В один прекрасный день племянница моя не явилась к завтраку, а на другой день мы узнали, что несчастное создание отправилось в Лондон на квартиру мистера Маколана, где друзья нашли ее спрятанной в его спальне.

Нельзя обвинять мистера Маколана в этой катастрофе. Услышав приближающиеся шаги и думая спасти честь девушки, он спрятал ее в соседней комнате, которая, на беду,

оказалась его спальней. Об этом сейчас же все заговорили и перетолковывали дело самым неблагоприятным образом. Муж мой снова разговаривал с мистером Маколаном, и он опять поступил в высшей степени благородно. Он публично заявил, что племянница моя посетила его в качестве невесты. Две недели спустя он заставил злые языки замолчать, повенчавшись с нею.

Я одна была против этого брака. Мне казался он роковой ошибкой, что и доказали последствия.

Довольно грустно было уже и то, что мистер Маколан женился на ней, не любя ее. Но, к довершению несчастья, он сам безнадежно любил женщину, вышедшую замуж за другого. Я знала, что он из сострадания отрицал эту любовь, из сострадания делал вид, что любит свою жену. Но его безнадежная любовь была фактом, достоверно известным его друзьям. Я считаю нелишним заметить, что она вышла замуж прежде, чем он женился. Он безвозвратно потерял любимую женщину, у него не оставалось никакой цели в жизни, ему стало жаль мою племянницу.

В заключение я могу только сказать, что лучше бы она оставалась в девушках после случившейся катастрофы, ничего не могло бы, по моему мнению, быть хуже этого брака. Откровенно говоря, не может быть двух натур более противоположных между собою, соединенных узами брака, чем подсудимый и моя покойная племянница».

Показания этой свидетельницы произвели сильное впечатление на слушателей и на присяжных. Передопрос заставил леди Брайдгэвен несколько изменить показания и признаться, что безнадежная любовь подсудимого к другой женщине была только слухом. Но приведенные ею факты остались непоколеблены и придали обвинению, возводимому на подсудимого, вид вероятности, которого оно не имело в начале дела.

Затем были вызваны две другие леди, самые близкие подруги мистрис Маколан. Они не согласились с мнением леди Брайдгэвен насчет обстоятельств брака, но подтвердили все прочее, сказанное ею, и усилили впечатление, произведенное первой свидетельницей.

Главным доказательством в пользу обвинения служили безмолвные свидетели: письма и дневник, найденные в Гленинге.

Отвечая на вопросы суда, лорд-адвокат объяснил, что это были письма подсудимому от его друзей, в которых говорилось о его покойной жене и о их супружеских отношениях. Дневник служил еще большим доказательством. Он заключал в себе рассказ об ежедневных домашних происшествиях и выражал мысли и чувства, которые они в нем возбуждали.

Самая тяжелая сцена последовала за этим объяснением. Хотя теперь, когда я пишу, прошло много времени после того, я не могу вполне владеть собой, подробно описывая то, что говорил и делал мой муж в эти критические минуты процесса. Глубоко взволнованный показаниями леди Брайдгэвен, он с трудом сдерживался, чтобы не прервать ее. Теперь же он окончательно потерял самообладание. Резким тоном протестовал он против нарушения его сокровенных тайн и сокровенных тайн его жены.

— Повесьте меня, хотя я невиновен! Но избавьте меня от этого! — вскричал он.

Впечатление, произведенное этой вспышкой подсудимого, было невыразимо. С некоторыми женщинами сделалась истерика. Судьи вмешались в дело, но без всякого результата. Спокойствие было через некоторое время водворено старшиной адвокатов, которому наконец удалось уговорить подсудимого и который после того обратился к судьям и просил снисхождения к его несчастному клиенту в красноречивых и трогательных выражениях. Мастерски импровизированная речь заканчивалась горячим протестом против прочтения бумаг, найденных в Гленинге.

Трое судей удалились для совещания по этому поводу. Заседание было приостановлено на полчаса.

Как обыкновенно бывает в таких случаях, волнение, охватившее всех в суде, сообщилось любопытным, толпившимся на улице. Там общее мнение, как видно, руководимое каким-нибудь клерком или другим мелким чиновником, знакомым с законным судопроизводством, было против подсудимого и требовало смертного приговора. «Если

прочтут письма и дневник, — объяснял один из толпы, — то понятно, они поведут его прямо на виселицу».

По возвращении судей в зал было заявлено, что большинством голосов против одного решено прочитать спорные документы. Каждый из судей изложил после того причины своего решения. Потом продолжалось разбирательство и было прочтено несколько отрывков из писем и из дневника.

Первые из предъявленных писем были найдены в индийской шифоньерке в комнате мистрис Маколан. Они были написаны самыми близкими друзьями покойной, с которыми она вела постоянную переписку. Три отдельных отрывка из трех писем, написанных различными лицами, были избраны для прочтения в суде.

Первое письмо.

«Не умею выразить, дорогая моя Сара, как последнее твое письмо огорчило меня. Извини, пожалуйста, но я думаю, что ты из-за своей чересчур впечатлительной натуры преувеличиваешь или дурно истолковываешь, совершенно неумышленно конечно, невнимание к тебе со стороны мужа. Я не могу ничего сказать об особенностях его характера, так как я недостаточно близко его знаю, но я много старше тебя, моя милая, и много опытнее в том, что кто-то назвал «светом и мраком жизни». Вследствие этой опытности я скажу тебе, что вы, молодые жены, искренне преданные своим мужьям, очень часто делаете большую ошибку. Вы слишком многого требуете от них. Мужчины, бедная моя Сара, не похожи на нас. Их любовь, даже самая искренняя, не похожа на нашу. Она не бывает так продолжительна, как наша, и не составляет единственной надежды, единственной цели их жизни, как у нас. У нас нет выбора, и мы, даже уважая и любя своих мужей, должны снисходить к их природе, столь отличной от нашей. Говоря это, я не имею намерения оправдывать холодность твоего мужа. Он виноват, например, в том, что не смотрит на тебя, разговаривая с тобой, и не замечает твоих усилий ему понравиться. Он еще более виноват в том и даже жесток, не отвечая на твои поцелуи. Но, моя милая, уверена ли ты, что он всегда умышленно холоден и жесток? Не может ли его поведшие быть результатом каких-нибудь огорчений и тревог, которых ты не можешь разделить с ним? Если бы ты посмотрела на него с этой точки зрения, то, может быть, поняла бы многое, что тебя огорчает и удивляет теперь. Будь с ним терпелива, дитя мое, не жалуйся и не приставай к нему с ласками, когда он озабочен или не в духе. Тебе, может быть, трудно последовать этому совету, любя его так страстно и горячо. Но верь мне, тайна счастья для нас, женщин, (увы! слишком часто) заключается в умении сдерживать себя и покоряться, что и советует тебе твой старый друг. Подумай, дорогая моя, подумай серьезно о том, что я тебе написала, и снова дай о себе весточку».

Второе письмо.

«Как можешь ты, Сара, так безумно любить такое бесчувственное существо, как муж твой? Может быть, я удивляюсь этому, потому что я еще не замужем. Но я на днях выхожу замуж, и, если муж мой будет со мною обращаться, как с тобой мистер Маколан, я сейчас же разведусь с ним. Я, право, лучше согласилась бы быть битой, как женщины низкого сословия, чем выносить вежливую небрежность и презрение, как ты описываешь. Во мне кипит негодование, когда я только подумаю об этом, для меня такое обращение было бы невыносимо. Не терпи долее такой муки, моя дорогая. Брось его и приезжай жить ко мне. Мой брат, как тебе известно, юрист. Я сообщила ему кое-что из твоего письма, и ты, по его

мнению, можешь просить развода. Приезжай и посоветуйся с ним».

Третье письмо.

«Вы знаете, моя дорогая мистрис Маколан, как я хорошо изучила мужчин. Ваше письмо меня несколько не удивило. Поведение вашего мужа невольно приводит к заключению, что он любит другую женщину, которая, скрываясь во мраке, пользуется тем, в чем он отказывает вам. Я уже прошла через все это и научена! Не поддавайтесь. Употребите все усилия, чтобы открыть, кто она. Пожалуй, их может быть и несколько. Это все равно, одна или несколько, лишь бы вы сумели открыть ее, и вы можете сделать его существование таким же несчастным, как он ваше. Если будет нужен мой опыт, напишите хоть слово, и я к вашим услугам. Я могу приехать в Гленинч после четвертого числа будущего месяца и остаться, на сколько вам угодно».

Этими гнусными строками окончилось чтение писем, адресованных к мистрис Маколан. Первый и самый длинный отрывок произвел впечатление на слушателей. Писавшая была, как видно, честная и умная особа. Впрочем, все три письма, несмотря на различие их тона, приводили к одному и тому же заключению. Положение жены в Гленинче (если верить ее словам) было очень печальное, муж пренебрегал ею, она была очень несчастлива.

Затем была представлена переписка подсудимого, найденная в запертном ящике стола вместе с его дневником. Все письма, за исключением одного, написаны были мужской рукой. Хотя в них преобладала сдержанность, но все они приводили к тому же заключению. Жизнь мужа в Гленинче была так же невыносима, как и жизнь жены.

Так, например, один из приятелей подсудимого приглашает его отправиться в кругосветное путешествие на яхте. Другой советует поехать на полгода на континент, третий — в Индию на охоту и рыбную ловлю. Все указывают на разлуку с женой под разными предложениями и на разное время.

Последнее из писем было написано женской рукой и подписано только именем, данным при крещении.

«Бедный мой Юстас, как жестока наша судьба! (Этим начиналось письмо.) Когда я думаю о твоей жизни, принесенной в жертву этой несчастной женщине, сердце мое обливается кровью! Если бы мы были мужем и женой, если бы я имела невыразимое счастье любить и лелеять лучшего из людей, каким раем была бы наша жизнь, какие дивные часы переживали бы мы! Но к чему эти сожаления? Мы разлучены в этой жизни, разлучены узами, которые мы оба оплакиваем и которые мы оба должны уважать. Но есть другой мир, загробный, Юстас. Там наши души соединятся и сольются в долгом, небесном объятии, запрещенном нам на земле. Несчастливая жизнь, описанная в вашем письме, — о, зачем, зачем вы женились? — заставила меня высказать вам мои чувства. Пускай они утешат вас! Но чужой глаз не должен видеть этих безумных строк. Сожгите их и надейтесь на лучшую жизнь, которую вам можно будет разделить с вашей Еленой».

Чтение этого безумного письма вызвало со стороны одного из судей вопрос, есть ли число и адрес на этом письме.

Лорд-адвокат ответил, что не имеется ни того, ни другого. Но на конверте был лондонский штампель.

— Теперь мы намерены прочитать, — продолжал он, — несколько отрывков из дневника, в котором не раз встречается имя подписавшейся под этим письмом, и мы постараемся другими средствами узнать, кто писал его, прежде чем окончится это дело.

Затем принялись за чтение дневника моего мужа. Первый отрывок относился к давнему времени, по крайней мере за год до смерти мистрис Маколан. В нем говорилось:

«Новость, привезенная мне нынешней почтой, положительно ошеломила меня. Муж Елены два дня тому назад умер от разрыва сердца. Она свободна! Моя возлюбленная Елена свободна! А я?

Я прикован к женщине, с которой у меня нет ничего общего. Елена для меня потеряна по моей собственной вине. Ах, только теперь я понимаю то, чего никогда прежде не понимал, каким может быть страшным соблазн и как легко совершить преступление. Но лучше закрыть дневник. Думать и писать о моем положении — это только сводить себя с ума».

Следующий отрывок был написан пять дней спустя и касается того же предмета.

«Из всех безрассудств, доступных человеку, самое величайшее — это действовать по первому побуждению. Я поступил таким образом, женившись на несчастном существе, которое носит теперь мое имя.

Елена была тогда потеряна для меня навсегда. Она вышла замуж за человека, которому дала слово прежде, чем узнала меня. Он был моложе меня и, по-видимому, здоровее и сильнее. Будущее, казалось, не существовало для меня. Елена написала мне письмо, в котором прощалась со мной на этом свете. Мне не предстояло более ни ожиданий, ни надежд; у меня не оставалось никакой цели в жизни; мне не было надобности искать убежища в труде. Рыцарский поступок, благородное самопожертвование оставались мне в удел.

Обстоятельства так сложились в тот момент, что эта роковая идея как бы сама собою осуществилась. Несчастливая женщина, полюбившая меня (небу известно, что я со своей стороны не подавал ей ни малейшего к тому повода), как раз в это время скомпрометировала свою репутацию. Я должен был заставить замолчать злые языки, клеветавшие на нее. Потеряв Елену, мне нечего было ждать счастья. Все женщины были для меня равны. Спасти эту женщину было делом благородным. Почему мне этого не исполнить? Под влиянием этой мысли я женился на ней, женился так же, как бросился бы в воду, видя, что она тонет, или схватился бы с человеком, который оскорбил ее на улице.

А теперь женщина, для которой я принес эту жертву, стоит между мною и Еленой. Моя Елена теперь свободна и может излить все сокровища своей любви на человека, боготворящего землю, до которой коснулась нога ее.

Сумасшедший! Безумец! Не лучше ли было бы тебе разбить голову о противоположную стену, чем писать эти строки?

Мое ружье стоит здесь в углу. Долго ли приложить дуло ко рту и нажать курок? Нет! Моя мать жива, любовь ее священна. Я не имею права прекратить жизнь, которую она дала мне. Я должен страдать и покориться. О, Елена, Елена!»

Третий отрывок был написан за два месяца до смерти мистрис Маколан.

«Только и слышу что упреки! Ни одна женщина не жалуется так на все, она живет в атмосфере дурного расположения духа и недовольства.

Теперь я нанес ей две новые обиды: никогда не прошу ее играть на фортепиано и никогда не замечаю ее новых платьев, которые она надевает нарочно для того, чтобы мне понравиться. Замечать ее платья! Боже милостивый! Все усилия мои клонятся лишь к тому, чтобы не замечать ее вовсе, не замечать ни что она делает, ни что она говорит. Как мог бы я сохранить хладнокровие, если бы я не избегал ее, насколько это возможно? Я постоянно себя сдерживаю. Я никогда

не бываю с нею груб, никогда не позволяю себе с нею резкого слова. Она имеет двойное право на уважение: как женщина и как жена моя перед законом. Я это помню, но я тоже человек. Чем меньше я вижу ее — кроме тех случаев, когда бывают гости, — тем легче мне сохранять самообладание.

Я часто удивляюсь, почему она мне так неприятна. Она некрасива, но я видал женщин гораздо безобразнее ее, ласки которых я вынес бы без того чувства отвращения, которое всецело охватывает меня, когда я должен выносить ее ласки. Я скрываю от нее это чувство. Она любит меня, бедняжка, и мне жаль ее. Я желал бы сделать более; я желал бы отвечать ей взаимностью, хотя в самой малой мере. Но нет, я могу только жалеть ее. Если бы она могла довольствоваться дружескими отношениями и не требовать от меня изъявлений нежности, мы могли бы жить хорошо. Но она требует любви. Бедное создание! Ей нужна любовь!

О, моя Елена! У меня нет для нее любви; мое сердце принадлежит тебе!

Я прошлую ночь видел во сне, что моя несчастная жена умерла. Сон этот был до того явствен, что я встал с постели, отворил дверь в ее спальню и прислушался. Ее тихое ровное дыхание ясно слышалось в тишине ночи. Она крепко спала. Я закрыл дверь, зажег свечу и стал читать. Мысли мои были полны Еленой, и очень трудно было сосредоточить свое внимание на книге. Но все же лучше было читать, чем снова лечь в постель и, пожалуй, снова увидеть себя свободным.

Что моя жизнь! Что жизнь моей жены! Если бы дом загорелся, я, кажется, не предпринял бы ни малейшего усилия, чтобы самому спастись от огня или спасти ее».

Два последние отрывка относились к позднейшим записям.

«Наконец луч радости блеснул среди печального моего существования. Для Елены кончился срок ее уединения по случаю вдовства. Теперь она может снова появиться в обществе. Она посетила некоторых своих друзей в нашей части Шотландии, и так как мы с нею родственники, то, по общим понятиям, она не должна была уезжать из края, не проведя нескольких дней у меня в доме. Она писала мне, что хотя это посещение может быть для нас стеснительно, но необходимо для поддержания приличий. Да будут благословенны приличия! Я увижу этого ангела в моем чистилище! И все это благодаря тому, что общество в Мид-Лосиане нашло бы странным, если бы моя кузина, посетив Шотландию, не навестила бы меня!

Но мы должны быть очень осторожны. Елена пишет: «Я еду к вам, Юстас, как сестра. Вы должны принять меня как брат или вовсе не принимать. Я напишу вашей жене, чтобы она назначила день, когда я могу приехать. Я не забуду, и вы не должны забывать того, что я войду в дом ваш с позволения вашей жены».

Лишь бы увидеть ее! Я согласен на все, чтобы только испытать невыразимое счастье ее увидеть!»

Потом следовал второй отрывок, заключающийся в следующих словах:

«Новое несчастье! Моя жена заболела! Она лежит в постели, у нее ревматизм, как раз в то время, когда Елена должна приехать в Гленинч. Но в этом случае (я с радостью заявляю это) она поступила восхитительно. Она написала Елене, что болезнь ее не настолько серьезна, чтобы менять что-либо в намеченных планах, и потому просит мою кузину приехать в назначенный час.

Это большая жертва, принесенная для меня моей женой. Она ревнует меня к каждой женщине моложе сорока лет и, конечно, к Елене, и она сдерживает себя и доверяет мне.

Я обязан доказать ей свою благодарность, что и сделаю. С этого дня я обещаю быть ласковее к моей жене. Я нежно поцеловал ее сегодня утром и

надеюсь, что бедняжка не заметила, какого усилия мне это стоило».

Этим закончилось чтение дневника.

Самыми неприятными для меня страницами из всего отчета были отрывки из дневника моего мужа. Местами встречались выражения, которые не только огорчали меня, но роняли в моем мнении Юстаса. Я, кажется, отдала бы все на свете, чтобы иметь власть уничтожить некоторые строки из его дневника. Что же касается его страстных признаний в любви к миссис Бьюли, то каждое слово резало меня как ножом по сердцу. Он нашептывал мне такие же страстные слова, когда ухаживал за мной. Я не имела основания сомневаться в его любви ко мне, но вопрос был в том, не так ли же горячо и нежно любил он мистрис Бьюли прежде меня? Она или я занимала первое место в его сердце? Он много раз повторял мне, что до встречи со мною он только воображал себя влюбленным. Я ему верила. Верила тогда, верю и сейчас, но я ненавидела мистрис Бьюли.

Тяжелое впечатление, произведенное на слушателей чтением писем и дневника, постепенно усиливалось. Но еще более усилилось оно, или, лучше сказать, сделалось еще более неблагоприятным для подсудимого, после показаний последнего свидетеля со стороны обвинения.

Уильям Энзи, помощник садовника в Гленинге, показал под присягой:

«Двадцатого октября в одиннадцать часов утра меня послали работать в рассаднике близ так называемого Голландского сада. Там была беседка, обращенная задней стеной к рассаднику. День был удивительно хорошим и теплым.

Направляясь к кустам, я должен был пройти мимо беседки. Вдруг я услышал там голоса, женский и мужской. Женский голос был мне незнаком, мужской я узнал тотчас же. Это был голос моего господина; земля в рассаднике была мягкая, любопытство мое возбуждено. Я тихонько подкрался к стене беседки и стал прислушиваться.

Первые услышанные слова были сказаны моим господином. «Если бы я мог предвидеть, что настанет день, когда вы сделаетесь свободны, каким я мог бы стать счастливым!» — говорил он. Женский голос отвечал: «Тише, вы не должны так говорить». «Нет, — продолжал мой хозяин, — я должен говорить то, что у меня на душе, а мысль, что я потерял вас, никогда не покидает меня». Он замолчал и спустя несколько минут вскричал: «Окажите мне одну милость, ангел мой, обещайте мне никогда не выходить замуж». Женский голос спросил довольно резко: «Что вы хотите сказать?» Хозяин отвечал: «Я не желаю зла несчастному созданию, отягощающему мое существование, но предположим...» — «Ничего не предположим, — прервала леди, — пойдемте в дом».

Она вышла в сад, обернулась назад и сделала моему хозяину знак последовать за нею. В эту минуту я увидел ее лицо и узнал молодую вдову, гостившую у нас в доме. Мне показал ее старший садовник, когда она только что приехала к нам, чтобы я не мешал ей рвать цветы. Гленингский сад посещается иногда туристами, и мы отличаем посторонних от гостей, живущих в доме, тем, что первым не позволяем рвать цветы, между тем как последним это разрешено. Я вполне уверен в том, что леди, разговаривавшая с хозяином, была мистрис Бьюли. Она очень хороша собой, и ее трудно принять за другую. Она вместе с хозяином пошла домой, и я ничего больше не слышал из их разговора».

Этот свидетель был несколько раз передопрошен насчет точности разговора, услышанного им в беседке, а также и насчет того, действительно ли там была мистрис Бьюли. В мелких подробностях его удалось сбить, но он положительно утверждал, что передал слово в слово разговор, происходивший между его хозяином и мистрис Бьюли, и описал личность ее до того верно, что невозможно было сомневаться, что это была она.

Таким образом, обозначился ответ на третий вопрос: какая у него была побудительная причина?

Слушание обвинения было окончено. Самые близкие друзья подсудимого должны были согласиться, что все показания решительно говорили против него. Он, казалось, сам сознавал это. На третий день, выходя из суда, он был до того истощен и измучен, что

вынужден был опереться на руку зрителя тюрьмы.

Глава XIX. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЗАЩИТЫ

Интерес к этому делу заметно усилился на четвертый день. Теперь предстояло выслушать свидетелей защиты. Первой явилась мать подсудимого. Подняв вуаль для принятия присяги, она взглянула на сына. Он залился слезами. В эту минуту общее сочувствие к матери перешло и к несчастному сыну.

Допрошенная старшиною адвокатов, мистрис Маколан отвечала с замечательным достоинством и самообладанием.

На вопрос о частных разговорах, бывших между нею и невесткой, она сказала, что мистрис Маколан была болезненно щепетильна в отношении своей наружности. Она преданно любила своего мужа, главной ее заботой было стать как можно более привлекательной. Недостатки ее внешности, и в особенности неприятный цвет лица, были для нее постоянным предметом сожалений и огорчений. Свидетельница слышала от нее (в разговоре о цвете лица), что она готова была бы перенести Бог знает какие страдания, чтобы только исправить его. «Мужчины, — говорила она, — всегда увлекаются внешностью, мой муж больше любил бы меня, если бы у меня был хороший цвет лица».

Когда ее спросили, могут ли отрывки из дневника служить доказательствами и верно ли они обрисовывают его характер и его чувства к жене, мистрис Маколан отвечала отрицательно в определенных и сильных выражениях.

— Отрывки из дневника моего сына не более как пасквиль на его характер, — сказала она. — Это клевета, им самим на себя написанная. Как мать, хорошо знающая его, я могу засвидетельствовать, что он писал эти записки в минуты страшного отчаяния и безнадежности. Нельзя судить о человеке по необдуманному слову, вырвавшемуся в минуты тяжелого, мрачного настроения. Неужели о сыне моем будут судить по безрассудным словам, которые ему случилось написать, а не сказать? В этом случае перо оказалось его смертельным врагом, оно изобразило его в самом дурном свете. Он не был счастлив в своем супружестве, это так, но я могу засвидетельствовать, что он всегда прекрасно обращался с женой. Я пользовалась доверием их обоих и видела их в разное время. И я заявляю, несмотря на все то, что она писала своим друзьям и приятельницам, что сын мой никогда не давал жене повода сказать, что он обращается с нею жестоко или с пренебрежением.

Эти слова, твердо и отчетливо произнесенные, произвели сильное впечатление. Лорд-адвокат, заметив, что попытка ослабить это впечатление, вероятно, не удастся, занялся передопросом.

— В разговоре о своем плохом цвете лица невестка ваша не упоминала ли о мышьяке как о средстве исправить его? — спросил он.

— Нет, — последовал ее ответ.

Лорд-адвокат продолжал:

— А сами вы не предлагали ей мышьяк или в разговоре не упоминали о нем как о хорошем средстве?

— Нет, — повторила она.

После этого лорд-адвокат сел, а мистрис Маколан удалилась.

Любопытство присутствующих возросло при появлении новой свидетельницы. Это была не кто иная, как мистрис Бьюли. Отчет описывает ее как необыкновенно красивую привлекательную личность, скромную, с сознанием собственного достоинства в осанке и манерах, но, видимо, сознававшую неловкость своего положения перед публикой. Первая часть ее показаний была почти повторением всего сказанного матерью подсудимого с той только разницей, что, по ее словам, покойная мистрис Маколан спрашивала ее однажды,

какую косметику потребляет она для сохранения хорошего цвета лица. Не пользуясь никакой косметикой и не будучи знакома с ней, мистрис Бьюли обиделась на этот вопрос, и вследствие этого между ними установилась на время некоторая холодность.

Мистрис Бьюли на вопрос о ее взаимоотношениях с подсудимым с негодованием отвечала, что никогда ни она, ни мистер Маколан не подавали покойнице ни малейшего повода к ревности. Она не могла уехать из Шотландии, не посетив своего кузена после того, как она гостила у его соседей. Поступив иначе, она поступила бы неприлично и тем привлекла бы общее внимание. Она не отрицала, что мистер Маколан был к ней неравнодушен, когда они оба были еще свободны. Но этого чувства и в помине не было, когда она вышла замуж, а он женился. С тех пор отношения между ними были чисто братские. Мистер Маколан был джентльмен в полном смысле этого слова: он очень хорошо знал свои обязанности по отношению к жене и в отношении самой мистрис Бьюли; она не переступила бы порога его дома, если бы не была в этом вполне уверена. Что касается показаний помощника садовника, то это чистая выдумка. Большая часть разговора, приведенного им, никогда не происходила. Действительно же сказанные слова были шуткой, которую она немедленно прекратила, как и показал сам свидетель. Что же касается вообще обращения мистера Маколана с женою, то он был с нею всегда добр и любезен. Он постоянно придумывал средства к облегчению ее страданий от ревматизма, приковывавшего ее к постели. Много раз говорил он о ней с искренним участием. Когда она приказала своему мужу и ей, мистрис Бьюли, удалиться из ее спальни в день ее кончины, то мистер Маколан сказал свидетельнице: «Мы должны быть снисходительны к ее ревности, мы знаем, что она не заслужена». Он с начала до конца с подобным терпением выносил все ее вспышки.

Главная цель передопроса мистрис Бьюли сосредоточивалась на последнем вопросе, с которым обратился к ней лорд-адвокат. Напомнив ей, что она, принимая присягу, назвала себя Еленой Бьюли, он сказал:

— В суде было зачитано письмо, адресованное к подсудимому и подписано именем Елены. Посмотрите на него. Не ваш ли это почерк?

Прежде чем свидетельница успела ответить что-нибудь, старшина адвокатов решительно протестовал против этого вопроса. Судьи признали протест обоснованным и позволили не отвечать на этот вопрос. После этого мистрис Бьюли удалилась. Она невольно проявила некоторое волнение, услышав о письме и увидев его в руках лорда-адвоката. Волнение ее было по-разному истолковано публикой. Несмотря на это, показания мистрис Бьюли, казалось, усилили благоприятное для подсудимого впечатление, произведенное на слушателей показанием его матери.

Следующие свидетели, две леди, обе школьные подруги мистрис Юстас Маколан, возбудили в слушателях новый интерес. Они представили не достававшее звено в цепи доказательств в пользу защиты.

Первая из двух леди показала, что она в разговоре с мистрис Маколан указала ей на мышьяк как на средство для исправления цвета лица. Она сама никогда его не употребляла, но читала, что в Штирии крестьянки употребляют его для придания своему лицу свежести и здоровья. Она под присягой повторила, что сообщила об этом своей покойной приятельнице и передавала в том виде, как заявила это на суде.

Вторая леди, присутствовавшая при этом разговоре, подтвердила слова первой и прибавила еще, что она, по просьбе самой мистрис Маколан, достала покойной книжку, в которой говорилось об употреблении в Штирии мышьяка. Книгу эту она переслала ей по почте в Гленинч.

Впрочем, в этих заключительных показаниях была слабая сторона, тотчас же замеченная при передопросе.

Когда обеих свидетельниц спросили поочередно, выражала ли им мистрис Маколан прямо или косвенно свое намерение добыть мышьяк для исправления цвета лица, обе отвечали на этот важный вопрос отрицательно. Мистрис Маколан слышала от них об этом средстве и получила книгу. Но о своих намерениях она не говорила им ни слова. Она очень

просила обеих леди хранить этот разговор в тайне. Этим оканчивались их показания.

Не нужно было быть юристом, чтобы видеть гибельный недостаток доказательств в пользу защиты. Всем присутствующим было ясно, что оправдание подсудимого зависело от того, будет ли доказан факт, что яд находился в руках покойной или, по крайней мере, что она имела твердое намерение приобрести его. В обоих случаях заявление подсудимого о его невиновности подтвердилось бы свидетельскими показаниями, хотя и косвенно, но настолько удовлетворительно, что всякий честный и разумный человек мог бы быть убежден в его пользу. Но найдется ли такое доказательство? Не истощила ли защита всех своих средств?

Возбужденная публика ожидала появления следующего свидетеля. Шепот пронесся по залу, когда присутствующие узнали, что теперь должен явиться перед судом старый друг подсудимого, о котором уже не раз упоминалось во время процесса, мистер Декстер.

После непродолжительного перерыва зал вдруг заволновался и послышались восклицания любопытства и удивления. В эту самую минуту судебный пристав провозгласил странное имя нового свидетеля: Мизеримус Декстер.

Глава XX. КОНЕЦ ПРОЦЕССА

Вызов свидетеля возбудил общий смех среди публики отчасти странностью имени, отчасти потому, что грустно настроенные слушатели инстинктивно расположены были воспользоваться первым случаем для развлечения. Строгое замечание председателя и угроза очистить зал быстро водворили порядок.

В наступившей тишине появился новый свидетель.

Быстро продвигаясь среди расступившейся толпы и искусно управляя своим креслом, это странное и страшное существо — буквально получеловек — явилось перед глазами присутствующих. Покрывало, наброшенное на кресло, упало на пол, когда он пробирался среди толпы, и обнаружило перед любопытной публикой голову, руки и туловище живого человека, лишенного ног. Чтобы сделать контраст поразительнее и ужаснее, урод был одарен прекрасным и благородным лицом и хорошо сложенным туловищем. Его длинные шелковистые волосы превосходного каштанового цвета красиво ниспадали на широкие, мощные плечи. Лицо его дышало жизнью и умом. Большие, ясные голубые глаза его, нежные, белые, тонкие руки скорее походили на женские, чем на мужские. Вообще, в нем было что-то женственное, несмотря на мужественные размеры плеч и груди, на бороду и длинные усы, которые были несколько светлее волос. Такая великолепная голова и такое здоровое туловище даны были такому беспомощному существу! Никогда природа не совершала такой громадной или такой жестокой ошибки, как создавая этого несчастного человека!

Он принял присягу, сидя в своем кресле, потом, назвав себя по имени, поклонился судьям и попросил у них позволения сказать несколько слов до начала показаний.

— Все обыкновенно смеются, услышав мое странное имя, — начал он тихим, но таким звонким голосом, что каждое слово его было слышно во всех углах зала, — я желаю объяснить присутствующим, что многие имена, даже и всем известные, имеют определенный смысл, между прочими и мое имя. Так, например, Александр означает по-гречески «помощник людей»; Давид по-еврейски означает «любимец»; Франц по-немецки «свободный». Мое имя, Мизеримус, по-латыни «несчастнейший». Оно было дано мне отцом по случаю того, что я имел несчастье родиться калекой. Вы впредь не будете смеяться над Мизеримусом, не правда ли?

После этого он обратился к старшине адвокатов.

— Господин старшина, — сказал он, — я к вашим услугам и прошу извинения в том,

что несколько задержал ход слушания дела.

Он произнес эти слова с прелестной грацией и добродушием. Допрошенный старшиной адвокатов, он давал ясные, отчетливые ответы без малейшего колебания или утайки.

— Я гостил в Гленинге во время смерти мистрис Маколан, — начал он. — Доктор Жером и доктор Гель изъявили желание переговорить со мною по секрету, так как подсудимый был очень расстроен и не в состоянии исполнять свои обязанности хозяина дома. Во время этого свидания они удивили и поразили меня известием, что мистрис Маколан умерла от яда. Они поручили мне передать эту ужасную весть ее мужу и предупредили меня, что на другой день должно последовать вскрытие ее тела.

Если бы судебный следователь видел моего друга в ту минуту, когда я сообщил ему причину смерти, я уверен, что ему и в голову бы не пришло обвинить подсудимого в убийстве жены. По моему мнению, это обвинение было личным оскорблением. Воодушевленный этим сознанием, я сопротивлялся захвату писем и дневника. Теперь, после чтения дневника, я заодно с матерью подсудимого заявляю, что дневник дает о нем совершенно ложное понятие. Дневник, если он не составляет перечня фактов и чисел, вообще выставляет лишь самую слабую сторону писавшего. В девяти случаях из десяти в нем выражается тщеславие и самонадеянность, качества, которые обычно стараются скрыть перед другими. Я старый друг подсудимого. Я торжественно объявляю, что никогда не считал его способным написать такую бессмыслицу, пока не услышал здесь чтения его дневника!

Он убил жену свою! Он небрежно и жестоко обращался с нею! Зная его в продолжение двадцати лет, я смело утверждаю, что здесь, во всем собрании, нет человека более неспособного на преступление или жестокость, чем этот человек, сидящий на скамье подсудимых. Я скажу более. Я сомневаюсь, чтобы у человека, даже способного на преступление и жестокость, хватило духу сделать зло женщине, преждевременная смерть которой служит предметом настоящего разбирательства.

Я слышал, что невежественная и пристрастная сиделка, Христина Ормсей, говорила о покойной. По моим собственным наблюдениям, я опровергаю каждое ее слово. Мистрис Юстас Маколан, несмотря на свою некрасивую наружность, была одной из самых очаровательных женщин, каких я когда-либо встречал в жизни. Это была прекрасно воспитанная, разносторонняя личность в лучшем смысле этого слова. Я ни у кого не видал такой привлекательной улыбки и такой грации во всех ее движениях. Она прекрасно играла на фортепиано, у нее было чрезвычайно приятное туше, она прелестно пела. Я никогда не встречал ни одного мужчины, ни даже женщины (что имеет гораздо большее значение), которые не были бы очарованы беседой с ней. И сказать, что подобной женщиной мог пренебрегать муж и варварски умертвить ее, муж, этот мученик, который стоит перед вами, это все равно что сказать мне, что солнце светит не днем и что небо находится не над землею!

О да! Я знаю, что из писем ее друзей видно, что она горько жаловалась им на дурное обращение своего мужа. Но вспомните также, что говорит лучшая и рассудительная ее приятельница. «Я полагаю, — пишет она, — что твоя впечатлительная натура преувеличивает или дурно истолковывает невнимание твоего мужа». Вот в этих словах заключается вся истина! Мистрис Маколан имела натуру впечатлительную, самоистязающую, поэтическую. Никакая любовь не могла удовлетворить ее. Мелочи, на которые другие женщины, одаренные не столь утонченной чувствительностью, не обратили бы внимания, были для нее источником мучений. Есть люди, которые родятся для того, чтобы быть несчастливymi. Бедная мистрис Маколан принадлежала к числу таких людей. Сказав это, я сказал все.

Нет! Осталось еще нечто прибавить. Не мешает упомянуть, что со смертью жены мистер Юстас Маколан лишается хорошего состояния. Женясь на ней, он настоятельно требовал, чтобы в брачном контракте все состояние ее было закреплено за нею, а по ее смерти переходило бы к ее родственникам. Ее доход давал возможность так роскошно

содержать гленинчский дом. Состояния подсудимого, даже с помощью матери, далеко не хватило бы на покрытие расходов. Зная хорошо все обстоятельства, я могу положительно утверждать, что смерть жены лишила его двух третей его дохода. А обвинение, провозглашая его самым низким и жестоким из людей, утверждает, что он умышленно убил жену, между тем как материальные его интересы должны были сильно пострадать от этого.

Бесполезно спрашивать меня, не заметил ли я в обращении подсудимого с мистрис Бьюли чего-либо оправдывающего ревность покойной. Я никогда не разговаривал о ней с мистером Маколаном. Он вообще был поклонником хорошеньких женщин, но поклонение его, насколько я знаю, было самое невинное. Чтобы предпочитать мистрис Бьюли его жене, нужно быть сумасшедшим. Но я никогда не имел основания считать его сумасшедшим. Что же касается вопроса о мышьяке, то есть о том, находился ли он в руках мистрис Маколан, то могу сообщить кое-что, заслуживающее внимания суда.

Я был в камере судебного следователя при осмотре бумаг и прочих вещей, найденных в Гленинче. Несессер, принадлежавший покойной, был показан мне после того, как его осмотрел следователь. У меня чрезвычайно тонкое осязание. Дотронувшись до внутренней стороны крышки несессера, я почувствовал что-то жесткое; я стал внимательно ее осматривать и обнаружил, что между крышкой и подкладкой есть потайной ящик, в котором я и нашел вот эту склянку.

Дальнейший допрос был приостановлен, и представленная свидетелем склянка сравнена с другими, находившимися в несессере.

Склянки эти были из хорошего стекла и изящной формы и не имели ничего схожего с найденной в потайном отделении. Эта последняя была самая простая, какие обыкновенно употребляются для лекарств. В ней не было ни капли жидкости, ни крупинки твердого вещества. Она не издавала никакого запаха, и, к несчастью для защиты, на ней не было никакого ярлыка.

Дрогист, продавший подсудимому вторую порцию мышьяка, был снова вызван и допрошен. Он объявил, что склянка эта точно такая же, как та, в которой он продал мышьяк, но она точно так же похожа и на сотни других в его магазине. За неимением ярлыка, на котором он собственноручно написал «яд», не было никакой возможности утверждать, что это была именно та склянка, в которой был мышьяк. Несессер и спальню покойной снова чрезвычайно внимательно осмотрели, отыскивая ярлык, но все старания были напрасны, а поиски безуспешны. Можно было прийти к логичному заключению, что именно в этой склянке был яд, но юридически тут не было и тени доказательства.

Этим окончилась последняя попытка защиты доказать, что яд, купленный подсудимым, находился в руках его жены. Книга, которая была найдена в комнате покойной и в которой описывался обычай штирийских крестьянок, была предъявлена на суде. Но разве книга доказывала, что покойная просила мужа купить ей мышьяк? Скомканная бумажка, в которой было найдено несколько крупинок порошка, исследованного химиком, по его словам, заключала в себе мышьяк. Но где же доказательство того, что эта бумажка была положена в шифоньерку самой мистрис Маколан и ею же вынут из нее мышьяк? Никаких доказательств, одни только предположения!

Дальнейшие показания Мизеримуса Декстера не представляли ничего интересного. Передопрос был, в сущности, не более как состязание умов между лордом-адвокатом и свидетелем. Победа, по общему мнению, осталась за последним. Я приведу здесь только один вопрос и один ответ, которые мне показались довольно важными для этой цели, с которой я читала отчет о процессе.

— «Я вижу, мистер Декстер, — заметил лорд-адвокат ироническим тоном, — что вы составили собственную теорию, по которой смерть мистрис Маколан для вас не тайна.

— Я могу иметь свое мнение об этом деле, как и о многих других, — отвечал свидетель, — но позвольте мне узнать, милорд, для чего я призван сюда: для объяснения своих теорий или для показания фактов?»

Я особенно отметила этот ответ. Мысли мистера Декстера были мыслями истинного

друга моего мужа и человека очень умного. Они могли иметь для меня громадное значение, если бы он захотел сообщить их мне.

Я должна упомянуть, что к первой заметке я тотчас же прибавила другую, результат моего собственного наблюдения. Во время своих показаний, касаясь мистрис Бьюли, мистер Декстер так легко и даже грубо выражался о ней, что мне казалось, будто он имел тайную причину не любить, а может быть, и не доверять ей. В таком случае мне было очень важно повидать мистера Декстера и уяснить себе то, что суд оставил без внимания.

Итак, был допрошен последний свидетель. Кресло с получеловеком укатилось в дальний угол. Лорд-адвокат поднялся, чтобы произнести свою обвинительную речь.

Я откровенно скажу, что никогда в жизни я не читала ничего до такой степени недостойного, как речь этого знаменитого юриста. Он не постыдился объявить, что твердо уверен в виновности подсудимого. Какое право имел он говорить так? Ему ли это было решать? Разве он был судьей или присяжным? Своей собственной властью произнеся над подсудимым приговор, лорд-адвокат начал перетолковывать самые невинные действия этого несчастного, стараясь придать им самый низкий характер. Так, например, когда Юстас поцеловал в лоб свою жену на ее смертном одре, он объяснял это его желанием произвести благоприятное впечатление на докторов и сиделку! Или когда утрата ее повергла его в горе и отчаяние, он играл роль и втайне торжествовал. «Если бы вы могли заглянуть ему в душу, — говорил он, — вы увидели бы там дьявольскую ненависть к жене и пламенную страсть к мистрис Бьюли! Все слова его не что иное, как ложь, все действия его — действия хитрого, бездушного злодея».

Так говорил глава обвинительной власти о подсудимом, беспомощно стоявшем перед судом. На месте моего мужа, будучи не в состоянии ничего сделать этому человеку, я по крайней мере бросила бы в него чем-нибудь. А теперь я вырвала листы, на которых была изложена его обвинительная речь, и истоптала их ногами. Тотчас же устыдилась я такой вспышки, что выместила зlobу свою на невинной бумаге.

На пятый день заседание открылось речью защитника. Ах, какой она представляла контраст с презренными выходками лорда-адвоката! Как горячо и красноречиво говорил старшина адвокатов в защиту моего мужа!

Этот знаменитый адвокат сразу взял верную ноту.

— Я не менее других жалею бедную жену подсудимого, — заговорил он. — Но я твердо уверен, что в этом деле, с начала до конца, муж ее настоящий мученик. Как бы много ни страдала бедная женщина, это было далеко не то, что выстрадал ее муж на скамье подсудимых. Если бы он не был добрейшим из людей и самым кротким и преданным из мужей, он никогда не попал бы в настоящее страшное положение. У человека не столь благородного, а по натуре более черствого сразу же появилось бы подозрение насчет причин, побуждавших его жену просить о покупке яда, и, слыша глупые предлоги, благоразумно и твердо он сказал бы: «Нет». Но не такого рода человек — подсудимый. Он слишком добр к своей жене, он слишком чист для того, чтобы заподозрить у нее нехорошую мысль, чтобы предвидеть последствия и опасности, которым может его подвергнуть исполнение ее просьбы. И что же вышло из этого? Он стоит перед нами как убийца только за то, что по своему благородству не подозревал свою жену.

Говоря так справедливо и красноречиво о муже, старшина так же красноречиво и так же справедливо говорил и о жене:

— Лорд-адвокат спрашивал нас с горькой иронией, прославившей его по всей Шотландии, почему мы не могли доказать, что подсудимый передал оба пакета с ядом жене своей? Я отвечаю ему, во-первых, что она страстно любила своего мужа; во-вторых, что она очень мучилась из-за своей непривлекательной наружности, и особенно от дурного цвета своего лица; в-третьих, что ей указали на мышьяк как на средство для исправления цвета лица. Для людей, которые сколько-нибудь знают человеческую натуру, этих доказательств совершенно достаточно. Неужели мой ученый товарищ предполагает, что у женщин принято открыто говорить о секретных средствах, употребляемых ими для поддержания свежести и

красоты? Неужели он так мало знает женский пол, что полагает, что женщина, желающая понравиться мужчине, откроет этому самому мужчине или кому другому, кто может передать ему, что прелести, которыми она надеется склонить к себе его сердце, искусственно приобретены посредством опасных приемов яда? Подобная мысль положительно нелепа. Понятное дело, что мистрис Маколан никогда никому не говорила о мышьяке. Из показаний ее самых интимных приятельниц, тех, которые указывали ей на мышьяк как на средство исправить цвет лица и дали ей книгу, мы видим, что она и им ничего не говорила о своем намерении. Она просила их сохранить в тайне разговор об этом предмете. С начала до конца бедное создание хранило свою тайну точно так же, как скрывало бы ото всех, если бы имело фальшивые волосы или искусственные зубы. И вот ее муж находится на скамье подсудимых, подвергается, может быть, смертному приговору, потому что жена его поступила как истая женщина — как поступили бы ваши жены, господа присяжные, в отношении вас самих.

После такого знаменитого оратора скучно читать следующую и последнюю речь, произнесенную на суде, речь председателя к присяжным.

Он сначала заявил присяжным, что они не могут ожидать прямых улик в отравлении и должны довольствоваться случайными доказательствами. Это было справедливо, как мне кажется. Но вслед за тем он прибавил, чтобы они не очень-то им доверяли.

— Вы должны принимать за удовлетворительное доказательство лишь то, что вполне убеждает ваш ум, — сказал он, — не какое-нибудь предположение, а безусловный, справедливый вывод.

Кто же мог решить, что было справедливым выводом? И какие доказательства должны были служить лишь предположением?

Я нахожу излишним приводить дальнейшие отрывки из этой речи. Присяжные, поставленные, без сомнения, в тупик, целый час толковали в особой комнате. (Будь присяжные женщины, они не задумались бы ни на минуту.) Вернувшись в зал заседания, они произнесли свой робкий, нерешительный Шотландский приговор: «Не доказано».

В публике раздалось несколько слабых рукоплесканий, которые были тотчас же остановлены. После известных формальностей подсудимый был освобожден. Он медленно удалился, как человек глубоко огорченный, опустив голову, не глядя ни на кого и не отвечая обступившим его друзьям. Он знал, бедняга, какое пятно налагал на него этот приговор.

«Мы не говорим, что вы невиновны во возводимом на вас обвинении, мы говорим только, что не имеем достаточных улик!» Вот каким позорным заключением окончилось это дело в то время и осталось бы таким навсегда, если бы не я.

Глава XXI. Я ВИЖУ СВОЙ ПУТЬ

При сероватом свете утра я закончила чтение отчета о деле моего мужа, обвинявшегося в отравлении своей первой жены.

Я не замечала усталости. Я не хотела ложиться спать после стольких часов, проведенных мною за чтением и размышлениями. Это было странно, но между тем это было так: я чувствовала себя так, как будто я уже выпалась и только что проснулась совершенно новой женщиной, с новыми мыслями.

Я теперь понимала, почему Юстас бежал от меня. Человеку с такими утонченными чувствами было бы настоящей мукой беспрестанно видеть свою жену, читающую отчет о его процессе, известном всему свету. Я сознавала это и в то же время думала, что он мог бы доверять мне и рассчитывать, что я вознагражу его за все его страдания. Может быть, он еще одумается и вернется. А в ожидании этого я от души жалела его и от души простила его.

Одно только вызвало у меня неприятное ощущение, несмотря на все мои размышления: не любит ли Юстас мистрис Бьюли до сих пор? Или я изгнала из его сердца эту страсть?

Какого рода красотой обладала она? Было ли между нами что-нибудь схожее?

Окно моей комнаты выходило на восток. Я подняла штору и увидела солнце, величественно поднимавшееся на горизонте. Мною овладело желание выйти подышать свежим утренним воздухом. Я надела шляпку и шаль и взяла с собой отчет о процессе. Я мигом отодвинула дверной засов и очутилась в маленьком прелестном садике Бенджамина.

Успокоившись и освежившись чудным утренним воздухом и тихим одиночеством, я с новыми силами обратилась к волнующему меня вопросу.

Я прочла все о процессе и решила посвятить жизнь свою этому святому делу: доказать невиновность моего мужа. Одинокая, беззащитная женщина, я должна была привести это решение в исполнение. С чего я должна была начать?

В моем положении самое смелое начало должно было быть самым разумным. Я имею основание полагать, как я уже заметила выше, что для меня самым надежным советником и помощником мог быть Мизеримус Декстер. Он мог обмануть мои ожидания или отказать мне в помощи, как мой дядя Старкуатер, или мог принять меня за сумасшедшую. Все это было возможно. Но я решилась сделать попытку и первым делом обратиться к этому калеке, если он еще жив. Предположим, что он меня примет, отнесется ко мне сочувственно, поймет меня. Что скажет он мне? Сиделка в своем показании заявила, что он говорит всегда бегло, скоро. Он, вероятно, спросит меня: «Что хотите вы делать и чем могу я помочь вам?»

Что я отвечу на эти простые вопросы? У меня был бы готовый ответ, если бы я смела перед кем-либо сознаться в тайных мыслях, бродивших у меня в голове. Да, если бы я в состоянии была довериться чужому человеку и рассказать о том подозрении, которое возникло у меня после чтения отчета о процессе, подозрении, которое я не решалась поверить даже этим страницам!

А между тем я должна наконец высказать его, ибо это подозрение привело меня к тем результатам, которые составляют важную часть моей истории и моей жизни.

Я должна признаться, что по прочтении отчета о процессе я в одном очень важном пункте была согласна с мнением моего врага и врага моего мужа — лорда-адвоката. Он считал объяснение смерти мистрис Маколан, представленное защитой, грубой уверткой, в которой ни один разумный человек не мог найти ничего похожего на действительность. Не заходя так далеко, я, однако, тоже не видела никакого основания думать, что бедная женщина приняла по ошибке слишком большую дозу мышьяка. Я верила, что у нее тайно хранился мышьяк и что она употребляла или намеревалась употреблять его для исправления цвета своего лица. Но далее этого я не шла. Чем больше я размышляла, тем больше казалось мне справедливым заключение со стороны обвинителей, что мистрис Юстас Маколан умерла от руки убийцы, но они, конечно, ошибались, обвиняя в преступлении моего мужа.

Муж мой был невиновен, кто-то другой был, по моему мнению, виновен. Кто же из лиц, живших в то время в доме, отравил мистрис Маколан? Мое подозрение пало на женщину. А имя этой женщины — мистрис Бьюли.

Да, к такому ужасному заключению пришла я. И, по моему мнению, это был неизбежный результат чтения отчета о процессе.

Взгляните на письмо, предъявленное на суде, подписанное именем Елены и адресованное мистеру Маколану. Ни один благоразумный человек, хотя суд и позволил ей не отвечать на этот вопрос, не станет сомневаться, что оно было написано мистрис Бьюли. Письмо это, как мне казалось, указывало на ее настроение во время пребывания в Гленинге.

Написанное мистеру Маколану в то время, когда она была замужем за другим человеком, которому она дала слово еще до встречи с мистером Маколаном, что говорило это письмо?

«Когда я подумаю, что ваша жизнь принесена в жертву этой несчастной женщине, сердце мое обливается кровью», и потом далее: «Если бы я имела невыразимое счастье любить и лелеять лучшего из людей, каким раем была бы наша жизнь, какие дивные часы переживали бы мы!»

Если это не бесстыдный язык страсти к чужому мужу, то что же это такое? Сердце ее

до того полно им, что при мысли о будущей жизни она думает об «объятиях с душой мистера Маколана». При подобных мыслях и нравственном настроении в один прекрасный день муж ее умирает, и она становится свободна. Как только позволяют приличия, она отправляется навестить своих друзей и знакомых и, как родственница, является в дом обожаемого ею человека.

Его жена больна и не встает с постели. Другой гость в Гленинге — безногий, который может двигаться только вместе со своим креслом. Таким образом, весь дом и любимый человек находятся в полном ее распоряжении. Нет никаких преград между нею и «невыразимым счастьем любить и лелеять лучшего из людей», кроме бедной, больной и безобразной жены, которой мистер Маколан не уделял и не хотел уделить ни малейшей частички своей любви.

Нелепо было бы верить, чтобы подобная женщина, движимая такими побуждениями и при таких благоприятных обстоятельствах, не была способна совершить преступление и не воспользовалась первым удобным для того случаем!

Но что говорят ее собственные показания? Она признает, что имела разговор с покойной, когда та ее расспрашивала о косметике, употребляемой для исправления цвета лица. Не произошло ли еще чего-либо между ними во время этого свидания? Не открыла ли мистрис Бьюли, что несчастная уже пыталась с помощью опасного средства исправить дурной цвет своего лица? Нам всем было известно только, что мистрис Бьюли ничего не сказала о том.

А что показал помощник садовника?

Он слышал между мистером Маколаном и мистрис Бьюли разговор, из которого явствует, что мысль сделаться со временем мистрис Маколан не совсем была чужда этой леди, и казалась ей такой опасной, что она боялась говорить о ней. Невинный мистер Маколан хотел продолжать этот разговор, но рассудительная мистрис Бьюли остановила его.

А что рассказала нам сиделка Христина Ормсей?

В день смерти мистрис Маколан сиделка была на некоторое время освобождена от своей должности и отослана вниз. Она оставила больную, настолько оправившуюся от первого припадка дурноты, что она занялась писанием стихов. Сиделка, пробыв с полчаса внизу и беспокоясь о том, что больная так долго не зовет ее, пошла в «утреннюю» комнату, чтобы посоветоваться с мистером Маколаном, что же она должна делать. Здесь она услышала, что мистер Маколан спрашивал у мистера Декстера, не видал ли тот мистрис Бьюли. Мистер Декстер отвечал, что не видел ее. Когда же исчезла мистрис Бьюли? В то самое время, когда Христина Ормсей оставила больную одну в комнате!

Между тем раздался звонок, и очень сильный.

В одиннадцать часов без пяти минут сиделка возвратилась в комнату и увидела, что припадок повторился с большей против прежнего силой. Вторая доза яда, больше первой, дана была больной в отсутствие сиделки и (заметьте!) во время исчезновения мистрис Бьюли. Выглянув в коридор, Христина Ормсей увидела мистрис Бьюли, направляющуюся с невинным видом — как раз в одиннадцать часов — к комнате мистрис Маколан, чтобы справиться о ее здоровье.

Немного спустя она в сопровождении мистера Маколана является в комнату больной. Умирающая женщина бросает на них странный взгляд и просит выйти вон. Мистер Маколан принял это за капризную вспышку и, выходя из комнаты, потихоньку сообщает сиделке, что послано за доктором. Но что делает мистрис Бьюли? Она в ужасе выбегает из комнаты, как только взгляд мистрис Маколан останавливается на ней, она, как видно, еще не совсем потеряла совесть!

Неужели во всех этих обстоятельствах, показанных свидетелями под присягой, нет ничего возбуждающего подозрение?

По-моему, из всего этого можно заключить одно, что рука мистрис Бьюли дала вторую дозу яда. Если допустим это, то само собою разумеется, что и первая доза была дана ею. Как могла она это сделать? Вернемся к свидетельским показаниям. Сиделка говорит, что она

спала с двух до шести часов утра. Она упоминала также о запертой двери, выходившей в кабинет старой мистрис Маколан, ключ из которой был неизвестно кем вынут. Кто взял этот ключ? Почему не предположить, что взяла его мистрис Бьюли?

Еще несколько слов, и все, как я думала в то время, будет обнаружено.

Мизеримус Декстер при передопросе косвенно сознался, что у него имеется собственный взгляд насчет смерти мистрис Маколан.

В то же время он говорил о мистрис Бьюли таким тоном, который ясно показывал, что он относится к ней далеко не дружески. Не подозревал ли он ее? Эта мысль главным образом побуждала меня обратиться к нему первому за советом, чтобы при удобном случае задать ему этот вопрос. Если он действительно думает о ней так же, как я, то для меня прояснился предстоящий мне путь. Мне нужно будет, искусно скрыв свою личность, самой явиться к мистрис Бьюли под видом незнакомки и постараться изучить ее характер.

Много предстояло мне трудностей на пути, первое и самое большое затруднение состояло в том, как попасть к мистеру Декстеру.

Успокоительное действие свежего воздуха возбудило во мне желание лечь и отдохнуть от умственного напряжения. Мало-помалу мной овладела дремота, и когда я, проходя мимо окна моей комнаты, заглянула в нее, то постель, казалось, очень приветливо манила меня к себе.

Пять минут спустя я была уже в постели и распростилась со всеми своими заботами и тревогами. Я уснула крепким сном.

Тихий стук в дверь разбудил меня. Я услышала голос моего доброго друга Бенджамина.

— Дорогая моя! Я боялся, что вы умрете с голоду, если еще дольше оставлю вас спать. Уже половина второго, и друг ваш приехал с вами завтракать.

Мой друг? Какие у меня друзья? Мой муж далеко, а дядя мой, Старкуатер, отказался от меня в отчаянии.

— Кто это? — закричала я ему через дверь.

— Майор Фиц-Дэвид, — отвечал Бенджамин.

Я быстро вскочила с постели. Человек, который был мне так нужен, сам явился ко мне! Майор Фиц-Дэвид знает весь свет. Приятель моего мужа, он должен несомненно знать его старого друга, Мизеримуса Декстера.

Должна ли я признаться, что с особенной тщательностью занялась своим туалетом и заставила себя ждать? Каждая женщина поступила бы так же, если бы ей нужно было обратиться с важной просьбой к майору Фиц-Дэвиду.

Часть вторая

Глава I. МАЙОР СОЗДАЕТ ЗАТРУДНЕНИЯ

Когда я отворила дверь столовой, майор поспешил ко мне навстречу. Он казался самым блестящим и самым молодым из пожилых джентльменов в своем синем фраке, со своей заискивающей улыбкой, с рубиновым кольцом и всегда готовыми комплиментами. Весело было смотреть на этого современного донжуана.

— Я не спрашиваю вас о здоровье, — сказал он, — ваши глаза ответили мне прежде, чем я успел задать вопрос. В ваши годы, моя дорогая, долгий сон — лучший эликсир красоты. Побольше спать — вот простой секрет для сохранения красоты и долгой жизни, побольше спать!

— Я не так долго спала, майор, как вы предполагаете! По правде говоря, я всю ночь не ложились, читала.

Майор Фиц-Дэвид поднял свои выкрашенные брови от удивления.

— Какая это счастливая книга так заинтересовала вас? — спросил он.

— Процесс моего мужа по обвинению его в отравление первой жены.

Улыбка исчезла с лица майора. Он как бы со страхом отступил на шаг назад.

— Не упоминайте об этой убийственной книге, — вскричал он. — Не будем говорить об этом ужасном предмете. Какое дело красоте и грации до процессов, отравлений и всяких ужасов! Зачем, прелестный друг мой, сквернить свои уста разговором о таких предметах? Не отгоняйте любви и грации, выражающихся в вашей улыбке. Пожалейте старика, который обожает грацию и красоту и ничего более не желает, как погреться под лучами вашей улыбки. Завтрак готов. Будем веселы. Будем смеяться и кушать!

Он повел меня к столу и принялся накладывать на тарелку кушанья и наливать вино в бокал с видом человека, исполняющего самое важное дело в жизни. Бенджамин время от времени поддерживал разговор.

— Майор Фиц-Дэвид привез новость, дитя мое, — сказал он. — Ваша свекровь, мистрис Маколан, желает вас видеть и приедет сегодня к вам.

Моя свекровь приедет ко мне! Я обратилась к майору за объяснением.

— Слышала мистрис Маколан что-нибудь о моем муже? — спросила я. — Она приедет сообщить мне что-нибудь о нем?

— Она имеет известие о нем, как я полагаю, — сказал он. — а также она имеет известия о вашем дяде. Этот превосходный человек написал ей, о чем именно, этого я не знаю, знаю только, что, получив от него письмо, свекровь ваша решила посетить вас. Я встретил старую леди вчера на вечере и всячески старался разузнать, как друг или как враг приедет она к вам. Но все мои старания пропали даром. Дело в том, — продолжал он тоном двадцатипятилетнего юноши, делающего скромное признание, — что я не очень-то умею ладить со старухами. А потому примите во внимание доброе намерение, мой дорогой друг. Я хотел быть вам полезен, но мне этого не удалось.

Эти слова предоставили мне удобный случай, которого я ожидала, и я поспешила им воспользоваться.

— Вы можете оказать мне большую услугу, — сказала я, — если только захотите. Я желала бы задать вам вопрос и, может быть, обращусь к вам с просьбой, если вы мне ответите удовлетворительно.

Майор Фиц-Дэвид поставил на стол бокал вина, который только что поднес ко рту, и взглянул на меня с живейшим любопытством.

— Приказывайте, моя дорогая, я весь к вашим услугам, — сказал старый дамский угодник. — О чем угодно вам спросить меня?

— Знаете ли вы Мизеримуса Декстера?

— Боже милостивый! — воскликнул майор. — Вот неожиданный вопрос! Знаю ли я Мизеримуса Декстера? Я знаю его столько лет, что мне совестно сознаться. Но зачем вам?

— Я объясню вам это в двух словах, — ответила я. — Я желаю, чтобы вы меня познакомили с Мизеримусом Декстером.

Это так поразило майора, что он побледнел, несмотря на свой искусственный румянец. Его маленькие серые блестящие глазки смотрели на меня с непритворным испугом и тревогой.

— Вы желаете познакомиться с Мизеримусом Декстером? — повторил он с видом человека, который сомневается, верно ли он расслышал. — Мистер Бенджамин, не слишком ли уже много выпил я вашего прекрасного вина? Не жертва ли я какой-нибудь

галлюцинации или действительно ваш прекрасный молодой друг просил меня познакомиться с Мизеримусом Декстером?

Бенджамин тоже со странным удивлением посмотрел на меня и отвечал совершенно серьезно:

— Вы, кажется, именно это и сказали, моя милая?

— Да, я сказала это самое. Что же в этой просьбе такого удивительного? — прибавила я.

— Но ведь он сумасшедший! — вскричал майор. — Во всей Англии вы не найдете человека более непригодного для общества дамы, да притом еще молодой дамы, как Декстер. Слыхали ли вы о его уродстве?

— Я слышала о нем, но оно меня нисколько не пугает.

— Не пугает вас? Но ведь ум этого человека так же изуродован, как тело. Сатирическое замечание Вольтера о характере своих соотечественников можно буквально применить к Мизеримусу Декстеру. Он — помесь тигра и обезьяны. При виде его вас охватывает ужас, а в следующую минуту вам хочется смеяться. Я не отрицаю, что он бывает в иных случаях очень умен. Я не позволю себе сказать, что он сделал какое-либо зло или обидел кого-нибудь; но, несмотря на все это, он сумасшедший. Извините, пожалуйста, мой дерзкий вопрос. Зачем желаете вы познакомиться с Мизеримусом Декстером?

— Я хочу с ним посоветоваться.

— Осмелюсь спросить, о чем?

— Насчет процесса моего мужа.

Майор Фиц-Дэвид застонал при этих словах и обратился за минутным утешением к своему другу, бордосскому вину Бенджамина.

— Опять этот страшный предмет! — воскликнул он. — Мистер Бенджамин, зачем она так настоятельно хочет говорить об этом?

— Я должна настаивать на том, что составляет теперь единственную цель и надежду моей жизни, — сказала я. — У меня есть основание думать, что мистер Декстер может помочь мне восстановить доброе имя моего мужа, запятнанное Шотландским вердиктом. Пускай он тигр и обезьяна, я все-таки хочу познакомиться с ним. И я опять прошу вас — как бы вы ни считали это опрометчивым и безрассудным, — познакомьте меня с ним. Я не желаю причинять вам беспокойства, я не буду просить вас сопровождать меня, дайте мне только письмо к Декстеру.

Майор жалобно посмотрел на Бенджамина и покачал головой. Бенджамин ответил ему таким же взором и покачиванием головы.

— Она, кажется, решительно настаивает на этом, — сокрушался майор.

— Да, — согласился Бенджамин.

— Я не могу взять на себя ответственность пустить ее одну к Декстеру, мистер Бенджамин.

— Не поехать ли мне с нею?

Майор задумался, Бенджамин в качестве покровителя, как видно, мало внушал ему доверия. После минутного размышления новая мысль мелькнула у него в голове. Он обратился ко мне:

— Мой прелестный друг, будьте еще прелестнее, согласитесь на маленькую уступку. Позвольте нам устроить это сообразно с приличиями. Что скажете вы о небольшом обеде?

— О небольшом обеде? — повторила я, ничего не понимая.

— Да, о небольшом обеде, — подтвердил майор. — У меня на квартире. Вы хотите, чтобы я познакомил вас с Декстером, а я не решаюсь отпустить вас одну на встречу с этим сумасшедшим. Единственная возможность удовлетворить ваше желание — это устроить у меня обед, на который будет приглашен мистер Декстер, и вы встретитесь с ним под моей кровлей. Но кого бы пригласить еще? — продолжал майор, просяив от приятной мысли. — Надо собрать побольше красавиц в вознаграждение за такого уродливого гостя, как Мизеримус Декстер. Госпожа Мирлифлор еще в Лондоне. Я уверен, что вы понравитесь друг

другу, она прелестна и к тому же походит на вас своей необычайной настойчивостью и твердостью характера. Итак, мы пригласим госпожу Мирлифлор. Кого бы еще? Разве леди Клоринду? Это тоже прелестная особа, мистер Бенджамин. Я уверен, что вы будете от нее в восхищении; она так симпатична и во многих отношениях походит на нашего милого друга. Да, леди Клоринда будет тоже с нами, и я посажу вас рядом с нею, мистер Бенджамин, в доказательство моего искреннего к вам уважения. Вам, может, было бы приятно, чтобы моя молодая примадонна спела нам вечером? В таком случае мы пригласим и ее. Она очень красива, пускай красота ее затмит уродство Декстера. Итак, наше общество подобрано. Я сегодня же вечером займусь этим делом и вместе с поваром обсудю вопрос об обеде. Угодно вам, чтобы это было через неделю, в восемь часов вечера? — спросил майор, вынимая из кармана свою записную книжку.

Я согласилась на его предложение, но очень неохотно. С письмом от него я могла бы в тот же день побывать у мистера Декстера. А этот «небольшой обед» заставил меня ждать целую неделю в полном бездействии. Но делать было нечего, следовало покориться. Майор Фиц-Дэвид, несмотря на свою любезность, был так же упрям, как я. Ему, очевидно, улыбалась мысль об обеде, и дальнейшее сопротивление с моей стороны не привело бы ни к чему.

— Ровно в восемь часов, мистер Бенджамин, — повторил майор. — Запишите, чтобы не забыть.

Бенджамин исполнил его желание и бросил на меня взгляд, который я поняла очень хорошо. Моему старому другу не нравился предстоящий обед с «полутигром, полуобезьяной», и честь сидеть рядом с леди Клориндой скорее пугала, чем доставляла ему удовольствие. И все это из-за меня, и ему оставалось только покориться.

— Хорошо, ровно в восемь, — повторил бедный старик, — не угодно ли еще бокал вина?

Майор посмотрел на часы и встал, извиняясь.

— Я не думал, что так поздно, — сказал он. — У меня назначено свидание с другом, и друг этот женского пола, прелестная особа! Вы мне несколько напоминаете ее, моя дорогая, у вас такой же бледный цвет лица. Я обожаю бледный цвет лица. Итак, у меня назначено свидание, эта особа делает мне честь, спрашивая мое мнение о старинных кружевах, я в них знаток. Я изучаю все, что может быть приятно прелестному полу. Вы не забудете о нашем обеде? Я пошлю Декстеру приглашение, как только вернусь домой.

Он взял мою руку и критически посмотрел на нее, склонив голову на сторону.

— Прелестная ручка, — продолжал он. — Вы не захотите лишиться меня удовольствия смотреть на нее и поцеловать ее, не правда ли? Прелестная ручка — моя слабость. Вы простите мне эту слабость. Я обещаю исправиться на днях.

— Вы полагаете, майор, что в ваши годы можно еще откладывать исправление? — неожиданно спросил какой-то чужой голос в дверях.

Мы все вдруг оглянулись. В дверях стояла мать моего мужа, иронически улыбаясь; за ее спиной виднелась служанка Бенджамина, не успевшая доложить о ней.

Майора Фиц-Дэвида, как старого солдата, трудно было изумить или смутить, и он немедленно отвечал ей:

— Возраст, дорогая мистрис Маколан, понятие относительное. Есть люди, которые никогда не бывают молоды, есть другие, которые никогда не стареют. Я один из последних. До свидания.

С этими словами неисправимый майор послал нам воздушный поцелуй и вышел из комнаты. Бенджамин, раскланявшись со своей старинной изысканной вежливостью, отворил дверь и пригласил нас с мистрис Маколан в библиотеку, а сам тотчас же удалился.

Глава II. СВЕКРОВЬ УДИВЛЯЕТ МЕНЯ

Я села в кресло на почтительном расстоянии от дивана, на котором разместилась моя свекровь. Она улыбнулась и знаком предложила мне сесть поближе. По-видимому, она явилась ко мне не как враг. Мне предстояло даже убедиться, что она была дружески настроена ко мне.

— Я получила письмо от вашего дяди пастора, — начала она. — Он просил меня повидать вас, и я с радостью — вы сейчас услышите почему — исполняю его желание. При других обстоятельствах я не знаю, дитя мое (странным может показаться такое признание), решилась ли бы я встретиться с вами. Сын мой поступил с вами так малодушно и, по моему мнению, так непростительно, что мне, его матери, совестно глядеть вам в глаза.

Серьезно ли она говорила? Я с удивлением слушала ее и смотрела на нее.

— Дядя ваш рассказывает мне в письме своем, — продолжала мистрис Маколан, — как вы поступили при страшном испытании, постигшем вас, и что предполагаете делать теперь, когда Юстас покинул вас. Бедный Старкуатер, кажется, чрезвычайно поражен тем, что вы сообщили ему в Лондоне. Он умоляет меня попытаться удержать вас от исполнения ваших планов и уговорить вернуться в старый пасторский дом. Я не разделяю воззрений вашего дяди, моя милая. Как ни считаю я ваши планы дикими — вы не можете иметь ни малейшей надежды на успех, — я удивляюсь вашему мужеству, вашей преданности и вашей непоколебимой уверенности в моем несчастном сыне, несмотря на его непростительное поведение в отношении вас. Вы хорошая женщина, Валерия. И я пришла сюда затем, чтобы чистосердечно высказать вам это. Поцелуйте меня, дитя мое. Вы заслуживаете быть женой героя, а вы вышли замуж за одного из слабейших смертных. Да простит мне Бог, что я говорю так о моем сыне! Но я так думаю и должна это высказать.

Даже матери Юстаса не могла я позволить говорить о нем таким образом. У меня вдруг развязался язык, и я выступила на защиту моего мужа:

— Мне так приятно ваше доброе мнение, дорогая мистрис Макалан. Только вы меня очень огорчаете, простите за откровенность, отзываясь так унижительно о Юстасе. Я не могу согласиться с вами, что муж мой слабейший из смертных.

— Совершенно естественно, — продолжала она, — что вы, как любящая женщина, делаете героя из близкого вам человека, заслуживает он того или нет. У вашего мужа много хороших качеств, дитя, и я знаю их лучше, чем вы. На поведение его с той минуты, как он вошел в дом вашего дяди, обнаруживает, повторяю я, человека с чрезвычайно слабым характером. И что, вы думаете, сделал он теперь! Он вступил в человеколюбивое братство и в настоящее время находится на пути в Испанию с красным крестом на рукаве, тогда как он должен был бы на коленях вымаливать прощение у своей жены. Я называю такое поведение слабостью характера, другие выразились бы гораздо жестче.

Это известие поразило и огорчило меня. Я могла покориться временной разлуке, но я возмутилась, узнав, что он подвергает свою жизнь опасности во время этой разлуки. Теперь мои беспокойство и тревога еще более усилились. Я находила этот поступок слишком жестоким с его стороны, но не хотела этого показать перед его матерью и старалась быть такой же хладнокровной, как она. Я с твердостью оспаривала ее доводы. Справедливая женщина с большим жаром продолжала осуждать своего сына.

— Я более всего обвиняю моего сына за то, что он не понял вас, — говорила мистрис Маколан. — Если бы жена его была дура, его поведение еще можно было бы извинить. От нее он мог бы скрывать, что он был женат и судился по обвинению в убийстве жены. И он был бы прав, поступив так, как он поступил теперь, если бы эта дура случайно открыла истину. Его удаление послужило бы общему спокойствию. Но вы — не дура. Я убедилась в этом с первого взгляда. Почему же он этого не увидел? Почему не доверил он вам свою тайну с самого начала и зачем присвоил себе вашу любовь под вымышленным именем? Зачем он вознамерился (как он говорил мне) увезти вас в путешествие по Средиземному морю, потом за границу, удалить вас от всех своих знакомых, боясь, чтобы они не выдали

его перед вами? Как ответить на все эти вопросы? Как объяснить это непонятное поведение? Ответ и объяснение могут заключаться в одном. Мой несчастный сын наследовал не от меня — он несколько не похож на меня, — а от отца эту слабость характера как в суждениях, так и в поведении. Он, как и все слабохарактерные люди, упрям и неблагоприятен в высшей степени. Вот истина! Не краснейте и не сердитесь. Я люблю его не менее, чем вы. Я знаю его достоинства, и одно из них заключается в том, что он женился на женщине умной и решительной, до того ему преданной, что она не позволяет даже его матери говорить о его недостатках. Милое дитя! Я люблю вас за то, что вы меня ненавидите.

— Дорогая мистрис Маколан, не говорите, что я вас ненавижу! — воскликнула я (чувствуя, однако, что в эту минуту ее действительно ненавижу). — Я только позволяю себе думать, что вы смешиваете слабохарактерного человека с человеком чересчур деликатным и строгим по отношению к себе. Наш дорогой, несчастный Юстас...

— Чересчур деликатный и строгий человек, — добавила нечувствительная мистрис Маколан. — Мы оставим это, моя милая, и перейдем к другому предмету. Посмотрим, не сойдемся ли мы в этом.

— Что это за предмет, сударыня?

— Этого я не скажу вам, если вы будете называть меня сударыней. Зовите меня матушкой.

— Что это за предмет, матушка?

— Ваша решимость принять на себя дело высшего апелляционного суда и заставить весь мир произнести новый, справедливый приговор над ним. Вы действительно решились на это?

— Да.

Мистрис Маколан на несколько минут задумалась.

— Вы знаете, что я искренне удивлялась вашему мужеству и вашей преданности моему несчастному сыну, — сказала она. — Но я не могу допустить, чтобы вы предприняли невозможное, чтобы без всякой пользы рисковали своей репутацией и своим счастьем. Я должна предостеречь вас, пока еще не поздно. Дитя мое! Вы задумали то, чего ни вы, ни кто-либо другой не в состоянии исполнить. Откажитесь от своих намерений.

— Премного вам обязана, мистрис Маколан...

— Матушка!

— Премного вам обязана, матушка, за участие, которое вы во мне принимаете, но отказаться от своих намерений я не могу. Права я или нет, достигну своей цели или нет, я все же должна и хочу попытаться.

Мистрис Маколан внимательно посмотрела на меня и вздохнула.

— О юность, юность! — сказала она как бы про себя. — Какое великое дело юность!

Потом, подавив возникшее в ней сожаление, она вдруг обернулась ко мне и запальчиво спросила:

— Скажите, ради Бога, что же намереваетесь вы предпринять?

Не успела она задать этот вопрос, как в голове моей промелькнула мысль, что она может, если захочет, познакомить меня с Мизеримусом Декстером. Она должна была его знать как гостя Гленинча и старого друга своего сына.

— Я хочу посоветоваться с Мизеримусом Декстером, — отвечала я смело.

Мистрис Маколан отшатнулась от меня и с изумлением закричала:

— Вы с ума сошли?

Я объяснила ей, как уже объясняла майору Фиц-Дэвиду, что у меня есть основание полагать, что советы мистера Декстера будут очень полезными для меня в этом деле.

— А я, — отвечала мистрис Маколан, — считаю, что ваш план суеверие и поэтому совершенно необходимо обратиться за советом к сумасшедшему! Вы не пугайтесь, дитя мое, он не сделает вреда и на вас нападать не будет, и не будет с вами груб. Я хочу только сказать, что к нему к последнему могла бы обратиться молодая женщина в вашем печальном положении.

Странно! Мистрис Маколан почти в тех же словах повторила предостережение майора. Но судьба обоих предостережений была одинакова, я все тверже и решительнее настаивала на своем.

— Вы меня очень удивляете, — сказала я. — Показания мистера Декстера в суде так ясны и рассудительны, как нельзя более.

— Конечно! — отвечала мистрис Маколан. — Стенографы представили его показания в приличном виде, но, если бы вы слышали их, как я, вы бы почувствовали к нему отвращение или смеялись бы над ним, смотря по тому, как вы были бы настроены в то время. Он довольно прилично начал объяснением своего необыкновенного имени, что сдержало неуместную веселость слушателей. Но, по мере того как говорил, он все более и более обнаруживал свое безумие. Он смешивал разумные суждения со странными нелепостями, его несколько раз призывали к порядку и даже грозили штрафом и заключением за оскорбление суда. Одним словом, он представлял из себя две крайности, то человека совершенно разумного, то сумасшедшего. Повторяю вам, что этот человек совершенно не способен дать дельный совет. Не может быть, чтоб вы рассчитывали на меня для знакомства с ним.

— Напротив, я именно на вас и рассчитывала в этом случае, — сказала я. — Но после всего услышанного я, конечно, отказалась от этой надежды. Но эта жертва небольшая, я должна буду только подождать неделю до обеда майора Фиц-Дэвида, на который он обещал мне пригласить Декстера.

— Как это походит на майора! — возмутилась старая леди. — Но если вы верите этому человеку, то мне вас очень жаль. Он увертлив, как угорь. Вы, конечно, просили его познакомить вас с Декстером?

— Да.

— Декстер презирает его, моя милая. Он так же хорошо знает, как и я, что Декстер не пойдет к нему на обед. И он придумал эту уловку, чтобы не сказать прямо «нет», как то сделал бы другой честный человек.

Это была очень неприятная для меня новость, но я была слишком упряма, чтобы считать себя побежденной.

— Неудачи преследуют меня, — сказала я, — делать нечего; в таком случае я напишу мистеру Декстеру и попрошу его назначить мне свидание.

— И вы поедете к нему одна, если он согласится принять вас? — спросила мистрис Маколан.

— Да, поеду одна.

— Вы твердо решились на это?

— Да.

— Я не позволю вам ехать одной.

— Смею спросить вас, сударыня, как вы думаете воспрепятствовать мне в этом?

— Поехав с вами, упрямица. Да, когда хочу, я могу быть так же упряма, как вы. Заметьте, я не хочу знать ничего о ваших планах, я не желаю принимать в них участия. Мой сын покорился Шотландскому вердикту, я также. Это вы хотите снова поднять это дело, вы, самонадеянная, безумно отважная молодая женщина. Но вы мне нравитесь, и я не пущу вас одну к Мизеримусу Декстеру. Надевайте шляпку!

— Сейчас? — спросила я.

— Конечно, моя карета у ворот. И чем скорее будет этому конец, тем довольнее я буду. Ступайте одеваться и сделайте это поживее.

Я не теряла времени, и спустя десять минут мы уже катили по дороге к Декстеру.

Вот каков был результат посещения моей свекрови.

Глава III. ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА МИЗЕРИМУСА ДЕКСТЕРА

Мы только что позавтракали, как мистрис Маколан приехала в дом Бенджамина. Последующий разговор между нею и мной (только что изложенный мною вкратце) продолжался почти до вечера. Солнце закатилось за густые облака, когда мы сели в экипаж, и темные сумерки покрыли окрестности, пока мы были в дороге.

Направлялись мы, насколько я могла судить, к северному предместью Лондона. Более часа ехали по лабиринту темных улиц, которые чем далее, тем становились уже и грязнее. Выбравшись из этого лабиринта, я заметила, что мы ехали большими пустырями, местностью, которая не могла называться ни городом, ни деревней. Потом показались разбросанные там и сям группы домов с тускло освещенными лавками, точно какими-то судьбами занесенные из далекой деревни на лондонскую дорогу, обезображенные и закоптевшие во время своего пути. Все темнее и мрачнее становилось вокруг, когда наконец карета остановилась и мистрис Маколан возвестила мне саркастическим тоном, что мы достигли цели своего путешествия.

— Дворец принца Декстера, моя милая, как вы его находите?

Я огляделась вокруг, не зная, как истолковывать ее слова. Мы вышли из кареты и стояли на песчаной дорожке. Направо и налево виднелись в полумраке несколько новых, еще строящихся домов. Доски и кирпичи валялись повсюду, местами возвышались строительные леса, точно деревья без ветвей. За ними, по другую сторону дороги, расстилался громадный пустырь, ничем еще не застроенный. По нему при мистическом полумраке мелькали тени диких уток. Прямо перед нами на расстоянии двухсот ярдов или более возвышалась черная масса, в которой я, привыкнув к темноте, различила длинный, низенький старинный дом, обнесенный черным забором. Слуга повел нас к этому забору через доски, кирпичи, черепицу и битую глиняную посуду, кругом разбросанные по земле. И это был «дворец принца Декстера».

Подойдя к калитке в черном заборе, с величайшим трудом отыскивали ручку колокольчика. Слуга дернул ее изо всех сил, и, судя по звону, колокольчик был такого размера, что скорее годился для церкви, чем для дома.

Пока мы ждали, чтобы нас впустили, мистрис Маколан указала мне на низкое, темное, старинное здание.

— Вот перед вами одно из созданий его безумия! — сказала она. — Спекулянты, строящие дома по соседству, предлагали ему несколько тысяч фунтов за землю, на которой стоит его дом. Это самый старинный дом в округе. Декстер купил его много лет тому назад чисто из прихоти. Его не привязывают к местности никакие семейные воспоминания; стены от старости того и гляди обрушатся, а предлагаемые ему деньги были бы ему как нельзя более кстати. Но нет! Он отверг все предложения и отвечал спекулянтам письмом в следующих выражениях: «Мой дом представляет живой памятник красоты и изящества среди низких и подлых построек низкого и подлого века. Я храню свой дом как полезный урок для вас, господа. Смотрите на него, возводя вокруг ваши постройки, и стыдитесь, если можете, дела рук своих». Есть ли возможность написать более нелепое письмо? Но тише, я слышу шаги в саду. Идет, вероятно, его двоюродная сестра. Надо сказать, что это — женщина, иначе вы приняли бы ее за мужчину в темноте.

За калиткой раздался густой, грубый голос, который я, конечно, никогда не приняла бы за женский. Он спросил:

— Кто там?

— Мистрис Маколан, — отвечала моя свекровь.

— Что вам нужно?

— Я желаю видеть мистера Декстера.

— Вы не можете его видеть.

— Почему?

— Как вас зовут, сказали вы?

— Маколан. Мистрис Маколан. Мать Юстаса Маколана. Теперь вы поняли?

Голос проворчал что-то, и ключ в замке повернулся.

Войдя в сад, в тени густых деревьев я не могла рассмотреть впустившей нас женщины, заметила только, что на ней была мужская шляпа. Заперев за нами калитку и не проронив ни слова, она повела нас к дому. Мистрис Маколан следовала за нею свободно, зная местность, а я следовала за нею по пятам.

— Премилая семейка, — шепнула мне свекровь. — Кузина Декстера — единственная женщина в доме, и настоящая идиотка.

Мы вошли в обширную с низким потолком прихожую, тускло освещенную одной небольшой масляной лампой. Я увидела картины, развешанные по темным, мрачным стенам, но что изображали они, невозможно было рассмотреть в этом мраке.

Мистрис Маколан обратилась к безмолвной женщине в мужской шляпе.

— Теперь скажите мне, — произнесла она, — почему не можем мы видеть мистера Декстера?

Кузина взяла со стола лист бумаги и подала его мистрис Маколан.

— Господин сам написал это, — отвечало странное существо хриплым голосом, точно слово «господин» пугало ее. — Прочтите это и потом уходите или оставайтесь, как хотите.

Она отворила в стене дверь, скрытую картинами, и исчезла как тень, оставив нас одних в комнате.

Мистрис Маколан подошла к лампе и старалась прочесть поданную ей бумагу. Я приблизилась к ней и без церемонии заглянула ей через плечо. На бумаге было написано чрезвычайно круглым и твердым почерком. Не заразилась ли я безумием в воздухе этого дома? Неужели я действительно вижу перед собой эти слова?

«Уведомление. Мое громадное воображение работает. Призраки героев являются передо мной. Я воскрешаю в себе души знаменитых умерших людей. Мой мозг кипит в голове. Всякий, кто при настоящих обстоятельствах беспокоит меня, рискует своей жизнью.

ДЕКСТЕР».

Мистрис Маколан посмотрела на меня со своей саркастической улыбкой.

— Вы все по-прежнему желаете познакомиться с ним? — спросила она.

Насмешка, прозвучавшая в ее тоне, подстегнула мою гордость. Я решила не отступать.

— Нет, если я могу тем подвергнуть жизнь вашу опасности, — сказала я, указывая на написанное на бумаге.

Свекровь моя вернулась к столу и положила на него бумагу, не удостоив меня ответом, а потом направилась к арке, за которой виднелась широкая дубовая лестница.

— Следуйте за мной, — сказала мистрис Маколан, поднимаясь впотьмах по лестнице. — Я знаю, где найти его.

Когда мы добрались до первой площадки, то увидели слабый свет, падавший от такой же масляной лампы, как в прихожей, только нам не было видно, где она находилась. Поднявшись на следующий этаж, мы вступили в узкий коридор и через приоткрытую дверь увидели лампу, горевшую в круглой, очень мило убранной комнате. Свет лампы падал на драпировку, закрывавшую от самого потолка и до пола стену, противоположную той двери, в которую мы вошли.

Мистрис Маколан приподняла занавеску и, сделав мне знак, чтобы я следовала за нею, шепотом сказала:

— Прислушайтесь!

По ту сторону драпировки я увидела темное углубление или проход, в конце которого была затворенная дверь. Из-за нее раздавался крикливый голос, сопровождаемый стуком и свистом. Звуки эти распространялись по комнате в разных направлениях, то страшно усиливались и заглушали крикливый голос, то затихали, как бы удаляясь, и тогда голос

преобладал над всем этим шумом. Дверь, вероятно, была очень массивна и толста; как я ни старалась вслушаться в произносимые слова, я не могла ничего разобрать и никак не могла объяснить себе этого стука и свиста.

— Что происходит там, за дверью? — прошептала я мистрис Маколан.

— Подойдите потихоньку и посмотрите, — также шепотом прозвучал ее ответ.

Она опустила занавеску, чтобы свет лампы не падал на нас из круглой комнаты. Тогда она тихонько взялась за ручку и чуть приоткрыла дверь.

Я увидела (или вообразила, что вижу в темноте) длинную комнату с низким потолком, освещенную потухающим огнем камина. Середина комнаты освещалась красноватым отблеском, прочие же ее части находились в совершенном мраке. Не успела я хорошенько все это разглядеть, как стук и свист вдруг приблизились ко мне. Высокое кресло на колесах промчалось мимо двери, мрачная фигура с развевающимися волосами, неистово размахивая руками, приводила его в движение с дивной быстротой. «Я — Наполеон при восходе солнца под Аустерлицем! — кричал он, проносясь мимо меня. — Мне стоит сказать слово, и падают троны и короли, нации содрогаются, тысячи людей, обливаясь кровью, умирают на поле битвы!» Потом кресло исчезло во мраке, и через минуту говоривший превратился в другого героя. «Я — Нельсон! — кричал он теперь. — Я управлял флотом при Трафальгаре. Я отдаю приказания, пророчески сознавая свою победу и смерть. Я вижу мой собственный апофеоз, мои похороны, слезы всей нации, мою могилу в знаменитой церкви. Память обо мне переживет многие века, и поэты будут воспевать меня в бессмертных стихах». Кресло повернуло в конце комнаты и покатило обратно. Фантастический и страшный призрак — этот новый кентавр, получеловек, полукресло — снова появился передо мной, освещенный слабым светом. «Я — Шекспир, — кричал он в иступлении. — Я пишу «Лира», трагедию из трагедий. Я величайший поэт между всеми новыми и древними поэтами. Света! Света! Стихи льются из моего умственного вулкана, как лава при извержении. Света! Света дайте поэту всех времен, чтобы записать слова, которые останутся бессмертными». Он остановился и потом снова понесся на середину комнаты. Когда он приблизился к камину, пламя вдруг вспыхнуло и осветило отворенную дверь. В эту минуту он увидел нас. Кресло вдруг остановилось с таким шумом, что старый пол затрещал, но через секунду понеслось на нас, как дикий зверь. Мы отступили как раз вовремя, кресло пролетело мимо и врезалось в драпировку. Свет лампы из круглой комнаты проник сюда, и чудовище, остановившись, с искренним любопытством оглянулось на нас через плечо.

— Раздавил, что ли, я их? Уничтожил за дерзость, с которой они нарушили мое единение, — говорил он сам с собой.

Когда он произносил эти слова, глаза его устремились на нас, но мысли его вернулись снова к Шекспиру и «Королю Лиру».

— Гонерилья и Регана! — вскричал он. — Мои бесчеловечные дочери, мои чертовки пришли сюда издеваться надо мной!

— Нет, ничего подобного, — сказала моя свекровь так спокойно, как если бы она обращалась к совершенно разумному существу. — Я ваш старый друг, мистрис Маколан, и привела с собой вторую жену Юстаса Маколана.

В тот же момент, когда она произнесла слова «...вторую жену Юстаса Маколана», этот несчастный с криком ужаса соскочил с кресла, точно она поразила его. В то же мгновение мы увидели в воздухе голову и туловище, совершенно лишенное ног. Через минуту это страшное существо опустилось на руки, точно обезьяна. Потом с удивительной быстротой он в несколько прыжков очутился у камина. Здесь, прижавшись в тени, дрожа от страха, он бормотал десятки раз:

— О, пожалейте меня, пожалейте!

К этому-то человеку пришла я за советом, у него хотела я просить помощи в случае нужды!

Глава IV. ВТОРОЙ ВЗГЛЯД НА МИЗЕРИМУСА ДЕКСТЕРА

Потеряв всякую надежду и, говоря откровенно, сильно испуганная, я прошептала мистрис Маколан:

— Вы были правы, я виновата, пойдете отсюда.

Слух у Мизеримуса Декстера был тонок, как у собаки.

Он услышал мои слова.

— Нет, — сказал он, — войдите сюда со второй женой Юстаса Маколана. Я джентльмен и должен извиниться перед ней. Я изучаю человеческую натуру и хочу ее видеть.

Человек этот, казалось, совершенно преобразился. Он говорил приятным голосом и вздохнул истерически, точно женщина после сильного припадка слез. Он пришел в себя, или любопытство оживило его. Когда мистрис Маколан спросила меня, хочу ли я уйти теперь, когда припадок его закончился, я ответила:

— Нет, я готова остаться.

— К вам снова возвратилась вера в него? — спросила она меня своим беспощадно насмешливым тоном.

— Испуг мой прошел, — ответила я.

— Мне очень жаль, что я напугал вас, — заговорил голос у камина. — Многие находят, что я временами схожу с ума. Вы пришли, кажется, как раз в такое время. Я, сознаюсь, немного мечтатель. Мое воображение Бог знает куда заносит меня, и я говорю и делаю странные вещи. В подобных случаях все, что напоминает мне об этом ужасном процессе, заставляет меня переноситься в прошлое и испытывать невыразимое нервное страдание. Я человек чрезвычайно чувствительный и вследствие этого (в таком свете, как наш) несчастный человек. Примите мои извинения и войдите сюда обе, войдите и пожалейте меня.

В настоящую минуту даже ребенок не мог бы бояться его, он подошел бы к нему и пожалел его.

В комнате становилось все темнее и темнее. Нам едва было видно прижавшуюся у камина фигуру Декстера, и более ничего.

— Разве мы останемся в темноте? — спросила мистрис Маколан. — Или ваша новая знакомая увидит вас при свете вне вашего кресла?

Он тотчас же схватился за висевший у него на шее металлический свисток, поднес его к губам, и вслед за тем раздались резкие, точно птичьи, звуки. Через несколько минут из дальних комнат послышались в ответ точно такие же.

— Ариель идет, — сказал он. — Успокойтесь, мама Маколан, Ариель сделает меня приличным, чтобы предстать перед очами молодой леди.

Он в несколько прыжков удалился в самый темный конец комнаты.

— Подождите минутку, — сказала мне мистрис Маколан, — вам предстоит еще новый сюрприз, вы сейчас увидите «изящную Ариель».

Мы услышали тяжелые шаги в круглой комнате.

— Ариель! — произнес Мизеримус Декстер нежным тоном.

К величайшему моему удивлению, грубый мужской голос кузины в мужской шляпе, более похожий на голос Калибана, чем Ариеля, отвечал:

— Здесь!

— Мое кресло, Ариель.

Женщина, так странно прозванная, отдернула занавеску, чтобы немного осветить комнату, и потом вкатила перед собой кресло. Она подняла Мизеримуса Декстера, как ребенка, но не успела она посадить его, как он выпрыгнул у нее из рук с радостным криком и очутился в своем кресле, точно птица на насесте.

— Лампу и зеркало, — приказал он и, обращаясь к нам, прибавил: — Извините, что я

обернусь к вам спиной. Вы должны увидеть меня только тогда, когда волосы мои будут приведены в порядок. Ариель, щетку, гребенку и духи!

Держа в одной руке лампу, в другой зеркало, а щетку с гребенкой в зубах, предстала передо мною Ариель. Теперь я впервые увидела это круглое лицо без всякого выражения, мрачные бесцветные глаза, толстый нос и подбородок. Это было полуживое существо, наполовину не развившееся, безобразное животное, в матросской куртке и тяжелых мужских сапогах, только старая красная фланелевая юбка и сломанный гребень в льняных волосах обнаруживали в ней женщину; это была та самая неприветливая особа, которая впустила нас в дом.

Этот диковинный камердинер, собрав все туалетные принадлежности, подал зеркало своему не менее диковинному господину и сам принялся за дело.

Она расчесала гребнем, щеткой, напмадила и надушила кудрявые волосы и шелковистую бороду Мизеримуса Декстера с удивительной ловкостью и быстротой. Молча, с тупым взором и неуклюжими движениями исполняла она свое дело в совершенстве. Калека внимательно наблюдал в зеркале за каждым ее движением. Он был слишком поглощен этим занятием, чтобы говорить, и, только когда Ариель, окончив прическу, остановилась перед ним и повернула свое круглое лицо в нашу сторону, он сказал, не оборачивая головы, так как туалет его был еще не совсем окончен:

— Мама Маколан, как зовут вторую жену вашего сына?

— Зачем нужно вам знать ее имя? — поинтересовалась моя свекровь.

— Затем, что я не могу называть ее мистрис Юстас Маколан.

— Почему это?

— Это напоминает мне другую мистрис Юстас Маколан. А если я вспомню страшные гленинчские дни, мое спокойствие пропадет, и я снова буду бесноваться.

Услышав это, я поспешила вмешаться.

— Меня зовут Валерия, — сказала я.

— Римское имя, — заметил Мизеримус Декстер. — Оно мне нравится. В моем собственном имени есть тоже нечто римское, и я сам походил бы на римлянина, если бы у меня были ноги. Я буду называть вас мистрис Валерия, если это не будет вам неприятно.

Я поспешила уверить его, что для меня в этом нет ничего неприятного.

— Очень хорошо, — сказал Декстер. — Видите ли вы, мистрис Валерия, лицо стоящего передо мною существа?

Он указал зеркалом на свою кухню так небрежно, как на собаку, и она со своей стороны не более собаки обратила внимание на его презрительное выражение. Она совершенно спокойно продолжала расчесывать его бороду.

— Это лицо идиота, не правда ли? — продолжал Мизеримус Декстер. — Посмотрите на нее. Она более походит на растение, чем на человека. Капуста в огороде представляет более жизни и выражения, чем эта девушка в настоящую минуту. Вы не поверите, что в этом полуразвитом существе кроется ум, привязанность, гордость, преданность.

Мне совестно было отвечать ему, но совершенно напрасно! Странная девушка продолжала невозмутимо заниматься бородой своего господина, не обращая ни на что внимания.

— Я открыл в ней любовь, гордость, преданность и другие чувства, — распространялся Мизеримус Декстер. — У меня хранится ключ к этому дремлющему уму. Великая мысль! Смотрите на нее, пока я буду говорить. (Я дал ей имя в минуту иронического настроения. Она привыкла к нему, как собака к ошейнику). Теперь, мистрис Валерия, смотрите и слушайте.

— Ариель!

Бессмысленное лицо бедного создания точно просияло.

Механическое движение руки вдруг прекратилось, и рука с гребнем застыла в воздухе.

— Ариель! Ты так хорошо научилась убирать мои волосы и душить мою бороду.

Лицо ее еще более просветлело.

— Да, да, да! — ответила она поспешно. — И вы говорите, что я хорошо это делаю, не так ли?

— Да, я это говорю. А желала бы ты, чтобы кто-нибудь другой делал это за тебя?

В глазах ее засветились огонь и жизнь. В ее мужском голосе появились мягкость, нежность, которых я в нем еще не замечала.

— Никогда никто не будет исполнять этого вместо меня, — сказала она с гордостью. — Никто не дотронется до вас, пока я жива.

— Даже эта леди? — спросил Декстер, указывая на меня.

Ее глаза мгновенно засверкали, и в порыве ревности, грозя мне гребнем, она резко воскликнула:

— Пусть попытается! Пусть дотронется до вас, если посмеет!

Декстер залился ребяческим смехом.

— Довольно, моя нежная Ариель, — сказал он. — Мне не нужен более твой ум, возвратись к своему обычному состоянию. Окончи мою прическу.

Она снова пассивно принялась за дело. Блеск ее глаз, грозное выражение лица мало-помалу исчезли. Минуты две спустя лицо ее было так же бессмысленно и тупо, как и прежде. Руки ее действовали так же механически, с такой же безжизненной быстротой, которая произвела на меня тяжелое впечатление сначала.

Мизеримус Декстер казался вполне доволен результатом своего опыта.

— Я полагал, что этот маленький эксперимент может вам показаться интересным, — сказал он. — Вы видите, что дремлющие умственные способности моей кухни подобны звукам, таящимся в музыкальном инструменте. Когда я дотрагиваюсь до него, он издает звуки. Она очень любит эти опыты, но величайшее наслаждение доставляют ей сказки, которые я рассказываю, и чем запутаннее, чем сложнее сказка, тем она довольнее. Это бывает чрезвычайно забавно, и я когда-нибудь доставлю вам это удовольствие. — Взглянув на себя в зеркало, он весело прибавил: — Теперь я готов. Можешь уйти, Ариель.

Она вышла из комнаты, стуча своими тяжелыми сапогами и повинувшись ему, как вьючное животное. Я сказала ей «прощайте», когда она проходила мимо меня, но она не только не ответила, даже не взглянула на меня. Мои простые слова не произвели никакого впечатления на ее тупые чувства. Единственный голос, влиявший на нее, теперь молчал. Она снова обратилась в бессмысленное и безжизненное существо, отворившее нам калитку, пока Мизеримусу Декстеру не заблагорассудится снова заговорить с нею.

— Валерия! — сказала мне свекровь. — Наш скромный хозяин ждет, чтобы ты высказала о нем свое мнение.

Пока внимание мое было обращено на его кухню, он повернул свое кресло так, что находился прямо перед нами и свет лампы падал на него. Описывая его внешность при изложении процесса, я невольно руководствовалась впечатлением, которое он произвел лично на меня. Теперь я увидела перед собой живое, умное лицо, большие светло-голубые глаза, блестящие каштановые курчавые волосы, белые тонкие руки, великолепную шею и грудь. Уродство, уничтожавшее мужественную красоту головы и груди, было скрыто от взоров пестрой восточной одеждой, накинутой на кресло в виде покрывала. На Декстере была надета черная бархатная куртка, застегнутая на груди большими малахитовыми пуговицами, и кружевные манжеты, бывшие в моде в прошлом столетии. Может быть, вследствие недостатка опыта, но я не видела в нем никаких признаков сумасшествия и ничего отталкивающего, когда он смотрел на меня теперь. Единственный недостаток, который я заметила в его лице, заключался в морщинах у внешних уголков глаз, как раз у висков, появившихся, когда он смеялся или улыбался, и представлявших странный контраст с его почти юношеским лицом. Что же касается прочих черт лица, то рот его, насколько позволяли его видеть усы и борода, был небольшой и тонко очерченный. Нос строго греческий, может быть, слишком тонок в сравнении с полными щеками и высоким, большим лбом. Смотря на него глазами женщины, а не физиономиста, я могу сказать, что он был чрезвычайно красив. Живописец избрал бы его моделью для Святого Иоанна. А молодая

девушка, не зная, что скрывается под восточной одеждой, увидев его, сказала бы мысленно: «Вот герой моих мечтаний».

— Что же, мистрис Валерия, — спросил он спокойно, — пугаю я вас теперь?

— Конечно нет, мистер Декстер.

Его голубые глаза, большие, как у женщины, и ясные, как у ребенка, устремились на мое лицо с таким странным выражением, которое заинтересовало и вместе с тем смутило меня.

В этом взоре появлялись то сомнение, тревожное, мучительное, то явное одобрение, открытое и неудержимое, так что тщеславная женщина могла бы вообразить, что с первого раза очаровала его. Потом вдруг новое чувство овладело им. Глаза его полузакрылись, голова опустилась, и он сделал руками жест, выражавший сожаление. Он забормотал что-то про себя, очевидно, преследуя тайную и печальную нить мыслей, уносивших его далеко от настоящего, и все более и более погружаясь в воспоминания прошлого. Иногда я могла разобрать некоторые слова. Мало-помалу я стала понимать, что происходило в уме этого странного человека.

— Лицо намного прелестнее, — расслышала я, — но фигура далеко не так красива. Чья фигура могла быть красивее ее? Есть что-то, напоминающее ее очаровательную грацию. В чем же именно сходство? Может быть, в манерах, в движениях? Бедный, несчастный ангел! Какая жизнь, и какая смерть!

Он, по-видимому, сравнивал меня с жертвой яда, первой женой моего мужа. Его слова подтверждали мои предположения. Если это справедливо, покойница, значит, пользовалась его расположением. Этого нельзя было не заметить по его тону: он восхищался ею при жизни и оплакивал ее смерть. Предположим, что я посвятила бы в свои планы это странное существо, что выйдет из этого? Выиграю я или потеряю через сходство, которое он, казалось, открыл во мне? Утешает ли его мой вид? Или, напротив, огорчает? Я с нетерпением желала услышать что-нибудь о первой жене моего мужа. Но ни слова не сорвалось более с его уст. Новая перемена произошла в нем. Он вдруг поднял голову и осмотрелся вокруг, как человек, внезапно пробужденный от глубокого сна.

— Что сделал я? — спросил он. — Неужели я опять дал волю своему воображению? — Он весь задрожал. — О, этот гленинчский дом! — пробормотал он как бы про себя. — Неужели мысль о нем никогда не покинет меня? О, этот гленинчский дом!

К моему величайшему разочарованию, мистрис Маколан прервала дальнейшие излияния.

Что-то в тоне и выражениях, относившихся к дому ее сына, казалось, оскорбляло ее. Она резко и решительно прервала его:

— Успокойтесь, друг мой, успокойтесь. Мне кажется, вы сами не знаете, что говорите.

Голубые глаза его засверкали гневно. Он быстрым движением руки откинул волосы в сторону. В следующую минуту он схватил ее за руку, заставил наклониться к нему и зашептал ей на ухо. Он был сильно взволнован. Шепот его был достаточно внятен, чтобы я могла расслышать его слова.

— Я не знаю, что говорю, — повторил он, устремив пристальный взор, но не на свекровь мою, а на меня. — Вы близорукая старая женщина! Где ваши очки? Посмотрите на нее. Неужели вы не видите сходства в фигуре, не в лице, с первой женой Юстаса?

— Чистая фантазия! — возразила мистрис Маколан. — Я не вижу ничего подобного.

— Тише, — прошептал он, с нетерпением оттолкнув ее, — она услышит.

— Я слышала, что вы оба говорили, — сказала я. — Вам нечего стесняться при мне, мистер Декстер. Вы можете говорить свободно. Я знаю, что муж был уже женат, и знаю ужасную смерть его первой жены. Я читала о процессе.

— Вы знаете жизнь и смерть мученицы! — воскликнул Мизеримус Декстер. Он вдруг подкатил свое кресло ко мне, почти нежно склонился и с глазами, полными слез, сказал мне: — Никто не ценил ее по достоинству, кроме меня одного. Никто, никто!

Мистрис Маколан с нетерпением направилась в другой конец комнаты.

— Когда вы будете готовы, Валерия, скажите мне, — произнесла она. — Нельзя так долго заставлять ждать людей и лошадей в этой открытой местности.

Я была очень заинтересована разговором с мистером Мизеримусом Декстером и нетерпеливо ожидала продолжения разговора, чтобы в эту минуту оставить его. Я сделала вид, что не слышала замечания мистрис Маколан. Я как бы нечаянно положила руку на его кресло, намереваясь удержать его поближе к себе.

— Вы показали на суде, как высоко ценили бедную леди, — сказала я. — Я уверена, мистер Декстер, что вы имеете особый взгляд на ее таинственную смерть.

Он все время смотрел на мою руку, лежавшую на подлокотнике кресла, но тут вдруг поднял глаза и посмотрел на меня сердито и подозрительно.

— Почему вы думаете, что у меня особый взгляд на это дело? — спросил он угрюмо.

— Я поняла это из отчета о процессе, — отвечала я. — Лорд-адвокат при передопросе выразился почти в тех же самых словах, какие я сейчас употребила. Я не имела ни малейшего намерения оскорбить вас, мистер Декстер.

Лицо его также скоро просветлело, как и омрачилось. Он улыбнулся и положил свою руку на мою. От прикосновения его мне стало неприятно. Я почувствовала, как все нервы точно задрожали во мне, и невольно отдернула руку.

— Прошу извинения, — сказал он, — если я вас не понял. Да, я действительно имею особый взгляд на эту несчастную леди. — Он замолчал и пытливо взглянул на меня. — А вы, — спросил он, — также имеете особый взгляд на жизнь или смерть?

Я была сильно заинтересована и жаждала многое услышать. Надеюсь, что, говоря с ним откровенно, вызову его на большую откровенность, я отвечала:

— Да.

— И вы сообщили кому-нибудь об этом? — продолжал он.

— До настоящей минуты ни одному живому существу, — ответила я.

— Это очень странно, — произнес он, внимательно всматриваясь в мое лицо. — Вы не можете питать участия к умершей женщине, которую никогда не знали. Почему задали вы мне этот вопрос именно теперь? Вы приехали ко мне с какой-нибудь целью?

— Да, с целью, — отвечала я правду.

— В ней есть что-нибудь, относящееся к первой жене Юстаса Маколана?

— Да.

— К чему-либо, случившемуся во время ее жизни?

— Нет.

— К ее смерти?

— Да.

Он вдруг с диким отчаянием всплеснул руками и потом сжал ими голову, точно внезапно пораженный тяжелым ударом.

— Я не могу более слышать об этом сегодня, — сказал он. — Я отдал бы все на свете, чтобы узнать, в чем дело, но я не смею. Я могу потерять всякую власть над собой. Я не в силах вызывать в памяти трагическое и таинственное прошлое и поднимать из могилы покойную мученицу. Вы слышали меня, когда пришли сюда? У меня необузданное воображение, оно уносит меня Бог знает куда, делает меня актером. Я разыгрываю роли некогда существовавших героев. Я вхожу в их положение, изучаю их характер, переношу на себя их индивидуальность и на время действительно становлюсь тем героем, которым себя воображаю. Я не могу преодолеть себя. Я должен все это проделать; если бы я не дал воли своему воображению, я сошел бы с ума. Я отдаюсь своей фантазии, и это продолжается несколько часов. После того я ослабеваю и нервы мои приходят в страшно напряженное состояние. Если в это время возбудить во мне печальные и тяжелые воспоминания, у меня начинается истерика, и я начинаю кричать. Вы слышали мои крики, вы не должны видеть меня в истерике. Нет, мистрис Валерия, вас, невинное отражение покойной, я не хочу пугать ни за что на свете. Не приедете ли вы ко мне завтра? У меня есть пони и кабриолет. Ариель, моя нежная Ариель, умеет править. Она приедет за вами к маме Маколан и привезет вас

сюда. Мы поговорим завтра, когда я буду в силах. Я умираю от нетерпения выслушать вас. К завтрашнему дню я окрепну. Я буду вежлив, умен и общителен. Но теперь ни слова о том! Отложим этот слишком возбуждающий, слишком интересующий меня разговор. Я должен успокоиться, или мозг закипит у меня в голове. Музыка — лучшее наркотическое средство для возбужденного мозга. Мою арфу! Дайте мою арфу!

Он быстро откатил свое кресло в дальний конец комнаты, мимо мистрис Маколан, возвращавшейся за мной.

— Поедемте! — сказала раздражительно старая леди. — Вы видели его, и он сам достаточно выказал себя. Далее смотреть на него скучно и утомительно. Едемте.

Кресло приближалось к нам значительно медленнее. Мизеримус Декстер действовал только одной рукой, в другой он держал арфу такой формы, какую я видела только на картинах. Струн на ней было немного, и инструмент был чрезвычайно мал. Это была старинная арфа, похожая на лиру муз и легендарных валлийских бардов.

— Прощайте, Декстер, — сказала мистрис Маколан.

Он сделал повелительный жест рукой.

— Подождите, — сказал он, — послушайте мое пение. — Затем он обратился ко мне: — Я никогда не исполняю чужой музыки. Я сам сочиняю как слова, так и музыку. Я импровизирую. Дайте мне минуту подумать, и я сейчас сыграю вам свою импровизацию.

Он закрыл глаза и опустил голову на арфу. Его пальцы слегка перебирали струны, пока он думал. Через несколько минут он поднял голову, взглянул на меня и сыграл прелюдию. Хорошая или дурная была музыка, я не берусь об этом судить. Это были дикие звуки, несколько не похожие на новейшую музыку. То слышалась медленная восточная пляска, то строгая гармония, напоминавшая старинные Грегорианские гимны. Слова, следовавшие за прелюдией, были так же дики и несообразны с правилами искусства, как сама музыка. Они, как видно, были внушены случайностью, предметом песни была я. И прекрасным тенором, какой когда-либо случалось мне слышать, поэт мой пел обо мне:

Зачем она пришла
Напомнить об утрате,
Напомнить мне покойницу
Своей фигурой и походкой.
Зачем она пришла?
Не привела ль ее судьба
Затем, чтобы вспомнить нам вместе
Все ужасы прошлого?
Чтоб вместе разгадать
Все тайны прошлого?
Не обменяемся ли мы
Мыслями и подозрениями?
Не привела ль ее судьба?

Это будущее покажет.
Скоро ночь пройдет,
Скоро день наступит.
Я прочту ее мысли,
Она — мои.
Будущность все покажет.

Голос его затихал, пальцы едва касались струн. Взволнованный мозг нуждался в покое, и он нашел его. При последних словах его глаза медленно закрылись, голова опустилась на кресло, и он заснул, обняв свою арфу, как ребенок, прижав к груди новую игрушку.

Мы тихонько вышли из комнаты и оставили Мизеримуса Декстера, поэта, композитора

и сумасшедшего, погруженного в мирный сон.

Глава V. МОЯ НАСТОЙЧИВОСТЬ

Внизу, в приемной, ждала нас Ариель, полусонная, полубодრствующая. Не говоря ни слова и ни разу не взглянув в нашу сторону, проводила она нас через темный сад и заперла за нами калитку.

— Прощайте, Ариель, — сказала я, садясь в экипаж, но не получила никакого ответа. Только слышались тяжелые шаги, направлявшиеся к дому, и потом раздался шум затворившейся двери.

Слуга между тем зажег у кареты фонари и, неся один из них в руках, заботливо светил нам, провожая нас через обломки, и благополучно вывел на большую дорогу.

— Итак, — произнесла свекровь моя, спокойно усевшись в экипаж, — вы видели Мизеримуса Декстера; надеюсь, вы удовлетворены. Я готова отдать ему справедливость и признаться, что никогда еще не видала его таким сумасшедшим, как сегодня вечером. Что вы на это скажете?

— Я не берусь оспаривать ваше мнение, — отвечала я, — но что касается меня, то я не нахожу его сумасшедшим.

— Не находите его сумасшедшим после его неистового катания в кресле! — вскричала мистрис Маколан. — Не сумасшедший — после его комедии с несчастной кухней! Не сумасшедший — после песни, которую он сочинил в честь вас, и, наконец, в заключение заснул в кресле. О, Валерия! Валерия! Как справедливо сказал мудрец о наших предках: «Слеп тот, кто не хочет видеть».

— Извините меня, дорогая мистрис Маколан, я видела все, о чем вы сейчас упоминали, и я никогда в жизни не была так удивлена и поражена. Но теперь, когда первое изумление прошло и я могу спокойно все обдумать, я сильно сомневаюсь, чтобы он был сумасшедший в полном смысле этого слова. Мне кажется, он открыто выражает — правда, слишком резко и грубо — мысли и чувства, которых мы стыдимся как слабости и стараемся скрывать. Я сама, признаюсь, часто воображала себя другим человеком и испытывала при том величайшее удовольствие. Одно из любимых детских занятий, когда дети одарены воображением, это представлять себя феями, королевами и т. п. Мистер Декстер обнаруживает эту странность, как все дети, и если это признак сумасшествия, то он, конечно, сумасшедший. Но я заметила, что, когда его воображение успокаивается, он снова становится Мизеримусом Декстером и не считает себя более ни Наполеоном, ни Шекспиром. К тому же не мешает припомнить то, какую уединенную и скучную жизнь ведет он. Я не могу научно обосновать, какое влияние оказывает на него эта жизнь, но полагаю, что все его причуды можно объяснить чересчур возбужденным воображением, а его опыт над бедной кухней, так же как и его пение-экспромт, не что иное, как следствие чрезмерного самолюбия. Я надеюсь, что такое признание не унижит меня в вашем мнении, и должна сказать откровенно, что это посещение доставило мне большое удовольствие и что Мизеримус Декстер серьезно заинтересовал меня.

— Не хотите ли вы сказать этой ученой речью, что вы намерены еще раз навестить Декстера? — спросила мистрис Маколан.

— Я не знаю, как буду относиться к этому завтра утром, — сказала я, — но в настоящую минуту я положительно решила еще раз увидеться с ним. Я имела непродолжительный разговор с ним, пока вы оставались на другом конце комнаты, который убедил меня, что он действительно может быть мне полезен...

— Может быть вам полезен! В чем? — прервала меня свекровь.

— В том, что стало целью моей жизни, дорогая мистрис Маколан, и что вы, к

величайшему моему сожалению, не одобряете.

— И вы хотите сообщить ему свои намерения, открыть вашу душу такому человеку?

— Да, если я завтра буду придерживаться того же мнения, что и сегодня. Очень может быть, что это риск, но я должна рискнуть. Знаю, что я неосторожна, но осторожность не всегда помогает в таком положении, в каком нахожусь я.

На это мистрис Маколан не возразила ни слова. Она открыла большую сумку и вынула оттуда коробочку спичек и маленький фонарик.

— Вы вынуждаете меня показать вам последнее письмо вашего мужа из Испании. Я захватила его с собой. Из него вы увидите, бедный, увлекающийся ребенок, как сын мой относится к бесполезной и безнадежной жертве, которую вы хотите принести ради него. Зажгите огонь!

Я охотно повиновалась ей. С той минуты, как я услышала, что Юстас отправился в Испанию, я жаждала узнать о нем что-нибудь, чтобы поддержать мой упавший дух после стольких разочарований и огорчений. К тому же я не знала, думает ли мой муж обо мне в своем добровольном изгнании. Надеяться же, что он сожалеет о своем необдуманном поступке, было, конечно, еще рано.

Когда фонарик был зажжен и повешен на свое место между двумя передними стеклами кареты, мистрис Маколан подала мне письмо. Нет большего безумия, чем безумие любви. Мне стоило огромных усилий сдержаться и не поцеловать лист бумаги, к которой прикасалась дорогая рука моего мужа.

— Начните отсюда, со второй страницы, — сказала моя свекровь, — здесь речь идет о вас. Прочитайте все с начала и до конца и, ради Бога, образумьтесь, пока еще не поздно!

Я исполнила ее желание и прочла следующее.

«Могу ли я писать о Валерии? Я *должен*, однако, писать о ней. Уведомьте меня, как она поживает, что делает, как выглядит. Я постоянно думаю о ней. Не проходит дня, чтобы я не оплакивал ее потерю. О, если бы она довольствовалась своим положением и не старалась открывать ужасной тайны!

В последний раз, когда я видел ее, она говорила, что хочет прочесть отчет о процессе. Исполнила ли она это? Мне кажется — я серьезно говорю это, матушка, — что я умер бы от стыда и горя, если бы встретился с ней лицом к лицу после того, как она узнала о позоре, которому я подвергся, о постыдном подозрении, публично меня заклеймившем. Подумайте об этих чистых, ясных глазках, устремленных на человека, обвиненного и до конца не оправданного в низком и гнусном убийстве, и представьте себе, что должен чувствовать этот человек, если у него есть сердце и чувство стыда. Мне больно писать об этом.

Неужели она все еще не отказалась от безнадежного предприятия, бедный ангел, увлекающийся с самым искренним безрассудным великодушием! Неужели она воображает, что в ее власти доказать всему свету мою невиновность! О, матушка, если она настаивает на своем, употребите все свое влияние и заставьте ее отказаться от этих намерений! Избавьте ее от унижений, разочарований и, может быть, оскорблений, которым она невинно рискует подвергнуться. Ради нее, ради меня употребите все старания, чтобы достигнуть этого результата.

Я не пишу ей и не смею писать. И когда вы увидите с ней, не говорите ничего такого, что напоминало бы ей обо мне. Напротив того, помогите ей забыть меня поскорее. Единственное добро, которое я могу сделать ей, единственное успокоение — это исчезнуть из ее жизни».

Этими злополучными словами заканчивалось письмо, которое я молча вернула матери.

— Если это вас не обескураживает, — заметила она, медленно складывая письмо, — то что же может повлиять на вас? Мне нечего более добавить.

Я не отвечала и тихонько плакала под вуалью. Мое будущее представлялось мне таким мрачным. Муж мой продолжал держаться ложного направления, так безнадежно

заблуждался. Единственной надеждой для нас обоих и единственным утешением для меня была моя отчаянная решимость. Если бы я могла еще колебаться и нуждалась в поддержке для сопротивления увещаниям моих друзей, то достаточно было письма Юстаса, чтобы заставить меня твердо держаться моих намерений. К тому же он не забыл меня, постоянно думает обо мне, оплакивает мою потерю. Это было для меня большим утешением. «Если Ариель придет завтра за мной, — думала я, — то я отправлюсь с ней к Декстеру».

Мистрис Маколан высадила меня из кареты у дома Бенджамина.

Расставаясь с ней, я сообщила — я нарочно откладывала это сообщение до последней минуты, — что завтра Мизеримус Декстер придет за мной свою кузину в кабриолете, и спросила ее, позволит ли она мне отправиться к нему из ее дома или она пришлет кабриолет к дому Бенджамина. Я ожидала вспышки гнева, но старая леди приятно изумила меня. Она ясно дала мне понять, что я ей понравилась, сделала над собой усилие и спокойно сказала:

— Если вы непременно хотите возвратиться завтра к Декстеру, то, конечно, вы поедете не из моего дома. Но надеюсь, что завтра вы раздумаете, встанете утром более благоразумной женщиной.

На следующий день около полудня за мной приехал кабриолет, и мне подали письмо от мистрис Маколан.

«Я не имею права контролировать ваши поступки, — писала моя свекровь. — Я посылаю кабриолет, но думаю, что вы не поедете в нем. Я желала бы убедить вас, Валерия, в том, что я ваш искренний друг. Я с душевной тоской думала о вас нынешней ночью. Меня мучила мысль, что я не предприняла должных мер для предотвращения вашего несчастного брака. Но что могла бы я сделать, я, право, не знаю. Сын мой сообщил мне, что он ухаживает за вами под вымышленным именем, но он не открыл мне, под каким именно именем, и не сказал, кто вы и где живут ваши друзья. Может быть, я должна была бы все это разузнать сама и тогда сообщить вам истину, но боялась нажать себе врага в собственном своем сыне. Я полагала, что честно исполню долг свой, отказав в согласии на ваш брак и не присутствуя на вашей свадьбе. Не слишком ли малым я удовлетворилась? Но теперь поздно говорить об этом. Зачем тревожить вас бесполезным раскаянием и сожалением старухи. Если с вами случится что-нибудь, дитя мое, я буду считать себя в том виноватой, хотя и косвенно. Мое тягостное душевное настроение заставляет меня писать вам, хотя я не могу сообщить ничего интересного. Не ездите к Декстеру! Меня всю ночь томило предчувствие, что ваше посещение Декстера дурно кончится. Напишите ему, извинитесь перед ним, Валерия! Я твердо уверена, что вы будете раскаиваться, если еще раз поедете к нему».

Можно ли было еще более предостерегать, еще заботливее давать советы? Но ни то, ни другое на меня не подействовало.

Но я должна сознаться, что доброта и расположение моей свекрови глубоко тронули меня, несмотря на то, что несколько не поколебали моего решения. Пока я жива, в состоянии действовать и мыслить, я должна стараться выпытать у Декстера его подозрения по поводу смерти мистрис Юстас Маколан. На его слова смотрела я, как на путеводную звезду среди окружавшего меня мрака. Я написала мистрис Маколан, выразила ей свою благодарность за ее сочувствие и сожаление, что не могу исполнить ее желания. Тотчас после этого я отправилась к Декстеру.

Глава VI. ВТОРОЙ ВИЗИТ К МИСТЕРУ ДЕКСТЕРУ

Выйдя на крыльцо, я увидела, что толпа уличных мальчишек собралась вокруг

кабриолета и на своем наречии выражала величайшее удовольствие и забавлялась над Ариелью в мужской куртке и шляпе. Пони стоял беспокойно, как бы испытывая влияние уличной суматохи. Его возница с бичом в руке сидела величественно и невозмутимо, как бы не замечая насмешек, сыпавшихся на нее со всех сторон.

— Здравствуйте, — сказала я, подходя к кабриолету.

— Садитесь, — отвечала Ариель и ударила пони.

Я решила совершить это путешествие в молчании, к тому же я по опыту знала, как бесполезно было заговаривать с моей спутницей. Но оказалось, что опыт не всегда бывает непреложен. Проехав полчаса молча, Ариель вдруг, к величайшему моему изумлению, заговорила.

— Вы знаете, куда мы подъезжаем? — спросила она, уставив глаза прямо между ушей лошади.

— Нет, — отвечала я, — не знаю дороги. Куда же мы подъезжаем?

— К каналу.

— Так что же?

— Что? Я думаю, не опрокинуть ли мне вас в канал.

Такое странное заявление требовало, по моему мнению, некоторого объяснения, и я взяла на себя смелость спросить:

— Почему хотите вы опрокинуть меня?

— Потому что я вас ненавижу, — отвечала она холодно и откровенно.

— Разве я вас оскорбила чем-нибудь? — поинтересовалась я.

— Что вам нужно от моего господина? — спросила она в свою очередь.

— Вы говорите о мистере Декстере?

— Да.

— Мне нужно переговорить с ним.

— Это неправда. Вы хотите занять мое место. Вы хотите причесывать его волосы и душить его бороду вместо меня. Вы негодяйка!

Теперь я начала понимать. Мысль, которую мистер Декстер высказал шутя, засела в ее голове, мало-помалу усвоенная ее тупым умом, и наконец вылилась в слова пятнадцать часов спустя под влиянием моего присутствия.

— Я вовсе не желаю дотрагиваться до его волос и бороды, — сказала я. — Это я предоставляю вам.

Она взглянула на меня, ее толстое лицо покраснело, бессмысленные глаза широко раскрылись от усилия высказать свою мысль и понять то, что ей отвечали.

— Повторите еще раз, что вы сказали, — вскричала она, — и говорите медленнее.

Я повторила медленно и отчетливо.

— Поклянитесь! — не верила она, все более и более волнуясь.

Я с самым серьезным видом поклялась ей. Канал виднелся невдалеке.

— Теперь вы довольны? — спросила я.

Ответа я не получила. Она уже истощила свои ресурсы для разговора. Это странное существо снова смотрело прямо между ушей лошади и громко вздыхало. Она ни разу более не взглянула на меня и не сказала ни слова до самого конца нашего путешествия. Мы проехали мимо канала, и я избежала насильственного купания. Мы проехали через множество улиц и пустырей, которые я едва заметила в темноте и которые при свете казались еще грязнее и отвратительнее. Кабриолет повернул в узкий переулок, где не мог бы проехать большой экипаж, и остановился перед забором и воротами, совершенно мне неизвестными. Открыв ворота своим ключом, она ввела лошадь во двор, а меня проводила через двор и сад к старому, почти развалившемуся дому Декстера. Пони прямо направился к конюшне, а меня безмолвная моя спутница пригласила в пустую холодную кухню, потом через длинный коридор мы добрались до приемной, в которую мы с мистрис Маколан пришли накануне через парадный вход дома. Здесь Ариель взялась за свисток, висевший у нее на шее, и издала несколько резких звуков, которые были уже мне известны как способ

общения между Мизеримусом Декстером и его кузиной.

— Подождите здесь, пока не услышите свистка господина, — сказала она, — а тогда можете идти наверх.

Вот как! Меня свистнут как собаку! И что еще хуже, я должна этому покориться. По крайней мере, не извинится ли Ариель? Ничуть не бывало, она молча повернулась ко мне спиной и отправилась в кухню.

Подождав минуты две или три и не слыша свистка, я пошла в глубину комнаты, чтобы при свете рассмотреть картины, которые я заметила накануне впотьмах. Разноцветная надпись под самым карнизом объясняла мне, что это были произведения самого Декстера. Он был не только поэт и композитор, но также и живописец. На одной стене были расположены картины, «изображающие страсти», на другой — «эпизоды из жизни Вечного Жида». Случайные зрители, подобные мне, предуведомлялись надписью, что все картины были произведением пылкого воображения. «Мистер Декстер, — гласила надпись, — не имел в виду людей, ищущих природы в художественных произведениях; он вполне предавался своему воображению, природа же выводит его из себя».

Отбросив от себя всякую мысль о природе, я начала рассматривать картины, изображающие страсти.

Хотя я вовсе не была знатоком живописи, все же смогла отметить, что Мизеримус Декстер не имел никакого понятия о законах этого искусства. Картины его были очень дурно сделаны. Болезненно настроенное воображение побуждало его всюду изображать ужасы (за небольшими исключениями), что и служило отличительной чертой его произведений.

На первой картине «страстей» была представлена «ненависть». Мертвец в фантастическом костюме лежал на берегу пенящейся реки в тени громадного дерева. Над ним с мечом в руках стоял свирепый человек, также в странной одежде, и с выражением злобной радости смотрел на капли крови, медленно падавшие на траву с широкого лезвия его меча. Следующая картина изображала жестокость в разных видах. На одной была представлена лошадь, скакавшая во весь опор, бока ее были в кровь изранены шпорами; на другой — престарелый философ рассекал живую кошку и любовался делом рук своих; на третьей — два язычника весело поздравляли друг друга с мученичеством двух святых: одного из них жарили на рашпере, другого повесили на дерево вверх ногами, содрав с него кожу, и он еще был жив. Осмотрев несколько этих картин, потеряв какую-либо охоту их рассматривать, я перешла к противоположной стене. Там вторая надпись объясняла, что живописец в образе «голландского матроса» изобразил Вечного Жида, совершающего свои путешествия по морям. Морские приключения этого таинственного лица составляли тему картин. На первой виднелась гавань у скалистых берегов, в ней стоял на якоре корабль, и кормчий распевал на палубе. На море ходили черные, сердитые валы, темные тучи заволакивали горизонт, и временами среди них сверкали молнии. При их ослепительном блеске подвигалась темная и тяжелая масса призрачного корабля. В этой картине, как ни плохо была она исполнена, видно было могущественное воображение, поэтическое чувство и любовь к сверхъестественному. Далее призрачный корабль стоял уже на якоре (к величайшему удивлению и ужасу кормчего) около настоящего корабля. Вечный Жид сошел на берег, и судно осталось ожидать его в гавани. Его, команда, состоявшая из малорослых людей с бледными лицами и одетых в черный погребальный наряд, молча сидела на лавках, с веслами в своих худых, длинных руках. Жид, тоже в черном, стоял, подняв глаза и руки к грозному небу с умоляющим видом. Дикие обитатели вод и суши: тигры, носороги, крокодилы, морские змеи, акулы и рыбы-черти замыкали проклятого странника в мистический круг, как бы очарованные и утраченные его взглядом. Молнии прекратились. Земля и море погрузились во мрак. Слабый, блуждающий свет озарял сцену, он падал как бы от факела, несомого духом мщения и простиравшего над Жидом свои громадные крылья. Как ни была дика мысль этой картины, на меня она произвела сильное впечатление.

Пока я рассматривала эти страшные произведения, наверху раздался громкий свисток. В эту минуту нервы мои были в таком напряженном состоянии, что я задрожала и

вскрикнула от испуга. Я мгновенно почувствовала сильное желание отворить дверь и убежать оттуда. Мысль остаться наедине с человеком, нарисовавшим эти ужасные картины, приводила меня в страх и трепет. Я вынуждена была опуститься на стул. Только спустя несколько минут я пришла в себя. Свисток раздался вторично и с видимым нетерпением. Я поднялась и пошла по лестнице на второй этаж. Отступление в эту минуту казалось мне слишком унижительным для моего достоинства. Сердце мое, конечно, забилось сильнее, и честно я должна признаться, что вполне сознавала теперь свою неосторожность.

В приемной над камином висело зеркало. Я на минуту остановилась перед ним (как ни была расстроена), чтобы взглянуть на себя.

Драпировка, закрывавшая внутреннюю дверь, была наполовину отдернута, и, несмотря на то что я двигалась очень тихо, собачий слух Мизеримуса Декстера уловил шелест моего платья. Приятный тенор, певший накануне, любезно воскликнул:

— Это вы, мистрис Валерия? Пожалуйста сюда!

Я вошла в комнату.

Кресло тихо и медленно подкатилось ко мне навстречу, и Мизеримус Декстер томно протянул мне руку. Его голова задумчиво склонилась на одну сторону, большие голубые глаза жалобно смотрели. Не оставалось и следа того неистового, бесновавшегося существа, которое представляло из себя то Наполеона, то Шекспира, то кого-либо другого. В это утро мистер Декстер был мягким, задумчивым, меланхоличным человеком, который только своей странной одеждой напоминал вчерашнего Декстера. Сегодня на нем была розовая шелковая стеганая куртка, а покрывало, скрывавшее его уродство, светло-зеленого цвета. Для довершения этого странного костюма руки его были украшены массивными золотыми браслетами, сделанными по строго изящному образцу древнейших времен.

— Как вы добры, что приехали очаровать и развеселить меня своим присутствием, — сказал он грустным, чрезвычайно мелодичным тоном. — Я для вашего приема нарядился в самое лучшее свое платье. Не удивляйтесь этому! За исключением неблагородного и материального девятнадцатого столетия мужчины, как и женщины, всегда носили дорогие материи и прекрасные цвета. Сто лет тому назад розовый шелковый костюм отличал настоящего джентльмена. Полторы тысячи лет тому назад, во времена классические, патриции носили такие же браслеты, как мои. Я чувствую отвращение к нелепому презрению к красоте и пошлой расчетливости, которые ограничили костюм джентльмена черным платьем, а украшения — одним кольцом. Я люблю быть в блестящей и красивой одежде, в особенности когда принимаю красавицу. Вы не представляете, какую цену имеет для меня ваше общество! Сегодня один из моих грустных дней. Слезы невольно льются из глаз! Я вздыхаю и скорблю о себе, я жажду сострадания. Вы только подумайте, какой я несчастный человек! Бедное одинокое создание, гнусный урод, достойный сожаления. Мое любящее сердце изнывает. Мои необыкновенные способности бесполезны или неприменимы. Ведь это ужасно грустно, пожалейте меня!

Глаза его были полны слез, слез сострадания о самом себе. Он смотрел на меня и говорил так жалобно, точно больной ребенок, нуждающийся в уходе. Я решительно не знала, что делать. Я была, без сомнения, смешна, но мне еще никогда не случалось бывать в таком неловком положении.

— Пожалейте меня, — повторил он. — Не будьте жестоки. Я не многого требую. Прелестная мистрис Валерия, скажите, пожалуйста, что вы меня жалеете.

Я исполнила его желание и в то же время почувствовала, что краснею.

— Благодарю вас, — сказал смиренно мистер Декстер. — Это хорошо на меня действует, но не останавливайтесь на этом, погладьте мою руку.

Я старалась сдержаться, но его нелепая просьба, высказанная совершенно серьезно (заметьте!), заставила меня расхохотаться.

Мизеримус Декстер взглянул на меня с невыразимым изумлением, которое еще более усилило мой смех. Не оскорбила ли я его? По-видимому, нет. Оправившись от своего изумления, он откинул голову на спинку кресла с выражением человека, который

критически слушает исполнение какой-нибудь пьесы. Когда я наконец перестала смеяться, он поднял голову, стал аплодировать и даже произнес: «Бис! Бис!»

— Посмейтесь еще, — попросил он прежним детским тоном. — Веселая Валерия, какой у вас музыкальный смех, а у меня музыкальный слух. Посмейтесь еще!

Между тем я стала совершенно серьезной.

— Мне стыдно за себя, мистер Декстер, — произнесла я. — Пожалуйста, извините меня.

Он ничего не отвечал, я сомневаюсь даже, слышал ли он мои слова. Его изменчивая натура поддалась, казалось, какому-то новому впечатлению. Он пристально уставился на мое платье, занятый какими-то своими мыслями и упорно следя за их ходом.

— Мистрис Валерия, — сказал он вдруг, — вам неудобно в этом кресле.

— Напротив, — возразила я, — весьма удобно.

— Извините меня, — продолжал он, — в другом углу комнаты есть индийское плетеное кресло, которое гораздо удобнее. Простите меня, если я буду настолько невежлив, что не сам подам вам кресло. У меня есть на то свои причины.

У него были причины! Какую новую эксцентричную проделку хочет он выкинуть? Я встала и принесла кресло, оно было очень легкое. Когда я возвращалась, я заметила, что глаза его были как-то странно устремлены на мое платье и, что еще удивительнее, результат его наблюдений за мною, казалось, частично удовлетворял его, частично огорчал.

Я поставила кресло подле него и только намеревалась сесть, как он под другим предлогом снова послал меня в дальний угол комнаты.

— Премного обяжете меня, — сказал он, — если принесете со стены ручной экран. Мы здесь слишком близко сидим к огню. Вам будет экран полезен. Однако извините меня, что заставляю вас заботиться о себе. Еще раз уверяю вас, что у меня есть на то свои причины.

Он опять толковал о своих причинах, и с особенным ударением! Любопытство заставило меня так же послушно исполнять его капризы, как исполняла их Ариель. Я пошла за экраном и, возвращаясь назад, отметила то же непонятное для меня внимание и то же необъяснимое выражение интереса и сожаления, с которым он смотрел на мое простенькое платье.

— Тысячу раз благодарю вас, — сказал он. — Вы совершенно невинно встревожили мое сердце, но вы также оказали мне неоценимую услугу. Обещайте мне, что не обидитесь, если я скажу вам истину.

Он предлагал мне объяснить свои странные поступки. Никогда в жизни не давала я слова так охотно.

— Я позволил себе послать вас за креслом и за экраном, — продолжал он. — Причина, заставившая меня поступить таким образом, может показаться вам чудачеством. Заметили ли вы, что я чрезвычайно внимательно, даже слишком внимательно наблюдал за вами?

— Да, — отвечала я, — подумала, что вы рассматриваете мое платье.

— Не платье, — сказал он, качая головой и тяжело вздыхая, — и не лицо. Ваше платье вовсе не красиво, лицо совершенно для меня чуждо. Дорогая мистрис Валерия, мне хотелось посмотреть на вашу походку.

Посмотреть на мою походку! Что хотел он этим сказать? Куда опять занесся его блуждающий ум?

— Вы одарены редким для англичанки совершенством, — прибавил он, — у вас прекрасная походка. У нее тоже была прекрасная походка. Я никак не мог воздержаться от искушения увидеть ее в вас. Когда вы шли в тот угол комнаты и потом возвращались ко мне, я видел ее движения, ее нежную грацию, ее, не вашу. Вы воскресили ее из мертвых. Простите, моя мысль была чиста, побуждение священо. Вы огорчили и утешили меня. Мое сердце обливается кровью, но я вам очень, очень благодарен.

Он умолк на минуту, опустив голову на грудь, потом вдруг приподнял ее.

— Мы говорили о ней вчера вечером, — припомнил он. — Что я говорил? Что говорили вы? У меня что-то смутное осталось в памяти, кое-что я помню, кое-что совсем

забыл. Пожалуйста, напомните мне. Я вас не оскорбил, не правда ли?

Я могла бы оскорбиться словами другого, но не его. Я слишком горячо стремилась снискать его доверие, особенно теперь, когда он сам заговорил об интересовавшем меня предмете, о первой жене Юстаса Маколана.

— Мы говорили о смерти мистрис Юстас Маколан, — ответила я, — и мы говорили еще...

Он прервал меня и, склонившись всем телом вперед, воскликнул:

— Да, да! И я удивлялся, почему вы хотели проникнуть в тайну ее смерти. Скажите, доверьтесь мне. Я умираю от желания узнать истину.

— Этот вопрос не может интересовать вас так, как меня, — сказала я. — Счастье всей моей жизни зависит от разъяснения этой тайны.

— Боже милостивый! Почему? — воскликнул он. — Постойте, я слишком взволнован. Я должен успокоиться и сохранить все свое хладнокровие. Я не должен выходить из себя, дело слишком серьезно. Подождите несколько минут.

На ручке его кресла висела изящная маленькая корзинка; он открыл ее и вынул оттуда неоконченную канвовую работу со всеми нужными к тому принадлежностями. Мы посмотрели друг на друга, и он заметил мое удивление.

— Женщины, — объяснил он, — поступают очень благоразумно: они собираются с мыслями и успокаивают свое волнение, занимаясь рукоделием. Почему же мужчины поступают так глупо, отказываясь от такого прекрасного и вместе с тем простого способа успокаивать нервы и приводить в порядок мысли? Я же со своей стороны следую мудрому примеру женщин. Мистрис Валерия, позвольте мне собраться с мыслями.

Важно расправив канву, этот чудаक принялся за работу с терпением и ловкостью, свойственными женщине.

— Теперь, — сказал Мизеримус Декстер, — если вам угодно, я готов. Говорите, а я буду работать.

Я повиновалась и заговорила.

Глава VII. ВО МРАКЕ

С таким человеком, как Декстер, и с такой целью, как моя, откровенность должна была быть полная. Я должна была или открыть ему весь мой план, или найти приличный предлог для отступления в самую последнюю минуту. В моем настоящем критическом положении я не могла останавливаться на полумерах, даже если бы хотела. А потому я рискнула и сразу объяснила ему, в чем дело.

— До сих пор вы обо мне знаете очень мало или вовсе ничего не знаете, мистер Декстер, — начала я. — Вам, вероятно, неизвестно, что я в настоящее время не живу с мужем?

— Разве необходимо говорить о вашем муже? — спросил он холодно, не поднимая глаз от работы.

— Совершенно необходимо, — ответила я. — Иначе я не могу вам объяснить, что нужно.

Он поник головой и вздохнул с покорностью.

— Вы не живете с мужем? — повторил он. — Не хотите ли вы сказать, что Юстас вас бросил?

— Да, он бросил меня и уехал за границу.

— Без всякой необходимости?

— Да.

— И не сообщил, когда вернется к вам?

— Если он не изменит своего настоящего решения, мистер Декстер, то никогда не вернется ко мне.

При этих словах он быстро поднял голову от работы, разговор, видимо, начинал интересовать его.

— Неужели ссора до того серьезна? — спросил он. — Разошлись вы по обоюдному согласию, дорогая мистрис Валерия?

Тон, которым был задан этот вопрос, мне очень не понравился. Взгляд, устремленный на меня, навел на мысль, что я напрасно рискнула на свидание с ним наедине и что он может злоупотребить этим.

— Вы ошибаетесь, — возразила я. — Между нами не было никакой ссоры, ни даже недоразумения. Наша разлука одинаково огорчает нас обоих, мистер Декстер.

— Я весь внимание, — сказал он, вдевая нитку в иглу. — Продолжайте, пожалуйста, я не буду более прерывать вас, — прибавил он ироническим тоном.

Я совершенно откровенно рассказала ему всю правду о моем муже и о себе, стараясь при том выставить в лучшем свете побуждения Юстаса. Мизеримус Декстер положил свою работу на кресло и тихонько посмеивался, слушая мою несчастную повесть, что сильно раздражало меня.

— Я не вижу в этом ничего смешного, — заметила я ему раздражительно.

Его прекрасные голубые глаза остановились на мне с выражением наивного удивления.

— Ничего смешного, — повторил он, — в таком безумном поступке, который вы описываете!

Выражение его лица мгновенно изменилось, оно омрачилось.

— Пойдите! — воскликнул он, прежде чем я успела ответить. — В таком случае одна только причина может заставить вас серьезно относиться к этому делу. Мистрис Валерия, вы любите своего мужа?

— Больше, чем могу это выразить, — сказала я. — Я люблю его всем своим сердцем.

Мизеримус Декстер погладил свою великолепную бороду и задумчиво повторил мои слова:

— Вы любите его всем своим сердцем. А вы знаете, за что?

— Просто потому, что я не могу не любить его, — отвечала я резко.

Он иронически улыбнулся и снова принялся за вышивание.

— Странно! — заметил он как бы про себя. — Первая жена Юстаса также очень любила его. Есть мужчины, которых любят все женщины, но есть и такие, которых не любит ни одна женщина. И это без всякой причины, и те и другие одинаково красивы, приятны, достойны и одинакового происхождения. За одних женщины пойдут в огонь и в воду, на других не бросят и взгляда. Почему? Они и сами этого не знают, как сейчас сказала мистрис Валерия. Есть же какая-нибудь физическая причина на то! Нет ли в первых какого-нибудь магнетического влияния, которого недостает другим. Я должен исследовать это, когда у меня будет свободное время и хорошее расположение духа.

Обсудив вопрос к своему полному удовлетворению, он взглянул на меня.

— Но, несмотря на это, я не понимаю вас, — сказал он, — не понимаю, что побуждает вас интересоваться ужасной гленинчской трагедией. Прекрасная мистрис Валерия, пожалуйста, возьмите меня за руку и выведите из мрака. Ведь вы не оскорбились на мои слова, не правда ли? Не сердитесь, и я вам подарю свою хорошенькую работу, как только окончу ее. Я бедный, одинокий, несчастный урод со своеобразным умом, но я никому не желаю зла. Простите меня, будьте снисходительны и вразумите меня!

Он снова вернулся к своему ребяческому тону, снова на устах его появилась невинная улыбка с морщинками и складками около глаз. Я начала сомневаться, не слишком ли была с ним резка, и решила снисходительнее относиться к его физическим и умственным слабостям.

— Позвольте мне, мистер Декстер, на минуту вернуться к происшедшему в Гленинче, — сказала я. — Вы согласны со мной, что Юстас невиновен в преступлении, за

которое его судили. Ваши показания на суде доказали мне это.

Он отложил работу и посмотрел на меня с серьезным, сосредоточенным вниманием, которое вдруг показало мне лицо его в совсем новом свете.

— Таково наше мнение, — продолжала я, — но присяжные думали иначе. Их вердикт, как вы, вероятно, помните, гласил: «Не доказано». Это значит, что присяжные не решились прямо выразить своего мнения и публично заявить, что муж мой виновен. Не так ли?

Вместо того чтобы отвечать, он вдруг положил работу свою в корзинку и подвинул кресло свое как можно ближе к моему.

— Кто сказал вам это? — спросил он.

— Я сама сделала это заключение, ознакомившись с отчетом о процессе.

До сих пор на лице его выражалось только сосредоточенное внимание, и больше ничего. Теперь же впервые я заметила какую-то тень, будто на нем промелькнуло подозрение.

— Обычно женщины не занимаются сухими судебными вопросами, их мало интересуют законы, — сказал он. — Мистрис Юстас Маколан вторая, вы должны иметь важные причины, чтобы поступать таким образом.

— Да, у меня есть очень важные для того причины, мистер Декстер. Мой муж покорился Шотландскому приговору. Мать его тоже, и друзья его, насколько я знаю...

— Далее!

— Далее то, что я не согласна с моим мужем, его матерью и друзьями. Я отказываюсь покориться Шотландскому приговору.

При этих словах в нем появились признаки безумия, которое я до сих пор отрицала. Он вдруг совсем перегнулся из кресла, взял меня за плечи, а глаза его вопросительно, бешено впились в меня.

— Что вы хотите сказать? — воскликнул он резким, пронзительным голосом.

На меня напал смертельный страх. Я делала всевозможные усилия, чтобы ни словом, ни видом не показать ему, что мне неприятно его фамильярное обращение.

— Уберите свои руки, сударь, — сказала я, — и сядьте на свое место.

Он машинально повиновался и так же машинально извинился. Ум его, очевидно, был занят услышанными словами и доискивался их значения.

— Прошу извинения, — сказал он, — смиренно прошу извинения. Этот предмет волнует меня, пугает, сводит с ума. Вы не можете себе представить, какого труда стоит мне сдерживать себя. Не обращайтесь на меня внимания, не бойтесь меня. Мне так совестно за себя, я чувствую себя несчастным, думая, что оскорбил вас. Накажите меня за это, возьмите палку и прибейте меня. Привяжите меня к креслу. Позовите Ариель, она сильна, как лошадь, и прикажите ей держать меня. Дорогая мистрис Валерия! Оскорбленная мистрис Валерия! Я готов вынести какое угодно наказание, лишь бы вы сказали мне, что подразумеваете под словами: «Я отказываюсь покориться Шотландскому приговору». — Он отодвинул кресло и спросил умоляющим тоном: — Довольно ли я отодвинулся? Или вы все еще боитесь меня? Если вы желаете, я могу даже совершенно скрыться с ваших глаз.

Он приподнял светло-зеленое покрывало и через минуту исчез бы, как марионетка, если бы я не удержала его.

— Оставим это, — проговорила я, — я принимаю ваши извинения. Сказав вам, что я отказываюсь покориться Шотландскому приговору, я подразумевала именно то, что выражали слова мои. Этот приговор запятнал честь моего мужа. Он сознает это с горечью, и, как это тяготит его, никто не знает лучше меня. Сознание этого бесчестья разлучило его со мной. Для него недостаточно, что я убеждена в его невиновности. Ничто не может заставить его вернуться ко мне, ничто не в силах убедить его, что я считаю его достойным спутником и руководителем моей жизни, кроме того, если его невиновность будет доказана перед присяжными и публично заявлена перед всем светом. Он сам, его друзья и адвокаты отчаялись найти когда-либо эти доказательства, но я — жена его, и никто не любит его так, как я. Я не отчаиваюсь и не хочу слушаться голоса рассудка. Если Господь поможет, я хочу

посвятить всю свою жизнь тому, чтобы доказать невиновность моего мужа. Вы старый друг его, и я пришла к вам просить вашего содействия.

Пришла, казалось, моя очередь испугать его. Он побледнел, провел рукою по лбу, как бы желая прогнать какую-то тревожную мысль.

— Не брежу ли я? — спросил он тихо. — Вы не ночное ли видение?

— Я только одинокая женщина, — отвечала я, — женщина, потерявшая все, что ей мило и дорого, и желающая возвратить свое счастье.

Он снова начал двигать свое кресло ближе ко мне. Я подняла руку, и он остановился. Наступило молчание, мы внимательно смотрели друг на друга. Я видела, что руки его дрожали, когда он опустил их на покрывало, лицо становилось все бледнее и бледнее, а нижняя губа отвисла. Какие-то воспоминания воскресли в его уме во всем их прежнем ужасе.

Он заговорил первый:

— Так вот для какой цели вы хотите раскрыть тайну смерти мистрис Маколан.

— Да.

— И вы полагаете, что я могу помочь вам?

— Полагаю.

Он медленно поднял руку и, указывая на меня своим длинным пальцем, спросил:

— Вы подозреваете кого-нибудь?

Он произнес это тихим, угрожающим тоном. Я увидела, что должна быть осторожной. А между тем я сознавала, что если не буду теперь вполне откровенна, то потеряю награду за все, что вытерпела и чем рисковала, пойдя на опасное свидание с мистером Декстером.

— Вы подозреваете кого-нибудь? — повторил он.

— Может быть, — сказала я в ответ.

— И лицо это в вашей власти?

— Нет еще.

— А вы знаете, где оно находится?

— Нет.

Он томно опустил голову на спинку кресла и тяжело, судорожно вздохнул. Не разочаровался ли он? Или почувствовал облегчение? Или просто утомился душой и телом? Кто мог знать истину, кто мог на это ответить?

— Не дадите ли вы мне пять минут отдыха? — попросил он слабым, усталым голосом, не поднимая головы. — Вы уже знаете, как воспоминание о случившемся в Гленинче возбуждает и волнует меня. Минут через пять я оправлюсь; будьте так любезны, подождите. В соседней комнате есть книги. Извините меня, пожалуйста.

Я удалилась в круглую приемную. Он последовал за мной в своем кресле и затворил дверь.

Глава VIII. МРАК РАССЕИВАЕТСЯ

Небольшой отдых был мне так же полезен, как и Мизеримусу Декстеру.

Страшные сомнения осаждали меня, пока я прохаживалась взад и вперед по комнате и коридору. Было очевидно, что я, хоть совершенно невинно, нарушила спокойствие Декстера и пробудила в нем печальные, таинственные воспоминания. Я напрягла свой расстроенный ум, стараясь отгадать эту тайну. Все мои соображения и предположения, как оказалось впоследствии, были далеки от истины. Я немного стала спокойней, только придя к заключению, что Декстер никого на свете не удостаивал своим доверием. Он не обнаружил бы такого беспокойства, если бы рассказал публично на суде или тайно сообщил какому-нибудь избранному другу все, что он знал о драме, происшедшей в Гленинче. Какое могучее

влияние замыкало его уста? Молчал он от сожаления к другим или боялся последствий для себя? Невозможно было угадать! Могла ли я надеяться, что он откроет мне тайну, которую скрыл от суда и друзей? Когда он узнает, что мне нужно от него, захочет ли он вооружить меня теми материалами, которые помогут мне выиграть задуманное мною дело? Нельзя было отрицать, что все шансы были против меня, но для достижения такой цели необходимо было приложить все старания. Минутная прихоть могла расположить в мою пользу капризного Мизеримуса Декстера. Мои планы и намерения были достаточно странны и слишком серьезны для обыкновенной женщины, а потому могли вызвать его сочувствие. «Кто знает, — думала я про себя, — может я внезапно овладею его доверием, рассказав ему всю правду, как она есть».

Прошло несколько минут, дверь снова отворилась, и голос хозяина пригласил меня в комнату.

— Войдите, пожалуйста, дорогая мистрис Валерия, — произнес он. — Я совсем оправился. Как вы себя чувствуете?

Он смотрел на меня и говорил с радушием старого друга. Во время моего отсутствия, как ни было оно коротко, в этом изменчивом существе произошла новая перемена. В глазах его сверкал веселый ум, щеки его горели от внутреннего волнения. Даже одежда его изменилась. Теперь на голове его был надет белый бумажный колпак, кружевные манжеты были отворочены, чистый передник лежал на светло-зеленом одеяле. Он передвинул свое кресло, раскланиваясь и улыбаясь, и грациозным движением руки пригласил меня сесть.

— Я обращаюсь в повара, — возвестил он с очаровательной простотой. — Нам обоим нужно подкрепиться, прежде чем мы займемся делом. Вы видите меня в моем поварском костюме, прошу извинить. Для всякого занятия есть своя форма, а я большой формалист. Я уже выпил немного вина, пожалуйста, и вы сделайте то же.

Он наполнил кубок из старинного венецианского хрусталя великолепным пурпуровым ликером.

— Бургундское, — произнес он, — царь вин. А это царь бургундских вин, «Кло-де-Вужо». Я пью за ваше здоровье и счастье.

Он налил себе другой кубок и выпил его залпом. Я поняла теперь, отчего блестели его глаза и горели щеки. Но, так как для меня было очень важно не рассердить его, я тоже отпила немного вина и согласилась с ним, что оно великолепно.

— Чего желаете вы покушать? — спросил он. — Нужно что-нибудь достойное «Кло-де-Вужо». Ариель хорошо жарит и варит, бедное создание, но я не хочу оскорблять вас, предлагая вам ее стряпню. Простое мясо! — воскликнул он с выражением величайшего презрения. — Человек, который употребляет простое мясо, — это каннибал или, по крайней мере, мясник. Не предоставите ли вы мне придумать что-нибудь более нас достойное? Пойдемте на кухню.

Он покатил свое кресло и любезно пригласил меня следовать за ним.

Мы направились к опущенной занавеске в конце комнаты, которой я до сих пор не заметила. За поднятой занавеской глазам моим предстал альков, в котором устроена была маленькая газовая кухня. Вдоль стен тянулись шкафы и полки, уставленные блюдами, мисками, кастрюлями, все в миниатюрном виде и чрезвычайно чистое и блестящее.

— Милости просим в кухню, — сказал Мизеримус Декстер и выдвинул мраморную доску, вделанную в стену и служившую столом. Опершись на нее и опустив голову на руки, он глубоко задумался.

— Нашел! — вдруг закричал он и, отодвинув шкаф, достал оттуда черную бутылку причудливой формы. Открыв ее, он вынул оттуда черные, неправильной формы кусочки, хорошо знакомые женщине, привыкшей к роскошному столу богачей, но которые были совершенно незнакомы мне, скромно воспитанной в доме пастора. Увидев, как Декстер заботливо положил на чистую салфетку эти непривлекательного вида кусочки и, глядя на них, снова погрузился в размышления, я не могла более сдерживать своего любопытства и решила спросить:

— Что это такое, мистер Декстер? Неужели мы будем это есть?

Он вздрогнул от неожиданного вопроса и, взглянув на меня, всплеснул руками от удивления.

— Где же этот хваленый прогресс? — удивился он. — Что же это за образование? Вот цивилизованная особа, и она не знает трюфелей!

— Я слышала о трюфелях, — смиренно отвечала я, — но никогда их не видала. В нашем деревенском доме не было таких роскошных блюд.

Мизеримус Декстер поднял один из трюфелей и показал мне его на свет.

— Пользуйтесь случаем испытать новое в вашей жизни впечатление, за которым не скрывается никакого разочарования, — сказал он. — Смотрите и размышляйте. Вы будете кушать их, разваренные в бургундском.

Он зажег газ с выражением человека, представляющего мне доказательство своего расположения.

— Извините меня, если я буду хранить молчание, пока буду держать это в руках.

Произнеся эти слова, он выбрал из коллекции своих кухонных принадлежностей маленькую блестящую кастрюлю.

— Кулинарное искусство требует полного внимания, — важно продолжал он. — В этом-то и заключается причина того, что ни одна женщина не достигла и никогда не достигнет совершенства в этом деле. Женщины совершенно не способны сосредоточить, даже на некоторое время, внимание свое на одном предмете. Их мысли вечно обращаются на что-нибудь другое, выражаясь точнее, они обращаются или к обожателю, или к новой шляпке. Единственная преграда к тому, чтобы женщины на службе сравнялись с мужчинами, заключается не в недостатках современных постановлений, как полагают женщины, а в них самих. Нельзя придумать никаких постановлений, которые могли бы успешно состязаться с обожателем или новой шляпкой. Недавно по моим настояниям женщины были допущены на службу в наше почтовое отделение. Несколько дней спустя я взял на себя труд, и труд для меня немалый, спустился вниз и отправился сам в отделение, чтобы посмотреть, как там идут дела. Я взял с собою письмо с чрезвычайно длинным адресом. Женщина, которая должна регистрировать письма в книге, принялась списывать адрес с таким деловым видом, что приятно было смотреть. Наполовину не окончила она своего дела, как в комнату вошла маленькая девочка, сестра одной из служащих, пролезла под прилавок и заговорила со своей родственницей. Записывавшая женщина сейчас же прекратила свое дело, рука ее остановилась, глаза с выражением любопытства устремились на ребенка. «Здравствуйте, Люси, — сказала она, — как поживаете?» Потом она вспомнила о деле и принялась снова за квитанцию. Когда я взглянул на квитанцию, то оказалось, что в адресе пропущена целая строчка. И это благодаря Люси. Будь на ее месте мужчина, он и не заметил бы Люси, был бы слишком занят своим делом в ту минуту. Вот в чем заключается различие в умственных способностях женщин и мужчин, которое никакие постановления не в состоянии будут изменить до окончания мира. В чем же дело? Женщины несравненно выше мужчин нравственными своими чертами, которые составляют красу человеческого рода. Довольствуйтесь этим, мои заблуждающиеся сестры, довольствуйтесь этим!

Я нашла, что бесполезно будет спорить с ним, а потому промолчала. Он придвинулся к печке и полностью предался своему делу.

Я стала осматривать комнату. Та же страсть к ужасам обнаруживалась и здесь. На фотографиях, висевших на стене, были запечатлены разные виды сумасшествия. Гипсовые маски, расставленные на полке вдоль противоположной стены, были сняты со знаменитых убийц после смерти. Небольшой женский скелет висел в шкафу за стеклянной дверцей; на черепе была сделана циничная надпись: «Смотрите, вот основание красоты!» В соседнем шкафу, дверца которого была притворена, висело что-то похожее на рубашку из замши. Дотронувшись до нее и найдя ее гораздо мягче всякой замши, я вдруг увидела ярлычок, приколотый между складками; на нем были следующие кошмарные строки: «Кожа французского маркиза, дубленая в революцию 93-го года. Кто говорит, что дворянство ни на

что не годно? Из него выходит прекрасная кожа».

После этого ужасного экземпляра в коллекции редкостей Декстера я не хотела более продолжать знакомство с комнатой и, возвратясь к своему креслу, стала ожидать трюфелей.

Вскоре голос поэта-живописца-композитора и повара позвал меня в альков.

Газ был погашен. Кастрюля и все прочие кухонные принадлежности исчезли. На мраморном столе стояло два прибора: две тарелки, две салфетки, два кусочка хлеба и перед ними блюдо, на котором лежали два маленьких черных шарика. Мизеримус Декстер с благосклонной улыбкой посмотрел на меня и положил один шарик на мою тарелку, другой — на свою.

— Приготовьтесь, мистрис Валерия, — возвестил он. — Это — эпоха в вашей жизни. Первый трюфель! Не дотрагивайтесь до него ножом, действуйте одной вилкой. И извините, пожалуйста, но это очень важно, кушайте медленно.

Я исполнила его наставления и выразила энтузиазм, который, по правде говоря, вовсе не чувствовала. Я думала про себя, что эта новая пища слишком приторна и пользуется незаслуженной славой. Декстер ел свой трюфель медленно, с наслаждением, запивая чудным бургундским и восхваляя свое поварское искусство. Я же горела нетерпением возобновить прерванный разговор и, побуждаемая этим чувством, вдруг задала хозяину дома самый рискованный вопрос:

— Мистер Декстер, не слыхали ли вы чего-нибудь о мистрис Бьюли в последнее время?

При этих словах выражение удовольствия и добродушия мгновенно исчезло с его лица и сменилось недоверием, которое я уже прежде замечала и которое теперь послышалось в его голосе.

— Вы знаете мистрис Бьюли? — спросил он.

— Я знаю ее, потому что читала о ней в отчете о процессе, — отвечала я.

Он не удовлетворился этим ответом.

— Вас заинтересовала мистрис Бьюли, иначе вы не стали бы спрашивать меня о ней, — сказал он. — Она интересуется вас как друг или как враг?

Несмотря на всю мою отважность, я не решилась отвечать искренне на этот прямой вопрос. Его лицо довольно ясно говорило мне, чтобы я была осторожна, пока не поздно.

— Я одно могу сказать вам, — произнесла я, — что я должна вернуться к тяжелому для вас предмету, а именно — к процессу моего мужа.

— Продолжайте, — произнес он угрюмо и отрывисто, — я в вашем распоряжении, как мученик на костре. Разводите огонь, разводите сильнее.

— Я женщина несведущая и могу ошибаться, — продолжала я. — Но в деле моего мужа есть много неясного. Защита, по моему мнению, допустила большую ошибку.

— Большую ошибку? — повторил он. — Странно слышать это, по крайней мере от вас, мистрис Валерия.

Он старался говорить легко, равнодушно, выпил немного вина, но я заметила, что произвела впечатление. Рука его дрожала, когда он подносил кубок к губам.

— Я не сомневаюсь, что первая жена Юстаса просила его купить мышьяк, — продолжала я. — Не сомневаюсь, что она употребляла его тайком для исправления цвета лица, но я не верю, что она умерла от слишком большой дозы, принятой ею по ошибке.

Он так порывисто, такой нетвердой рукой поставил кубок на стол, что расплескал почти все вино. На минуту глаза его встретились с моими, но затем он опустил их вниз.

— От чего же, по вашему мнению, она умерла? — спросил он таким тихим голосом, что я едва расслышала его.

— От руки отравителя, — отвечала я.

Он сделал движение, точно вдруг хотел вскочить с кресла, но тотчас же опустился, поддавшись, как видно, внезапной слабости.

— Но не моего мужа, — поспешно прибавила я. — Вы знаете, что я уверена в его невиновности.

Он вздрогнул, руки его судорожно схватились за ручки кресла.

— Кто же отравил ее? — прошептал он, в совершенном изнеможении вдавливаясь в кресло.

В эту решающую минуту мужество изменило мне. Я боялась назвать ему имя того, кого я подозревала.

— Вы разве не догадываетесь? — спросила я.

Наступило молчание. Он, казалось, следил за ходом собственных мыслей, но это продолжалось недолго. Он вдруг приподнялся в своем кресле. Слабость, им овладевшая, вдруг исчезла. Глаза его возвратили свой дикий блеск, щеки горели более прежнего, руки больше не дрожали. Неужели он понял, почему я интересовалась мистрис Бьюли, и догадался о моих подозрениях? Неужели?

— Отвечайте мне правду! — закричал он. — Не пытайтесь обмануть меня. Это женщина?

— Да.

— Какая первая буква ее имени. Не одна ли из первых трех в алфавите?

— Да.

— Б?

— Да.

— Бьюли?

— Бьюли.

Он поднял руки над головой и разразился неистовым хохотом.

— Наконец я дождался до того, что нашел человека, который смотрит на дело так же, как я. Жестокая мистрис Валерия! Зачем же вы так долго мучили меня? Почему не сказали мне этого сразу?

— Что? — вскричала я, как бы заражаясь его волнением. — Не была ли ваша идея моей идеей? Неужели вы тоже подозревали мистрис Бьюли?

— Подозревал? — повторил он презрительно. — Здесь не может быть и тени сомнения: мистрис Бьюли отравила ее.

Глава IX. ОБВИНЕНИЕ МИСТРИС БЬЮЛИ

Я задрожала с головы до ног и взглянула на Мизеримуса Декстера. Я была слишком взволнована и не в состоянии вымолвить ни слова.

Я не была готова к такому твердому убеждению, которое чувствовалось в его тоне. Самое большее, чего я ожидала, это то, что он, так же как и я, подозревает мистрис Бьюли. А теперь я услышала из собственных его уст без малейшего колебания слова: «Здесь не может быть и тени сомнения, мистрис Бьюли отравила ее».

— Садитесь, — сказал он спокойно. — Чего вы испугались? Никто не слышит нас в этой комнате.

Я села и пришла несколько в себя.

— Вы никогда никому не говорили то, что сказали мне? — Был первый мой вопрос.

— Никогда, и никто не подозревал ее.

— Ни один из адвокатов?

— Ни один. Нет законных улик против мистрис Бьюли. Нет ничего, кроме нравственного убеждения.

— По всему думается, вы нашли бы улики, если б постарались.

Он рассмеялся при этих словах.

— Взгляните на меня! — сказал он. — Как человеку, прикованному к креслу, разыскивать доказательства? Кроме того, немало препятствий явилось бы мне на пути. Я не люблю выдавать своих мыслей, я человек осторожный, хотя вы, может быть, этого и не

заметили. Но я не мог скрыть своей страшной ненависти к мистрис Бьюли. Если глаза могут выдавать тайные мысли, то она должна была прочесть в моих глазах, что я от души желал бы видеть ее в руках палача. С начала до конца эта мистрис Борджиа-Бьюли остерегалась меня. Могу ли я описать ее хитрость и коварство? Невозможно найти выражений для выполнения этой задачи. Попробую объяснить вам на некоторых примерах. Я достаточно хитер, дьявол сравнительно хитрее, мистрис Бьюли в превосходной степени хитра. Нет, нет. Если она будет когда-либо разоблачена, то сделает это не мужчина, а женщина, которую она не подозревает; женщина, которая будет подстерегать ее с терпением тигрицы, до изнеможения...

— Скажите, женщина, подобная мне! — прервала его я. — Я готова попытаться.

Глаза его засверкали, уста приоткрылись в злорадной улыбке и показали испорченные зубы. Он бешено забарабанил обеими руками по ручкам кресла.

— Вы действительно решились на это? — спросил он.

— Поставьте меня в положение, подобное вашему, — ответила я. — Сообщите мне ваше нравственное убеждение (как вы это называете), и тогда вы увидите.

— Я все сделаю! — вскричал он. — Только скажите мне одну вещь: каким образом дошли вы до этого подозрения.

Я употребила все силы своего ума на то, чтоб изложить перед ним различные элементы из судебных показаний, возбуждавшие во мне подозрения, и указывала как на главный факт на исчезновение мистрис Бьюли в то время, когда Христина Ормсей оставила одну мистрис Юстас Маколан (что сиделка показала под присягой).

— Вы на это обратили внимание! — радовался Декстер. — Вы дивная женщина! Куда она ходила утром в день смерти мистрис Маколан? И где находилась она ночью? Я могу только вам сказать, где ее не было. Ее не было в ее комнате.

— Не было в ее комнате, — повторила я. — А вы уверены в том?

— Я уверен во всем, что рассказывал о мистрис Бьюли. Заметьте это и теперь слушайте! Это целая драма, а я мастер рассказывать драматические истории. Вы сами сейчас будете в состоянии судить об этом. Действие происходит двадцатого октября в Гленинге в коридоре, называемом коридором гостей. С одной стороны окна выходят в сад, с другой — находятся четыре спальни и при них уборные. Первую от лестницы спальню занимала мистрис Бьюли, вторая была пустая. Третью занимал Мизеримус Декстер, четвертая опять-таки пустая. Вот место действия. Одиннадцать часов вечера. Декстер в своей комнате читает. Входит Юстас Маколан и говорит ему: «Друг мой, пожалуйста, не шумите сегодня ночью и не стучите своим креслом по коридору». Декстер спросил: «Почему»? Юстас отвечал: «Мистрис Бьюли обедала у друзей своих в Эдинбурге и вернулась чрезвычайно утомленной, она уже удалилась в свою комнату». Декстер спросил с насмешкой: «А как она выглядит, когда бывает очень утомлена? Она так же прекрасна, как и всегда?» На это Маколан отвечал ему: «Не знаю, я не видал ее, она прошла наверх молча». Третий вопрос Декстера, вполне логичный на этот раз: «Если она ни с кем не говорила, то откуда вы знаете, что она утомлена?» Юстас подал мне листок бумажки и отвечал: «Не стройте из себя дурака. Я нашел эту записку на столе. Не забудьте, о чем я просил вас. Покойной ночи». С этими словами Юстас ушел. Декстер взглянул на записку и прочел следующие строки, написанные карандашом: «Только что вернулась, извините, пожалуйста, что, не повидавшись ни с кем, удаляюсь к себе в комнату. Я страшно утомлена. Елена». Декстер, от природы характера очень подозрительного, сейчас же заподозрил мистрис Бьюли. Теперь не время объяснять его причины. Он рассуждал так: «Утомленная женщина никогда не вздумает писать записку. Ей гораздо удобнее было бы, проходя мимо гостиной, лично извиниться. Тут, должно быть, что-нибудь другое. Я нынешнюю ночь проведу в кресле». Прекрасно! Но сначала Декстер отворил дверь, тихонько выехал на своем кресле в коридор, закрыл двери двух пустых спален и возвратился в свою комнату. «Теперь, — сказал про себя Декстер, — если я услышу, что отворяется дверь в этой части дома, то буду знать, что это дверь мистрис Бьюли». После этого он притворяет свою дверь, оставляет маленькое отверстие, потом гасит

огонь и караулит у этой щели, как кошка мышь. Ему нужно видеть коридор, в котором всю ночь горит лампа. Пробило двенадцать. Он слышит, как все двери внизу затворяются и запираются. Вот и половина первого, во всем доме тихо как в могиле. Час, два, все то же. Половина третьего, наконец что-то случилось. Декстер слышит в коридоре какой-то шум, похожий на скрип дверной ручки, то может быть только у двери мистрис Бьюли. Декстер тихонько спускается со своего кресла и на руках пробирается к двери; здесь, растянувшись на полу, он смотрит в щель и прислушивается. Он слышит, как дверь снова скрипит, и видит, как темная фигура мелькнула мимо него; он высунул голову из двери, и так как он лежит на полу, то его никто не замечает. Кого же он увидел? Мистрис Бьюли! Вот она идет по коридору в своем темном плаще, который она обыкновенно надевает, когда выезжает. Она в одну минуту исчезла за дверью четвертой спальни, повернув направо в другой коридор, так называемый Южный. Какие комнаты находятся в Южном коридоре? Их там три: первая — маленький кабинет, о котором упоминала сиделка в своем показании; вторая — спальня мистрис Юстас Маколан; третья — спальня ее мужа. Что нужно мистрис Бьюли, так сильно утомившейся, в этой части дома и в такое время, в половине третьего утра? Декстер, рискуя быть замеченным, решается продолжать свои наблюдения за нею. Вы знаете, как он передвигается с места на место без своего кресла. Видели вы, как несчастный урод прыгает на руках? Он, пожалуй, покажет вам, как он это делает, прежде чем продолжать свою историю.

Я поспешила отклонить это предложение.

— Я вчера вечером видела, как вы прыгаете, — сказала я. — Продолжайте, пожалуйста, свою историю.

— Нравится вам мой слог в драматическом рассказе? — спросил он. — Заинтересовал я вас?

— Чрезвычайно, мистер Декстер, я горю нетерпением услышать продолжение.

Он улыбнулся, в высшей степени довольный своими талантами.

— У меня также хорош и автобиографический стиль, — добавил он. — Хотите вы для разнообразия видеть образчик последнего?

— Все что вам угодно, — воскликнула я, теряя терпение, — только продолжайте!

— Часть вторая: стиль автобиографический, — возвестил он, размахивая рукой. — Я пустился по коридору гостей и повернул в Южный, здесь я остановился у двери маленького кабинета, которая была отворена. В комнате никого не было. Я добрался до двери, выходящей в спальню мистрис Маколан, она была заперта. Я посмотрел в замочную скважину. Была ли она чем-нибудь завешана с той стороны, этого я не знаю, но я не увидел ничего, кроме мрака. Я прислушался, все было тихо. Та же темнота и та же тишина была в спальне мистрис Юстас Маколан, когда я остановился у другой ее двери, выходящей в коридор. Я перешел к спальне мистера Маколана. Я имел очень дурное мнение о мистрис Бьюли и не был бы удивлен, если б застал ее у него в спальне. Я опять посмотрел в замочную скважину. Ключ был вынут или так повернут, что я мог рассмотреть комнату. Кровать Юстаса стояла у противоположной стены, и я увидел его крепко спящим. Я несколько задумался. Задняя лестница была в конце коридора. Я спустился вниз и осмотрел нижние сени при свете ночной лампы. Все двери были заперты, и ключи снаружи замков. Сенная дверь была заперта и задвинута засовом, дверь в людскую тоже. Я вернулся в свою комнату и стал спокойно обдумывать эту ситуацию. Куда она девалась? Вероятно, где-нибудь в доме. Но где же? Одни комнаты я сам запер, другие осмотрел. Она могла быть только в спальне мистрис Маколан, одна эта комната избежала моего осмотра. Прибавьте к тому, что ключ от двери, выходящей из маленького кабинета в спальню мистрис Маколан, был потерян, по словам сиделки. И не забудьте еще, что мистрис Бьюли считала величайшим счастьем быть женою мистера Юстаса Маколана, что доказывает письмо ее, зачитанное на суде. Соедините вместе все эти обстоятельства и вы поймете, о чем я думал, сидя в кресле и ожидая, что будет дальше. Около четырех часов, несмотря на все мои усилия, сон одолел меня, но ненадолго. Я в испуге проснулся и посмотрел на часы: было двадцать пять минут пятого. Не

вернулась ли она в свою комнату, пока я спал? Я отправился к ее двери и прислушался. Никакого звука! Я тихонько отворил дверь, комната была пуста. Я снова вернулся в свою комнату и стал караулить. Трудно было сопротивляться сну, глаза мои слипались. Я открыл окно, чтобы подышать свежим воздухом, но, сколько я ни боролся, сон одолел. Я снова уснул. Было восемь часов утра, когда я пробудился. У меня очень тонкий слух, что вы могли уже заметить. Я услышал женские голоса у меня под окном и выглянул. Мистрис Бьюли шепталась со своей горничной. Они обе беспокойно оглядывались по сторонам, боясь, чтобы кто-нибудь не увидел и не подслушал их. «Берегитесь, сударыня, — говорила горничная, — этот ужасный урод хитер, как лисица. Лишь бы он не пронюхал!»

Мистрис Бьюли отвечала: «Вы ступайте вперед и посмотрите, чтобы никого не было; я последую за вами и позабочусь о том, чтобы не было никого за нами». С этими словами они исчезли за углом дома. Минут через пять я услышал, как отворилась дверь комнаты мистрис Бьюли. Три часа спустя сиделка встретила ее в коридоре, невинно шедшую справиться о здоровье мистрис Юстас Маколан. Что вы думаете обо всем этом? Что вы думаете о мистрис Бьюли и ее разговоре в саду с горничной из опасения, чтобы я не подслушал их? Что вы думаете об этих открытиях, сделанных мною в то самое утро, когда заболела мистрис Юстас Маколан, в тот самый день, когда она умерла от яда? Находите ли вы нить к открытию виновной? И может ли Мизеримус Декстер быть вам на что-нибудь полезен?

Я была слишком взволнована, чтобы отвечать ему. Наконец-то передо мной открывался путь к оправданию моего мужа.

— Где она? — вскричала я. — И где ее поверенная — горничная?

— Этого я не могу вам сказать, — отвечал он, — не знаю.

— Не можете ли вы, по крайней мере, сообщить мне, где я могу узнать об этом?

Он на минуту задумался.

— Есть один человек, который может сказать вам, где она находится, или, по крайней мере, может отыскать ее.

— Кто это? Назовите его.

— Это друг Юстаса, майор Фиц-Дэвид.

— Я знаю его. На будущей неделе я у него обедаю. Он вас также приглашал.

Мизеримус Декстер презрительно улыбнулся.

— Майор Фиц-Дэвид может нравиться дамам. Они могут обращаться с ним, как со старой болонкой. Я не обедаю с болонками, я отказался. Вы поезжайте, он и некоторые из его дам могут быть вам полезны. Кто у него будет? Сказал он вам?

— У него будет одна французенка, имя которой я забыла, — сказала я, — и леди Клоринда...

— Вот эта может быть вам полезна! Она приятельница мистрис Бьюли и, конечно, знает, где та находится. Приезжайте ко мне, когда соберете справки. Выведайте, та ли еще у нее горничная, ведь от нее было бы легче разузнать все, чем от ее госпожи. Развяжите язык горничной, и мистрис Бьюли в наших руках. Мы уничтожим ее, — вскричал он, с необыкновенной быстротой убивая муху, сидевшую на ручке его кресла, — уничтожим, как я уничтожил эту муху. Постойте! Есть важный момент относительно горничной, это вопрос о деньгах. Есть ли у вас деньги?

— Да, достаточно.

Он весело защелкал пальцами.

— В таком случае горничная наша! — вскричал он. — Со служанками всегда все зависит от фунтов, шиллингов, пенсов. Постойте, еще вопрос. Вам нужно будет переменить свое имя. Если вы явитесь перед мистрис Бьюли женой Юстаса Маколана, женщиной, занявшей ее место, вы приобретете в ней смертельного врага. Берегитесь этого!

Ревность к мистрис Бьюли, кипевшая во мне во время всего разговора, вспыхнула при этих словах. Я не могла долее выдержать и спросила у него, любил ли ее мой муж.

— Скажите мне правду, — просила я. — Действительно ли Юстас...

Он злобно расхохотался. Он понял мою ревность и угадал вопрос, прежде чем я успела

вымолвить его.

— Да, — сказал он. — Юстас действительно любил ее, в этом нет ни малейшего сомнения. Она имела полное основание думать до этого процесса, что после смерти первой его жены займет ее место. Но процесс сделал из Юстаса другого человека. Мистрис Бьюли была свидетельницей его публичного позора. Этого было достаточно, чтобы оттолкнуть его от этой женитьбы. Он разошелся с нею раз и навсегда на том же основании, на котором расстался и с вами. Жизнь с женщиной, знавшей, что он судился как отравитель, была ему не по силам. Вы желали истины, вот она! Вы должны быть очень осторожны с мистрис Бьюли, но вы не должны ревновать к ней. Когда будете обедать у майора Фиц-Дэвида, попросите его, чтобы он познакомил вас с леди Клориндой под другим именем.

— Я отправлюсь на обед под именем мистрис Вудвиль. Юстас женился на мне под этим именем.

— И прекрасно! — одобрил он. — Дорого был я дал, чтобы видеть, как леди Клоринда представит вас мистрис Бьюли! Вообразите себе, какая сцена! Одна женщина с гнусной тайной на душе, другая знает эту тайну и стремится какими бы то ни было средствами обнаружить ее перед светом. Какая борьба! Какая завязка для романа! Меня лихорадит, когда представляю себе это. Я вне себя, когда заглядываю в будущее и вижу мистрис Борджиа-Бьюли уличенной в преступлении. Не пугайтесь! — произнес он с диким блеском в глазах. — Мой мозг начинает кипеть. Мне нужно прибегнуть к физическим упражнениям. Я должен сейчас же выпустить пары, или произойдет взрыв.

На него находил прежний припадок безумия. Я подошла к дверям, чтобы легче было скрыться в случае необходимости, и оттуда оглянулась на него.

Этот получеловек, полукресло с чрезвычайной быстротой неся на другой конец комнаты. Но это движение было, как видно, недостаточно для него в настоящую минуту. Он вдруг соскочил с кресла и принялся скакать на руках по комнате, как громадная лягушка. Прыгая по полу, он опрокинул все стулья и, очутившись на другом конце комнаты, поглядел на них и с криком торжества начал прыгать через них, с необыкновенной ловкостью падал на руки, откидывая свое уродливое туловище то назад, то вперед для равновесия, и представлял из себя необычайное и ужасное зрелище.

— Вот Декстеров чехарда! — весело закричал он, с легкостью птицы прыгнув на последний опрокинутый стул на другом конце комнаты. — Я чрезвычайно подвижен для калеки, мистрис Валерия. Выпьем другую бутылку бургундского за повешение мистрис Бьюли!

Я поспешила воспользоваться первым предложением, чтобы вырваться от него.

— Вы забываете, — сказала я, — что мне нужно ехать к майору. Если я не успею предупредить его вовремя, он может назвать леди Клоринде мое настоящее имя.

Он был в эту минуту расположен к физическим упражнениям и шуму, он изо всех сил стал дуть в свисток, который призывал Ариель, потом в припадке бешеной радости завертелся на руках.

— Ариель сейчас приведет вам кеб! — вскричал он. — Скачите скорее к майору, расставляйте ей ловушку, не теряя ни минуты. О, какой день! О, какое облегчение поделиться страшной тайной, и поделиться ею с вами! Я задыхаюсь от счастья, я точно дух земли из поэмы Шелли.

И он принялся декламировать великолепные стихи из «Освобожденного Прометея», в которых земля чувствует дух любви и выражает его в словах.

— Радость, торжество, наслаждение, безумие! Беспредельное, неудержимое блаженство, безмерное ликование — вот что воодушевляет меня, охватывает меня как бы светлой атмосферой. Вот что я чувствую, мистрис Валерия, вот что я чувствую!

Пока он говорил, я вышла из комнаты и уже в дверях оглянулась на него. Его изуродованное туловище стояло на одном из опрокинутых стульев, лицо его было обращено к какому-то фантастическому небу, созданному его воображением. Я тихонько вышла в приемную. Пока я проходила через нее, с ним произошла перемена. Я услышала его звонкий

крик и прыжки. Он снова начал «Декстерову чехарду» по опрокинутым стульям.

В прихожей меня ждала Ариель.

Подходя к ней, я стала надевать перчатки. Она остановила меня и, взяв мою руку, поднесла ее к своему лицу. Уж не хочет ли она поцеловать ее? Или укусить? Нет, она понюхала ее, как собака, и, опустив ее, хрипло захохотала.

— От вас не пахнет его духами, — сказала она. — Вы не дотрагивались до его бороды, теперь я вам верю. Нужен вам кеб?

— Благодарю вас. Я пройду немного пешком, пока не встречу кеб.

Она хотела быть со мной очень любезной за то, что я не дотрагивалась до его бороды.

— Пойдите! — попросила она густым голосом.

— Что такое?

— Я рада теперь, что не сбросила вас в канал.

Она дружески потрепала меня по плечу, но этот легкий толчок чуть не сшиб меня с ног. После этого она опять приняла свой обычный неповоротливый вид и проводила меня до калитки, и я еще несколько минут слышала грубый, хриплый смех. Наконец-то взошла моя звездочка! В один день я овладела доверием Ариели и ее господина!

Глава X. ЗАЩИТА МИСТРИС БЬЮЛИ

Дни, оставшиеся до обеда майора Фиц-Дэвида, были для меня драгоценны.

Долгое свидание с Мизеримусом Декстером расстроило меня гораздо больше, чем я подозревала. Только несколько часов спустя, по возвращении домой, я стала чувствовать, до чего были напряжены мои нервы от всего, что я видела и слышала в этом доме. Я вздрагивала при малейшем шорохе, мне снились страшные сны, я готова была плакать без всякой причины и через минуту сердилась без всякого повода. Я сильно нуждалась в покое и благодаря доброму Бенджамину получила его. Этот любезнейший старик сдерживал свое беспокойство и любопытство и не расспрашивал меня ни о чем. Мы точно безмолвно согласились отложить разговор о моем посещении Мизеримуса Декстера (которое он сильно не одобрял) до тех пор, пока мои физические и моральные силы несколько не окрепнут. Я никого не видела за это время. К Бенджамину в коттедж приезжали мистрис Маколан и майор Фиц-Дэвид, первая для того, чтобы узнать, что произошло между мною и Мизеримусом Декстером, другой для того, чтобы поведать мне новые сплетни о лицах, которые будут у него на обеде. Бенджамин извинился за меня перед ними и избавил меня от приема посетителей. Мы с ним нанимали маленький открытый экипаж и подолгу катались в прелестной местности по цветущим аллеям, расположенным близ северного предместья Лондона. Дома мы сидели вдвоем и мирно толковали о прошедшем или играли в триктрак или домино, и таким образом протекло несколько дней спокойной жизни. Когда наступил день обеда, я была совершенно спокойна и ждала с нетерпением знакомства с леди Клориндой и открытий насчет мистрис Бьюли.

Бенджамин по дороге к майору Фиц-Дэвиду с грустью смотрел на мое разгоревшееся лицо.

— Ах, моя дорогая, — сказал он ласково, — я вижу, вы совсем поправились, вам надоела наша тихая, спокойная жизнь.

Мои воспоминания о лицах и вообще обо всем, происходившем на этом обеде, очень смутны. Мне помнится, что все были очень веселы и обращались друг с другом свободно и фамильярно, как старые друзья. Помню также, что госпожа Мирлифлор превосходила всех красотой своего туалета, а молодая примадонна была еще наряднее, чем в нашу первую встречу, и говорила голосом еще более громким и звонким. Сам же майор то и дело целовал у нас ручки, угощал разными яствами и напитками, беспрестанно объяснялся в любви и

открывал между нами сходства, и всегда «в прелестях», и с начала до конца ни разу не изменил своей роли донжуана. Помню также бедного добряка Бенджамина, который совершенно растерялся, забивался по углам, краснел каждый раз, когда к нему обращались с разговорами, пугался госпожи Мирлифлор, был застенчив с леди Клориндой, покорен с майором, страдал от музыки и желал от души поскорее возвратиться домой. Вот все, что у меня осталось в памяти от этого обеда, за одним, впрочем, исключением. Личность леди Клоринды является передо мною так же ясно, точно я ее видела вчера. Что же касается нашего с ней разговора, то я, нимало не преувеличивая, могу сказать, что помню его слово в слово. В ту минуту, когда я пишу, я вижу ее перед собою, слышу ее голос.

Она была одета с той изысканной простотой, которая почти всегда обнаруживает, скольких усилий стоит эта простота. На ней было белое кисейное платье на белом шелковом чехле, без всяких украшений. Ее роскошные каштановые волосы были просто откинuty со лба и уложены на затылке простым узлом. Узенькая белая ленточка охватывала ее шею и была приколата бриллиантовой брошкой. Она была невыразимо прелестна, но красота ее принадлежала к резкому угловатому типу, которым отличаются английские аристократки; нос и подбородок слишком выдавались, большие серые глаза, полные ума и достоинства, были лишены нежности и выразительности. Ее манеры отличались изяществом, спокойным радушием, выражали самоуверенность, которая в Англии служит как бы естественным признаком высшего общественного положения. Судя по ее внешности, вы сказали бы, что она образец аристократки, совершенно лишенной гордыни, и, если бы вы вследствие этого убеждения позволили себе малейшую вольность, она заставила бы вас помнить об этом до конца вашей жизни.

Мы с ней сошлись очень скоро. Я была представлена ей как мистрис Вудвиль, по предварительной договоренности Бенджамина с майором. Еще до конца обеда мы стали друзьями. Оставалось только найти предлог, чтобы навести разговор на мистрис Бьюли.

Поздним вечером представился случай. От ужасного, бравурного пения примадонны я удалилась в соседнюю гостиную. Как я надеялась и рассчитывала, леди Клоринда, заметив, что меня нет среди слушателей около фортепиано, через несколько минут пошла меня отыскивать. Она села подле меня, и, к величайшей моей радости, речь коснулась Мизеримуса Декстера. Ей припомнилось что-то сказанное мною о нем во время обеда, когда кто-то произнес его имя, и от него мы незаметно перешли к разговору о мистрис Бьюли. «Наконец-то, — подумала я, — обед майора принесет мне награду за все мои мучения».

О! какая же была награда! Мое сердце трепещет во мне теперь, когда я сижу за бюро, как трепетало в тот незабвенный вечер.

— Так Декстер говорил с вами о мистрис Бьюли! — воскликнула леди Клоринда. — Вы не можете себе представить, до чего это удивляет меня.

— Могу я спросить, почему?

— Он ненавидит ее! В последний раз, когда я его видела, он не позволял мне произносить ее имени. Это одна из его бесчисленных странностей. Между тем если натура, подобная его, может чувствовать симпатию, то она должна чувствовать ее непременно к мистрис Бьюли. Это чрезвычайно самобытная женщина. Когда она дает себе волю, то говорит и делает такие безрассудные вещи, вполне достойные самого Декстера. Желала бы я знать, понравится ли она вам.

— Вы были так любезны, приглашая меня к себе, леди Клоринда. Может быть, я и встречу ее у вас в доме.

Леди Клоринда засмеялась, точно в моих словах было что-то забавное.

— Надеюсь, вы не отложите своего посещения до тех пор, пока есть возможность встретить ее у меня, — сказала она. — В последнее время Елена вообразила, что у нее подагра. Она отправилась на какие-то дивные воды в Венгрию или Богемию, не помню, наверное, а куда она отправится или что сделает потом, никто не может сказать. Дорогая мистрис Вудвиль! Вам слишком жарко у огня, вы очень бледны!

Я чувствовала, что бледнею. Известие об отъезде мистрис Бьюли из Англии было для

меня таким ударом, к которому я вовсе не была приготовлена. Со мной чуть не сделалось плохо.

— Не хотите ли пойти в другую комнату? — предложила леди Клоринда.

Пойти в другую комнату значило бы прекратить разговор, но я решила не допускать до такой беды. Горничная мистрис Бьюли могла остаться в Англии. Мне следовало узнать, что стало с горничной, где она находится. Я несколько отодвинулась от огня и взяла ручной экран, лежавший на столе. Мне было очень кстати скрыть немного лицо, если меня ожидали новые разочарования.

— Благодарю вас, леди Клоринда, я действительно сидела слишком близко к огню. Здесь мне отлично. Ваши вести о мистрис Бьюли очень удивили меня; на основании того, что слышала от мистера Декстера, я вообразила...

— О, вы не должны верить словам Декстера, — прервала меня леди Клоринда. — Он очень любит мистификации и, вероятно, умышленно обманул вас. Если все слышанное мною о нем справедливо, то он должен лучше других знать странные причуды и фантазии мистрис Бьюли. Он подкараулил ее в одном из приключений ее в Шотландии; эта история напоминает прелестную оперу Обера, забыла, как она называется. Я скоро забуду свое собственное имя. Я говорю о той опере, в которой две монахини тихонько уходят из монастыря и отправляются на бал. Послушайте, вот странность-то! Эта пошлая девчонка поет арию из второго акта этой оперы в настоящую минуту. Майор, как называется эта опера, из которой молодая особа поет арию?

Майор был обижен таким небрежным отношением к пению. Он заглянул в комнату, произнес шепотом:

— Тише, тише, моя дорогая леди! Это «Черное домино», - и снова пошел поближе к фортепиано.

— Так, так, — произнесла леди Клоринда. — Как это глупо с моей стороны! «Черное домино». Странно, что и вы забыли ее название!

Я очень хорошо его помнила, только не решалась заговорить. Если, как я полагала, приключение, о котором упоминала леди Клоринда, имеет отношение к таинственному поведению мистрис Бьюли утром двадцать первого октября, то я была близка к открытию тайны, имевшей такое важное для меня значение. Я держала экран так, чтобы он прикрывал мое лицо, и сказала как могла спокойнее:

— Продолжайте, пожалуйста; расскажите мне, что это за приключение.

Леди Клоринде польстило мое горячее желание услышать ее рассказ.

— Надеюсь, моя история окажется достойной вашего любопытства, — начала она. — Если бы вы знали Елену, вы увидели бы, как это походит на нее. О приключении этом рассказала мне ее горничная. Отправляясь в Венгрию, она взяла с собой женщину, которая говорит на иностранных языках, а горничную свою оставила у меня. Эта горничная — истинное сокровище! Я была бы очень рада, если бы могла ее оставить у себя в услужении; у нее только один недостаток: ее зовут Фебой. Итак, Феба с госпожой своей жили неподалеку от Эдинбурга, в поместье, называемом Гленинч. Дом принадлежал мистеру Маколану, который судился впоследствии за отравление своей жены. Вы, вероятно, это помните. Ужасный случай! Только не пугайтесь, моя история не имеет к этому никакого отношения, она касается только мистрис Бьюли. Однажды вечером, во время ее пребывания в Гленинче, она была приглашена в Эдинбург на обед к своим английским друзьям. В ту же ночь в Эдинбурге был кем-то устроен маскарад, кем именно, не помню. Маскарад, явление необычайное в Шотландии, считался неприличным. Дамы легкого поведения и мужчины из разных слоев общества должны были там присутствовать. Друзья Елены, несмотря на все возражения, решили туда отправиться, полагая, что маски помогут им сохранить инкогнито. И Елена решила с ними отправиться, только нужно было сделать это так, чтобы ничего не знали в Гленинче. Мистер Маколан принадлежал к строго нравственным людям, осуждавшим маскарады. По его мнению, ни одна леди не могла показаться там, не компрометируя своей репутации. Каков взгляд! Итак, Елена решила побывать на маскараде и

устроить забавную шутку, чтобы обмануть гленинчских жителей, шутку такую замысловатую, какие можно встретить только во французских пьесах. Она отправилась на обед в карете из Гленинча, а Фебу отправила вперед в Эдинбург. Это был обед не парадный, а маленький, дружеский. Когда наступило время возвращаться домой, что сделала Елена, как вы думаете? Она вместо себя отправила в карете горничную, одетую в ее платье и в ее шляпке с вуалью. Она приказала ей пройти прямо в ее комнату и оставить в приемной на столе записку, написанную самой Еленой, в которой она ссылаясь на усталость и извинялась, что, не повидавшись с хозяевами, удалилась в свою комнату. Госпожа и горничная были одинакового роста, и прислуга не заметила этой проделки. Феба благополучно прошла в комнату своей госпожи. Ей было приказано дожидаться там до тех пор, пока все в доме уснут. Дожидаясь, горничная уснула и проснулась только в два часа, если не позднее. Она тотчас же вскочила и заперла за собой дверь, но не успела дойти до конца коридора, как услышала за собой какой-то странный шорох. Она спряталась на лестнице, ведущей на верхний этаж, и стала оттуда наблюдать. Что же она увидела? Мистера Декстера (это так похоже на него), прыгающего на руках (видали вы когда-нибудь это смешное и отвратительное зрелище?) по коридору, заглядывающего в замочные скважины; он, как видно, хотел отыскать лицо, вышедшее из своей комнаты в два часа утра, и, без сомнения, принял Фебу за ее госпожу, так как она была одета в ее платье. На следующее утро рано Елена вернулась из Эдинбурга в наемной карете, в шляпке и пальто своей английской подруги. Елена вышла из кареты на большой дороге и пошла к дому через сад, не замеченная на этот раз ни Декстером, ни кем-либо другим. Как смело и умно было все придумано! Искусное подражание «Черному домино». Вас, может быть, удивляет, что Декстер не устроил скандал на другой день. Он, несомненно, сделал бы это, но его заставило молчать, как сказала мне Феба, ужасное событие, случившееся в доме. Дорогая мистрис Вудвиль! Вам, вероятно, здесь слишком жарко. Возьмите мой флакон, а я пойду открою окно.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — с трудом вымолвила я. — Лучше я выйду на свежий воздух.

Никем не замеченная, я вышла из дома, чтобы несколько прийти в себя. Минуту спустя я почувствовала, как чья-то рука легла на мое плечо, и увидела доброго Бенджамина, с беспокойством смотревшего на меня. Леди Клоринда сообщила ему, что мне дурно, и помогла незаметно скрыться из гостиной, пока внимание хозяина было поглощено музыкой.

— Милое мое дитя, — прошептал он, — в чем дело?

— Увезите меня домой, и я все расскажу вам, — отвечала я.

Глава XI. ОБРАЗЕЦ МОЕГО БЛАГОРАЗУМИЯ

Прошло два дня после обеда у майора Фиц-Дэвида. Я начинала оправляться после ужасного удара, разрушившего все мои планы и надежды. Я увидела теперь, как я была неправа, тройне неправа, поспешно и жестоко заподозрив невинную женщину; неправа, потому что другому сообщила эти подозрения, не проверив их справедливости, и, наконец, необдуманно приняв намеки и заключения мистера Декстера за непреложную истину. Мне было стыдно за свое безумие, я впала в уныние. Эта ошибка поколебала мое доверие к себе, и я приняла благоразумный совет, предложенный мне старым Бенджамином.

— Дорогая моя, — сказал он по возвращении от майора, — обсудив основательно случившееся обстоятельство, судя по тому, что вы мне рассказали о мистере Декстере, он мне сильно не нравится. Обещайте мне, что вы не возвратитесь к нему более, не переговорив с человеком, который смог бы лучше помочь в этом деле, чем я.

— Обещаю, но с условием, если я не найду такого человека, — сказала я, — вы должны

будете мне помочь.

Бенджамин уверил меня, что он всегда рад помочь мне.

На следующее утро, расчесывая волосы и размышляя о своих делах, я вдруг вспомнила принятое мною намерение по прочтении отчета о процессе моего мужа. Я решила тогда, если Мизеримус Декстер окажется бесполезным, обратиться к одному из двух защитников Юстаса, а именно к мистеру Плеймору. Этот джентльмен завоевал мое доверие своим заступничеством во время обыска в комнате моего мужа. Обратившись к показаниям Исаяи Скулькрафта, я нашла, что мистер Плеймор был призван на помощь к Юстасу Мизеримусом Декстером. Он был не только другом, на которого я могла положиться, но и знакомым Декстера. Не был ли он человеком, способным разогнать мрак, окружающий меня? Когда я сообщила это Бенджамину, он признал выбор мой благоразумным и вызвался помочь мне. Через своего поверенного он узнал адрес лондонского агента мистера Плеймора и у него получил для меня рекомендательное письмо к Плеймору. Я не должна была ничего скрывать от своего нового советчика, и меня рекомендовали ему как вторую жену Юстаса Маколана.

В тот же вечер с последним поездом мы отправились оба в Эдинбург, так как Бенджамин не хотел отпустить меня одну.

По совету моего старого друга я предварительно написала Декстеру, что должна немедленно уехать из Лондона на несколько дней и передам ему о результате моего свидания с леди Клориндой по возвращении кз поездки. Ответ принесла мне Ариель.

«Мистрис Валерия! Я человек очень догадливый и умею читать между строк. Леди Клоринда поколебала ваше доверие ко мне. Прекрасно! Но я берусь поколебать ваше доверие к леди Клоринде, а пока я не чувствую себя оскорбленным. С полным спокойствием ожидаю я чести и счастья видеть вас у себя. Уведомьте меня телеграммой, желаете ли вы трюфелей или прикажете что-нибудь попроще и полегче, например несравненное французское блюдо: свиные веки с тамариндами.

Остаюсь навсегда ваш союзник и поклонник, поэт и повар

ДЕКСТЕР».

По приезде в Эдинбург между мною и Бенджамином произошел небольшой спор, причиной которого стал вопрос, поеду я к Плеймору с ним или одна. Я хотела отправиться одна.

— Хотя я не могу похвастаться, чтобы очень хорошо знала свет, — сказала я, — однако я все же наблюдала и знаю, что из десяти случаев в девяти мужчина делает уступки женщине, о которых он и не думает в присутствии другого мужчины. Я не знаю, почему бывает так, но знаю, что так бывает. Если мне не удастся с мистером Плеймором, я попрошу у него второго свидания и отправлюсь к нему вместе с вами. Не считайте меня упрямой. Дайте мне одной попытать счастья, и посмотрим, что из этого выйдет.

Бенджамин согласился со своей обычной добротой. Я послала рекомендательное письмо в контору мистера Плеймора, так как она находилась по соседству с Гленинчем. Посыльный мой принес любезный ответ, в котором адвокат просил меня пожаловать в тот же вечер. В назначенное время я позвонила в дверь его конторы.

Глава XII. ОБРАЗЕЦ МОЕГО БЕЗУМИЯ

Непонятное подчинение шотландцев духовной тирании их церковных постановлений породило в общественном мнении ошибочное понятие о их национальном характере.

Общественное мнение, рассматривая учреждение «субботного дня» в Шотландии,

находит, что ни в одной христианской стране нет ничего до такой степени бессмысленного и доходящего до такой дикой строгости. Целая нация позволяет духовенству лишать себя в продолжение одного дня социальных прав: права путешествовать, телеграфировать, есть горячий обед, читать газеты, духовная власть разрешает ей только являться в церковь и дома напиваться пьяным. Общественное мнение видит все это и выводит довольно основательное заключение, что народ, покоряющийся таким общественным постановлениям, должен быть самым глупым, суровым и скучным на земле. Такими представляются шотландцы издали, но какими они являются людям, близко их знающим? Нет народа более веселого, общительного, гостеприимного, либерального в своих убеждениях, чем этот народ, соблюдающий «субботный день». В течение шести дней в неделю шотландцы отличаются спокойным юмором, здравым смыслом и веселым нравом. На седьмой день эти самые люди с серьезным видом слушают с кафедры речи, в которых их уверяют, что прогулка в воскресенье есть святотатство.

Я не в силах объяснить этой аномалии национального характера и указываю на нее только в виде подготовки к появлению в моем рассказе редко встречающегося в литературе типа веселого шотландца.

Во всех прочих отношениях я нашла мистера Плеймора только замечательным господином. Он был не стар и не молод, не красив и не дурен и совсем не походил на типичного адвоката, к тому же по-английски говорил он отлично, с самым легким шотландским акцентом.

— Я имею честь быть старым другом мистера Маколана, — представился он, радушно протягивая мне руку, — и очень счастлив познакомиться с его женой. Где угодно вам сесть? Поближе к свету? Вы так молоды, что можете не бояться света. Вы первый раз в Эдинбурге? Позвольте мне сделать ваше пребывание здесь насколько возможно приятнее. Я буду рад и сочту за честь представить вам мистрис Плеймор. Надолго вы в Эдинбурге? В городе итальянская опера, и у нас на нынешний вечер есть ложа. Будьте так добры, отобедайте с нами без церемонии, а потом поедem слушать музыку.

— Вы очень добры, — отвечала я, — но у меня в настоящее время столько забот, что я буду плохой, скучной спутницей для мистрис Плеймор. Письмо мое должно было сообщить вам, что я желаю просить у вас совета по весьма важному для меня делу.

— Неужели? — воскликнул он. — Я должен признаться, что не прочел письмо до конца. Увидев ваше имя и услышав от посыльного, что вы желаете встретиться со мной в конторе, я отправил вам ответ и не заботился более ни о чем. Пожалуйста, извините меня. Вам нужен совет по судебному делу? Ради вас самой надеюсь, что нет.

— Да, это судебное дело, мистер Плеймор. Я сама нахожусь в таком тяжелом положении и явилась к вам за советом при самых необычайных обстоятельствах. Я очень удивлю вас, сообщив, в чем дело, и боюсь, что отниму у вас много времени.

— Я и мое время в полном вашем распоряжении, — сказал он. — Скажите мне, что могу я сделать для вас, и все не торопясь.

Он был так добр, что я свободно и подробно рассказала ему свою странную историю, ничего не преувеличивая и ни о чем не умалчивая.

Он не скрывал того впечатления, произведенного на него моим рассказом. Разлука моя с мужем, видимо, огорчала его. Моя решимость оспаривать приговор шотландских присяжных и мои несправедливые подозрения относительно мистрис Бьюли сначала забавляли его, а потом изумили. Но более всего поразило его описание моего свидания с Мизеримусом Декстером и мой любопытный разговор с леди Клориндой. Я видела, что он изменился в лице, потом вскочил с места, пробормотал как бы про себя, совершенно забывая о моем присутствии.

— Боже милостивый! — услышала я. — Возможно ли это? Неужели мое предположение окажется верным?

Я позволила себе прервать его, мне хотелось, чтобы он поделился со мной своими мыслями.

— Я, кажется, удивила вас? — спросила я. Он вздрогнул, услышав мой голос.

— Прошу тысячу извинений, — воскликнул он. — Вы не только удивили меня, но и дали возможность иначе взглянуть на это дело. Теперь я вижу возможность, положительную возможность объяснить гленинчское дело, чего я не мог сделать до сих пор. Однако как странно, — прибавил он, впадая в свой прежний юмористический тон, — клиент учит своего адвоката. Так как же, дорогая мистрис Вудвиль, вы нуждаетесь в моем совете или я в вашем?

— Нельзя ли мне узнать, в чем состоит ваш новый взгляд? — спросила я.

— Извините, пожалуйста, я не могу еще сообщить его вам. Обратите внимание на мою профессию. Я разговариваю с вами не как адвокат, я всячески избегаю этого, но привычка берет свое. Я действительно не решаюсь высказать вам свои мысли прежде, чем хорошенько не проверю их. Сделайте мне большое одолжение: повторите мне часть своего рассказа и позвольте задать вам несколько вопросов. Вы не имеете ничего против этого моего желания?

— Конечно нет, мистер Плеймор. С чего прикажете мне начать?

— С вашей поездки к Декстеру с вашей свекровью. Когда вы спросили его в первый раз о его подозрении насчет смерти мистрис Юстас Маколан, он посмотрел на вас подозрительно, сказали вы?

— Очень подозрительно.

— И лицо его снова прояснилось, когда вы сообщили ему, что основываете ваш вопрос на том, что прочитали о процессе?

— Да.

Он вынул из конторки лист бумаги, обмакнул перо в чернила, задумался на минуту и поставил для меня стул рядом со своим.

— Теперь адвокат исчезает, — сказал он, — его место занимает человек. Теперь между нами не будет тайн. Как старый друг вашего мужа я принимаю в вас большое участие. Я нахожу необходимым предостеречь вас, пока еще не поздно, и могу это сделать, подвергаясь большому риску, чего бы не сделал другой на моем месте. Как человек и как адвокат я вполне доверяю вам, несмотря на то что я шотландец. Садитесь подле меня и следите через мое плечо, пока я буду делать заметки. Таким образом вы будете следить за ходом моих мыслей.

Я села рядом с ним и без малейшего колебания стала смотреть через его плечо.

Он начал писать следующее:

«Отравление в Гленинче.

Вопросы: Где находился Мизеримус Декстер в момент убийства? Что он знает об этом деле?

У него какой-то особенный, таинственный взгляд. Он подозревает, что выдал его или его открыли каким-то непонятным для него образом. Он заметно успокаивается, убедившись, что этого не случилось».

Тут перо остановилось, и мистер Плеймор продолжал устно свои вопросы.

— Теперь обратимся к вашему второму посещению, — сказал он, — когда вы виделись с Декстером наедине. Повторите мне еще раз, что он делал и какой был у него вид, когда вы сказали ему, что не желаете подчиняться Шотландскому вердикту.

Я повторила. Перо снова забегало по бумаге, и прибавились следующие строки:

«Услышав от посетившей его особы, что она не хочет признавать вердикта за окончательный и предполагает перерасследовать дело, что он делает?

Он обнаружил все признаки панического страха, он чувствует себя в какой-то непонятной опасности, он выходит из себя, но в следующую минуту становится подобострастным, он должен и хочет узнать, что действительно думает эта особа. Удовлетворившись в этом отношении, он сначала бледнеет и сомневается, а потом без всякой видимой причины спрашивает свою посетительницу, не подозревает ли

она кого. Здесь следует вопрос: когда в доме пропадает небольшая сумма денег и все слуги уведомяты об этом, что думаем мы о слуге, который заговорит первым и спросит: «Вы подозреваете меня?»

Он снова положил перо.

— Справедливо это? — спросил он.

Я стала понимать, к чему ведут эти заметки. Не отвечая на его вопрос, я просила его объяснить мне, как он смотрит на дело. Он погрозил мне пальцем и остановил меня:

— Нет еще, — сказал он, — правильно ли я записал?

— Совершенно.

— Хорошо. Теперь сообщите мне, что делал Декстер потом. Не стесняйтесь повторением одного и того же. Мне важны любые подробности.

Я передала ему все подробности, насколько могла их припомнить. Мистер Плеймор снова принялся писать. Вот чем заканчивались его заметки:

«Его косвенно убеждают, что не он подозреваемое лицо. Он опускается в свое кресло, тяжело вздыхает и просит, чтобы его оставили на некоторое время одного под предлогом, что этот предмет разговора его очень возбуждает. Когда посетительница возвращается в комнату, оказывается, что он пил вино в этот промежуток времени. Прежний разговор возобновляет посетительница, а не Декстер. Она прямо объявляет ему, что убеждена, что мистрис Юстас Маколан умерла от руки убийцы. Декстер опрокидывается в своем кресле, как человек, которому стало дурно. Под влиянием какого страха он находится? Это страх преступника. Иначе и нельзя понять его поведение. Затем он переходит из одной крайности в другую: он радуется и веселится, узнав, что посетительница обратила свои подозрения на другое лицо. И тогда, только тогда он объявляет, что разделяет подозрения своей гостьи. Вот факты. К какому заключению приводят они?»

Он окончил свои заметки и пристально посмотрел мне в лицо, ожидая, что я скажу.

— Я понимаю вас, мистер Плеймор, — произнесла я в волнении. — Вы полагаете, что мистер Декстер...

Он снова остановил меня.

— Скажите мне, — произнес он, — какими словами подтвердил он ваше мнение насчет мистрис Бьюли?

— Он сказал: «В этом нет ни малейшего сомнения, мистрис Бьюли отравила ее».

— Я не могу сделать ничего лучшего, как последовать хорошему примеру с маленьким изменением. Я также скажу: в этом нет ни малейшего сомнения, мистер Декстер отравил ее.

— Вы шутите, мистер Плеймор?

— Никогда в жизни не говорил я серьезнее. Ваше смелое посещение Декстера и безрассудная опрометчивость, с которой вы удостоили его своего доверия, дали удивительные результаты. Свет, которого не мог пролить закон на гленинское дело, случайно брошен женщиной, которая не захотела прислушаться к доводам рассудка и действовала по-своему. Совершенно невероятно, а между тем справедливо!

— Невозможно! — воскликнула я.

— Что невозможно? — переспросил он холодно.

— Что Декстер отравил первую жену моего мужа.

— А почему это невозможно?

Я начинала сердиться на мистера Плеймора.

— Неужели вы можете спрашивать об этом? — вскричала я в негодовании. — Я уже рассказывала вам, с каким уважением и любовью говорил он об этой женщине. Он живет воспоминанием о ней. Я обязана его дружеским приемом какому-то сходству с ней, которое он нашел в моей фигуре и походке. Я видела слезы у него на глазах, я слышала, как голос

изменял ему, когда он говорил о ней. Он может быть самым фальшивым человеком во всех других отношениях, но он верен ей, он в этом не обманул меня. Есть признаки, по которым женщина безошибочно узнает, правду ли говорит мужчина, клянясь в своей любви. Я видела эти признаки. Он отравил ее так же, как и я. Мне совестно оспаривать ваше мнение, мистер Плеймор, но я не могу согласиться с вами. Более того, ваше предположение сердит меня.

Его, казалось, забавляли, а не оскорбляли мои дерзкие слова.

— Дорогая мистрис Юстас, у вас нет причины сердиться на меня. В одном отношении я совершенно с вами согласен, только я иду чуть вперед.

— Я вас не понимаю.

— Вы сейчас поймете. Вы описываете чувство Декстера к первой мистрис Юстас, говорите, что он любил и уважал ее. А я могу сказать вам, что он был в нее страстно влюблен. Я имею эти сведения от самой мистрис Маколан, она достаивала меня своего доверия и дружбы в последние годы ее жизни. Еще до ее замужества (она скрывала это от мужа, и вам, я полагаю, лучше последовать ее примеру) Мизеримус Декстер был влюблен в нее и даже, несмотря на свое уродство, делал ей предложение.

— И вследствие этого вы полагаете, что он отравил ее? — спросила я.

— Да, я не могу иначе объяснить всего происходившего во время вашего посещения. Вы напугали его до потери сознания. Что же могло напугать его?

Я всячески старалась подыскать ответ, заговорила, сама не зная, чем закончу.

— Мистер Декстер старый и преданный друг моего мужа, — начала я. — Когда он услышал, что я не хочу подчиняться Шотландскому вердикту, он мог встревожиться...

— За дурные последствия для вашего мужа от доследования этого дела, — иронически окончил он начатую мной фразу. — Вы уже зашли слишком далеко, мистрис Юстас, это уже не согласуется с вашей верой в невиновность мужа. Оставьте это заблуждение, — продолжал он серьезно, — оно может привести вас к гибельным последствиям, если вы будете упорно держаться его. Декстер, поверьте мне, перестал быть другом вашего мужа с того дня, как тот женился на любимой им женщине. Я согласен с вами, что Декстер хорошо скрывал это как на публике, так и в частной жизни. Показания его на суде в защиту друга отличались глубоким чувством, которого все ожидали от него. Несмотря на это, я твердо убежден, что у мистера Маколана нет на свете врага злее, опаснее Декстера.

Меня пробрала дрожь. Я чувствовала, что он в этом прав. Муж мой женился на женщине, которая отказала Декстеру. Мог ли он забыть это? Мой собственный опыт говорил «нет».

— Не забывайте, что я вам сказал, — продолжал он, — и перейдем к вашему собственному положению в этом деле. Постарайтесь хоть на минуту усвоить мой взгляд на дело и рассмотрим, какие могут быть у нас шансы на открытие истины. Одно дело быть нравственно убежденным (как я), что Декстер убийца, другое дело разыскать доказательства его виновности. Вот где главное затруднение. Вопрос сводится к тому, чтобы публично доказать невиновность вашего мужа, доказав виновность Декстера. Каким образом это сделать? Нет ведь ни малейшей улики против него. Вы можете обвинить Декстера только на основании его собственного признания. Вы слушаете меня?

Я слушала, хотя очень неохотно. Если он был прав, то дело принимало ужасный для меня оборот. Но я не могла признать, что он прав, несмотря на все мое уважение к его знаниям и опытности. И я созналась ему в этом с истинным смирением. Он добродушно улыбнулся.

— Во всяком случае, — сказал он, — вы должны согласиться, что Декстер не был с вами вполне откровенен. Он скрывает от вас то, что вам было бы желательно и полезно узнать.

— Да, с этим я согласна.

— Хорошо, что в этом отношении мы одного с вами мнения. По моему мнению, он скрыл от вас признание своей виновности. По вашему, он скрывает сведения, которые могли бы уличить другое лицо. Остановимся на этом пункте. Как добыть признание или сведения,

утаиваемые им от вас, в состоянии ли вы повлиять на него?

— Я, вероятно, смогу убедить его.

— Предположим, но если убеждения не подействуют, тогда что? Не можете ли вы заставить его обманом или угрозой высказаться?

— Если вы заглянете в свои заметки, мистер Плеймор, то увидите, что я уже не раз наводила на него ужас, несмотря на то, что я не более как женщина и вовсе этого не желала.

— Отличный ответ! Вы понимаете, в чем дело, и полагаете, что если один раз удалось вам, то удастся и опять. Пусть так! Но если вы решились проделать опыт, то вам недурно поближе познакомиться с Декстером. Прежде чем вы вернетесь в Лондон, не обратитесь ли нам за сведениями к кому-нибудь, кто в состоянии помочь нам?

Я вскочила и осмотрелась вокруг. Он произнес последние слова таким тоном, точно человек, способный помочь нам, находится в одной с нами комнате.

— Не пугайтесь, — сказал он. — Оракул — безмолвный, он здесь.

И с этими словами мистер Плеймор отпер ящик своей конторки и вынул из целой связки одну бумагу.

— Подготавливаясь к защите вашего мужа, — объяснил он, — мы колебались, включать ли Декстера в число свидетелей. Мы не имели против него ни малейшего подозрения, но мы боялись его эксцентричности, и некоторые из нас даже беспокоились, чтобы он совсем не помешался от волнения на суде. Мы обратились к доктору за помощью под каким-то предлогом, теперь уже не помню, под каким именно, мы привели его к Декстеру, и он вскоре выдал нам медицинское свидетельство. Вот оно.

Он развернул бумагу и, сделав в ней отметки карандашом, подал ее мне.

— Прочтите строки, помеченные мною, — предложил он, — этого будет совершенно достаточно.

Я прочитала следующее:

«Резюмируя все мои наблюдения, могу сказать, что, по моему мнению, в нем, несомненно, таится сумасшествие, но активных симптомов нет. Мне кажется, его можно вызвать в свидетели, не опасаясь дурных последствий. Он способен наговорить и наделать много странного, но рассудок его находится под контролем его воли, и из сознания собственного достоинства он будет разумным свидетелем.

Что же касается будущего, я не могу сказать ничего положительного. Я могу только изложить свой взгляд.

Что он кончит сумасшествием, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Но вопрос в том, когда придет сумасшествие, а это будет зависеть от состояния его здоровья. Его нервная система очень впечатлительна, и по некоторым признакам можно заключить, что он сильно расстроил ее своим образом жизни. Если он оставит свои дурные привычки, о которых я упоминал выше, и будет ежедневно проводить по несколько часов на открытом воздухе, то может сохранить рассудок еще на многие годы. Если же будет продолжать свой настоящий образ жизни, или, другими словами, продолжать разрушать свою нервную систему, то сумасшествие может очень скоро обнаружиться. Без малейшего предупреждения вдруг может покинуть его рассудок, и в минуту спокойного, разумного разговора он впадет в сумасшествие или идиотство. Во всяком случае, когда случится эта катастрофа (я должен прибавить это для его друзей), не останется никакой надежды на его излечение. Раз нарушенное равновесие не вернется вновь».

По прочтении этого отрывка мистер Плеймор спрятал бумагу в конторку.

— Вы прочли мнение одного из наших известных авторитетов, — сказал он. — Дал ли Декстер своей нервной системе сколько-нибудь успокоиться? Не заметили ли вы препятствий или опасностей, стоящих у вас на пути?

Я ничего не отвечала.

— Предположим, что вы еще раз поедете к Декстеру, — продолжал он, — и предположим, что доктор преувеличил опасность. Что вы будете делать? В последний раз, когда вы его видели, у вас было то преимущество, что поразили его неожиданностью. Его впечатлительные нервы заставили его выдать перед вами свой страх. Теперь вы не можете напасть на него врасплох, он вас ожидает и будет держаться настороже. Вам придется иметь дело с хитростью, если не с худшим. В состоянии ли вы состязаться с ним? Если б не леди Клоринда, он, наверное, обманул бы вас насчет мистрис Бьюли.

На это мне нечего было отвечать, но я была так безумна, что старалась ответить.

— Он сказал мне правду, насколько он знал ее, — заметила я. — Он действительно видел в коридоре Гленинча то, о чем мне рассказал.

— Он рассказал вам правду, — возразил мистер Плеймор, — потому что он сознавал, что эта правда может возбудить ваши подозрения. Вы, конечно, не думаете, что он разделит ваши подозрения?

— Почему нет? — спросила я. — Он, так же как и я до разговора с леди Клориндой, ничего не знал о том, что делала мистрис Бьюли в эту ночь. Вот мы посмотрим, не удивится ли он более моего, когда я передам ему рассказ леди Клоринды.

Этот резкий ответ произвел на мистера Плеймора впечатление, которого я решительно не ожидала.

К моему величайшему удивлению, он вдруг прекратил спор. Он, казалось, отчаялся убедить меня, в чем и признался косвенным образом, заметив:

— Что бы я ни сказал, видимо, не заставлю вас разделить мое мнение.

— У меня нет ни вашего знания, ни вашей опытности, — сказала я, — но, к сожалению, должна признаться, что не согласна с вами.

— И вы действительно решились повидаться с Мизеримусом Декстером?

— Да, я дала ему слово.

— Вы бы оказали мне большую честь, послушавшись моего совета, — сказал он после минутной задумчивости. — Я настоятельно советую вам, мистрис Юстас, не исполнять этого обещания. Я даже пойду еще дальше. Я умоляю вас не видеться больше с Декстером.

Он говорит то же, что и моя свекровь, Бенджамин и майор Фиц-Дэвид. Они были все против меня, а я стояла на своем. Когда я оглядываюсь назад, то удивляюсь своей настойчивости. Мне почти стыдно признаться, что я не отвечала мистеру Плеймору. Он ждал молча, не спуская с меня глаз. Это пристальный взгляд раздражал меня. Я поднялась с места и остановилась перед ним, уставив глаза в пол.

Он тоже встал, поняв, что совещание наше окончено.

— Хорошо, хорошо! — сказал он с грустным добродушием. — Как видно, неблагоприятно было с моей стороны ожидать, чтобы молодая женщина, как вы, поделила мнение старого адвоката. Позвольте мне напомнить вам, что наш разговор был конфиденциальным и должен остаться между нами, по крайней мере на время. А теперь переменим предмет разговора. Не могу ли я вам чем-нибудь служить? Вы одна в Эдинбурге?

— Нет, я приехала со старым другом, который знает меня с детства.

— И вы останетесь здесь до завтра?

— Полагаю, что да.

— Сделайте одолжение, обдумайте хорошенько все, что я говорил вам, и, зайдите ко мне завтра.

— С большим удовольствием, мистер Плеймор, хотя бы только для того, чтобы поблагодарить вас за вашу доброту.

После этого мы расстались. Он вздохнул, этот веселый человек вздохнул, отворяя мне дверь. Странные существа женщины. Этот вздох подействовал на меня сильнее всяких аргументов. Мне сделалось совестно за свое упрямство, когда я оставила его и вышла.

Глава XIII. ГЛЕНИНЧ

Я нашла Бенджамина в отеле, занятого газетой и старавшегося разгадать загадку, одну из тех, которыми издатель еженедельно угощает своих читателей. Мой старый друг очень любил разгадывать их. В другое время нелегко было бы отвлечь его внимание от этого занятия, но желание услышать о результате моего свидания с адвокатом одержало верх. Он отложил журнал, как только я вошла в комнату, и нетерпеливо спросил:

— Что нового, Валерия? Что нового?

Я пересказала ему все, умолчав, конечно, о подозрении мистера Плеймора.

— Ага! — радостно воскликнул Бенджамин. — Адвокат думает то же, что я. Вы послушаетесь мистера Плеймора, хотя не слушаетесь меня.

— Извините, друг мой, — ответила я, — но оказывается, что я не могу слушать ничьих советов. По дороге сюда я решительно хотела руководствоваться советами мистера Плеймора, иначе мы и не предприняли бы этого путешествия. Я всеми силами старалась быть благоразумной, послушной женщиной, но во мне есть что-то очень упорное. Боюсь, что придется возвратиться к Декстеру.

В эту минуту Бенджамин потерял всякое терпение.

— Горбатого могилка исправит, — сказал он, приводя старую поговорку. — Вы и в детстве были самым упрямым ребенком. О, моя милая, лучше бы мы не уезжали из Лондона!

— Нет, — ответила я, — теперь, когда мы приехали сюда, мы найдем нечто интересное, по крайней мере для меня, чего бы мы никогда не увидели, если бы остались в Лондоне. Поместье моего мужа находится в нескольких милях отсюда, и я завтра поеду в Гленинч.

— Туда, где была отравлена бедная леди? — спросил Бенджамин в испуге. — Вы об этом поместье говорите?

— Да. Я желаю видеть комнату, в которой она умерла, и осмотреть весь дом.

Бенджамин грустно и с покорностью сложил руки.

— Как я ни стараюсь понять новое поколение, но решительно не могу, — сказал он. — Новое поколение ставит меня в тупик.

Я села написать Плеймору о своем намерении посетить Гленинч. Дом, в котором разыгралась ужасная трагедия, омрачившая жизнь моего мужа, казался мне самым интересным домом на всем земном шаре. Мысль о посещении Гленинча, если сказать по правде, сильно влияла на мою решимость отправиться в Эдинбург переговорить с адвокатом. Я переслала записку свою мистеру Плеймору с посыльным, который принес мне очень любезный ответ. Он уведомлял меня, что если я согласна подождать до вечера, то он отвезет нас в Гленинч в своем экипаже.

Упрямство Бенджамина, в некоторых случаях, по крайней мере, равнялось моему. Он как представитель старого поколения не хотел иметь никакого дела с Гленинчем, но он ни слова не говорил об этом до той самой минуты, пока экипаж Плеймора не остановился у подъезда. Тут он вспомнил о каком-то старом друге, жившем в Эдинбурге.

— Вы извините меня, Валерия. Мой друг, которого зовут Саундерс, обидится, если я не буду обедать у него сегодня.

Кроме драмы, связывавшей меня с этим домом, в нем не было ничего интересного для путешественника.

Окрестности были красивы и хорошо возделаны, и более ничего. Парк для английского глаза казался диким и дурно содержимым. Дом был построен лет семьдесят или восемьдесят тому назад, снаружи он был лишен всяких украшений и походил на фабрику или тюрьму. Внутри мертвое безмолвие и тяжелая пустота, царившие сверху донизу, производили тяжелое впечатление. Дом был необитаем со времени процесса. Глухой старик с женой караулили его. Он молча и с прискорбным неудовольствием покачал головой, когда мистер Плеймор спросил у него ключи и приказал ему открыть ставни, чтобы осветить этот

мрачный покинутый дом. В библиотеке и картинной галерее топились камины, чтобы предохранить от порчи эти драгоценные предметы. При первом взгляде на этот веселый огонь нельзя было представить себе, что дом этот необитаем. Поднявшись на верхний этаж, я осмотрела комнаты, уже известные мне из процесса, вошла в маленький кабинет, уставленный полками со старыми книгами и с запертой дверью, ключ от которой не был найден и поныне. Внимательно осмотрела спальню, в которой умерла несчастная хозяйка Гленинча. Кровать стояла на прежнем месте, подле нее софа, на которой спала сиделка, неподалеку индийская шифоньерка, в которой была найдена скомканная бумажка с крупинками мышьяка. Я повернула несколько раз передвигной столик, на котором покойница писала свои стихотворения. Комната была печальная и мрачная, тяжелый воздух был точно пропитан горем и отчаянием. Я почувствовала облегчение, выйдя в коридор гостей после осмотра комнаты, которую в то время занимал Юстас. В этот же коридор выходила дверь, у которой Мизеримус Декстер поджидал и караулил. По этому дубовому полу Декстер прыгал на руках, следуя за горничной, одетой в платье своей барыни. Куда я ни шла, всюду передо мной восставала тень умершей и отсутствующего, всюду страшный, таинственный голос шептал мне: «Здесь скрывается тайна убийства!»

Тягость гнетущего впечатления становилась невыносима, и я почувствовала необходимость выйти на свежий воздух. Спутник мой заметил это.

— Пойдемте, — сказал он, — мы уже довольно долго оставались в доме, осмотрим все кругом.

Начинало смеркаться, пока мы ходили по заглохшему саду и забрели в огород, где возделывалась стариком сторожем только одна грядка, а прочие все поросли сорными травами. На самом конце огорода, отделенный от него забором, тянулся большой пустырь, обсаженный с трех сторон деревьями. В одном его углу была большая куча мусора, привлекая мое внимание своей величиной и своим странным положением. Я остановилась и начала с любопытством рассматривать валявшиеся на ней черепки битой посуды и куски ржавого железа. Тут виднелась разорванная шляпа, там опорки от старых сапог, и всюду валялись груды рваных бумаг и грязных тряпок.

— На что вы тут смотрите? — спросил Плеймор.

— Не более как на мусорную кучку.

— В опрятной Англии давно свезли бы это подальше от глаз, — сказал адвокат. — Но в Шотландии на это не обращают внимания, лишь бы запах не доходил до дома. К тому же кое-что из отходов служит для удобрения огорода. Здесь место такое глухое, а потому, вероятно, и не трогали кучу. Все в Гленинче, даже и эта мусорная куча, ожидает новой хозяйки, которая приведет все в порядок. Может быть, вы скоро будете здесь царствовать, кто знает!

— Уезжая сегодня из Гленинча, я покину его навсегда, мистер Плеймор.

— Нельзя заявлять так положительно, — ответил мой спутник, — время преподносит нам иногда самые неожиданные сюрпризы.

Мы повернули назад и молча прошли в садовую калитку, у которой ждал нас экипаж.

Возвращаясь в Эдинбург, мистер Плеймор вел разговор о посторонних предметах, не имевших никакой связи с моим посещением Гленинча. Он видел, что мне нужно было успокоиться, и по своей душевной доброте всячески старался развлекать меня. Только въезжая в город, заговорил он о моем возвращении в Лондон.

— Вы же назначили день отъезда из Эдинбурга? — спросил он.

— Мы уезжаем завтра с утренним поездом, — ответила я.

— Вы по-прежнему держитесь мнения, высказанного вами вчера? Ваш поспешный отъезд не служит ли доказательством того?

— Полагаю, что так. Когда я буду старше, то, вероятно, буду умнее. А теперь я могу только просить у вас снисхождения, если действую опрометчиво.

Он весело улыбнулся и потрепал меня по руке, потом, вдруг изменившись и приняв серьезный вид, пристально посмотрел на меня, прежде чем заговорил.

— Я говорю с вами в последний раз до вашего отъезда. Могу я быть до конца откровенным? — спросил он.

— Конечно, мистер Плеймор, что бы вы ни сказали, это только еще более увеличит мою благодарность за вашу доброту ко мне.

— Я хочу очень немного сказать и начну с предостережения, мистрис Юстас. Вы говорили мне вчера, что в последний раз у Декстера вы были одна. Не делайте этого впредь, возьмите с собой кого-нибудь.

— Вы полагаете, что я подвергаюсь там опасности?

— Не в обычном смысле этого слова. Полагаю, что какой-нибудь друг был бы полезен и сдержал бы дерзость Декстера, так как это человек в высшей степени нахальный. Сверх того, если бы он сказал что-нибудь имеющее значение, друг был бы неоценимым свидетелем. На вашем месте я взял бы с собой свидетеля, который записывал бы все, что нужно, а я адвокат, и мое дело — предостеречь вас. Когда поедете к Декстеру, возьмите с собой кого-нибудь и будьте весьма осторожны в разговоре о мистрис Бьюли.

— Осторожна! Что вы хотите этим сказать?

— Дорогая мистрис Юстас, опыт научил меня угадывать маленькие слабости человеческой натуры. Вы (совершенно естественно) склонны ревновать мистрис Бьюли, а следовательно, не можете вполне владеть своим прекрасным умом, когда Декстер старается опутать вас. Не слишком ли смело я говорю?

— Конечно нет! Слишком унижительно для меня ревновать мистрис Бьюли. Моя гордость страшно страдает от этого, но рассудок заставляет сознаться, что вы правы.

— Я очень рад, что мы хоть в этом сходимся, — прибавил он сухо. — Теперь я не отчаиваюсь убедить вас и в более важных вопросах и рассчитываю в этом случае на помощь самого Декстера.

Он возбудил мое любопытство. Как Мизеримус Декстер поможет ему, это было для меня загадкой.

— Вы намереваетесь передать Декстеру все, что говорила леди Клоринда о мистрис Бьюли, — продолжал он, — и вы полагаете, что он будет так же поражен этим рассказом, как вы. Я попытаюсь сделаться пророком. Считаю, что Декстер разочарует вас. Не выражая никакого удивления, он прямо скажет вам, что вас обманули, исказив факты, желая прикрыть мистрис Бьюли. Теперь ответьте мне, если он действительно постарается таким образом возбудить ваши подозрения против невинной женщины, это поколеблет ваше собственное мнение или нет?

— Тогда я совершенно потеряюсь, мистер Плеймор.

— Прекрасно! Во всяком случае, я буду ждать, что вы мне напишете, и надеюсь, что через неделю мы с вами сойдемся во мнениях. Сохраните в тайне все, что я говорил вам вчера о Декстере. Даже не упоминайте при нем моего имени. Поверьте, мне было бы так же неприятно коснуться руки этого чудовища, как руки палача. Господь да благословит вас! Прощайте.

Это были его прощальные слова у дверей отеля. Добрый, веселый, умный человек, но с какими предрассудками и как упрямо держится своего мнения, и какого мнения! Я содрогнулась, подумав о том.

Глава XIV. ПРОРОЧЕСТВО МИСТЕРА ПЛЕЙМОРА

Мы прибыли в Лондон между восемью и девятью часами вечера. Строго методичный во всех своих привычках, Бенджамин телеграфировал своей экономке из Эдинбурга, чтобы она приготовила ужин к девяти часам и выслала бы за нами на станцию тот кеб, который он берет постоянно.

Подъехав к дому, мы должны были остановиться, чтобы пропустить кабриолет, запряженный пони, проезжавший мимо и управляемый грубого вида мужчиной, курившим трубку. Пони показался мне знакомым, мужчина же был мне совершенно неизвестен.

Почтенная экономка отворила нам садовую калитку и смутила меня горячим восклицанием радости.

— Слава Богу! — вскричала она. — Я уже думала, что вы никогда не возвратитесь.

— Случилось что-нибудь плохое? — спросил Бенджамин своим обычным, спокойным тоном.

Экономка вздрогнула при этом вопросе и отвечала загадочными словами:

— Я вне себя, сударь, а потому не в состоянии даже отличить дурное от хорошего. Несколько часов тому назад пришел какой-то странный человек и спросил... — Она замолчала, как бы растерявшись, и с минуту как-то бессмысленно смотрела на своего господина и вдруг обратилась ко мне: — Он спросил, — продолжала она, — когда вы возвратитесь, сударыня. Я сообщила ему, что телеграфировал мне господин, и он сказал: «Подождите, я вернусь». Действительно, он вернулся минуту спустя и принес на руках что-то, от чего вся кровь застыла у меня в жилах и дрожь прошибла с головы до ног. Знаю, что я должна была остановить его и не пускать в дом, но я не в состоянии была двинуться от испуга. Он вошел, не спросив позволения, и понес свою ношу прямо в вашу библиотеку, мистер Бенджамин. Уже прошло много времени после того, а он все еще остается там. Я сообщила обо всем полиции, но она не хочет вмешиваться в это дело, а моя бедная голова не в состоянии была придумать, что делать. Не вздумайте туда идти одна, сударыня. Вы с ума сойдете от страха.

Несмотря на все, я поспешила в дом. Присутствие пони легко объяснило мне таинственный, бестолковый рассказ экономки. Пройдя через столовую, где уже был приготовлен ужин, я заглянула в полуотворенную дверь библиотеки.

Я отгадала: здесь Мизеримус Декстер, одетый в свою розовую куртку, спал в любимом кресле Бенджамин. Его страшное уродство не было прикрыто одеялом, а потому я не удивилась, что бедная старая экономка так дрожала, говоря о нем.

— Валерия! — воскликнул Бенджамин, указывая на чудовище, спавшее в кресле. — Что это, индийский идол или человек?

Я уже, говоря о Декстере, упоминала, что у него был чрезвычайно тонкий слух. Теперь он доказал, что и сон у него был чуткий, как у собаки. Хотя Бенджамин говорил тихо, но чужой голос в ту же минуту разбудил Декстера. Он протер глаза и с невинной улыбкой проснувшегося ребенка сказал:

— Здравствуйте, мистрис Валерия, я так приятно соснул. Вы не можете себе представить, как я счастлив, что вижу вас. Кто это?

Он еще раз протер глаза и уставился на Бенджамин. Не зная, что делать в этой странной ситуации, я представила моего гостя хозяину дома.

— Извините, что не встаю, сударь, — сказал Декстер. — Я не могу встать, у меня нет ног. Вы как будто недовольны, что я занял ваше кресло. Если я захватил ваше место, то будьте так добры, подтолкните меня, я соскочу на руки и нисколько не обижусь на это. Я покорно снесу недовольство и брань, лишь бы не прогоняли меня. Эта прелестная женщина, что стоит перед нами, бывает иногда очень жестока. Она бросила меня, когда я больше всего нуждался в разговоре с нею, бросила в одиночестве и неизвестности. Я — несчастный урод с теплым сердцем и ненасытным любопытством. Ненасытное любопытство (испытывали ли вы его когда?) — это настоящее проклятие! Я дошел до того, что мозг стал кипеть у меня в голове, и тогда, не в силах терпеть долее, я приказал садовнику привезти меня сюда. Мне здесь нравится. Атмосфера вашей библиотеки удивительно хорошо на меня действует, присутствие мистрис Валерии — точно бальзам для моего изболевшегося сердца. Она имеет что сказать мне, я горю нетерпением услышать ее. Если она не очень утомилась путешествием и согласна поговорить со мною, то я обещаю тотчас после того удалиться. Дорогой мистер Бенджамин, вы, кажется, добры и человеколюбивы. Я несчастен и нуждаюсь

в утешении. Подайте мне руку как добрый христианин.

Он протянул свою руку, его нежные голубые глаза смотрели умоляюще. Совершенно ошеломленный этой странной речью, Бенджамин взял прогнанную руку, действуя как во сне.

— Вы, надеюсь, здоровы, сударь, — сказал он бессознательно и потом посмотрел на меня, как бы спрашивая, что ему делать.

— Я понимаю мистера Декстера, — прошептала я. — Оставьте меня с ним.

Бенджамин бросил еще раз растерянный взгляд на существо, сидевшее в его кресле, по привычке учтиво поклонился и вышел в соседнюю комнату.

Оставшись одни, мы впервые молча взглянули друг на друга.

Вследствие ли бессознательного чувства сострадания, которое всегда таится в сердце женщины к человеку, который прямо признается, что нуждается в ней, или вследствие ужасного подозрения, высказанного мистером Плеймором, сердце мое было переполнено сожалением к этому несчастному созданию; не знаю, только он в эту минуту казался мне таким жалким, как никогда, и я не решилась сделать ему выговор за то, что он без приглашения явился в дом Бенджамина.

Он первый заговорил.

— Леди Клоринда поколебала ваше ко мне доверие, — сказал он с горячностью.

— Леди Клоринда не сделала ничего подобного, — отвечала я. — Она даже не пыталась повлиять на мое мнение. Я была действительно вынуждена по некоторым причинам оставить Лондон.

Он вздохнул и закрыл глаза с удовлетворенным видом, точно я освободила его от тяжелого беспокойства.

— Будьте милостивы ко мне, — попросил он, — и расскажите все. Я был так несчастлив в ваше отсутствие.

Он вдруг открыл глаза и пытливо посмотрел на меня.

— Вы не очень устали во время путешествия? — спросил он. — Я жажду узнать обо всем, что произошло на обеде у майора. Жестоко с моей стороны приступить к вам с расспросами, не дав отдохнуть после дороги... Но я задам вам только один вопрос, а прочие оставлю до завтра. Что говорила леди Клоринда о мистрис Бьюли? Узнали ли вы то, что желали?

— Даже более, — отвечала я.

— Что? Что? — закричал он с диким нетерпением.

Пророческие слова мистера Плеймора живо возникли в моей памяти. Он самым настойчивым образом уверял меня, что Декстер будет продолжать меня обманывать и не обнаружит никакого удивления, когда я повторю ему рассказ леди Клоринды о мистрис Бьюли. Я вознамерилась подвергнуть испытанию пророчество адвоката и без малейшего предисловия или подготовки быстро и резко выпалила полученные сведения.

— Особа, увиденная вами в коридоре, была не мистрис Бьюли, это была ее горничная, одетая в платье своей госпожи. Самой мистрис Бьюли не было в доме в ту ночь, она танцевала на маскараде в Эдинбурге. Все это горничная рассказала леди Клоринде, а она мне...

Я сыпала словами, не переводя духа. Предсказание мистера Плеймора не исполнилось. Декстер задрожал, глаза его широко раскрылись от изумления.

— Повторите! — вскричал он. — Я не понял сразу. Вы меня совсем поразили.

Я была очень довольна этим результатом и торжествовала победу. На этот раз я имела основание быть довольной собой. В моем споре с мистером Плеймором я придерживалась христианского человеколюбивого взгляда и была за это вознаграждена. Я могла сидеть в одной комнате с Мизеримусом Декстером и не думать, что дышу одним воздухом с отравителем. Недаром я съездила в Эдинбург!

Исполняя его желание, я повторила свои слова, прибавив еще некоторые подробности, которые придавали рассказу леди Клоринды больше правдивости. Он слушал, затаив дыхание, временами повторяя за мной слова, чтобы хорошенько вникнуть в их смысл.

— Что сказать? Что сделать? — спросил он с отчаянием. — Я не могу этому поверить. Как это ни странно, а между тем с начала до конца звучит правдиво.

(Что бы почувствовал мистер Плеймор, услышав эти слова? Я уверена, что ему было бы очень совестно).

— Тут нечего сказать, — ответила я, — кроме того, что мистрис Бьюли невиновна и что мы с вами были к ней страшно несправедливы. Разве вы не согласны со мной?

— Совершенно согласен с вами, — отвечал он, нимало не колеблясь. — Мистрис Бьюли невиновна. Дело, как видно, производилось на суде совершенно справедливо.

Он спокойно сложил руки, и вид его показывал, что он вполне удовлетворен таким положением дела.

Я была совсем другого мнения. К моему величайшему удивлению, из нас двоих я оказалась наименее благоразумной.

Мизеримус Декстер превзошел мои ожидания. Он не только опроверг предсказания мистера Плеймора, но вдался в крайность. Я могла признавать невинность мистрис Бьюли, но далее этого я не шла. Признать защиту мужа правильной значило бы отказаться от всякой надежды доказать его невинность. А я держалась за эту надежду, как за свою любовь и жизнь.

— Говорите за себя, — возразила я. — Мое мнение о защите нисколько не изменилось.

Он вздрогнул и наморщил брови, точно разочаровался во мне и стал мною недоволен.

— Вы хотите сказать, что намереваетесь продолжать это дело?

— Да.

Он словно рассердился на меня и сбросил с себя личину вежливости.

— Нелепо! Невозможно! — вскричал он с горячностью. — Вы сами сейчас заявили, что мы оскорбили невинную женщину, заподозрив мистрис Бьюли. Кого же другого можем мы подозревать? Смешно даже ставить этот вопрос! Нам остается, стало быть, признать факт так, как он есть, и отказаться от дальнейших расследований по этому делу. Было бы ребячеством спорить против очевидности. Вы должны отказаться от этого дела.

— Вы можете сердиться на меня сколько вам угодно, мистер Декстер. Ни ваш гнев, ни ваши аргументы не могут изменить моих намерений.

Он с трудом сдерживался и сказал спокойно и вежливо:

— Очень хорошо. Извините меня, если я на минуту сосредоточусь в себе. Я хочу попытаться сделать то, чего до сих пор еще не делал.

— Что это такое, мистер Декстер?

— Я хочу войти в образ мистрис Бьюли и подумать ее умом. Дайте мне минутку времени. Благодарю вас.

Что он придумал? Что за перемена происходит на моих глазах? Есть ли на свете такой другой чудак? Кто видел его теперь, погруженного в размышления, не узнал бы в нем беззаботное создание, невинно спавшее в кресле и удивившее Бенджамина своей ребячьей болтовней. Справедливо говорят, что человеческая натура многолика. Разные стороны характера Декстера так быстро сменялись одна за другой, что я потеряла им счет.

Он поднял голову и пытливо посмотрел на меня.

— Я вышел из образа мистрис Бьюли, — заявил он, — и пришел к такому результату. Мы с вами слишком увлекаемся и потому слишком поспешно и опрометчиво вывели заключение.

Он остановился, я молчала. Неужели в уме моем мелькнула тень сомнения? Я ждала и слушала.

— По-прежнему я уверен, что леди Клоринда рассказала вам правду, — продолжал он. — Но теперь я выделяю то, чего сразу не заметил. Эту историю можно истолковать двояким образом, внешним и внутренним. В ваших интересах я буду рассматривать ее с внутренней стороны и скажу, что мистрис Бьюли могла быть настолько хитрой, чтобы устроить алиби, желая отклонить от себя подозрение.

Я, к стыду своему, должна сознаться, что не поняла значения слова «алиби». Он видел,

что я не поняла его, и стал говорить проще, яснее.

— Была ли горничная только пассивной соучастницей в деле своей госпожи? Не ее ли рукой действовала мистрис Бьюли? Проходя по коридору мимо меня, не шла ли она дать первую дозу яда? Не провела ли мистрис Бьюли эту ночь в Эдинбурге для того, чтобы иметь оправдание в случае, если подозрение падет на нее?

Сомнение, мелькнувшее у меня в голове, перешло в настоящее подозрение при этих словах. Не слишком ли я поспешила освободить его от подозрений? Неужели он будет стараться навлечь подозрения на мистрис Бьюли, как предсказывал мистер Плеймор? Я была вынуждена отвечать ему и случайно употребила выражение мистера Плеймора.

— Вы, кажется, перехитрили, мистер Декстер, — сказала я.

К моему величайшему удовольствию, он не пытался отстаивать передо мною свое мнение.

— Перехитрил, — повторил он. — Говоря о своем предположении, я, может быть, сказал более, чем намеревался. Отбросьте мой взгляд как негодный, что же будете вы делать? Если мистрис Бьюли не отравительница, если она не сделала этого сама или через посредство своей горничной, то кто же это сделал? Она невиновна, и муж ваш тоже невиновен. Кого же вы можете подозревать? Я, что ли, отравил ее? — закричал он громким голосом и со сверкающими глазами. — Вы или кто-нибудь другой подозревает меня? Я любил ее, боготворил ее, я сделался совершенно другим человеком со дня ее смерти. Пойдите! Я открою вам тайну... Только не говорите ничего вашему мужу, не то я могу лишиться его дружбы. Я женился бы на ней до встречи ее с Юстасом, если бы она согласилась. Когда доктора сказали мне, что она умерла от яда, спросите у доктора Жерома, как я страдал. Он может вам рассказать об этом. Всю эту ужасную ночь я не смыкал глаз, я поджидал возможности войти в ее комнату и проститься с холодными останками ангела, которого так пламенно любил. Я плакал над ней, целовал ее в первый и последний раз. Я отрезал у нее локон волос и с тех пор постоянно храню его при себе и целую днем и ночью. О Боже! Комната эта и мертвое лицо беспрестанно встают перед мною! Посмотрите! Посмотрите.

Он снял с груди маленький висевший у него на шее медальон, бросил его мне и залился горячими слезами.

Мужчина на моем месте знал бы, как поступить, но как женщина я поддалась минутному впечатлению и почувствовала сострадание.

Я встала и возвратила ему медальон, совсем не думая о том, что делаю, положила руку на его плечо и сказала ласково:

— Я не в состоянии подозревать вас, мистер Декстер. Никогда подобная мысль не приходила мне в голову. Я жалею вас от всего сердца.

Он схватил мою руку и принялся осыпать ее поцелуями. Его губы жгли меня. Он вдруг приподнялся в кресле и обхватил меня рукой за талию. В испуге и негодовании я старалась вырваться от него и стала звать на помощь.

Дверь отворилась, и на пороге появился Бенджамин. Декстер выпустил меня.

Я бросилась к Бенджамину и не дала ему войти в комнату. Я давно знала своего старого друга, но никогда не видала его в таком гневе, как теперь. Он был более чем сердит. Он был бледен от злобы. Я всеми силами старалась удержать его у дверей.

— Вы не можете поднять руку на калеку, — сказала я. — Прикажите слуге вынести его вон.

Я выпроводила Бенджамина в другую комнату и заперла дверь библиотеки. Экономка была в столовой. Я послала ее к кабриолету позвать слугу.

Он явился, это был тот самый грубый мужчина, которого мы встречали у садовой калитки. Бенджамин молча отворил дверь, и я не удержалась, чтобы не заглянуть в кабинет.

Мизеримум Декстер сидел, откинувшись на спинку кресла. Слуга поднял своего господина с нежностью, которая весьма удивила меня.

— Закрой мне лицо, — сказал ему Декстер отрывисто.

Тот расстегнул свою грубую куртку и, прикрыв ею голову своего господина, молча вышел вон, прижимая этого уroda к груди, как мать своего ребенка.

Глава XV. АРИЕЛЬ

Я провела бессонную ночь.

Оскорбление, нанесенное мне, было неприятно само по себе, но сверх того последствия могли быть еще хуже для меня. Достижение единственной цели моей жизни все еще зависело от моего личного отношения к Декстеру, и вдруг на моем пути возникло непреодолимое препятствие. Даже в интересах моего мужа могла ли я сблизиться с человеком, который так дерзко оскорбил меня. Я не была ни особенно сурова, ни жеманна, но мысль о Декстере возбуждала во мне отвращение.

Я встала поздно и села за конторку, стараясь собраться с духом, чтобы написать Плеймору, но усилия мои были напрасны.

Около полудня, когда Бенджамин не было дома, экономка доложила мне, что у садовой калитки спрашивает меня какая-то странная посетительница.

— На этот раз это женщина, сударыня, или по крайней мере что-то на нее похожее, — сказала эта почтенная женщина конфиденциально. — Это высокое, сильное, глупое существо в мужской шляпе и с мужской тростью в руке. Она говорит, что принесла вам записку и желает вручить ее лично. Не лучше ли ее не впускать? Что вы на это скажете?

Признав по описанию Ариель, я очень удивила экономку, объявив ей, что желаю немедленно принять этого посла.

Ариель вошла в комнату, по своему обыкновению, молча, но я заметила в ней поразительную перемену. Ее бессмысленные глаза были красны и налиты кровью. Следы слез были видны на щеках. Направляясь к моему креслу, она шла совсем не свойственной ей нерешительной походкой. «Неужели Ариель может плакать? — подумала я про себя. — И почему подходит она ко мне с боязнью и нерешительностью?»

— Говорят, вы принесли мне что-то? — спросила я. — Не хотите ли сесть?

Она подала мне письмо, ничего не отвечая и не садясь. Я вскрыла конверт. Письмо было от Декстера. Оно содержало следующие строки:

«Сжальтесь надо мной, если в вас сохранилась еще хоть тень сострадания к несчастному; я жестоко искупил минувшее безумие. Если бы вы видели меня, вы сами нашли бы, что наказание было довольно сильно. Ради самого Бога, не покидайте меня! Я был вне себя, когда обнаружил чувство, которое вы пробудили в душе моей. Этого никогда более не случится, эта тайна умрет вместе со мной. Могу ли я надеяться, что вы мне поверите? Нет, я не прошу вас, чтобы вы мне верили и полагались на меня в будущем. Если вы согласитесь снова увидеться со мной, то пусть это будет в присутствии третьего лица, которое пожелаете вы взять себе в покровители. Я заслуживаю этого, я покорюсь всему, буду ждать, пока уляжется ваш гнев на меня, только об одном прошу вас, не лишайте меня надежды. Скажите Ариели: «Я прощаю его и со временем позволю ему видеть меня». Она это запомнит из любви ко мне. Если вы отошлете ее без ответа, вы отошлете меня в сумасшедший дом. Спросите ее, если вы мне не верите.

МИЗЕРИМУС ДЕКСТЕР».

Я прочла это странное послание и взглянула на Ариель. Она стояла передо мной, опустив глаза, и подавала мне толстую палку, бывшую у нее в руке.

— Возьмите палку, — были ее первые слова.

— Зачем она мне? — спросила я.

Она несколько минут силилась пошевелить своими тупыми мозгами и выразить свои мысли словами.

— Вы сердитесь на моего господина, — наконец проговорила она. — Сорвите гнев свой на мне. Вот палка, бейте меня.

— Бить вас! — удивилась я.

— Спина у меня широкая, — продолжало жалкое создание. — Кричать я не буду, все так снесу. Возьмите палку. Не раздражайте его. Прибейте меня.

Она силой всунула мне палку в руки и повернулась ко мне спиной, ожидая ударов. Страшно и жалко было смотреть на нее. Слезы выступили у меня на глазах. Я старалась ласково и с большим терпением образумить ее. Но все было напрасно! В голове ее была только одна мысль: принять на себя наказание за своего господина. «Не раздражайте его, — повторяла она. — Бейте меня!»

— Что вы хотите сказать своими словами «не раздражайте его»? — спросила я.

Она старалась объяснить, но не находила слов и, как дикарка, пыталась знаками объяснить мне, что она думала. Подойдя к камину, она присела на корточки и уставилась на огонь страшным, бессмысленным взглядом. Потом, схватив голову руками, стала медленно покачиваться взад и вперед, не спуская глаз с огня.

— Так он сидит, — вдруг заговорила она. — Целыми часами сидит он так, никого и ничего не замечая, только зовет вас!

Представленная мне картина тотчас же вызвала в моей памяти медицинское свидетельство о здоровье Декстера и предостережение насчет грозящей ему опасности. Если бы я могла противостоять просьбам Ариели, то смутное опасение последствий заставило бы меня уступить.

— Не делайте этого! — закричала я, увидев, что она схватилась руками за голову и снова начинает раскачиваться. — Встаньте, пожалуйста. Я не сержусь на него более, я простила его.

Она приподнялась на четвереньки, и глаза свои устремила на мое лицо. В этой позе (она, скорее, походила на собаку, чем на человека) она повторила свою обычную просьбу, когда желала что-нибудь хорошенько удержать в памяти:

— Повторите ваши слова!

Я повторила, но она этим не удовлетворилась.

— Скажите так, как написано в письме моего господина, — попросила она.

Я заглянула в письмо и повторила слово в слово:

— Я прощаю его и со временем позволю ему видеть меня.

Она мигом вскочила на ноги. Впервые с той минуты, как она вошла в комнату, тупое лицо ее оживилось.

— Так! — вскричала она. — Послушайте, так ли я повторяю, так ли я запомнила!

Повторяя наизусть, как маленький ребенок, слово за словом, она наконец запомнила ответ.

— Теперь отдохните, — сказала я, — поешьте и выпейте чего-нибудь.

Но я говорила ей все равно, что стене. Не слушая меня, она подняла с пола свою палку и бросилась вон, весело повторяя: «Теперь я помню, это охладит голову моего господина. Ура!» Она выбежала, точно дикое животное, вырвавшееся из клетки. Я вышла вслед за нею и успела увидеть, как она, отворив настежь садовую калитку, зашагала по улице так быстро, что не было возможности догнать ее.

Я возвратилась в комнату, задумавшись над вопросом, над которым ломали головы люди умнее меня. Может ли человек, совершенно дурной и испорченный, внушать такую преданность, какую Декстер внушал этой верной женщине и грубому садовнику, который с такой нежностью обходился с ним? Кто может это решить? Величайший злодей почти всегда имеет друга — женщину или собаку.

Я снова присела к конторке и принялась за письмо к мистеру Плеймору.

Припоминая все, что говорил Декстер, я с особым интересом остановилась на странной

вспышке чувства, которое заставило его выдать мне тайну любви своей к первой жене Юстаса. Я как будто своими глазами видела страшную сцену, происшедшую в спальне: этого несчастного уroda, плачущего над покойницей во мраке ночи. Эта ужасная картина как-то странно овладела моим воображением. Я встала и начала ходить взад и вперед по комнате, но тщетно старалась я обратить свои мысли на что-либо другое. Место действия было мне знакомо, я сама ходила по коридору, по которому Декстер крался тайком, чтобы проститься с умершей.

Но вдруг я остановилась, вспомнив о коридоре. Мысли мои приняли другое направление против воли.

Какие воспоминания связывались с мыслью о коридоре, кроме рассказа Декстера? Не видала ли я там чего-либо особенного во время посещения Гленинча? Нет. Не читала ли я чего-нибудь о нем? Я взяла отчет о процессе и случайно открыла его на показаниях сиделки. Я прочитала их с начала до конца, но не встретила ничего примечательного, только последние строки обратили на себя мое внимание:

«Прежде чем лечь спать, я поднялась наверх, чтобы приготовить тело покойной к погребению. Комната, в которой она лежала, оказалась заперта с обеих сторон, как дверь ведущая в комнату мистера Маколана, так и в коридор. Ключи взял доктор Гель. Двое слуг, карауливших у коридорных дверей, сказали мне, что их сменяют в четыре часа утра; больше они ничего не знали».

Вот что припомнилось мне по поводу коридора! Вот что пришло мне в голову, когда Мизеримус Декстер рассказывал мне о своем прощании с покойницей!

Каким же образом прошел он в спальню, когда двери были заперты и ключи взяты доктором Гелем. Оставалась еще дверь, от которой доктор Гель не брал ключи, дверь, ведущая в кабинет мистрис Маколан-матери. Ключ был затерян. Не был ли он похищен? И именно мистером Декстером? Он мог пройти по коридору, когда сторожившие люди заснули или их сменяли. Но как мог он попасть в спальню, если не через дверь из кабинета? Но для этого у него должен был быть ключ. И он должен был похитить его за несколько дней до смерти мистрис Маколан! Сиделка показала, что седьмого числа, когда она прибыла в Гленинч, ключ был уже потерян.

К какому заключению вели меня эти соображения и открытия? Неужели Декстер в минуту сильного волнения бессознательно дал мне ключ к тайне? Не связано ли открытие этой тайны с пропавшим ключом?

Я в третий раз направилась к конторке. Единственным человеком, который мог разрешить эти вопросы, был мистер Плеймор. Я подробно описала ему все случившееся. Я умоляла его простить и забыть, как я нелюбезно приняла его совет, данный мне с такою добротой, обещала впредь не делать ничего, не спросив предварительно его мнения.

Погода была прекрасная для того времени года, и я, желая прогуляться после утренних тревог и занятий, сама отнесла письмо на почту.

Вернувшись домой, я узнала, что меня дожидался новый посетитель, на этот раз вполне цивилизованный и прямо назвавший свое имя: это была моя свекровь, мистрис Маколан.

Глава XVI. У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО

Прежде чем она успела вымолвить слово, я увидела по лицу моей свекрови, что она принесла дурные новости.

— Юстас? — спросила я.

Она отвечала взором.

— Говорите, — вскричала я. — Я могу все вынести кроме неизвестности.

Мистрис Маколан вынула из кармана телеграмму и подала ее мне.

— Я могу положиться на ваше мужество, — сказала она, — а потому не нахожу нужным прибегать к каким-нибудь уловкам. Прочтите.

Я прочла телеграмму. Она была от хирурга походного госпиталя, из какой-то деревни в северной Испании. В ней говорилось следующее:

«Мистер Юстас тяжело ранен в стычке. Пока нет опасности. О нем заботятся.
Ожидайте другой телеграммы».

Я отвернулась и, насколько смогла, скрыла волнение, охватившее меня при чтении этих строк. Я думала, что знаю, как сильно люблю его, но нет — я не знала этого до настоящей минуты.

Свекровь обняла меня и нежно прижала к своей груди. Она так хорошо знала меня, что понимала — говорить в эту минуту не следует. Я собралась с силами и, указав на последние слова телеграммы, спросила:

— Вы хотите ждать?

— Ни одного дня, — отвечала она. — Я сейчас еду в министерство за паспортом. У меня есть там протекция, и мне не откажут ни в рекомендательном письме, ни в помощи. Я еду сегодня ночью с почтовым поездом в Кале.

— Вы едете? — вскричала я. — Вы полагаете, что я отпущу вас одну? Оформите паспорт и мне, когда будете оформлять свой. В семь часов вечера я буду у вас.

Она пыталась отговорить меня, указывая на опасности этого путешествия. При первых словах я остановила ее.

— Неужели вы не знаете, как я упряма, матушка? Вас могут задержать в министерстве, вы не должны терять здесь драгоценного времени.

Она уступила с несвойственной ей нежностью.

— Узнает ли когда-нибудь мой бедный Юстас, какая у него жена, — воскликнула она, поцеловав меня и пошла к своему экипажу.

Мои воспоминания об этом путешествии очень смутны и неопределенны.

Когда я стараюсь восстановить их, то воспоминания о более позднем времени и более интересных событиях, случившихся по возвращении моем в Англию, отодвигают на задний план приключения в Испании, которые кажутся давно прошедшими. Я смутно припоминаю разные задержки и тревоги, подвергшие испытанию наше терпение и мужество. Помню, что благодаря нашим рекомендательным письмам мы обрели друзей в лице секретаря посольства и посланника, которые покровительствовали и помогали нам в критические минуты, что наши кучера отличались грязным платьем и чистым бельем, изысканно вежливым обращением с женщинами и варварской жестокостью с лошадьми. Наконец, и самое важное, я ясно вижу плохую комнату в грязной деревенской гостинице, в которой мы нашли нашего Юстаса в бессознательном состоянии, между жизнью и смертью.

Не было ничего романтического или интересного в событии, подвергшем жизнь моего мужа опасности.

Он слишком близко подошел к месту битвы, желая спасти бедного раненого юношу, смертельно раненого, как оказалось после. Ружейная пуля попала в Юстаса, и товарищи по лазарету отнесли его в лагерь, рискуя собственной жизнью. Он был общий любимец; терпеливый, добрый, храбрый, ему нужно было только больше опытности, чтобы быть самым достойным членом человеколюбивого братства, в которое он поступил.

Передавая мне все эти подробности, хирург прибавил несколько слов предостережения.

Лихорадка, обыкновенное следствие раны, сопровождалась бредом. Голова моего мужа, насколько можно было понять из его бессвязных слов, была занята мыслью о жене. Доктор, заметивший это во время своего пребывания у постели больного, считал, что если Юстас, придя в себя, вдруг увидит и узнает меня, то это может иметь гибельные

последствия. Пока он находился в бессознательном состоянии, я могла ухаживать за ним, но с того дня, как он будет вне опасности — но наступит ли этот счастливый день! — я должна буду уступить свое место у постели кому-либо другому и не показываться ему до разрешения доктора.

Мы со свекровью поочередно дежурили, проводя около него все дни и ночи.

В часы бреда, который периодически возвращался, имя мое было постоянно у него на устах. Неотвязной идеей была страшная мысль, которую я тщетно старалась отвергнуть в наше последнее свидание, что после произнесенного над ним приговора его жена не будет уверена в его невиновности. Все дикие картины, носившиеся в его воображении, происходили от этой упорной мысли. Он воображал, что живет со мною при тех ужасных условиях, через которые он прошел, и я постоянно напоминаю ему трагическое испытание, выпавшее на его долю. Он представлял все это в двух лицах. Он подает, например, мне чашку чая и говорит за меня: «Мы вчера поссорились, Юстас, нет ли тут яда?» Потом целует меня в знак примирения, а я, смеясь, говорю ему: «Теперь утро, мой милый, а к девяти часам вечера я умру, не правда ли?» Я лежу в постели, а он дает мне лекарство. Я подозрительно смотрю на него и говорю: «Ты любишь другую женщину. Нет ли в этом лекарстве чего-либо неизвестного доктору?» Так страшная драма беспрерывно разыгрывалась у него в голове. Сотни и сотни раз повторял он одно и то же, и все в тех же словах. Иногда мысли его обращались к моему намерению доказать его невиновность. Иногда он осмеивал это намерение, иногда оплакивал его. Иногда употреблял разные хитрости, чтобы поставить преграды на моем пути. Он сурово относился ко мне, он заботливо упрашивал воображаемых людей, помогавших ему, чтобы они не колебались оскорбить или огорчить меня. «Не обращайтесь внимания на то, рассердите вы ее или заставите плакать. Это все для ее же блага, для того, чтобы спасти безумную от опасностей, о которых она и не помышляет. Вы не жалейте ее, когда она будет говорить, что делает все это ради меня. Посмотрите! Она сама идет на то, чтобы ее оскорбляли, обманывали. Остановите ее, остановите!» Несмотря на то что все это говорилось в забытии, часы, проводимые мною у его постели, были для меня часами скорби и муки, причиной которых он был совершенно невольно.

Проходили недели, а он все был между жизнью и смертью.

Я не вела в то время никаких записей и не помню хорошенько, какого именно числа произошла в нем перемена; помню только одно, что в прекрасное зимнее утро мы освободились от тягостной неизвестности. Доктор был у постели, когда больной пришел в себя. В ту минуту, когда Юстас раскрыл глаза, доктор сделал мне знак молчать и удалиться. Свекровь моя и я тотчас же поняли, что это значит. От полноты души возблагодарили мы Господа за возвращение нам одной — мужа, другой — сына.

В тот же вечер, оставшись одни, мы заговорили о будущем в первый раз по отъезде нашем из Англии.

— Доктор сказал мне, — сообщила мистрис Маколан, — что Юстас еще слишком слаб и в продолжении нескольких дней не в состоянии будет вынести никакого волнения. У нас еще достаточно времени, чтобы обдумать, сказать ему или нет, что он обязан своей жизнью настолько же вашим попечениям, насколько и моим. Неужели у вас хватит духу оставить его теперь, когда Божие милосердие возвратило его нам с вами?

— Если б я спросила только свое сердце, — ответила я, — то никогда не оставила бы его.

Мистрис Маколан взглянула на меня с удивлением.

— А кого же хотите вы слушать? — спросила она.

— Если мы оба будем живы, — ответила я, — то мне следует позаботиться о его будущем счастье, а также и о своем. Я многое могу вынести, матушка, но не в состоянии буду вынести, если он снова покинет меня.

— Вы несправедливы к нему, Валерия, я абсолютно уверена в том, что он не в состоянии будет снова покинуть вас!

— Дорогая мистрис Маколан, разве вы забыли, что он говорил обо мне, когда мы с

вами сидели у его кровати?

— Но он говорил в бреду. Разве можно воспринимать всерьез слова, вырвавшиеся из его уст в бреду?

— Трудно противостоять матери, отстаивающей своего сына, — сказала я. — Дорогой и лучший друг мой, я не возлагаю на Юстаса ответственности за его слова, но смотрю на них как на предостережение. Дикие речи, вырвавшиеся у него в бреду, были лишь повторением того, что он говорил мне, полный здоровья и сил. Чего ради я буду надеяться, что он изменит свои мысли в отношении меня? Ни разлука, ни страдания не изменили его. В горячечном бреду, как и в полном разуме, он сомневается во мне. Я вижу только одно средство возвратить его доверие к себе — это уничтожить повод его разлуки со мной. Нет никакой надежды убедить его, что я верю в его невиновность, надо показать ему, что и не нужно никакой веры, доказать ему, что он невиновен во взводимом на него преступлении.

— Валерия! Валерия! Вы попусту теряете время и слова. Неужели опыт не убедил вас, что это дело невозможное.

Я не отвечала, мне нечего было сказать, кроме того, что я уже говорила.

— Если вы хотите опять посетить Декстера из сострадания к сумасшедшему и жалкому созданию, которое уже раз оскорбило вас, — продолжала моя свекровь, — то вы должны отправиться к нему в сопровождении меня или другого лица. Вы можете провести у него лишь столько времени, чтобы успокоить его взволнованный ум. После этого вы должны его оставить. Предположим даже, что Декстер был бы в состоянии помочь вам, но для этого нужно будет обращаться с ним по-дружески, с полным доверием, позволить ему близкие, интимные отношения, а разве это возможно после случившегося в доме Бенджамина? Отвечайте мне честно.

Я рассказала ей во время путешествия о последнем своем свидании с Декстером, и она воспользовалась им, пытаясь уговорить меня отказаться от моих планов. Конечно, я не имею нрава осуждать ее за это, цель оправдывает средства. Но как бы то ни было, я должна была отвечать ей, если не хотела оскорбить ее. Итак, я ответила ей, что никогда не смогу допустить дружеских отношений с Декстером как с человеком, достойным доверия.

Мистрис Маколан не теряла надежды повлиять на мое решение.

— Хорошо, — сказала она. — Этот путь закрыт для вас. Тогда на что вы надеетесь? Что хотите вы предпринять?

На эти вопросы в настоящий момент я не могла дать удовлетворительного ответа. Я чувствовала какую-то странную неловкость и молчала. Мистрис Маколан нанесла мне последний удар, довершивший ее победу.

— Мой бедный Юстас слабохарактерен и мрачно настроен, но он не может быть человеком неблагодарным. Дитя мое! Вы заплатили ему добром за зло, вы доказали ему свою глубокую, преданную любовь, подвергая себя всяким трудностям и опасностям ради него. Верьте мне, верьте ему! Он не в силах противостоять вам. Дайте ему увидеть дорогое лицо, которым он бредил, смотрящее на него с прежней любовью, и он ваш на всю жизнь.

Она встала и прикоснулась губами к моему лбу, в голосе ее слышалась нежность, к которой я не считала ее способной.

— Скажите «да», Валерия, — прибавила она шепотом, — и вы будете и мне и ему еще дороже прежнего.

Мое сердце соглашалось с ней, но разум колебался. От мистера Плеймора не было писем, которые могли бы руководить мною и поддержать меня. Я так долго и так тщетно сопротивлялась, так много страдала, потерпела столько неудач и разочарований, а теперь Юстас в соседней комнате мало-помалу возвращается к жизни, как было тут устоять? Все было кончено. Сказав «да» (если б Юстас подтвердил слова матери), я отказывалась от заветной своей цели, прощалась с благородной и дорогой надеждой всей моей жизни. Я знала это и сказала «да».

Итак, прощай, великое дело! Добро пожаловать, покорность и смирение, что и доказывало мое поражение.

Мы со свекровью спали в одной комнате под крышей, это все, что нам могли предложить в гостинице. Ночь, последовавшая за этим разговором, была очень холодная, и мы не могли согреться, несмотря на все капоты и пледы. Свекровь моя заснула, но я не могла сомкнуть глаз. Я была слишком несчастна, думая о своем положении и о том, как примет меня муж мой.

Прошло несколько часов в этих грустных размышлениях, как вдруг я почувствовала какое-то странное ощущение, удивившее и встревожившее меня. Я вскочила на постели, едва переводя дыхание. Это движение разбудило мистрис Маколан.

— Что с вами? — спросила она. — Вам дурно?

Я старалась объяснить, как могла. Она, казалось, тотчас же поняла, в чем дело. Она обняла меня и крепко прижала к груди.

— Мое бедное, невинное дитя, возможно ли, чтобы вы не знали? Неужели я в самом деле должна объяснить вам?

И она потом сказала мне несколько слов. Никогда не забуду я смятения чувств и ощущений, вызванных во мне этими словами. Радость, страх, изумление, удовольствие, гордость и смирение наполнили мою душу и сделали меня совершенно новой женщиной. Только теперь я узнала это. Если Господь продлит мою жизнь на несколько месяцев, то я могу испытать величайшую и святую радость на земле — быть матерью.

Я не знаю, как наступило утро, помню только, что я вышла подышать свежим зимним воздухом на открытой поляне перед гостиницей.

Я уже сказала, что чувствовала себя другой женщиной. Утро застало меня с новыми силами и новой решимостью. Думая о будущем, я должна была заботиться не об одном муже. Его доброе имя принадлежало теперь не только ему и мне, оно должно было сделаться драгоценным наследием нашего ребенка. Что же я сделала, не зная еще, что скоро буду матерью? Я отказалась от надежды вернуть мужу незапятнанное имя. Наш ребенок мог со временем услышать, как злые языки скажут: «Твой отец обвинялся в убийстве и никогда не был полностью оправдан». Могла ли я с такими мыслями спокойно ожидать разрешения от бремени? Нет, я должна найти в себе силы и постараться заставить Декстера проговориться, должна снова вступить в борьбу и открыть истину, чтобы очистить имя моего мужа и отца моего будущего ребенка.

Я вернулась домой с твердой решимостью. Я открыла душу своему другу и матери-свекрови и откровенно рассказала ей о происшедшей во мне перемене.

Она была не только разочарована, но и сильно огорчена. По ее мнению, случилось то, чего она боялась. К нашему общему счастью, новые узы должны крепко связать меня с мужем. Все другие соображения не должны были иметь никакого значения. Если я теперь покину Юстаса, то совершу бессердечный и безумный поступок, о котором до конца жизни своей буду сожалеть.

Тяжелая борьба происходила во мне, сомнения терзали мою душу, но я держалась непреклонно. Честь отца — наследие ребенка, вот мысль, на которой я всячески старалась сосредоточиться. Мое природное упрямство поддержало меня, как говорила мистрис Маколан. Время от времени я ходила взглянуть на Юстаса во время его сна, и это укрепляло мою решимость. Я не могу объяснить свое душевное состояние, могу только рассказать, что происходило в это тяжелое для меня время.

Я сделала одну уступку мистрис Маколан: согласилась отложить на два дня свою поездку в Англию. Мистрис Маколан надеялась, что я за эти два дня могу изменить свое решение.

Отсрочка эта оказалась для меня очень полезной. На другой день начальник госпиталя посылал за почтой в ближайший город. Посыльный его привез мне письмо. Почерк на конверте показался мне знакомым, и действительно, это был ответ мистера Плеймора.

Если мне грозила опасность изменить своим планам, добрый адвокат спас меня от этого. Следующие строки докажут, насколько он ободрил и поддержал меня в ту минуту, когда я так нуждалась в друге и опоре.

«Теперь позвольте мне рассказать вам, — писал он, — что сделал я для проверки того заключения, к которому привело меня ваше письмо.

Я разыскал одного из слуг, стоявших на карауле у дверей комнаты мистрис Юстас Маколан в ночь ее кончины. Он помнит как нельзя лучше, что Мизеримус Декстер проехал мимо них в своем кресле, когда уже весь дом был погружен в сон. Декстер обратился к ним с вопросом: «Я полагаю, что не запрещено входить в кабинет? Я не могу спать после всего случившегося и несколько развлекусь чтением». Люди эти не получали приказа не допускать в кабинет. Они знали, что дверь в спальню покойной была заперта, и ключи находились у доктора Геля. Они позволили Декстеру войти в кабинет. Он запер за собой дверь, выходящую в коридор, и некоторое время оставался не в кабинете, как полагали слуги, а в спальне, как он признался вам. Теперь, каким образом он вошел туда? Не иначе как с помощью ключа от кабинетной двери. Долго ли он там оставался, неизвестно, но это пустяки. Слуга помнит только, что он вышел оттуда «бледный, как смерть» и проехал мимо, не говоря ни слова.

Вот факты. Вывод из них имеет очень важное значение и подтверждает высказанное вам мною мнение. Вы, вероятно, помните, о чем мы говорили.

Теперь обратимся к вам. Вы невинным образом возбудили в Декстере такое чувство, которое нет надобности определять. Действительно, в вашей фигуре и в ваших манерах есть что-то, напоминающее первую Юстас Маколан, я сам это заметил, и это должно было произвести впечатление на расстроенный мозг Декстера. Не распространяясь более об этом предмете, я только напому вам, что он доказал, насколько велико ваше на него влияние; он так взволнован в вашем присутствии, что не в состоянии обдумывать своих слов. Весьма возможно и даже очень вероятно, что он еще более выдаст себя, если представится к тому случай. Ввиду ваших собственных интересов я должен говорить с вами совершенно откровенно. Я не сомневаюсь, что вы приблизились к своей цели со времени вашего отъезда из Эдинбурга. Я вижу это из вашего письма, и мое открытие еще более подтверждает, что Декстер находился в тайных сношениях с покойной, сношениях, совершенно невинных с ее стороны, не только в день смерти, но и за несколько недель перед тем. Я убежден и не могу скрыть от вас, что если бы нам удалось открыть, какого рода были эти сношения, то, вероятно, невинность вашего мужа будет доказана открытием истины. Как честный человек я и не могу скрыть этого от вас и не могу по совести советовать рисковать тем, чем вы рискуете, снова увидевшись с Декстером. В этом трудном и щекотливом деле я не могу и не хочу брать на себя ответственность. Вы должны сами решить. Я же прошу у вас одной милости, сообщите мне, на что вы решитесь».

То, что казалось величайшей трудностью для моего почтенного корреспондента, вовсе не представлялось мне препятствием. Мой ум вовсе не так был настроен, и, прежде чем успела окончить письмо, я уже решила повидаться с Декстером.

На другой день отходила почта во Францию, было свободное место рядом с кондуктором. Ни с кем не посоветовавшись, по обыкновению своему быстро, очертя голову, я заняла это место.

Глава XVII. НА ОБРАТНОМ ПУТИ

Если бы я путешествовала в своем собственном экипаже, последующие главы, вероятно, не были бы написаны: после какого-нибудь часа пути я вернулась бы назад.

Кто может быть постоянно тверд? Задавая этот вопрос, я обращаюсь к женщинам, а не к мужчинам. Я быстро приняла решение, несмотря на сомнения и предостережения мистера Плеймора, несмотря на влияние моей свекрови, и заняла место в почтовом экипаже, отправляющемся во Франсино. Не прошло десяти минут после того, как мы отъехали из гостиницы, и мужество изменило мне. Тогда я сказала себе: «Несчастливая, ты бросила своего мужа». В продолжение нескольких часов я готова была бы отдать все на свете, чтобы остановить экипаж. Я ненавидела кондуктора, добрейшего человека. Я ненавидела маленьких испанских лошадок, везших нас и весело звеневших своими бубенчиками. Я ненавидела светлый день, так оживлявший все в природе, и животворный воздух, которым я дышала. Никогда не испытывала я такого мучительного путешествия, как эта спокойная и безопасная поездка к границе. В сердечном горе моем было у меня одно утешение — это похищенная мною прядь волос Юстаса. Мы отправились в предрассветный час, когда он спал еще крепким сном. Я прокралась в его комнату, поцеловала его, вдоволь наплакалась над ним и отрезала у него прядь волос, не боясь быть замеченной. Как у меня хватило духу расстаться с ним тогда, я и сама не знаю. Помнится мне, что свекровь моя помогала мне в том совершенно бессознательно. Она вошла в комнату, твердая, холодная, и надменно сказала мне: «Если вы решились ехать, Валерия, то экипаж готов». При таких обстоятельствах поступила бы так же каждая женщина с характером, как я. Я решилась — и уехала.

И потом я же сожалела о том! Бедное создание — человек!

Время, как известно, великий целитель всяких печалей и скорбей. Но, по моему мнению, ему приписывают уж слишком много чести в этом деле. Пространство и перемена впечатлений гораздо полезнее и действеннее в этом случае. На железной дороге к Парижу я была уже в состоянии проанализировать свое положение. Я теперь сознавала, что уверенность моей свекрови могла быть ошибочна насчет приема, который бы оказал мне муж мой после первой вспышки изумления и радости. Предположим, что я рисковала, возвращалась к Мизеримусу Декстеру, но разве не было бы опрометчиво и безрассудно с моей стороны явиться незваной к мужу, который объявил, что супружеское счастье для нас невозможно и семейная жизнь наша кончена. К тому же кто мог знать, что будущее не оправдывает меня не только перед собой, но и перед ним. Может быть, я со временем услышу от него: «Она занималась расследованиями, до которых ей не было никакого дела; она была упрямая и не слушала никаких доводов; она бросила меня, когда другая женщина не сделала бы этого, но она все это загладила и доказала, что она была права».

Я прибыла в Париж через день и написала оттуда три письма: одно к Бенджамину, которого уведомляла, что приеду на следующий день вечером, другое — к Плеймору, желая вовремя дать ему знать, что решилась сделать последнюю попытку проникнуть в гленинчскую тайну; третье — к Юстасу, очень короткое. Я признавалась ему, что ухаживала за ним все это время, пока он был в опасности, объясняла ему причину, заставившую меня его покинуть, и умоляла не думать обо мне дурно, пока время не докажет ему, что я любила его нежно и горячо. Это письмо я вложила в другое, адресованное к моей свекрови, ей предоставляла я отдать его сыну, когда она найдет это своевременным. Я положительно запрещала ей сообщать Юстасу о новых узах, соединявших меня с ним. Хотя он сам бросил меня, я не хотела, чтобы он услышал эту весть из чужих уст. Почему? Есть вещи, о которых я позволяю себе умалчивать, и эта принадлежит к числу их.

Написав письмо, я исполнила свой долг.

Теперь я была совершенно свободна поставить последнюю карту в своей игре — в темном сомнительном деле, в котором шансы были одинаковы, как против меня, так и за меня.

Глава XVIII. ПО ДОРОГЕ К ДЕКСТЕРУ

— Клянусь небом, Валерия, сумасшествие этого чудовища заразительно, и вы подверглись этому бедствию, — заявил Бенджамин, когда я, возвратившись к нему в дом, сообщила ему о своем намерении посетить Декстера.

Решившись добиться своего, я старалась воздействовать нежными убеждениями и умоляла доброго моего друга иметь терпение.

— Помните, что я уже говорила вам, как для меня важно увидеться с Декстером еще раз? — прибавила я.

Я только подлила масла в огонь.

— Увидеться с ним еще раз? — вскричал он в негодовании. — Увидеться после того, как он оскорбил вас под моей кровлей, в этой самой комнате! Не может быть, чтобы я слышал это наяву!

Я поступила несправедливо, я знаю, но негодование Бенджамина было так велико, что возбудило во мне непреодолимое желание подразнить старика, высказав чересчур снисходительный взгляд на это дело.

— Полноте, друг мой, не волнуйтесь! — сказала я. — Мы должны быть снисходительны к человеку, который ведет такую жизнь и подвержен таким страданиям, как Декстер, и скромность никогда не должна переходить за границы благоразумия. Я начинаю думать, что я чересчур строго отнеслась тогда к нему. Женщину, уважающую себя и любящую своего мужа, не должна оскорблять глупая выходка несчастного уроды, вздумавшего обнять ее. Не следует приходить в такое негодование из-за таких пустяков. К тому же я простила его, и вы должны сделать то же. Нечего бояться повторения подобной сцены, если вы будете со мною. Его дом настоящая диковинка; я уверена, что он вас заинтересует, одни картины стоят того, чтобы их съездить посмотреть. Я напишу ему сегодня, а завтра мы поедем к нему. Мы должны сделать этот визит для себя самих, если не для мистера Декстера. Бенджамин, вы увидите, что снисхождение друг к другу — величайшая добродетель настоящего времени. Бедный Декстер имеет право воспользоваться настроением. Полноте, полноте! Пойдемте вместе с веком! Примиритесь с новыми идеями!

Вместо того чтобы принять добрый совет, Бенджамин накинудся на наш век, как бык на красную тряпку.

— Ох, эти новые идеи! — возмущался он. — Будем держаться новых идей, Валерия. Старая нравственность нехороша, старые понятия отжили. Пойдем вместе с веком, в нем все хорошо. Жена в Англии, муж в Испании, обвенчаться и не венчаться, жить вместе или врозь — это все равно для новых идей. Я пойду с вами, Валерия, я буду достоин нового поколения. Если мы простили Декстера, то не стоит делать дело наполовину. Я пойду с вами, я готов! И чем скорей, тем лучше. Поедемте к Декстеру, поедемте!

— Я очень рада, что вы согласны со мной, — сказала я, — но к чему спешить! Мы можем отправиться завтра в три часа. Я напишу ему о нашем намерении посетить его. Куда же вы?

— Я хочу немного развлечь свои мысли, — ответил он угрюмо, — и иду в библиотеку.

— Что вы будете читать?

— *Кота в сапогах* или что-нибудь подобное, что не идет об руку с веком.

С этой насмешкой над новыми идеями мой старый друг вышел из комнаты.

Отправив мою записку и предавшись размышлениям, я почувствовала беспокойство по поводу состояния здоровья Декстера. Как-то он провел время моего отсутствия в Англии? Не может ли кто-нибудь сообщить мне сведения о нем? Спрашивать Бенджамина значило бы вызвать новую вспышку. Пока я таким образом размышляла, в комнату вошла экономка, и я спросила ее, не слыхала ли она чего-нибудь о странном человеке, так сильно ее напугавшем.

Она покачала головой с таким видом, точно находила неприличным говорить об этом человеке.

— Неделю спустя после вашего отъезда, сударыня, — сказала она чрезвычайно

серьезно и тщательно подбирая выражения, — этот господин имел наглость прислать вам письмо. По приказанию своего господина я объявила посыльному, что вы уехали за границу и чтобы он убирался вместе со своим письмом. Вскоре после того мне случилось пить чай у экономки мистрис Маколан и слышать об этом господине. Он сам приезжал в кабриолете к мистрис Маколан, чтобы справиться о вас. Как мог он без ног сидеть в экипаже и сохранять равновесие, это для меня совершенно непонятно, но дело не в том. Экономка, увидев его, говорит, как и я, что никогда его не забудет. Она сказала ему, оправившись несколько от страха, что вы и мистрис Маколан поехали ухаживать за больным. Он уехал назад, как говорила экономка, со слезами на глазах и проклятием на устах. Страшно было смотреть на него. Вот все, что я слышала о нем, сударыня, и надеюсь, что вы извините меня, если я осмелюсь сказать вам, что этот предмет (по уважительным причинам) очень для меня неприятен.

И, церемонно присев передо мной, она вышла из комнаты.

Оставшись одна, я еще сильнее забеспокоилась, думая о предстоящей мне завтра встрече. Как бы ни были преувеличены описания экономки, все же можно было сделать вывод, что Декстер не очень-то терпеливо переносил мое продолжительное отсутствие и не давал успокоиться своей нервной системе.

На следующее утро я получила ответ мистера Плеймора на мое письмо из Парижа.

Он писал кратко, не одобрял и не порицал моей решимости, но настаивал на том, чтобы я выбрала себе компетентного свидетеля, отправляясь на свидание с Декстером. Самой интересной частью письма был его конец.

«Вы должны подготовиться к тому, что мистер Декстер изменился к худшему, — писал мистер Плеймор. — Один из моих друзей посетил его на днях по делу и был поражен происшедшей в нем переменой. Ваше присутствие так или иначе произведет на него свое действие. Советов в этом отношении я не могу никаких дать вам, все будет зависеть от обстоятельств, и вы должны будете ими воспользоваться. Ваш собственный такт покажет вам, что будет благоразумнее — перевести разговор на первую жену Юстаса или нет. Все шансы на то, что он выдаст себя, сосредоточиваются на этой теме разговора, а потому старайтесь поддерживать ее, насколько возможно».

Внизу был постскриптум:

«Спросите у мистера Бенджамина, не слышал ли он через двери библиотеки, как мистер Декстер рассказывал вам о своем посещении мистрис Маколан в ночь ее смерти».

Я обратилась с этим вопросом к Бенджамину во время завтрака перед нашей поездкой к Декстеру. Мой старый друг все так же горячо возражал против этого свидания и отвечал необычайно серьезно и сухо:

— Я не имею обыкновения подслушивать у дверей, но у некоторых людей голос бывает звонок и слышен издали. У Декстера такой голос.

— Означает ли это, что вы слышали его слова? — спросила я.

— Ни стена, ни дверь не могли заглушить его голоса, — продолжал Бенджамин, — и я слышал его гнусные слова. Да!

— Теперь я попрошу вас не только слушать, но и записывать все, что мистер Декстер будет говорить мне. Вы, кажется, привыкли писать под диктовку моего отца. Нет ли у вас маленькой записной книжечки?

Бенджамин поднял на меня глаза с величайшим удивлением.

— Одно дело писать письма под диктовку известного коммерсанта, от слова которого зависит перемещение больших капиталов из одних рук в другие, и совсем другое записывать нелепости чудовища, которого следовало бы посадить в клетку. Ваш добрый отец, Валерия,

никогда не потребовал бы от меня этого.

— Простите меня, Бенджамин, но я вынуждена была просить вас об этом. Это идея мистера Плеймора, не моя, заметьте это. Сделайте это, друг мой, ради меня.

Бенджамин обратил глаза свои на тарелку с покорным видом, который убедил, что я одержала победу.

— Всю жизнь плясал я под ее дудку, — пробормотал он, — теперь уж поздно, не освободиться от нее. — И он снова взглянул на меня. — Я думал, что удалился от дел, — сказал он, — а теперь оказывается, что я должен снова обратиться в писца. Итак, что вы от меня требуете?

В эту минуту пришли доложить, что кеб ожидает нас у подъезда. Я встала и, взяв его за руку, поцеловала его в старую румяную щеку.

— Во-первых, вам нужно будет сесть за креслом Декстера так, чтобы он не мог вас видеть, а меня бы вы видели.

— Чем меньше буду я видеть Декстера, тем лучше, — проворчал Бенджамин. — Что же должен я делать, разместившись таким образом?

— Вы должны будете ждать, пока я сделаю вам знак, и потом тотчас начать записывать в книжку слова Декстера и писать до тех пор, пока я не сделаю знак перестать.

— Хорошо, — сказал Бенджамин. — По какому же знаку я должен буду начинать, и по какому — кончать?

Я к этому вопросу не была подготовлена и просила его помочь мне в этом. Но нет! Он не хотел принимать никакого деятельного участия в этом деле и соглашался быть только пассивным орудием; этим все его уступки должны были ограничиться.

Предоставленная самой себе, я с трудом придумала телеграфную систему, которая приводила Бенджамин в действие, не возбуждая подозрений Декстера. Я посмотрелась в зеркало, и серьги мои навели меня на счастливую мысль.

— Я буду сидеть в кресле. Когда вы увидите, что я, облокотившись на ручку кресла, буду играть сережкой, вы должны записывать, когда же двину кресло, значит нужно перестать. Вы меня поняли?

— Понял.

Мы подъезжали к дому Декстера.

Глава XIX. НЕМЕЗИДА

Садовник отворил нам калитку; он, как видно, получил приказания относительно моего приезда.

— Мистрис Валерия? — спросил он.

— Да.

— И ваш друг?

— Да.

— Пожалуйте наверх. Вы знаете расположение дома.

Проходя через прихожую, я остановилась и, заметив в руках Бенджамин его любимую трость, сказала:

— Зачем вам брать с собой палку, не лучше ли оставить ее здесь?

— Палка моя может быть мне полезна наверху, — резко возразил Бенджамин. — Я не забыл случая в библиотеке.

Не время было спорить с ним. Я стала подниматься по лестнице.

Достигнув верхней площадки, я вздрогнула, услышав какой-то странный вопль, раздававшийся в соседней комнате. В этом вопле выражалось страдание, и он повторился два раза, прежде чем мы вошли в круглую комнату. Я первая подошла к внутренней комнате и

увидела разностороннего Мизеримуса Декстера еще с новой стороны.

Несчастливая Ариель стояла перед столом, на котором было блюдо с маленькими пирожками. Кисти ее рук были крепко обвязаны веревками, свободные концы которых, длиною в несколько ярдов, держал Декстер. «Попробуй еще раз, красавица, — говорил он в то время, как я стояла в дверях, — возьми пирожок». При этом приказании Ариель покорно протягивала руки к блюду. Едва они успевали коснуться пирожка, как он с силой дергал веревку. Эта дьявольская жестокость до того возмутила меня, что я готова была вырвать у Бенджамина палку и сломать ее об Декстера. Ариель молча, по-спартански, переносила пытку. Она первая увидела меня, стиснула зубы, покраснела от боли, но сдержалась и даже не застонала.

— Бросьте веревку! — закричала я в негодовании. — Отпустите ее, мистер Декстер, или я сейчас же оставлю этот дом.

При звуке моего голоса он вскрикнул от радости, глаза его устремились на меня с бешеным восторгом.

— Пожалуйста! Пожалуйста! — воскликнул он. — Полюбуйтесь, чем я занимаюсь в безумные минуты ожидания, как убиваю время в разлуке с вами. Пожалуйста! Я в самом скверном, самом злом расположении духа сегодня, а виной тому нетерпеливое ожидание увидеть вас, мистрис Валерия. Когда я бываю в таком настроении, мне непременно нужно мучить кого-нибудь. И вот я мучил Ариель! Посмотрите на нее. Она еще ничего не ела сегодня и настолько неловка, что никак не может схватить пирожок. Ее нечего жалеть, у нее нет нервов, и я не делал ей больно.

— У Ариели нет нервов, — сказала несчастное создание, сердясь на меня за вмешательство в ее и господина дело, — и ей вовсе не больно.

Я слышала, как Бенджамин размахивал своей тросточкой позади меня.

— Бросьте веревку, — повторила я в сердцах, — или я сию же минуту уйду от вас.

Нежные нервы Декстера затрепетали от моего гнева.

— Какой дивный голос! — воскликнул он и бросил веревку. — Возьми пирожок, — прибавил он повелительным тоном, обращаясь к Ариели.

Она прошла мимо меня с веревками на руках и блюдом пирожков в руках. Недоверчиво кивнув мне головой, она с гордостью повторила:

— У Ариели нет нервов, ей не больно.

— Вы видите, — сказал Мизеримус Декстер, — я не причинил ей никакого вреда и бросил веревку, как только вы приказали. Так не будьте же суровы со мной после вашего долгого отсутствия, мистрис Валерия.

Он замолчал, Бенджамин, молча стоявший в дверях, привлек его внимание.

— Кто это? — поинтересовался он, направляя свое кресло к дверям. — Ах, знаю! — воскликнул он прежде, чем я успела ответить. — Это благодетельный человек, прибежище страждущих. Вы изменились к худшему с тех пор, как я видел вас, сударь. Вы приняли совершенно другой облик, вы олицетворяете карающее правосудие. Это ваш новый покровитель, мистрис Валерия, понимаю! — И, низко кланяясь Бенджамину, он иронически сказал: — Ваш покорнейший слуга, господин карающее правосудие! Я заслужил это и покоряюсь. Я постараюсь сделать вашу должность синекурою. Эта леди — свет моей жизни. Уличите меня в неуважении к ней, если это вам удастся. — Он отодвинулся от Бенджамина, который слушал его с презрительным молчанием, и направился в мою сторону. — Вашу ручку, свет моей жизни, — сказал он своим мягким тоном, — вашу ручку в доказательство того, что вы меня простили. Позвольте поцеловать один раз, только один раз, — прибавил он умоляющим голосом.

Я подала ему руку, он почтительно поцеловал ее один раз и опустил с тяжелым вздохом.

— Ах, бедный Декстер, — прибавил он, с чистосердечным эгоизмом жалея себя, — горячее твое сердце изнывает в одиночестве, издевается над твоим уродством. Грустно, грустно! Бедный Декстер! — Потом, взглянув на Бенджамина, он продолжал ироническим

тоном: — Какая прекрасная погода, сударь! Особенно после таких продолжительных дождей. Не угодно ли вам чего-нибудь? Присядьте, пожалуйста. Карающему правосудию, если оно не больше вас, приличнее всего сидеть на стуле.

— А обезьяне приличнее всего сидеть в клетке, — отрезал Бенджамин, взбешенный насмешливым замечанием насчет его небольшого роста.

Тирада эта не произвела никакого воздействия на Декстера, он как будто не слышал ее. В нем снова произошла перемена, он стал задумчив, тих, глаза его остановились на мне с грустным выражением. Я села в первое попавшееся кресло и сделала Бенджамину знак, который он тотчас же понял. Он разместился позади Декстера так, что мог постоянно видеть меня. Ариель молча пожирала пирожки, сидя на скамейке у ног своего господина, и глядела на него, как верная собака. Наступило минутное молчание, и я только теперь могла хорошенько рассмотреть Декстера.

Меня не столько удивила, сколько испугала перемена, происшедшая в нем со времени нашего последнего свидания. Письмо мистера Плеймора не подготовило меня к такой резкой перемене.

Лицо его как бы сузилось, осунулось и сделалось как будто меньше, нежная мягкость взгляда исчезла, в глазах появились красные кровяные жилки, взгляд стал жалобный и бессмысленный. Его сильные руки казались истощенными и дрожали, лежа на одеяле. Бледность его лица, может быть, еще более подчеркнутая черной бархатной курткой, имела зеленоватый болезненный оттенок. Морщины у глаз сделались глубже. Голова утопала в плечах, когда он откидывался на спинку кресла. Казалось, не месяцы, а годы пронесли над ним за время моего отсутствия в Англии. Вспомнив медицинское свидетельство, которое показывал мне мистер Плеймор, и твердое убеждение доктора, что сохранение рассудка Декстера зависит от состояния его здоровья и нервов, я почувствовала, что разумно поступила (если только можно рассчитывать на успех), поспешив из Испании. Зная то, что я знала, и опасаясь того, чего я опасалась, я ясно видела, что близок конец. Я почувствовала, случайно встретившись с ним глазами, что передо мною погибший человек.

Мне стало жаль его. И это сожаление не имело ничего общего с целью, приведшей меня в его дом. Оно нисколько не соответствовало подозрению, которое мистер Плеймор посеял в уме моем в связи со смертью первой жены Юстаса. Я знала, что Декстер жесток, коварен, но мне теперь было жаль его! Ведь во всех людях есть дурные свойства. Развитие или отмирание их зависит порой от случая. И мне в эту минуту было жаль Мизеримуса Декстера, и он это заметил.

— Благодарю вас, — сказал он вдруг. — Вы видите, что я болен, и вам жаль меня, дорогая и добрая Валерия!

— Эту леди, сударь, зовут мистрис Юстас Маколан, — прервал Бенджамин строгим тоном. — Обращаясь к ней, не забывайте, что так должны называть ее.

Это замечание Бенджамина оказалось также незамеченным, как и первое. Повидимому, Декстер совершенно забыл о присутствии в комнате третьего лица.

— Вы оживили меня своим посещением, — продолжал он. — Доставьте мне наслаждение послушать ваш прелестный голос. Поговорите со мною о себе, расскажите, что вы делали по отъезде из Англии.

Так как необходимо было начать с ним разговор, то я рассказала ему о том, что делала за границей.

— Так вы все еще любите Юстаса? — спросил он с горечью.

— Люблю еще более прежнего.

Он закрыл лицо руками и, помолчав с минуту, продолжал глухим голосом:

— Вы оставили Юстаса в Испании и вернулись в Англию. Для чего это?

— Для того же, для чего я явилась к вам и просила вашей помощи.

Он отнял руки от лица и посмотрел на меня. Я увидела в глазах его не только удивление, но и тревогу.

— Возможно ли? — воскликнул он. — Вы все еще не отказались от своего намерения?

Все еще хотите раскрыть гленинчскую тайну?

— Я твердо решила на это, мистер Декстер, и все еще надеюсь, что вы мне поможете. Прежнее недоверие омрачило лицо его при этих словах.

— Чем могу я вам помочь? — спросил он. — Разве я могу изменить факты?

Он замолчал, и вдруг лицо его словно озарилось новой мыслью.

— Я старался помочь вам, — начал он. — Я говорил вам, что поездка мистрис Бьюли в Эдинбург была только уловкой, что яд могла всыпать горничная. Размышление, может быть, убедило вас в справедливости моих слов? Не так ли?

Это упоминание о мистрис Бьюли дало мне возможность направить разговор на желаемую тему.

— Нет, ваша версия мне кажется необоснованной, — отвечала я. — Я не вижу здесь побудительных причин. Разве могла горничная быть врагом мистрис Юстас?

— Ни у кого не могло быть причин быть врагом мистрис Юстас! — ответил он громко и с жаром. — Она была олицетворением доброты и никогда никому не сделала зла ни словом, ни делом. Она была святая. Чтите ее память и оставьте мученицу мирно покоиться в могиле!

Он снова закрыл лицо руками и задрожал от волнения.

Вдруг Ариель поднялась со своего места и приблизилась ко мне.

— У меня десять ногтей, — прошептала она, показывая свои руки. — Если вы еще раз рассердите моего господина, я вцеплюсь вам в горло.

Бенджамин вскочил, он видел движение Ариели, но не расслышал ее слов. Я сделала ему знак остаться на месте. Ариель вернулась к своей скамейке и уставилась на своего господина.

— Не плачьте, — сказала она ему, — вот веревки, помучайте меня. Заставьте меня кричать от боли.

Декстер не отвечал и не шевелился.

Ариель употребила все усилия, чтобы привлечь к себе его внимание. Вдруг она радостно захлопала руками, у нее промелькнула какая-то идея.

— Господин! — обратилась она к Декстеру. — Вы так давно не рассказывали историй. Поставьте в тупик мою голову, заставьте дрожать от страха. Расскажите хорошую длинную историю, полную крови и преступлений.

Случайная ее просьба не заставит ли разыграть его свирепые фантазии? Я знала, что он очень высокого мнения о своем искусстве рассказывать драматические истории. Я знала, что одним из его любимых занятий было приводить в тупик Ариель, рассказывая ей истории, которых она не понимала. Ударится ли он теперь в область дикого романа или вспомнит, что моя настойчивость грозит ему исследованием гленинчской трагедии? Не применит ли он новой хитрости, чтобы сбить меня с толку? Я ожидала последнего, но, к величайшему моему удивлению и беспокойству, ожидания мои не оправдались. Ариели удалось отвлечь его мысли от предмета, на котором они были сосредоточены. Он открыл лицо, на котором появилась самодовольная улыбка. Ариель затронула его самолюбие. Мною овладел страх при мысли, не слишком ли поздно я приехала, мороз пробежал по моему телу.

Декстер заговорил, но обращаясь к Ариели, а не ко мне.

— Бедное создание! — сказал он, весело потрепав ее по голове. — Ты ведь ни слова не понимаешь из моих историй. Однако я умею заставить дрожать твое большое, неуклюжее тело и заинтересовать твой неподвижный, тупой ум. Бедное создание!

Он весело откинулся в кресле и взглянул на меня. Неужели мое лицо не напомнит ему того, что минуту назад произошло между нами? Нет! Он смотрел на меня с той же самодовольной улыбкой, с какой смотрел перед этим на Ариель.

— Я очень искусен в драматических рассказах, мистрис Валерия, — сказал он. — И это несчастное создание тому убедительное доказательство. Она может служить предметом психологических исследований, когда я рассказываю ей свои истории. Забавно видеть, как это бессмысленное существо делает отчаянные усилия, чтобы понять меня. Мы поставим

сейчас опыт. Я совсем сходил с ума во время вашего отсутствия и уже несколько недель не рассказывал ей историй. Я сейчас расскажу одну из них. Не подумайте, что это составит для меня труд, мое воображение неисчерпаемо. Хотя вы по природе очень серьезны, я уверен, что это вас позабавит. У меня характер тоже серьезный, но я всегда смеюсь, глядя на нее.

Ариель захлопала своими громадными руками.

— Он всегда смеется, глядя на меня, — сказала она с гордостью, взглянув на меня.

Я решительно не знала, как мне поступить. Вспышка, вызванная упоминанием о мистрис Юстас, заставляла меня быть осторожной и выжидать случая для возобновления этого разговора. С чего надо было начать разговор, чтобы мало-помалу заставить его проговориться и открыть тайну, тщательно им скрываемую? При таком неопределенном положении что оставалось делать? Дать ему рассказать сказку значило попусту терять драгоценное время. Несмотря на десять ногтей Ариели, я решила помешать Декстеру рассказывать и воспользоваться первым удобным случаем для своих целей.

— Итак, мистрис Валерия, — начал он громко и с гордым видом, — слушайте. Теперь, Ариель, шевели своими мозгами. Я буду импровизировать поэму и роман. Начнем, как обыкновенно начинаются сказки. Жили да были...

Я ждала только случая, чтобы прервать его, как он вдруг сам остановился, как-то растерянно осмотрелся, провел рукой по лбу и слегка засмеялся.

— Мне, кажется, нужно подкрепиться, — сказал он.

Неужели он сошел с ума? Но незаметно было никаких признаков, не слишком ли уж я возбудила в нем воспоминания о смерти мистрис Маколан? Слабость, о которой я уже упоминала, и растерянность, которую я только что отметила, не были ли предзнаменованием и предостережением как для него так и для нас? Скоро ли он придет в себя, если мы будем терпеливы и дадим ему время? Бенджамин заинтересовался происходившим и поглядывал на Декстера из-за кресла. Ариель была удивлена и до того встревожена, что забыла о моем присутствии.

Мы все напряженно ожидали, что он скажет и сделает.

— Мою арфу! — приказал он. — Музыка восстанавливает мои силы.

Ариель принесла ему арфу.

— Господин! — сказала она с тревогой. — Что с вами?

Он повелительно махнул рукой, чтобы она замолчала.

— Ода к сочинителю, — возвестил он торжественно, обращаясь ко мне. — Стихи и музыка импровизированы Декстером. Тишина и внимание!

Пальцы его медленно перебирали струны арфы, но мы не слышали ни мелодии, ни слов. Через минуту его рука ослабела, голова опустилась на арфу. Я вскочила и подошла к нему. Заснул он или в обмороке?

Я дотронулась до его руки и назвала по имени.

Ариель тотчас же встала между нами и устремила на меня грозный взор. В ту же минуту Мизеримус Декстер поднял голову. Он услышал мой голос и устремил на меня такой странный, задумчиво спокойный взгляд, какого я никогда еще не видала у него.

— Унеси арфу, — сказал он Ариели томным голосом, как человек слабый, утомленный.

Злое, полоумное создание по глупости или по злобе на меня снова раздражило его.

— Зачем? — спросила она, остановившись перед ним и держа арфу в руке. — Что с вами? Почему не рассказываете вы историю?

— Нам не нужна никакой истории! — прервала я ее. — Мне нужно поговорить о деле с мистером Декстером.

Ариель подняла свою тяжелую руку и, подойдя ко мне, повторила:

— Вам нужно говорить с ним?

В ту же минуту голос господина остановил ее.

— Неси прочь арфу, дура! — закричал он сердито. — И жди истории, когда мне вздумается ее рассказывать.

Она покорно взяла арфу и отнесла на другой конец комнаты. Декстер придвинулся со

своим креслом поближе ко мне.

— Я знаю, что может подкрепить меня, — сказал он конфиденциально, — это моцион, а я давно уже без движения. Подождите минуту, и вы увидите.

Он нажал пружину своего кресла и понесся по комнате. Но и в этом снова обнаружилась происшедшая в нем перемена. Кресло уже не носилось по-прежнему по комнате, а медленно двигалось на своих колесах. Он с трудом приводил его в действие, но вскоре остановился, совсем задыхаясь.

Мы следовали за ним: Ариель впереди, Бенджамин рядом со мной. Вдруг Декстер с нетерпением приказал им остановиться и сделал мне знак приблизиться к нему.

— Я отвык от движения, — тихо произнес он. — Мне сердце не позволяло весело носиться по комнате, пока вы были в отсутствии.

Кто не пожалел бы его? Кто вспомнил бы в эту минуту о его дурных делах? Даже Ариель почувствовала это. Я слышала, что Ариель начала плакать и стонать. Чародей, который мог пробуждать ее дремавшие чувства, подействовал на нее своим пренебрежением. Она снова жалобным тоном, со слезами стала приставать к нему:

— Что с вами, господин? Вы забыли меня. А где же ваша история?

— Не слушайте ее, — сказала я ему шепотом. — Вам нужен свежий воздух. Пошлите за садовником, и поедemте кататься в кабриолете.

Но все мои усилия были напрасны. Она продолжала повторять свои жалобные вопли:

— Расскажите же историю, расскажите!

Упавший дух в нем снова оживился.

— Дьявол! — вскричал он, поворачиваясь к ней лицом. — Будет тебе сказка. Я могу рассказать ее тебе, хорошо, я расскажу. Вина! Чего вопишь, идиотка? Поддай вина! Как это я прежде не подумал о том? Царственного бургундского! Вот что было нужно мне, мистрис Валерия, чтобы подкрепить мои силы и разгорячить воображение! Дай всем бокалы! Честь и слава царю всех вин, царю «Кло-де-Вужо»!

Ариель отворила шкаф в алькове и достала вино и бокалы. Декстер налил бургундского полные бокалы и потребовал, чтобы мы выпили с ним. Мы сделали вид, что пьем, а Ариель вместе со своим господином залпом опустошила свой бокал. Крепкое вино тотчас же ударило ей в голову. Она хриплым голосом затянула песню собственного сочинения, в подражание Декстеру. Но это было только механическое повторение одного и того же: «Расскажи сказку, господин, расскажи сказку!»

Выпив бокал, Декстер стал молча наливать второй, Бенджамин шепотом уговаривал меня уехать.

— Послушайте меня хоть раз, Валерия, уедемте.

— Еще одна, последняя попытка, — отвечала я также шепотом. — Подождите.

Ариель продолжала сонным голосом тянуть все те же слова.

Декстер поднял голову. Благодетельный напиток произвел свое действие. Лицо его оживилось румянцем, в глазах засверкала мысль. Бургундское воодушевило его. Доброе вино оказало мне последнюю услугу.

— Теперь я расскажу сказку, — вскричал он.

— Не надо сказку, — сказала я. — Я хочу говорить с вами, мистер Декстер. Я совсем не расположена слушать сказки.

— Не расположена, — повторил он, и ироническая улыбка снова появилась на его лице. — Это предлог, я понимаю, в чем дело. Вы полагаете, что мое воображение истощилось, и вы так откровенны, что выказываете это. Я докажу, что это несправедливо, что я все тот же Декстер. Замолчи, Ариель, или я тебя выгоню. Вот и сказка готова, мистрис Валерия, все сцены и характеры, все здесь. — И он, указав на голову, взглянул на меня с хитрой улыбкой на устах. — Она заинтересует вас, мой прекрасный друг. Это сказка о госпоже и ее горничной. Садитесь ближе к огню и слушайте.

Сказка о госпоже и служанке! Не намеревается ли он таким образом рассказать мне историю мистрис Бьюли и ее служанки?

Название сказки и взгляд, брошенный на меня, воскресили во мне почти исчезнувшую надежду. Наконец он пришел в себя, и к нему возвратилась свойственная ему осторожность и хитрость. Под предлогом рассказать Ариели сказку он, очевидно, хотел вторично сбить меня с толку. Выражаясь его собственными словами, Декстер был все тем же Декстером, что и прежде.

Я взяла Бенджамина за руку, и мы последовали за ним к камину.

— Есть еще надежда на успех, — шепнула я ему, — не забудьте условленный знак.

Мы снова заняли наши прежние места. Ариель опять бросила на меня грозный взор. Несмотря на действие вина, у нее еще оставалось довольно разума, чтобы держаться настороже против моей попытки прервать сказку. Но теперь я сама всячески заботилась о том, чтобы этого не случилось. Я не менее Ариели горела желанием услышать его сказку. Сюжет ее мог служить ловушкой для самого рассказчика. В возбужденном состоянии Декстер мог ежеминутно забыть, рассказать вместо придуманной ситуации действительную, мог в любую минуту выдать себя. Он осмотрелся и начал:

— Расселась ли публика по местам? Готова ли она слушать меня? Повернитесь ко мне лицом, — прибавил он своим мягким нежным тоном, обращаясь ко мне. — Я прошу не слишком многого? Вы смотрите на самое ничтожное творение, ползающее по земле, посмотрите и на меня. Дайте мне почерпнуть вдохновение в ваших глазах, дайте мне насытиться лицемерием вас, одарите улыбкой сожаления человека, счастье которого вы нарушили. Благодарю вас, свет моей жизни, благодарю.

Он послал мне воздушный поцелуй и откинулся на спинку кресла.

— Теперь примемся за сказку, — продолжал он. — В какой форме рассказать ее? Разве в драматической? Это самая древняя, самая лучшая и кратчайшая форма. Во-первых, нужно дать название самое короткое: «Госпожа и служанка». Действие происходит в романтической стране — Италии; время — романтическое XV столетие. Э, посмотрите на Ариель! Она о пятнадцатом столетии знает столько же, сколько кошка на кухне, а между тем она уже заинтересована. Счастливая Ариель!

Ариель посмотрела на меня в двойном упоении, от вина и торжества.

— Я знаю не больше кошки на кухне, — повторила она с гордостью. — Я счастливая Ариель, а вы?

Мизеримус расхохотался:

— Не говорил ли я вам, что она забавна? Действующие лица драмы, — продолжал он, — это: Анжелика — благородная леди, благородная по рождению и по духу; Кунигунда — прелестный дьявол в женском облике; Деморида — ее несчастная служанка. Сцена первая: мрачная комната со сводами в замке, вечер, совы кричат в лесу, лягушки квакают в болоте. Посмотрите на Ариель. Она дрожит. Чудная Ариель!

Моя соперница бросила на меня вызывающий взор и сонным голосом повторила:

— Чудная Ариель!

Декстер поднес к губам свой бокал с бургундским, который стоял у него на маленьком складном столике, приделанном к креслу. Я внимательно наблюдала за ним, он только немного отхлебнул вина. Румянец выступил у него на щеках, глаза засветились неестественным блеском. Поставив бокал, он с наслаждением зачмокал губами и продолжал:

— Действующие лица в комнате со сводами: Кунигунда и Деморида. Кунигунда говорит: — Деморида! — Что угодно, сударыня? — Кто лежит больная в соседней комнате? — Благородная леди, Анжелика. — Молчание, потом снова говорит Кунигунда: — Деморида! — Сударыня! — Как обходится с тобой Анжелика? — Благородная леди добра и ласкова ко всем окружающим и так же добра ко мне. — Ухаживала ты за нею, Деморида? — Иногда, сударыня, когда сиделка бывала очень утомлена. — Принимала она лекарство у тебя из рук? — Случалось раз или два. — Деморида, возьми этот ключ и отопри шкатулку на том столе. (Деморида исполняет приказание.) — Видишь там зеленый флакончик? — Вижу, сударыня. — Вынь его. (Деморида повинуется.) — Ты видишь жидкость, которая в нем находится? Знаешь, что это такое? — Нет, сударыня. — Хочешь знать? (Деморида

почтительно кланяется.) — В этом флакончике яд. (Деморида вздрагивает и хочет положить его назад. Госпожа делает ей знак, чтобы она оставила его у себя.) — Деморида, я открыла тебе одну из своих тайн, — говорит она, — сказать ли тебе другую? (Деморида в страхе ожидает, что будет далее.) Ее госпожа говорит: — Я ненавижу леди Анжелику. Она стоит между мной и радостью моей жизни. Ты держишь ее жизнь в своих руках. (Деморида упала на колени, она женщина благородная). — Перекрестившись, она сказала:— Сударыня, вы пугаете меня, я в ужасе, верить ли мне тому, что я слышу? — Кунигунда подходит к ней и, устремляя на нее устрашающий взор, шепотом говорит: — Деморида! Леди Анжелика должна умереть так, чтобы никто не мог подозревать меня. Она должна умереть от твоей руки.

Рассказчик остановился, взялся за бокал, но на этот раз выпил большой глоток.

Неужели силы снова изменяли ему? Я внимательно смотрела на него, когда он снова опустился в кресло. Румянец по-прежнему горел у него на лице, но глаза его были тусклы. Я заметила, что он стал говорить все медленнее и медленнее. Неужели воображение не действовало и вино не возбуждало его более?

Мы ждали. Ариель сидела с разинутым ртом, не спуская с него бессмысленного взора, Бенджамин невозмутимо ожидал сигнала, держа на коленях раскрытую записную книжку и прикрывая ее рукой.

Декстер продолжал:

— Деморида, услышав эти страшные слова, с умоляющим видом сложила руки. — О сударыня! Как могу я убить такую милую, благородную леди? Зачем ей причинять зло? Кунигунда отвечала: — Ты должна повиноваться мне. Деморида падает на пол, к ногам своей госпожи: — Сударыня, я не могу этого сделать! Кунигунда возражает: — Ты ничем тут не рискуешь, я знаю, как устроить, чтобы отвлечь все подозрения от тебя и от себя. Я сообщу тебе свой план. Деморида повторяет: — Нет, я не могу, я не смею! — Глаза Кунигунды сверкают гневом, она вынимает...

Декстер остановился на половине фразы и схватился рукою за голову. Он походил теперь не на страждущего человека, а на человека, потерявшего нить своих мыслей.

Не помочь ли мне ему найти эту нить? Или будет благоразумнее хранить молчание?

Я угадывала его намерение. Под видом итальянской сказки он хотел опровергнуть свою уверенность в невинности мистрис Бьюли и доказать, почему могла служанка совершить это преступление. Если б он сумел доказать эти мотивы, цель его была бы достигнута. Мое расследование, которое при случае могло бы обратиться прямо на него, было бы таким образом направлено на другую личность. Невинная горничная сосредоточила бы на себе мои подозрения, а Декстер благополучно остался бы в стороне.

Я решила предоставить его самому себе и не сказала ни слова.

Минуты шли за минутами. Я ждала в мучительной тревоге. Это был критический момент. Если бы ему удалось подобрать подходящий повод к преступлению горничной, он одним этим доказал бы, что вполне владеет своими умственными способностями. Но вопрос был в том, удастся ли ему.

Ему удалось! Правда, что придуманный повод был не новый и не особенно убедительный и стоил ему больших усилий. Но как бы то ни было, он нашел мотив для совершения убийства.

— Кунигунда, — продолжал он, — вынула из шкатулки сложенную бумажку и развернула ее. — Посмотри на это, — сказала она. Деморида взглянула и снова упала к ногам своей госпожи в ужасе и отчаянии. Кунигунда открыла позорную тайну из прошлого своей горничной. Она может сказать ей: — Выбирай одно из двух: или я открою твою тайну, которая обесчестит и тебя, и твоих родителей, или повинуйся мне. — Деморида покорилась бы бесчестью, если б оно касалось только ее одной, а не падало также на ее честных родителей. Ей остается только одно, она не может надеяться на пощаду со стороны Кунигунды и потому старается, по крайней мере, доказать ей, что к этому существуют серьезные преграды. — Сударыня! — вскричала она. — Как могу я сделать это, когда там

постоянно находится сиделка. — Кунигунда отвечала: — Сиделка временами спит, иногда выходит из комнаты. — Деморида продолжала настаивать: — Но дверь в спальню заперта, и ключ у сиделки.

Ключ! Я тотчас же вспомнила о пропавшем ключе. Он, как видно, сам вспомнил это и сожалел, что слова эти вырвались у него из уст. Я решила сделать Бенджамину знак, чтобы он писал. Я сидела, облокотившись на кресло, и стала играть своей сережкой. Бенджамин тотчас же взялся за карандаш и положил записную книжку так, чтобы Ариель не могла ее увидеть, если бы случайно взглянула в его сторону.

Мы ждали, когда заблагорассудится Декстеру продолжать. Молчание длилось довольно долго. Он опять провел рукою по лбу. Глаза его становились все более и более тусклыми. Вместо того чтобы продолжать рассказ, он вдруг обратился к нам с вопросом:

— На чем же я остановился?

Мои надежды так же быстро исчезли, как и возродились. Но я отвечала ему, не обнаружив этой перемены.

— Вы остановились, — сказала я, — как Деморида говорила Кунигунде...

— Да, да! — прервал он меня, — но что она говорила?

— Она говорила, что дверь в спальню заперта и ключ у сиделки.

— Нет, — вскричал он порывисто, — это неправда. Я ничего не говорил о ключе.

— Мне показалось, что вы это сказали, мистер Декстер.

— Никогда я этого не говорил, я сказал что-то другое, а вы забыли.

Спорить с ним я не решилась, боясь последствий. Мы ждали молча. Бенджамин, повинаясь моему капризу, записал слова, которыми мы обменялись с Декстером. Он машинально держал в руке карандаш, готовый продолжать свое дело. Ариель, поддавшаяся усыпительному действию вина, пока голос Декстера раздавался у нее в ушах, тотчас же заметила наступившее молчание. Она беспокойно осмотрелась кругом и устала глаза на своего господина.

Он сидел молча, держась за голову рукой и как бы стараясь собрать рассеявшиеся мысли и проникнуть через окружающий его мрак.

— Господин! — жалобно воскликнула она. — Что же стало со сказкой?

Он вздрогнул, точно она пробудила его ото сна, нетерпеливо потрянул головой, как бы желая сбросить с себя давившую его тяжесть.

— Терпение! Терпение! Еще дослушаете сказку.

Он схватился за первую подвернувшуюся мысль, не думая, относится ли она к прерванному рассказу.

— Деморида упала на колени и залилась слезами. Она сказала...

Он остановился и бессмысленно посмотрел вокруг.

— Какое имя дал я другой женщине? — спросил он после минутного молчания, не обращая ни ко мне, ни к кому-либо другому.

— Вы назвали другую женщину Кунигундой, — подсказала я.

При звуке моего голоса глаза его медленно обратились ко мне, но смотрел он не на меня, а как бы в пространство. Глаза были мутны, пусты, бессмысленны и неподвижны. Даже голос его изменился, когда он заговорил. Он произносил слова тихо, бессознательно, монотонно. Я слышала что-то похожее на это, сидя у постели Юстаса во время его бреда, когда он говорил, не отдавая себе в том отчета. Уж не настал ли конец?

— Я назвал ее Кунигундой, — повторил он, — а другую...

Он опять замолчал.

— Другую назвали вы Деморидой, — прибавила я.

Ариель взглянула на Декстера в недоумении. Она с нетерпением потянула его за рукав куртки, чтобы привлечь к себе его внимание.

— Разве это сказка, господин? — спросила она.

Он отвечал, не глядя на нее и по-прежнему устремив неподвижный взор в пространство.

— Это сказка, — произнес он бессознательно. — Но зачем Кунигунда? Зачем Деморида? Зачем не просто госпожа и служанка? Так гораздо удобнее помнить...

Он постарался приподняться в кресле и задрожал.

— Что же сказала служанка госпоже? — пробормотал он. — Что? Что? Что?

И опять остановился. Потом вдруг как бы пришел в себя. Не новая ли мысль озарила его или он нашел потерянную нить старой мысли? Трудно решить, только он вдруг быстро проговорил странные слова:

— Письмо. Служанка сказала «письмо». О, сердце мое, каждое слово было ударом кинжала в мое сердце. О, письмо! Ужасное, ужасное письмо!

Что хотел он сказать? Что значили эти слова? Не восстали ли перед ним события, случившиеся в Гленинче, и он говорит о них, воображая, что продолжает свою сказку? Может быть, несмотря на исчезновение других способностей, сохранилась еще память? Не истина ли, не страшная ли истина мерцает передо мною во мраке, не ее ли говорит он перед окончательным исчезновением рассудка? Я едва переводила дыхание, невыразимый ужас всю охватил меня.

Бенджамин с карандашом в руке бросил на меня выразительный взгляд. Ариель была спокойна и довольна.

— Продолжайте, господин, — просила она. — Мне это нравится. Продолжайте сказку.

Он продолжал, как человек спящий с открытыми глазами и говорящий во сне:

— Служанка сказала госпоже; нет, госпожа сказала служанке: — Покажи ему это письмо. Это должно, должно сделать. — Служанка ответила: — Нет, не должно, не покажу. Это нелепо. Пусть он страдает. Мы поможем ему вывернуться. — Покажи. Нет, пусть будет, что будет, покажи. — Госпожа сказала...

Он остановился и несколько раз провел рукою перед глазами, как бы отстраняя какое-то видение.

— Кто говорил последний, госпожа или служанка? — продолжал он. — Госпожа? Нет, это служанка говорит так громко, твердо. Негодяи, прочь от стола, здесь дневник. Номер девять, Кальдериги, спросить Денди. Вам дневника не получить. Я скажу вам секрет на ухо. Дневник приведет его к виселице. Я не хочу, чтобы он был повешен. Как осмеливаетесь вы дотрагиваться до моего кресла? Мое кресло — второе я. Как осмеливаетесь дотрагиваться до меня!

Последние слова озарили меня светом. Я читала эти самые слова в отчете о процессе в показаниях помощника шерифа. Мизеримус Декстер употребил эти самые выражения, когда он старался не допустить чиновников к осмотру бумаг моего мужа и его выпроводили вместе с креслом из комнаты. Теперь не было никакого сомнения, что мысли его сосредоточились на событии в Гленинче!

Ариель не давала ему перевести духу, она настоятельно требовала сказку:

— Зачем вы остановились, господин? Продолжайте, продолжайте, расскажите нам, что сказала госпожа служанке.

Он слегка засмеялся и передразнил ее:

— Что сказала госпожа служанке? — Потом заговорил быстро и бессвязно: — Госпожа сказала служанке: — Мы его выпутали из беды. Где же письмо? Теперь можно сжечь его. Нет огня в камине, нет спичек в коробочке. Весь дом вверх дном. Слуги разбежались. Разорви его, брось в корзинку, смешай с ненужными бумагами. Выброси их все, чтобы они исчезли навсегда. О Сара, Сара, Сара! Исчезли навсегда!

Ариель, хлопая в ладоши, повторила за ним:

— Сара, Сара, Сара! Исчезли навсегда. Это хорошо, господин, только скажите нам, кто была эта Сара.

Его губы шевелились, но голос до того ослаб, что я едва могла расслышать его слова. Он снова начал твердить:

— Служанка сказала госпоже, нет, госпожа сказала служанке...

Он внезапно остановился и привскочил в кресле, всплеснул обеими руками и жутко и

громко закричал и захохотал:

— Ха, ха, ха! Как это забавно! Что же вы не смеетесь? Смешно! Смешно! Ха, ха, ха!

Он упал на спинку кресла. Звонкий, страшный хохот перешел мало-помалу в тихое рыдание. Он тяжело дышал. Бессмысленный, ничего не видящий взор был уставлен в потолок, на губах точно застыла неподвижная улыбка. Вот она, Немезида! Предсказание исполнилось, Декстер сошел с ума.

Когда я пришла в себя от первого потрясения, я почувствовала сострадание к несчастному. Вся дрожа, ничего не видя и не думая ни о чем, кроме жалкого существа, лежавшего в кресле, я бросилась к нему на помощь. Я хотела призвать его к жизни, привести в сознание, если это было еще возможно. Но не успела я сделать и одного шага, как почувствовала, что меня обхватили чьи-то руки и тянут назад.

— Разве вы слепы? — вскричал Бенджамин, направляя меня к двери. — Посмотрите!

Я оглянулась.

Ариель прежде меня поспела к нему. Она приподняла своего господина и обняла его одной рукой, в другой же у нее была индийская палица, которую она выхватила из коллекции восточного оружия, висевшего над камином, и теперь с яростью ею размахивала. Несчастное создание совершенно преобразилось. Ее тупые глаза сверкали, как у дикого зверя. Зубы ее стучали.

— Вы сделали это! — кричала она мне в иступлении, размахивая палицей. — Подойдите только, и я разможу вам голову, не оставлю у вас ни одной живой косточки!

Бенджамин одной рукой держал меня, другой отворил дверь. Я предоставила ему делать со мною что угодно, Ариель точно очаровала меня, я не могла оторвать от нее глаз. Ее ярость утихла, когда она увидела, что мы удаляемся. Она бросила палицу, обняла Декстера обеими руками и, припав головой к его груди, плакала и рыдала над ним.

— Господин! Господин! Они никогда больше не будут сердить вас. Посмотрите на меня. Посмейтесь надо мною. Скажите: какая ты дура, Ариель! Придите в себя!

Бенджамин увлек меня в соседнюю комнату, и я услышала жалобный вопль бедного создания, которое любило его с верностью собаки и преданностью женщины. Тяжелая дверь захлопнулась за ними, я очутилась в приемной и долго плакала, как беспомощный ребенок, припав к своему старому другу.

Бенджамин запер дверь на ключ.

— Не о чем плакать, — сказал он спокойно. — Вам следует скорее возблагодарить Бога за то, что вы вышли из той комнаты целы и невредимы. Пойдемте.

Он вынул ключ из замка, и мы спустились вниз в прихожую. После минутного размышления он отворил наружную дверь. Садовник работал в саду.

— Ваш господин очень болен, — сказал ему Бенджамин, — и женщина, которая находится с ним, совсем потеряла голову, если у нее когда-нибудь она была. Где поблизости живет доктор?

Преданность этого человека Декстеру выразилась так же грубо, как и преданность Ариели. Он с криком бросил лопату.

— Господин мой нездоров?! Я сейчас же бегу за доктором, вы не успеете оглянуться, как я приведу его.

— Скажите доктору, чтобы он взял с собой кого-нибудь, — прибавил Бенджамин. — Ему нужен помощник.

Садовник сердито обернулся:

— Я могу помочь и никого другого не допущу.

Он ушел. Я села в прихожей на стул и старалась взять себя в руки — Бенджамин ходил взад и вперед по комнате, погруженный в свои мысли.

— Оба так любят его, — пробормотал он. — Полуобезьяна, получеловек, а оба любят его. Это меня поражает.

Садовник вскоре возвратился с доктором, спокойным и решительным человеком.

Бенджамин пошел к нему навстречу.

— У меня ключ, — сказал он, — не пойти ли мне с вами.

Ничего не отвечая, доктор отвел Бенджамин в сторону, там они тихо между собой переговорили. После этого доктор сказал:

— Дайте мне ключ. Вы, пожалуй, не принесете там никакой пользы, можете только раздражить ее.

При этих словах он кивнул садовнику и направился к лестнице, когда я остановила его вопросом:

— Могу я остаться в прихожей, сударь? Меня очень беспокоит, чем все это кончится.

Прежде чем ответить, он внимательно посмотрел на меня.

— Вам лучше было бы отправиться домой, сударыня, — сказал он. — Садовник знает ваш адрес?

— Да, сударь.

— Прекрасно. Я уведомя вас обо всем через садовника. Послушайтесь моего совета, поезжайте домой.

Бенджамин взял меня за руку; я оглянулась и видела, как доктор с садовником поднялись на верхний этаж.

— Не будем обращать внимания на слова доктора, — прошептала я. — Подождем в саду.

Бенджамин ни за что не хотел слушаться доктора.

— Я отвезу вас домой, — твердо сказал он.

Я с удивлением взглянула на него. Мой старый друг, олицетворение доброты и уступчивости, обнаруживает теперь такую несвойственную ему твердость и решительность, какую я в нем никогда не видала. Он повел меня через сад, и мы сели в кеб, ожидавший нас у калитки.

По дороге домой Бенджамин показал мне свою записную книжку.

— Что должен я теперь делать с нелепостями, записанными мной? — спросил он.

— Вы все записали! — удивилась я.

— За что я берусь, то и исполняю, — отвечал он. — Вы не сделали мне знака, чтобы я перестал, вы ни разу не подвинули свое кресло. Я и записывал каждое слово. Что с этим делать? Не выбросить ли книжку за окно?

— Дайте ее мне.

— Что вы с ней сделаете?

— Еще не знаю. Я спрошу мистера Плеймора.

Глава XX. МИСТЕР ПЛЕЙМОР В НОВОМ СВЕТЕ

В тот же вечер, несмотря на свою усталость, я написала мистери Плеймору, рассказала обо всем случившемся и просила помощи и совета.

Записки Бенджамин были сделаны стенографически и в таком виде были для меня совершенно непригодны. По моей просьбе он сделал две копии: одну я послала мистери Плеймору, другую оставила у себя на случай надобности.

В долгие часы бессонной ночи я много раз читала и перечитывала последние слова Декстера. Можно ли извлечь из них какую-нибудь пользу? Сначала они казались совершенной бессмыслицей. Сколько ни старалась я разрешить эту проблему, все ни к чему не приходила и с отчаянием бросила бумагу. Куда девались мечты мои об успешном открытии тайны? Разлетелись все прахом! Была ли хоть малейшая надежда на то, что к этому несчастному возвратится рассудок? Я слишком хорошо помнила все случившееся, чтобы надеяться на это. Последние строки медицинского свидетельства, которое я читала у мистера

Плеймора, вставали передо мною. «Когда случится эта катастрофа, то друзья не должны надеяться на его выздоровление, раз потерянное равновесие никогда более не восстановится».

Недолго пришлось мне ждать подтверждения этого приговора. На следующее утро садовник принес обещанное доктором уведомление.

Мизеримус Декстер и Ариель находились еще в той комнате, где мы оставили их накануне. Им оказывали медицинскую помощь, в ожидании распоряжения младшего брата Декстера, жившего в деревне, которому телеграфировали о случившемся. Не было никакой возможности разлучить верную Ариель с ее господином, не используя насильственных мер, к которым прибегают обыкновенно, имея дело с бешеными. Доктор с садовником, оба очень сильные мужчины, не могли удержать это несчастное создание в своей комнате, куда было увели ее сначала. Но как только позволили ей вернуться к господину, бешенство ее тотчас же прошло, она стала спокойной и довольной, пока сидела у него в ногах и смотрела на него.

Положение Мизуримуса Декстера было еще хуже, еще печальнее.

«Мой пациент впал в полнейший идиотизм», — писал доктор. Простой рассказ садовника подтвердил эти слова. Декстер не сознавал преданности Ариели и не замечал даже ее присутствия. Целыми часами он оставался в кресле в летаргическом состоянии. Он обнаруживал интерес только к пище, ел и пил с жадностью и наслаждением. «Сегодня утром, — рассказывал садовник, — нам показалось, что он приходит в себя. Осмотревшись вокруг, он сделал руками какие-то странные знаки. Ни я, ни доктор не поняли, что он хочет. Она поняла, бедняжка, и сейчас же исполнила его желание, пошла и принесла ему арфу. Но нет, он не мог больше играть! Кое-как пробежал пальцами по струнам, пробормотал что-то, но ничего не вышло. Всякий и без докторских слов может видеть, что ему не оправиться. Только пища оживляет его. Самое лучшее было бы, если б Господь прибрал его. Больше и сказать нечего. Желаю вам доброго утра, сударыня».

Садовник ушел с глазами, полными слез, и должна сознаться, что я тоже плакала.

Час спустя пришли известия, немного порадовавшие меня. Я получила от мистера Плеймора телеграмму, состоящую из следующих строк: «Еду в Лондон по делу, ночным поездом. Завтра ожидайте меня к завтраку».

Присутствие адвоката за завтраком подействовало на меня так же, как телеграмма. Его первые слова ободрили меня. К моему величайшему удивлению и радости, он вовсе не разделял моего отчаяния на положение нашего дела.

— Я не отрицаю, — сказал он, — что имеется много серьезных препятствий. Но должен сказать вам, что, несмотря на дела, призывавшие меня в Лондон, я не приехал бы сюда, если б заметки мистера Бенджамин не произвели на меня такого глубокого впечатления. Только теперь, я думаю, вы можете надеяться на успех. Только теперь я предлагаю вам свои услуги, хотя с известными ограничениями. Этот несчастный, потеряв рассудок, дал нам сведения, которых никогда не узнать бы нам от него, если б он сохранил ум и хитрость.

— Уверены ли вы, что с помощью этих сведений мы дойдем до истины? — спросила я.

— Он обнаружил два важных обстоятельства, — отвечал мистер Плеймор, — и я уверен, что он говорил правду. Вы совершенно верно предположили, что память сохранилась у него дольше других умственных способностей. Напрягая ее для сочинения сказки, он бессознательно повторял истинные события с той минуты, когда упомянул о письме.

— Но какое отношение к нашему делу имеет письмо? — спросила я. — Абсолютно ничего не понимаю.

— Так же, как и я, — признался он чистосердечно. — Главным из препятствий, о которых я уже упоминал, и является именно это письмо. Оно имеет какую-то связь с покойной мистрис Маколан, так как Декстер говорил о кинжале, пронзающем его сердце. Иначе он не стал бы упоминать ее имени, толкуя об изорванном письме. Но этим

заканчиваются мои предположения, дальше я ничего не знаю. Я, так же как и вы, не имею ни малейшего понятия о том, кто писал письмо и что было в нем написано. Если мы сможем открыть это, что было бы величайшим из наших открытий, то должны начать свои исследования за 3000 миль отсюда, одним словом, должны послать надежного человека в Америку.

Последние слова, совершенно естественно, привели меня в величайшее изумление. Я с нетерпением ждала, чтобы мистер Плеймор объяснил мне, зачем нам нужно кого-то послать в Америку.

— Вы сами решите, выслушав все, что я хочу сказать вам, стоит ли тратить деньги на отправку доверенного лица в Нью-Йорк. Нужного человека я берусь подыскать, что же касается издержек...

— Не обращайтесь внимания на издержки, — прервала его я, теряя терпение от его чисто шотландского взгляда на дело, для которого всего важнее финансовая сторона. — Я не думаю об издержках, я желаю только знать, что вы открыли.

Он улыбнулся.

— Она не думает об издержках, — пробормотал он про себя. — Как это похоже на женщину!

Я могла бы тоже сказать: он думает об издержках прежде всего, как это похоже на шотландца! Но я была слишком встревожена, чтобы шутить. Я только нетерпеливо барабанила по столу и просила:

— Рассказывайте, рассказывайте, что вы открыли!

Он вынул из кармана копию записок Бенджамина, посланную ему мной, и прочитал следующие слова Декстера: «Где же письмо? Теперь можно сжечь его. Нет огня в камине, нет спичек в коробочке. Весь дом вверх дном. Слуги разбежались».

— Вы поняли, что означают эти слова? — спросила я.

— Оглянувшись на произошедшее, я отлично понял их, — ответил он.

— И можете объяснить мне?

— Весьма легко. В этих непонятных словах память Декстера воспроизвела некоторые факты. Я вам укажу на них, и для вас станет все так же ясно, как и для меня. Во время процесса ваш муж удивил и огорчил меня настоятельным требованием отказать от места всей прислуге Гленинча. Мне было приказано выдать им жалованье за три месяца вперед и прекрасные аттестаты за их хорошее поведение, и в один миг покинуть дом. Юстас поступил таким образом под влиянием того же чувства, которое побудило его расстаться с вами. «Если я когда-либо вернусь в Гленинч, — говорил он, — то не в состоянии буду смотреть в лицо своим честным слугам после обвинения в убийстве». Вот каковы были мотивы! Я никак и ничем не мог поколебать его решения. Я тотчас же распустил слуг, так что они оставили дом, не окончив своих ежедневных занятий. Единственные лица, на попечение которых оставлен был дом, жили до этого у опушки леса, они и теперь живут там, это старик сторож с женой и дочерью. В последний день суда я приказал девушке убрать комнаты. Это была добросовестная девушка, но она не была горничной и не знала, что нужно положить уголья в камин и приготовить спички. Слова, сказанные Декстером, относились, конечно, к беспорядку в его комнате, когда он вернулся в Гленинч из Эдинбурга с мистером Маколаном и его матерью. Тогда-то он разорвал в своей спальне письмо и, не имея возможности сжечь обрывки, бросил их в корзинку с ненужными бумагами. Во всяком случае, у него не было времени долго думать о них. В этот же самый день мистер Маколан с матерью отправился в Англию с вечерним поездом. Я сам запер дом и отдал ключ сторожу. Тогда же было решено, что он будет присматривать за комнатами нижнего этажа, а жена и дочь — за комнатами верхнего этажа. Как только я получил ваше письмо, немедленно отправился в Гленинч расспросить о спальнях и в особенности о комнате Декстера. Жена сторожа помнила, в какое именно время был заперт дом, потому что с ним связано у нее воспоминание о ревматизме, которым она тогда страдала. Во время ее болезни дочь убирала спальни, и она, вероятно, выбросила сор, бывший в комнате Декстера. Во всей комнате не было ни одного клочка

бумаги, как я в том удостоверился сам. Что сделала девушка с клочками письма и где она нашла их? Из-за этих-то вопросов и нужно послать за 3000 миль, так как дочь сторожа вышла замуж в прошлом году и переселилась с мужем в Нью-Йорк. Теперь ваше дело решить, нужно посылать в Нью-Йорк или нет. Я не хочу обманывать вас ложными надеждами и заставлять попусту расходовать большую сумму. Если эта женщина и вспомнит, куда она дела разорванные бумаги, все-таки мало надежды отыскать их за давностью времени. Не спешите с решением. У меня есть дела в Сити, и я предоставляю вам целый день на обдумывание этого вопроса.

— Посылайте агента в Нью-Йорк с первым парохомом, — сказала я. — Таково мое твердое решение, нечего терять время.

Он с недовольным видом покачал головой. В наше первое свидание мы не касались денежного вопроса. Теперь в первый раз проявилось исключительно шотландская сторона его характера.

— Вы даже не знаете, в какую сумму это обойдется! — воскликнул он, вынимая из кармана записную книжку с видом человека изумленного и обескураженного. — Подождите, пока я переведу английские фунты на американские доллары.

— Я не хочу ждать, хочу побыстрее узнать истину.

Он не обратил внимания на мои слова и продолжал невозмутимо считать:

— Агент отправится во втором классе и возьмет обратный билет. Хорошо, тут же платить надо и за еду. Он, слава Богу, член общества трезвости и пропивать ваших денег не будет. Прибыв в Нью-Йорк, он остановится в недорогой немецкой гостинице, где возьмут с него, я это достаточно знаю, за комнату и...

В эту минуту терпение мое совсем кончилось, я вынула из стола чековую книжку, подписала бланк и протянула его через стол адвокату.

— Проставьте сами, какую нужно будет сумму, — сказала я, — а теперь, ради Бога, возвратимся к Декстеру.

Мистер Плеймор откинулся на спинку кресла и воздел руки и глаза свои к небу. Это торжественное обращение к небу не произвело на меня никакого впечатления. Я с нетерпением ждала дальнейших объяснений.

— Слушайте, — продолжала я, читая записки Бенджамина. — Что хотел сказать Декстер словами: «Номер девять, Кальдериго, спросить Денди. Вам не получить дневника. Я скажу вам секрет на ухо. Дневник приведет его к виселице». Откуда Декстер знал содержание дневника моего мужа? И что он подразумевал под номером девять, Кальдериго и прочее. Неужели это все факты?

— Факты, — отвечал мистер Плеймор, — перепутанные между собой, как вы видите, но все заслуживающие доверия факты. Кальдериго, как вам известно, один из кварталов Эдинбурга, пользующийся самой дурной славой. Один из моих клерков, которого я обыкновенно использую по делам конфиденциальным, наводил уже справки о Денди в номере девять. Дело это щекотливое, и он взял с собой человека, хорошо знающего местность. Номер девять оказался лавкой, где продается старое тряпье и железный лом, а Денди подозревали, кроме того, и в скупке краденых вещей. С помощью товарища и банковского билета, который можно поставить в счет американской поездки, мой клерк заставил негодя проговориться. Не желая наскучить вам подробностями, расскажу сразу о результате. За две недели и даже более до смерти мистрис Маколан Денди сделал два ключа по восковым слепкам замков. Тайнственное поведение заказчика возбудило в Денди подозрения, и он стал наводить справки; оказалось, что ключи были заказаны для Мизеримуса Декстера. Подождите минутку, я еще не закончил. Прибавьте к этому то, что Декстер каким-то непостижимым образом знал содержание дневника Юстаса, и вы придете к заключению, что восковые слепки замков, присланные к Денди в Кальдериго, были сняты один с замка ящика, где хранился дневник, а другой — от дневника. Я уж предчувствую, что откроется при дальнейших расследованиях, но пока рано говорить об этом. Декстер, как я уже говорил вам, виновен в смерти мистрис Маколан. Почему он виновен, вы, как я полагаю,

можете теперь открыть. И скажу более, вы обязаны обнаружить истину ради правосудия и ради вашего мужа. Что касается препятствий, они не должны пугать вас. Величайшие трудности преодолеваются терпением, решительностью и экономией.

Мой достойный советник сделал особенное ударение на последних словах и, заметив, что время уходит, а дела его ждут, стал прощаться.

— Еще одно слово, — обратилась я, когда он протянул мне руку. — Не можете ли вы повидать Декстера, прежде чем уедете в Эдинбург. Брат его должен был приехать, как говорил садовник. Мне хотелось бы иметь о нем последние известия и услышать их от вас.

— Я с тем и ехал в Лондон, — сказал мистер Плеймор. — Но помните, что я нисколько не надеюсь на его выздоровление, я хочу только лично убедиться, будет ли брат заботиться о нем как следует. Что же касается нас, мистрис Юстас, то этот несчастный сказал свое последнее слово.

Он отворил дверь, остановился, задумался и опять вернулся ко мне.

— Что касается отправки агента в Америку, — сказал он, — то я буду иметь честь представить вам краткую смету.

— О, мистер Плеймор!

— Краткую смету расходов, которые потребуются на эту поездку, мистрис Юстас. Вы будьте так любезны, рассмотрите ее, сделайте свои замечания относительно сокращения некоторых расходов. А потом, если вы одобрите смету, вы премного меня обяжете, проставив на чеке нужную сумму. Я, по совести, не могу взять такой неразумный документ, как незаполненный банковский чек. Это нарушило бы все правила осторожности и экономии. Неоформленный чек вступает в прямое противоречие с принципами моей жизни. Я не могу их нарушить. Прощайте, мистрис Юстас, прощайте.

Он положил чек на стол и, низко поклонившись, вышел из комнаты. Среди разных проявлений человеческой глупости не последнее место занимает недоумение англичан, почему шотландцы добиваются такого удивительного успеха в жизни!

Глава XXI. НЕОЖИДААННЫЕ ВЕСТИ

В тот вечер я получила «краткую смету» из рук клерка. Это был чрезвычайно своеобразный документ. Издержки были исчислены до самых мелочей, до шиллингов и пенсов, и жизнь нашего бедняги, посланного в Америку, была ограничена до невозможности. Из сожаления к этому бедняге я позволила себе несколько увеличить сумму на чеке, но я еще недостаточно знала того, с кем имела дело. Мистер Плеймор уведомил меня, что наш агент уже отправился в путь, выслал мне расписку в получении денег и возвратил весь излишек до последнего фартинга.

Вместе со сметой он прислал коротенькую записку, в которой уведомлял о результате своего посещения Декстера.

Перемены в его состоянии не было ни к лучшему, ни к худшему. Брат его привез с собою врача, опытного в душевных болезнях, но он не высказал еще своего мнения, решившись прежде хорошо понаблюдать за больным. Поэтому Мизеримуса Декстера отвезли в дом для умалишенных, принадлежавший этому доктору. Единственное затруднение представляла Ариель; бедное создание ни день, ни ночь не покидало своего господина со времени катастрофы. Владелец дома не хотел принять ее без платы, а брат Декстера с сожалением заявил, что не располагает средствами на дополнительные расходы. Насильственная разлука с единственным человеком, которого она любила, и помещение в общественную богадельню вот что предстояло бедному созданию, если в течение недели никто не возьмет на себя попечения о ней.

Узнав обо всех этих обстоятельствах, добрейший мистер Плеймор — чувство

человеколюбия взяло верх над любовью к экономии — предложил устроить подписку и первый написал свое имя на листе.

Мне кажется, излишне будет упоминать на этих страницах, что я немедленно написала брату Декстера, что до окончания подписки я принимаю на себя расходы, которые потребуются для помещения Ариели в дом умалишенных вместе с Декстером. Доктор тотчас же на это согласился, но никак не хотел допускать ее по-прежнему ухаживать за больным, ссылаясь на то, что это было бы вопреки всем правилам его заведения. Лишь после долгих увещаний, просьб я добилаь наконец некоторых уступок: он позволил Ариели оставаться ежедневно по несколько часов в комнате ее господина и сопровождать его во время прогулок по саду. К чести человечества, я должна прибавить, что мне немного пришлось израсходовать на это дело, потому что благодаря Бенджамину подписка шла чрезвычайно успешно. Друзья и многие совершенно посторонние лица, узнав грустную историю Ариели, раскрыли свои сердца и кошельки.

На другой день после посещения мистера Плеймора я получила известие из Испании. Свекровь моя написала мне; нет никаких слов, чтобы передать мои чувства в ту минуту, когда я распечатала и прочитала письмо. Представляю читателям самим прочесть эти строки.

«Приготовьтесь, моя дорогая, к приятному сюрпризу: Юстас оправдал мою веру в него. Когда он вернется в Англию, то вернется — если вы позволите ему — к своей жене.

Решение это было им принято не вследствие моего влияния, а явилось естественным результатом благодарности и любви его к вам. Когда он пришел в себя, первые слова его были: «Если я останусь жив и поеду в Англию, как ты думаешь, простит ли меня Валерия?» На это вы сами должны ответить, моя дорогая, и если вы нас любите, то ответите с первой же почтой.

Передавая вам его слова, сказанные в ту минуту, когда он узнал, что вы ухаживали за ним во время болезни, я отложу отправку этого письма на несколько дней. Он еще очень слаб и не в силах говорить, я хочу дать ему время все хорошенько обдумать и откровенно скажу вам, если он изменит свое решение.

Три дня прошло, но в нем не произошло никакой перемены. Он только об одном и думает, как бы поскорее соединиться со своей женой.

Но вы должны узнать еще — я не имею права скрывать этого, — что Юстас, как ни изменили его время и страдания, не изменился в одном отношении, а именно, он с прежним страхом относится к вашему намерению расследовать все обстоятельства, касающиеся смерти его первой жены. Я не смею отдать ему ваше письмо; как только я касаюсь этого предмета, он раздражается и приходит в отчаяние. «Отказалась ли она от этой мысли? Можете ли вы наверняка сказать, что она отказалась от этой мысли?» Вот вопросы, с которыми он беспрестанно обращается ко мне. Я отвечала утвердительно, но как же могла я поступить иначе при его слабом, болезненном состоянии? Я должна была постараться успокоить его. Я говорила ему: «Не волнуйся. Валерия должна будет отказаться от своего намерения, она не в состоянии преодолеть препятствия, встречающиеся ей на пути, и должна будет уступить». К такому заключению пришла я, если вы помните, после нашего последнего разговора об этом деле, и с того времени я ничего не слыхала от вас, что бы хоть сколько-нибудь поколебало мое мнение. Если я права (о чем я молю Господа), вам останется только подтвердить мои слова, и все как нельзя лучше устроится. В противном случае, если вы все еще упорствуете в своем намерении, будьте готовы встретиться с самыми неожиданными последствиями. Если вы пойдете наперекор предубеждениям Юстаса, вы лишитесь его любви и благодарности и никогда больше его не увидите.

Я так резко выражаюсь ради ваших собственных интересов и ради вас самой, моя дорогая. Когда будете отвечать, напишите несколько строк Юстасу и вложите в письмо ко мне.

Что касается нашего отъезда отсюда, то еще невозможно определить время. Юстас поправляется очень медленно; доктор пока не позволяет ему вставать с постели. И когда мы отправимся в путь, нам придется делать маленькие переезды. Во всяком случае, не ранее чем через шесть недель попадем мы снова с свою родную Англию.

Любящая вас

ЕКАТЕРИНА МАКОЛАН».

Я опустила письмо на колени и старалась собраться с мыслями. Чтобы понять мое тогдашнее состояние, нужно припомнить одно обстоятельство, а именно, что агент наш в это самое время пересекал Атлантический океан для наведения справок в Нью-Йорке.

Что было мне делать?

Я колебалась. Многим может показаться странным, но это было так. Можно было не спешить с решением, впереди был целый день для размышлений.

Я отправилась погулять и все время обдумывала свое положение; этим занималась я и по возвращении домой, сидя у камина. Оскорбить и оттолкнуть любимого человека, когда он сам возвращается ко мне, возвращается добровольно и с искренним раскаянием, было немыслимо. С другой стороны, как могла я отказаться от своего задуманного дела как раз в тот момент, когда сам благоразумный и осторожный мистер Плеймор рассчитывал на успех и предложил мне свою помощь. На чем должна была я остановиться при таких затруднительных обстоятельствах? Поставьте себя на мое место и будьте снисходительны к моей слабости. Я не могла решиться ни на то, ни на другое. Дух коварства и лжи самым убедительным образом нашептывал мне: «Не решайся ни на что, успокой свою свекровь и мужа. У тебя еще много времени впереди. Подожди, может быть, время окажется твоим другом и выведет тебя из затруднения».

Неблагородный совет! А между тем я приняла его, хотя и знала, что должна была бы поступить честнее. Вы, читающие это постыдное признание, вероятно, поступили бы по-иному.

Как бы то ни было, я сказала, по крайней мере, всю правду. Я известила свою свекровь о том, что Мизеримус Декстер был помещен в дом умалишенных, но предоставила ей самой делать вывод из этого факта. Мужу я также написала только часть правды. Я говорила ему, что прощаю его от всего сердца, что приму его с распростертыми объятиями, и все это была правда. Что же касается прочего, то скажу, как Гамлет: «Остальное было предано молчанию».

Отправив свои не совсем откровенные письма, я была слишком взволнована и чувствовала потребность отвлечься от этого дела. Восемь или девять дней нужно было ждать телеграмму из Нью-Йорка, а потому я, простившись со своим добрым, неоценимым Бенджамином, отправилась в деревню к своему дяде, Старкуатеру. Моя поездка в Испанию примирила меня с моими почтенными родными, мы обменялись дружескими письмами, и я обещала им при первой возможности приехать к ним погостить.

Я жила спокойно и счастливо (относительно) в доме моего детства. Я посетила те места, где мы впервые встретились с Юстасом. Я снова гуляла по лугам и рощам, где мы так часто беседовали обо всем, что тревожило нас, и мигом забывались в горячем поцелуе. Как странно и печально изменилась наша жизнь с того времени! Как неопределенно было теперь наше будущее!

Жизнь среди воспоминаний хорошо действовала на мою душу. Я с горечью укоряла себя за то, что не написала Юстасу всей правды. Почему я не оставила свои надежды и интересы! Он на моем месте не колебался бы. Его первая мысль была о жене.

Я провела у своих родных две недели, не получив никаких известий от Плеймора. Когда же прибыло от него письмо, оно невыразимо разочаровало меня. Телеграмма из Нью-Йорка извещала нас, что дочь гленинчского сторожа и ее муж оставили Нью-Йорк, а потому наш агент разыскивает их в других местах.

Ничего более не оставалось делать, как терпеливо ждать более благоприятных известий. Я осталась в доме пастора по совету мистера Плеймора, чтобы в случае необходимости удобнее было приехать в Эдинбург лично переговорить с ним. Прошло три недели нетерпеливых ожиданий, прежде чем я получила второе письмо. На этот раз трудно было определить, хорошие или дурные получила я вести, так они были поразительны! Даже мистер Плеймор был изумлен. Вот странные слова (лаконичные, конечно, ради экономии) телеграммы из Америки: «Разройте мусорную кучу в Гленинче».

Глава XXII. НАКОНЕЦ-ТО

Письмо мистера Плеймора, в которое была вложена телеграмма, не заключало в себе уже прежней уверенности в успехе нашего дела.

«Телеграмма означает, — писал он, — что обрывки разорванного письма были вместе со всяким сором выброшены в мусорную кучу. С того времени прошло три года, сор и зола, выбрасываемые постоянно, все более и более заваливали драгоценные обрывки. Если бы нам удалось разыскать их, то можно ли надеяться, что после такого продолжительного времени сохранились в целости написанные слева. Я был бы рад, если бы вы со следующей же почтой уведомили меня, как вы смотрите на это дело. Если б вы вздумали приехать в Эдинбург, чтобы лично переговорить со мною, то, конечно, сэкономили бы уйму времени. Пока вы живете у доктора Старкуатера, вам не трудно приехать сюда, это так близко. Подумайте об этом».

Выезд моей свекрови и мужа из Испании так долго откладывался по предписаниям доктора, что в настоящее время, судя по последнему письму мистрис Маколан, полученному мною дня три или четыре тому назад, они, возможно, находятся в Бордо. Здесь они должны отдохнуть и потом смогут приехать в Англию раньше, чем придет письмо нашего агента из Америки. При таком положении дела я не успевала повидаться с адвокатом в Эдинбурге и встретить моего мужа в Лондоне. Я сочла за лучшее искренне объяснить мистеру Плеймору, что не могу располагать своим временем, и просила адресовать следующее письмо к Бенджамину.

Написав это своему любезному советнику, я прибавила только несколько слов по поводу разорванного письма.

В последние годы жизни моего отца я путешествовала с ним по Италии и в музее Неаполя видела необыкновенные памятники древних времен, откопанные в Помпее. Чтобы ободрить мистера Плеймора, я напомнила ему, что извержение, засыпавшее город, было более тысячи шестисот лет тому назад, а между тем невредимо сохранились такие тленные предметы, как солома, в которую была уложена глиняная посуда, живопись на стенах домов, старинные бумаги, засыпанные золой. Если подобные открытия были сделаны после шестнадцати веков, то почему же не могли мы надеяться, что клочки письма сохранились под слоем сора и золы в продолжение трех лет? Рассчитывая на то, что нам удастся (что было очень сомнительно) отыскать остатки письма, я была вполне уверена, что можно будет разобрать написанные слова. Скопление мусора, о котором так сожалел Плеймор, по моему мнению, должно было предохранять письмо от дождя и сырости. Этим замечанием я закончила свое письмо, и благодаря моей опытности, приобретенной во время путешествия по континенту, я могла научить кое-чему доброго верного адвоката.

Прошел еще день, и он не принес мне никаких известий о путешественниках.

Я начинала тревожиться и, сделав нужные приготовления к поездке, решила на

следующее утро выехать в Лондон, если до тех пор не услышу ничего нового. Но я получила письмо от своей свекрови, которое еще более убедило меня в правильности моего намерения и прибавило еще одну замечательную дату в моем семейном календаре.

Юстас с матерью доехали до Парижа, но здесь случилась с ними новая беда. Утомление от путешествия и возбужденное состояние от предстоявшего со мною свидания были не по силам моему мужу. Он с трудом добрался до Парижа и здесь снова слег в постель. Доктора не опасались за его жизнь, но ему нужен был полный покой на некоторое время.

«Теперь вам следует, Валерия, поддержать и успокоить Юстаса, — писала мистрис Маколан. — Не подумайте, чтобы он осуждал вас за то, что вы оставили Испанию, как только доктор объявил жизнь его вне опасности. «Я покинул ее, — сказал он, когда мы в первый раз заговорили об этом, — а потому моя жена вправе ожидать, чтобы я сам вернулся к ней». Это были его первые слова, моя милая, и он сделал все, что мог, чтобы исполнить свой долг. Лежа беспомощный в постели, он просит вас приехать к нему. Я, кажется, достаточно знаю вас, чтобы быть уверенной, что вы исполните его желание, и мне остается только прибавить одно слово предостережения. Избегайте в разговоре с ним малейшего напоминания не только о процессе (это вы сами понимаете), но и о гленинчском доме. Его нервное расстройство так велико, что я не решилась бы просить вас приехать к нему, если бы не узнала из вашего последнего письма, что ваши свидания с Декстером прекратились. Поверите ли, ужас и отвращение его ко всему, напоминающему прошлое, так велики, что он просил моего согласия продать Гленинч».

Так писала мать Юстаса. Но не вполне уверенная в силе своих убеждений, она вложила в свое письмо две строчки, написанные еще не окрепшей рукой моего дорогого мужа: «Я слишком слаб, чтобы ехать далее, Валерия. Не простишь ли ты меня и не приедешь ли сама?» Кроме этих слов было еще что-то написано карандашом, но разобрать это было невозможно. Силы, как видно, изменили ему.

Я тотчас же решила отказаться от дальнейших розысков разорванного письма. Я хотела иметь право чистосердечно сказать Юстасу: «Я принесла жертву для твоего спокойствия, я покорила ради своего мужа в ту самую минуту, когда покориться было всего труднее».

Причина, заставившая меня вернуться в Англию, когда я впервые узнала, что скоро стану матерью, возникла в моей голове в ту минуту, когда я пришла к этому решению. Но я думала, что спокойствие моего мужа — самое главное и, делая эту уступку, надеялась еще настоять на своем. Юстас, узнав, что скоро будет отцом, мог считать своим долгом доказать свою невиновность ради своего ребенка.

В то же утро я снова написала мистеру Плеймору, откровенно описала ему свое положение и отказалась навсегда от раскрытия тайны, погребенной в гленинчской мусорной куче.

Глава XXIII. НАШ НОВЫЙ МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Я должна сознаться, что совершила путешествие в Лондон далеко не в радостном расположении духа. Нелегко было отказаться от своей цели, из-за которой я так много выстрадала, и в такое время, когда надежды мои, казалось, были так близки к осуществлению, но я все это принесла в жертву обязанностям жены. Но как бы то ни было, я, если б и могла, не взяла бы назад письмо свое к мистеру Плеймору. «Все кончено и кончено хорошо, — думала я про себя. — День, когда мой муж впервые поцелует меня, окончательно примирит меня с моим положением».

Я рассчитывала прибыть в Лондон к поезду, отправляющемуся ночью в Париж. Но мы замешкались в пути, и мне пришлось переночевать в доме Бенджамин в ожидании утреннего поезда.

Я не успела уведомить старого своего друга о перемене моих планов, и мой приезд очень удивил его. Я нашла его в библиотеке, ярко освещенной лампами и свечами, он был погружен в изучение разорванных бумажек.

— Чем это вы занимаетесь? — поинтересовалась я. Бенджамин покраснел, я чуть было не сказала «как молодая девушка», но в наш век молодые девушки не краснеют более.

— Ничем, так! — ответил он в замешательстве. — Не обращайтесь на это внимания.

Он протянул руку, чтобы сбросить со стола эти клочки, но у меня в голове вдруг возникло подозрение. Я остановила его.

— Вы получили известия от мистера Плеймора! — воскликнула я. — Говорите правду, Бенджамин, да или нет?

Бенджамин покраснел еще более и отвечал:

— Да.

— Где письмо?

— Я не должен показывать его вам, Валерия.

Его отказ (нужно ли это говорить?) еще более утвердил мою решимость увидеть письмо. Лучше всего могла я убедить Бенджамин исполнить мое желание, сообщив ему о жертве, которую я принесла ради спокойствия мужа.

— Я не имею более голоса в этом деле, — прибавила я. — Теперь все зависит от мистера Плеймора — продолжать это дело или бросить его. Это единственная для меня возможность узнать, что он действительно об этом думает. Неужели я не заслуживаю некоторого снисхождения? Неужели я не имею права посмотреть письмо?

Бенджамин был слишком поражен и обрадован всем случившимся, чтобы сопротивляться дальше моим просьбам. Он подал мне письмо. Мистер Плеймор обращался к Бенджамину конфиденциально, как к человеку деловому, и спрашивал его, не случилось ли ему во время своей долгой деятельности слышать о том, как подбирают и склеивают разорванные документы. Если же он ничего не знает о подобных случаях, то пусть справится в Лондоне у компетентных людей. Для объяснения этой странной просьбы мистер Плеймор ссылался на важное значение «тех нелепостей», которые Бенджамин записал со слов Мизеримуса Декстера. Письмо заканчивалось советом не говорить мне ничего об их переписке, чтобы не возбуждать во мне напрасных надежд.

Теперь я поняла тон письма, полученного мною от моего почтенного советника. Он, как видно, придавал большое значение находке письма, но скрывал это от меня из осторожности, чтобы в случае неудачи избавить меня от слишком тяжелого разочарования. Из этого можно было заключить, что мистер Плеймор не отказывался от дальнейших поисков. Я снова взглянула с величайшим интересом на клочки разорванных бумаг, лежавших на столе.

— Нашли что-нибудь в Гленинге? — спросила я.

— Нет, — отвечал Бенджамин. — Я только делаю опыты над старым письмом, прежде чем ответить мистеру Плеймору.

— Вы сами изорвали его?

— Да. И сделал это так, чтобы труднее было сложить кусочки. Я бросил их в корзину, и вот каким ребяческим делом занимаюсь я в мои лета...

Он остановился, как бы стыдясь самого себя.

— Хорошо, — сказала я, — и удалось вам восстановить письмо?

— Это не так-то легко, Валерия, но начало положено, здесь действительно тот же принцип, что в детских складных играх, которыми я занимался еще мальчиком. Стоит только положить правильно центральный кусок, прочие быстро или медленно лягут как следует. Вы, пожалуйста, никому не говорите об этом: могут подумать, что я впал в детство.

Это могли подумать только те, кто не знал Бенджамена так хорошо, как знала его я. Я

вспомнила, как он любил разгадывать загадки, и поняла, что составление обрывков занимало его так же, как решение загадки. Я спросила его о том.

— Загадка! — повторил Бенджамин презрительно. — Это лучше загадки! Я имею дело с «нелепостями», которые я занес в свою книжку. Я получил письмо мистера Плеймора сегодня и с тех пор, стыдно сказать, все делаю опыты с разорванными письмами. Вы никому не скажете об этом?

Я ответила ему горячим поцелуем. Теперь, когда, он, забыв свое строгое благоразумие, заразился моим энтузиазмом, я любила его еще более прежнего!

Но я была не совсем так счастлива, хотя и старалась казаться такой. Как я ни боролась с собой, но не могла не чувствовать сожаления, когда вспомнила, что отреклась от участия в розысках письма. Единственное утешение находила я в думах об Юстасе и о счастливой перемене, происшедшей в моей семейной жизни. В этом отношении мне, по крайней мере, нечего было бояться, я чувствовала, что одержала победу. Муж мой по собственному желанию возвращался ко мне, он уступил не перед какими-либо фактами, а по чувству любви и благодарности. И я принимала его с распростертыми объятиями не потому, что открыла истину, которая приводила его ко мне, а потому, что я верила, что он изменил взгляд на это дело, и безгранично любила его и доверяла ему. Каких жертв не принесешь ради этого! А между тем я была не в духе. Но лекарство было недалеко: один день пути отделял меня от Юстаса.

На следующий день ранним утром я отправилась из Лондона в Париж. Бенджамин провожал меня до станции железной дороги.

— Я буду писать в Эдинбург с нынешней почтой, — сказал он дорогой. — Я, кажется, нашел человека, который поможет мистеру Плеймору в этом деле, если он только намерен продолжать его. Вы ничего не хотите сообщить ему, Валерия?

— Нет. Я с этим покончила, Бенджамин, мне нечего более сказать.

— Могу я написать вам о результате поисков в Гленинге, если мистер Плеймор займется ими?

— Да, — отвечала я ему с горечью, — напишите мне, если его розыск не закончится успехом.

Мой старый друг улыбнулся. Он знал меня лучше, чем я знала сама себя.

— Хорошо! — сказал он смиренно. — У меня есть адрес вашего банкира в Париже. Вы поедете к нему за деньгами, моя дорогая, и, может быть, найдете там письмо, когда будете наименее его ожидать. А вы напишите мне, в каком состоянии найдете вы своего мужа. Прощайте. Господь да благословит вас.

В тот же вечер я соединилась с Юстасом. Он был так слаб, бедняга, что не мог поднять головы с подушки. Я встала на колени подле кровати и поцеловала его. В его потухших глазах блеснула искорка жизни, когда я коснулась его губами.

— Теперь я должен жить ради тебя, — прошептал он.

Свекровь моя оставила нас вдвоем, и я не могла удержаться, чтобы не сообщить ему радостную весть, осветившую нашу жизнь.

— Ты должен теперь жить не для меня одной, но и для кое-кого другого.

Он с удалением взглянул на меня.

— Ты говоришь о моей матери? — спросил он. Я положила голову ему на грудь и прошептала:

— Для нашего ребенка.

Я была вполне вознаграждена за все, я забыла Плеймора, Гленинга, все. С этого дня начался наш новый медовый месяц.

Спокойно протекала наша жизнь в одной из отдаленных от центра улиц. Шумная парижская жизнь не долетала до нас. Постепенно, медленно восстанавливались силы Юстаса. Доктор, дав мне несколько советов, предоставил его на мое попечение.

— Вы его врач, — сказал он, — чем счастливее он будет, тем скорее поправится.

Тихая, однообразная жизнь не казалась мне скучной. Мне также нужен был покой, все

мои интересы, все мои радости были сосредоточены в комнате моего мужа.

Один только раз тихое течение нашей жизни было нарушено намеком на прошлое. Что-то, случайно мною сказанное, напомнило моему мужу наше последнее свидание в доме майора Фиц-Дэвида. Он очень деликатно намекнул на то, что я тогда говорила о Шотландском вердикте, и дал мне понять, что одно слово из уст моих, подтверждавшее сказанное его матерью, успокоило бы его раз и навсегда.

Я отвечала ему прямо и откровенно, что его желания стали для меня теперь законом. Но, как истая женщина, я потребовала уступку и с его стороны. Я спросила его:

— Юстас, совершенно ли ты излечился от тех сомнений, которые побудили тебя покинуть меня?

Ответ его заставил меня покраснеть от удовольствия.

— Ах, Валерия, никогда не покинул бы я тебя, если бы знал тебя, как знаю теперь.

Так рассеялись между нами последние недоразумения. Воспоминания о страданиях и волнениях, пережитых мною в Лондоне, изгладились из моей памяти. Мы снова были влюблены друг в друга, окружающим казалось, что мы только что обвенчались. Недоставало только одного для полного моего счастья. В те минуты, когда я оставалась одна, меня мучило желание узнать, ведутся поиски разорванного письма или нет. Какие мы странные создания! Я имела все, что может составить счастье женщины, и готова была рисковать этим счастьем, лишь бы не оставаться в неизвестности из-за того, что происходит в Гленинге. Я с нетерпением ждала дня, когда опустеет мой кошелек, чтобы иметь предлог отправиться к своему банкиру, где я могла получить письмо от Бенджамина.

Придя в контору, я как-то машинально спросила деньги, думая только о том, написал мне Бенджамин или нет. Глаза мои бегали по конторкам и столам, отыскивая желанное письмо, но ничего не нашли! Из соседней комнаты появился господин очень безобразного вида, но в моих глазах он выглядел красивым, так как в его руках было письмо, и он сказал:

— Это вам, сударыня.

На конверте я увидела почерк Бенджамина. Была ли предпринята попытка отыскать письмо и удалась ли она?

Кто-то любезно положил мне деньги в мешок и проводил к экипажу, ожидавшему меня у подъезда. Я ничего не помню до той минуты, когда я по дороге распечатала письмо. Из первых же слов я узнала, что мусорная куча была разобрана и разорванное письмо найдено!

Глава XXIV. КУЧА МУСОРА

У меня закружилась голова. Я должна была дать своему волнению успокоиться, прежде чем продолжила чтение.

Взглянув на письмо спустя несколько минут, глаза мои случайно остановились на последних строках, напугавших и удививших меня. При въезде на нашу улицу я приказала кучеру повернуть и везти меня в прелестный парижский парк — знаменитый Булонский лес. Я хотела таким образом выиграть время, прочесть на свободе письмо и обдумать, должна я показать его мужу и свекрови или нет.

Приняв эту предосторожность, я принялась за чтение подробного и толкового письма моего доброго Бенджамина. Излагая методично свое повествование, он начал с доклада нашего американского агента, нашедшего дочь сторожа и ее мужа в маленьком городке одного из западных штатов. Рекомендательное письмо мистера Плеймора доставило ему радушный прием, и почтенная чета терпеливо выслушала о цели его приезда в Америку. Но его первые расспросы не привели ни к каким результатам. Женщина была удивлена и, по-видимому, ничего не могла припомнить относительно интересовавшего нас предмета. К счастью, муж ее оказался человеком весьма разумным, он отвел агента в сторону и сказал

ему:

— Я вижу, что жена не понимает вас. Расскажите мне подробно, что именно хотите вы знать, и предоставьте мне добиться от нее ответа, что она помнит, а чего — нет.

Это предложение было тотчас же принято. На следующее утро муж сказал ему:

— Теперь переговорите с моей женой, и она найдет, что ответить вам. Только помните одно! Не смейтесь над нею, когда она будет болтать о пустяках. Она стыдится говорить о пустяках даже со мною. Слушайте спокойно и предоставьте ей выговориться, и тогда вы добьетесь того, что вам нужно.

Агент послушался его советов, и она сообщила ему следующее.

Женщина помнила очень хорошо, что ее послали убирать комнаты, когда господа выехали из Гленинча. Мать ее была нездорова и не могла помочь ей. Она боялась оставаться одна в таком большом доме после случившегося в нем несчастья и захватила с собой соседских детей, игравших в парке. Мистрис Маколан была всегда добра к своим арендаторам и никогда не запрещала им приходиться в свой парк. Дети охотно последовали за нею.

Она начала уборку с коридора, оставив напоследок спальню, в которой скончалась мистрис Маколан.

В двух первых комнатах работы было очень мало. Когда она вымела пол и вычистила золу из камина, то сором этим не наполнила и половины ведра, которое она принесла с собой. Дети следовали за нею повсюду и были очень приятным обществом в пустынном доме.

Третья комната, которая служила спальней Мизеримусу Декстеру, была в беспорядке и требовала большей уборки. Женщина забыла о детях, занявшись своим делом. Она уже вымела весь сор и выгребла золу из камина, когда детский плач привлек ее внимание.

Она оглянулась, но не сразу увидела детей. Они были под столом в углу комнаты. Младший ребенок залез в корзину с брошенными бумагами, старший, отыскав где-то склянку с клеем, пресерьезно обмазывал кистью лицо младшего. Малютка, желая избавиться от него, так бился в корзинке, что наконец опрокинул ее и ударился в слезы.

В таком положении и застала их женщина. Она тотчас отняла склянку у старшего и дала ему подзатыльник, а меньшего высвободила из корзинки, потом для большего спокойствия поставила их в угол, а сама принялась собирать бумажки, разлетевшиеся по полу. Свалив все это в ведро, она пошла убирать последнюю, четвертую спальню в этом коридоре, и в этот день закончила работу.

Выйдя с детьми из дома, она выбросила весь сор из ведра в мусорную кучу и отвела детей домой.

Вот что припомнила женщина о гленинчском происшествии.

Заключение, к которому пришел мистер Плеймор, выслушав рассказ агента, было таково, что можно надеяться отыскать письмо, что листки бумаги, находясь под слоем золы и сора, должны были сохраниться в целости, так как до мусорной кучи в продолжение этих трех лет никто не дотрагивался.

Мистер Плеймор немедленно сообщил мнение свое Бенджамину. Что же сделал последний? Он не мог не попытаться применить к таинственному письму свое искусство складывать разорванные клочки бумаги. «Мне кажется, моя дорогая, что это дело околдовало меня, — писал он, — я, к счастью, человек свободный, ничем не занятой, и вот я перебрался в Гленинч и с дозволения добрейшего мистера Плеймора произвожу здесь раскопки мусорной кучи».

За этими подробными строками следовало описание местности, в которой действовал Бенджамин. Я без церемоний все это пропустила, так как в моей памяти было еще свежо воспоминание о мусорной куче при вечернем освещении, привлечшей мое внимание во время моего посещения Гленинча. Я точно слышала еще слова мистера Плеймора о мусорных кучах в Шотландии. Что же сделал Бенджамин? Что нашел он? Вот вопросы, более всего интересовавшие меня.

Бенджамин принялся за дело методично, подсчитывая все фунты, шиллинги и пенсы. В нем адвокат нашел то, чего никогда не нашел бы во мне, человека, сочувствующего ему и владеющего одной из достойных человеческих добродетелей — экономией.

Он нанял работников для раскопки кучи и покрыл ее большой палаткой для предохранения от ветра и дождя. Кроме того, он пригласил молодого человека, лично ему известного, занимавшегося в лаборатории профессора химии и отличившегося искусной экспертизой в деле о подложном документе, недавно производившемся в Лондоне. Бенджамин и молодой химик жили в Гленинге, а под их надзором производились раскопки.

Три дня рабочие копали лопатами, но без малейших результатов. Однако дело находилось в руках людей твердых и решительных. Они не унывали и продолжали свое дело. На четвертый день были найдены первые обрывки бумаги. При тщательном рассмотрении они оказались остатками торгового объявления. Бенджамин и молодой химик с новой энергией продолжали раскопки. К вечеру было найдено еще несколько кусочков бумаги, но уже не печатной, а исписанной. Показали их мистеру Плеймору, приехавшему в Гленинг каждый вечер по окончании своих занятий, и после внимательного изучения он объяснил, что почерк принадлежал определенно покойной мистрис Маколан.

Это открытие в высшей степени подкрепило энтузиазм искателей письма. Лопаты и ломы были брошены из предосторожности, и работа продолжалась руками. Найденные обрывки укладывались по порядку в специально приготовленный для этого плоский ящик. Наступила ночь, работники были распушены, Бенджамин с двумя своими товарищами продолжали работу при свете лампы. Сначала обрывки появлялись дюжинами, потом исчезли совсем. И наконец под слоем сора сделано величайшее открытие этого дня: склянка с клеем, о которой упоминала дочь сторожа, и под нею несколько склеившихся обрывков исписанной бумаги.

После этого все трое отправились в дом и разложили свои находки на большом столе в библиотеке. Искусство Бенджамина подбирать обрывки было полезно его товарищам. Конечно, легче всего было сложить те, которые склеились, так как они, вероятно, составляли одно целое. Расклеить эти клочки и разложить их по порядку было поручено опытным рукам химика, но трудность заключалась не в одном этом; бумага была исписана с обеих сторон, поэтому для сохранения текста нужно было каждый обрывок разделить на две части так, чтобы искусно создать изнанку, которую можно было бы покрыть составом, соединившим бы все остатки в одно целое.

Мистер Плеймор и Бенджамин при виде этих трудностей совсем отчаялись в успехе своего предприятия, но ученый объяснил им, что они ошибаются.

Он обратил их внимание на толщину бумаги. Она была толще и лучшего качества, чем бумага, которую он подвергал экспертизе в недавнем процессе, а потому он находил, что будет значительно легче с помощью привезенных им из Лондона приспособлений разделить эти кусочки.

После этих объяснений он спокойно принялся за дело. Пока Бенджамин и адвокат приводили в порядок найденные бумаги, химик разделил на две части почти все клочки, переданные ему, и восстановил пять или шесть фраз письма.

Сделано это было в совершенстве, смысл был ясен. Первый результат вполне вознаграждал за все труды. По тону письма было видно, что оно было написано покойной к Юстасу, а между тем по всему было очевидно, что это самое письмо Мизеримус Декстер утаил от суда и потом разорвал.

Вот какие открытия сообщал мне Бенджамин. Но когда он захотел отправить письмо на почту, мистер Плеймор посоветовал ему подождать несколько дней, так как за это время может открыться что-нибудь более значительное.

— Этими результатами мы обязаны ей, — сказал адвокат. — Без ее твердой решимости и влияния на Декстера мы никогда не открыли бы того, что в мусорной куче скрывается разгадка таинственной драмы. Она имеет право на полные сведения, и она должна получить их.

Таким образом, письмо было задержано на три дня и потом поспешно закончено в таких выражениях, которые чрезвычайно встревожили меня.

«Химик быстро подвигается со своей работой, — писал Бенджамин, — а мне удалось собрать несколько отдельных фрагментов и восстановить их смысл. Судя по тому, что уж сделано, мы с мистером Плеймором полагаем (дай Бог, чтобы мы ошибались!), что письмо это нужно будет сохранить от всех в тайне. Истина, обнаруживаемая нашими открытиями, так прискорбна и горька, что я не в силах написать ее без крайней необходимости. Простите меня, что я встревожил вас этими вестями. Рано или поздно нам придется посоветоваться с вами в этом деле, а потому мы решили, что лучше заранее подготовить вас».

К этому был прибавлен постскрипtum рукою мистера Плеймора:

«Пожалуйста, последуйте совету мистера Бенджамина и сохраните в тайне это письмо. Если нам удастся вполне восстановить его, то, по моему мнению, его нельзя показывать вашему мужу».

Я с ужасом прочла эти слова и спросила себя: что же мне делать?

При настоящем положении дела спокойствие моего мужа было на моей ответственности. Я не должна была упоминать, что получила письмо от Бенджамина, но как же сообщить ему то, что я знала. Так я рассуждала сама с собой, не приходя ни к какому заключению и не зная, что мне делать.

Глава XXV. КРИЗИС ОТЛОЖЕН

— Берегитесь, Валерия! — сказала мне мистрис Маколан. — Я не спрашиваю вас ни о чем, я только предостерегаю вас ради вас самой. Юстас, так же как и я, заметил, что вы изменились. Берегитесь!

Так говорила мне свекровь несколько часов спустя после моего возвращения, когда мы остались с ней наедине. Я рада была бы отдать все на свете, чтобы стереть всякий след впечатления, произведенного на меня вестями из Гленинча. Кто мог бы, прочитав, что я прочитала, и чувствуя то, что я чувствовала, сохранить невозмутимо спокойную внешность? Если б я была самое лицемерное существо, и тогда сомневаюсь, смогла ли бы я скрыть свое волнение.

Сделав это предостережение, мистрис Маколан ничего более не прибавила. Я сознавала, что она права, но тяжело было не услышать совета или сочувствия и решить самой, как должна я была поступить в отношении мужа.

Показать ему письмо Бенджамина при его болезненном состоянии и вопреки совету мистера Плеймора было немислимо. Оставить его в неизвестности, когда я уже выдала себя, было также невозможно. Всю ночь продумала я об этом. Когда наступило утро, я решила обратиться к доверию моего мужа.

— Юстас, — сказала я ему, — твоя матушка говорит, что ты заметил во мне перемену после вчерашней поездки. Правда ли это?

— Да, Валерия! — отвечал он, говоря тише обыкновенного и не поднимая на меня глаз.

— У нас нет тайн друг от друга, — продолжала я, — и я должна тебе сообщить, что получила в банкирской конторе письмо из Англии, которое меня взволновало и встревожило. Не позволишь ли ты мне самой выбрать время, которое я найду наиболее удобным, чтобы познакомить тебя с его содержанием? Веришь ли, что я твоя верная, любящая жена и поэтому обращаюсь к тебе с этой просьбой?

Я замолчала, но он ничего не ответил. Я видела, что он внутренне боролся с собой. Не слишком ли далеко я зашла? Не чересчур ли я полагаюсь на силу своего влияния? Мое сердце сильно билось, голос несколько дрожал, когда я взяла его за руку и вскричала:

— Юстас, неужели и теперь ты не знаешь меня настолько, чтоб мне полностью доверять?

Он впервые взглянул на меня, и последнее сомнение исчезло из его взора.

— Ты обещаешь мне рано или поздно сказать всю правду? — спросил он.

— Обещаю от всего сердца.

— Я тебе верю, Валерия.

Его ясные глаза доказали мне искренность его слов. Мы скрепили наш договор поцелуем. Извините, читатель, что я упоминаю о таких пустяках, вспомните, что это был мой медовый месяц.

В тот же день я написала Бенджамину и, сообщив ему о случившемся, умоляла его, если он и мистер Плеймор одобряли мое поведение, уведомлять меня постоянно об открытиях в Гленинче.

Спустя десять дней, показавшихся мне веком, я получила второе письмо от моего старого друга и с новой припиской мистера Плеймора.

«Мы твердо и успешно подвигаемся в нашем деле, — писал Бенджамин. — Новое открытие, сделанное нами, имеет громадное значение для вашего мужа. Мы восстановили несколько фраз, удостоверяющих, что яд, купленный Юстасом, был куплен по просьбе его жены и находился в ее руках. Заметьте, что это написано рукой его жены и подписано ею. К несчастью, я должен прибавить, что мы все более и более убеждаемся в невозможности сообщить вашему мужу содержание этого письма. Чем далее читаем мы это письмо, тем более желали бы бросить его обратно в мусорную кучу из уважения к памяти покойной. Я задержу это письмо дня на два, и если будет что-либо новое, то вы узнаете это от мистера Плеймора».

Три дня спустя мистер Плеймор приписал следующее:

«Последняя часть письма мистрис Маколан мужу, — писал адвокат, — была случайно разобрана нами сначала. За исключением нескольких слов, она почти восстановлена. Я не имею ни времени, ни желания говорить подробно об этом предмете. Недели через две вы получите, надеюсь, копию письма полностью, с начала до конца. Считаю своей обязанностью сказать вам, что в этом несчастном, поразительном документе есть своя светлая сторона. Он нравственно и юридически доказывает невиновность вашего мужа и может служить законным доказательством, если б Юстас, считая, что не оскорбляет память умершей, публично предъявил его на суде. Поймите то, что дело вашего мужа не может быть пересмотрено уголовным порядком, правда эта будет стоить денег, но невиновность его может быть доказана, если начать гражданский иск, и неблагоприятный для вашего мужа приговор присяжных может быть снят. Сведение это храните пока при себе и оставайтесь по отношению к мужу в той же позиции, которую вы так благоразумно заняли. Когда вы прочтете письмо, я уверен, что из сожаления к нему вы не покажете ему письмо. Каким образом скрыть от него наше открытие, это мы должны обсудить при личном свидании. А пока я могу только повторить прежний совет: «Подождите следующих известий из Гленинча».

Я ждала. Что я выстрадала и что передумал за это время Юстас, не имеет значения; дело в одних фактах.

Менее чем через две недели письмо было готово. Недоставало только некоторых слов, совсем затерявшихся, но не имевших большого значения для смысла. И копия была прислана мне в Париж.

Прежде чем вы, читатель, прочтете это ужасное письмо, позвольте мне напомнить вам, при каких обстоятельствах женился в первый раз Юстас Маколан. Вспомните, что бедная женщина влюбилась в него, не возбудив в нем взаимности; что он удалился от нее, и она сама явилась к нему на квартиру в Лондоне, не предупредив его о том; что он в минуту отчаяния необдуманно обвенчался с ней, чтоб сохранить ее репутацию, что он вообще был деликатный и обходительный муж, тщательно скрывавший отвращение, которое возбуждала в нем бедная женщина

А теперь берите письмо, читайте его и, как сказал Христос: «Не судите, да не судимы будете».

Глава XXVI. ИСПОВЕДЬ ЖЕНЫ

«Гленинч, 19 октября.

Милый муж мой!

Мне нужно рассказать тебе нечто неприятное об одном из друзей твоих.

Ты никогда не поощрял меня к откровенности. Если б ты дозволил мне быть с тобою на такой короткой ноге, как другие жены с мужьями, я бы лично сообщила тебе все. Но я не знаю, как ты принял бы мои слова, и потому пишу.

Человек, от которого я тебя предостерегаю, есть твой друг, Мизеримус Декстер. Нет более фальшивого и коварного существа на свете. Не вздумай бросить мое письмо! Я все ждала доказательств, которыми могла бы убедить тебя. Теперь эти доказательства у меня в руках.

Ты, может быть, помнишь, что я выразила неудовольствие, когда ты в первый раз пригласил его к нам. Если б ты дал мне возможность тогда объясниться с тобой, я представила бы тебе основательные причины, вследствие которых я чувствовала отвращение к твоему другу. Но ты не стал меня слушать и поспешно обвинил меня в несправедливости к несчастному уроду, тогда как я всегда чувствовала сострадание к таким людям. Я даже питаю к ним почти родственное чувство, так как я сама, хотя и не урод, но тоже некрасива. Я была против Декстера и не желала видеть его в нашем доме, потому что он еще до моего замужества делал мне предложение, и я имела основание думать, что он и до сих пор сохранил ко мне преступную любовь. Не была ли я обязана, как хорошая жена, воспротивиться его присутствию в Гленинче? И не был ли обязан ты, как добрый муж, поощрить меня к откровенности?

А мистер Декстер живет у нас уже несколько недель и позволил себе не раз уже говорить мне о своей любви. Он оскорбил меня, оскорбил тебя, заявив, что он обожает меня, а ты меня ненавидишь. Он обещал мне безмятежное счастье, если я уеду с ним за границу, и предвещал мне самую несчастную жизнь в доме моего мужа.

Почему я не пожаловалась тебе и не потребовала немедленного удаления этого чудовища? Могла ли я быть уверена в том, что ты поверил бы мне, если б твой сердечный друг отказался от своих оскорбительных слов? Я слышала однажды, как ты говорил, (не предполагая, что я слышу тебя), что безобразные женщины всегда очень высокого о себе мнения. Ты мог бы обвинить меня в тщеславии, кто знает!

Впрочем, я не желаю себя оправдывать этим. Я несчастная, жалкая ревнивица, постоянно сомневающаяся в твоей привязанности и опасаящаяся, что другая женщина займет мое место в твоём сердце. Мизеримус Декстер воспользовался моей слабостью.

Он объявил мне, что может доказать (если я позволю), что ты в глубине своего сердца питаешь ко мне отвращение, что ты проклинаешь час, когда был до того безумен, что взял меня в жены. Я, насколько могла, боролась с искушением увидеть это доказательство. А велико было искушение для женщины, которая никогда не была уверена в искренности твоего чувства, и я поддалась ему. Скрыв отвращение, которое внушал мне Декстер, я позволила ему высказаться, позволила высказаться злейшему твоему и моему врагу. «Зачем?» — может быть, спросишь ты. Затем, что я горячо любила тебя, тебя одного, и затем, что предложение Декстера подтверждало сомнение, которое давно гнездилось у меня в душе.

Прости меня, Юстас, это первая и последняя моя вина перед тобою. Я не буду щадить себя и опишу тебе подробно все, что было сказано между нами. Ты можешь наказать меня, когда узнаешь, что я это сделала, но ты будешь по крайней мере предупрежден и увидишь своего ложного друга в настоящем свете.

— Как можете вы доказать, что мой муж втайне ненавидит меня? — спросила я его.

— Я могу вам доказать это его собственноручным признанием: вы увидите его дневник, — отвечал он.

— Его дневник заперт, — сказала я, — и ящик, в котором он хранится, тоже заперт. Как же вы достанете его из-под двух замков?

— Я могу отпереть без замка, не рискуя, что муж ваш это заметит. Вам остается только предоставить мне случай увидеться с вами наедине. Я же обязуюсь принести к вам в комнату дневник.

— Как могу я предоставить вам такой случай? — спросила я. — Что вы хотите этим сказать?

Он указал на ключ, бывший в двери, ведшей из моей спальни в маленький кабинет:

— Благодаря моему уродству мне, может быть, не удастся воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы пройти к вам незамеченным. Мне нужно выбрать удобную для себя минуту. Дайте мне ключ, а дверь оставьте запертой. Потом же, когда заметят, что нет ключа, вы скажете, что это не беда, так как дверь заперта и нечего беспокоиться о ключе. Этого будет достаточно для успокоения прислуги, а я буду обладать средством свободного с вами общения, чего никто не станет и подозревать. Согласны вы?

Я согласилась; да, я сделалась сообщницей этого двуличного негодяя. Я унизила себя и оскорбила тебя, согласившись на похищение твоего дневника. Я знаю, как неблагородно я поступила; не могу ничем извинить себя, могу только повторить, что люблю тебя и сомневаюсь в твоей любви. А Мизеримус предложил мне положить конец этим сомнениям, показав мне самые сокровенные твои мысли и чувства, написанные твоей собственной рукой.

Он придет ко мне через час или два, когда тебя не будет дома. Я скажу ему, что для меня недостаточно один раз взглянуть в дневник, и попрошу его принести дневник еще завтра, в такое же время. Но задолго до назначенного часа ты получишь эти строки из рук сиделки. По прочтении их уйди со двора, как обыкновенно, потом вернись потихоньку, отопри ящик, и ты не найдешь в нем своего дневника. Спрячься в маленький кабинет, и ты увидишь свой дневник в руках твоего друга, когда он выйдет из моей комнаты».

«20 октября»

Я читала твой дневник.

Наконец я знаю, как ты в действительности относишься ко мне. Я прочла то, что мне обещал Декстер, твое собственноручное признание в ненависти ко мне.

Ты не получишь написанных мною вчера строк, по крайней мере сегодня и тем способом, о котором я упоминала. Хотя письмо и так уж довольно длинно, но, прочитав твой дневник, я хочу сказать тебе еще несколько слов; запечатав конверт и надписав твой адрес, я положу его под подушку. Его найдут после моей смерти, и ты получишь его, Юстас, когда все будет кончено и нельзя уже будет помочь.

Да, я не хочу более жить, хочу умереть.

Я уже многим пожертвовала ради своей любви к тебе, и теперь, когда я знаю, что ты меня не любишь, последняя жертва мне будет легка. Моя смерть принесет тебе свободу и соединит с мистрис Бьюли.

Ты не знаешь, как трудно мне было скрывать свою ненависть к ней и пригласить ее приехать к нам, несмотря на мою болезнь. Я никогда не была бы в состоянии сделать это, если б не любила тебя так сильно и не боялась рассердить тебя, обнаружив свою ревность. И чем ты вознаградил меня за это? Пускай ответит твой дневник: «Я нежно поцеловал ее сегодня утром и надеюсь, что она, бедная, не заметила, каких мне стоило это усилий».

Теперь я знаю все, знаю, что ты смотрел на свою жизнь со мной, как на «чистилище», что ты из сострадания скрывал, как «отвратительны были тебе мои ласки». Я только препятствие, «тяжелое препятствие» между тобою и женщиной, которую ты любишь так нежно, что «боготворишь землю, до которой она коснулась своими ногами». Пусть будет по-твоему! Я не хочу более стоять между вами. В этом не будет ни жертвы, ни заслуги с моей стороны. Жизнь для меня невыносима теперь, когда я знаю, что человек, которого я так глубоко и так искренне любила, внутренне содрогается от моего прикосновения.

А средство покончить с жизнью у меня под руками. Мышьяк, который ты два раза покупал по моей просьбе, хранится в моем несессере.

Я обманула тебя сказав, что он нужен для хозяйства. Я хотела испытать его как средство для исправления дурного цвета лица, не пустое кокетство побуждало меня к тому, а желание быть в твоих глазах более красивой и привлекательной. Я уже приняла некоторую часть яда, но у меня еще достаточно его, чтобы покончить с жизнью. Яд будет употреблен с пользой. Он, может быть, не исправил бы цвета моего лица, но теперь освободит тебя от безобразной жены.

Не позволяй вскрывать меня после смерти. Покажи это письмо доктору, который меня лечит. Оно докажет, что я самоубийца, и избавит невиновных от подозрения. Я не желаю, чтобы кто-нибудь пострадал из-за меня. Я сниму ярлык со склянки и использую яд полностью, чтобы не навлечь неприятности на дрогоиста.

Я должна на минуту остановиться и отдохнуть, чтобы потом продолжить письмо. Оно уже довольно длинно, но это мои прощальные слова, и я могу, конечно, подольше побеседовать с тобой в последний раз».

«21 октября, 2 часа утра

Я вчера выгнала тебя из комнаты, когда ты пришел узнать, как провела я ночь. Я наговорила о тебе много нехорошего сиделке. Прости меня, Юстас. Я точно с ума сошла, ты знаешь, почему».

«Половина третьего

О, муж мой! Я покончила с жизнью, чтобы освободить тебя от ненавистной жены. Я приняла весь яд, оставшийся в бумажке. Если этого будет недостаточно, чтобы отравиться, то у меня есть еще в склянке».

«10 минут шестого

Ты только что вышел, дав мне успокоительных капель. Мое мужество изменило мне, когда я тебя увидела. Я думала: «Если он ласково взглянет на меня, я покаюсь ему во всем и позволю ему вернуть меня к жизни». Но ты вовсе не взглянул на меня, ты смотрел только на лекарство, и я отпустила тебя, не вымолвив ни слова».

«Половина шестого

Я начинаю чувствовать действие яда. Сиделка спит у меня в ногах. Я не разбужу ее, не позову на помощь. Я хочу умереть».

«Половина десятого

Страдания сделались невыносимы, я разбудила сиделку, послала за доктором.

Никто ничего не подозревает. Странно сказать, боли совершенно прекратились, я, видно, слишком мало приняла яда. Нужно приняться за склянку, в которой его значительно большее количество. К счастью, ты не подле меня, и я по-прежнему хочу умереть, или, лучше сказать, жизнь мне опротивела, и я не хочу жить. Чтобы сохранить мужество и твердость, я не велела сиделке посылать за тобой, я даже отослала ее вниз. Я одна и могу достать яд из несессера».

«10 минут одиннадцатого

Я только успела спрятать склянку, как вошел ты. При виде тебя мною снова овладела слабость. Я решилась попытаться спасти свою жизнь, или, лучше сказать, я решилась предоставить тебе случай ласково обойтись со мной. Я попросила чашку чая. Если б ты, оказывая мне эту услугу, сказал мне доброе слово или нежно взглянул на меня, я бы не решилась принять вторую дозу яда. Ты исполнил мое желание, но не был ласков. Ты подал мне чай, как подал бы напиток собаке. И после того ты удивился, Юстас (ты в это время, вероятно, думал о мистрис Бьюли), что я уронила чашку, возвращая ее тебе. Я не могла удержать ее, у меня руки дрожали. Если б ты был на моем месте, у тебя тоже задрожали бы руки. Ты вежливо пожелал мне, выходя из комнаты, чтобы чай принес пользу, и даже не взглянул на меня. Ты смотрел на разбитую чашку.

Едва ты переступил порог моей комнаты, как я приняла вторично яд, и двойную дозу.

У меня к тебе небольшая просьба. Сняв со склянки этикетку и убрав ее, чистую, в свой несессер, я забыла предпринять ту же предосторожность с бумажным пакетиком, и на нем остался ярлык дрогиста. Я бросила ее на одеяло с другими ненужными бумагами, а моя сердитая сиделка, жалуюсь на беспорядок, схватила все бумажки и куда-то задевала их. Надеюсь, что дрогист не пострадает из-за меня. Прошу тебя, скажи всем, что он невиновен.

Декстер, мне что-то вдруг вспомнился он, положил твой дневник обратно в ящик и просил у меня ответа на его предложение Есть ли совесть у этого негодяя? Если есть, то даже он почувствует угрызение, когда моя смерть даст ему ответ.

Сиделка снова возвратилась в мою комнату, и я опять выслала ее, сказав, что желаю остаться одна.

Много ли прошло времени? Я не могу найти своих часов. Скоро ли начнутся боли и уничтожат меня? Пока я еще ничего не чувствую, но они могут вернуться каждую минуту. Мне нужно еще запечатать письмо и, надписав адрес, спрятать под подушку, чтобы нашли его только после моей смерти.

Прощай, мой дорогой. Желала бы я быть красивой ради тебя. Но любить тебя более я не могла бы. Даже теперь боюсь я увидеть твое милое лицо, чтобы твое чарующее влияние не заставило меня сознаться во всем, пока еще не поздно спасти мне жизнь. Но тебя здесь нет. Тем лучше! Тем лучше!

Еще раз прости! Будь счастливее, чем был со мною. Я люблю тебя, Юстас, и прощаю тебя. Когда тебе не о чем будет думать, думай иногда как можно снисходительнее о своей бедной, безобразной

САРЕ МАКОЛАН»

Глава XXVII. КАК МОГЛА БЫ Я ПОСТУПИТЬ ИНАЧЕ?

Как только я осушила слезы и несколько успокоилась после прочтения этого грустного и ужасного письма, первой моей мыслью было, как бы скрыть его от Юстаса. Вот к какому заключению пришла я, отдавшая столько сил на раскрытие этой тайны и достигшая успеха. Передо мною на столе лежало доказательство невинности моего мужа, и я из сожаления к нему, из сожаления к памяти его покойной жены желала только одного, чтобы он никогда не увидел этого письма, чтобы оно никогда не было предъявлено публично.

Я мысленно обратилась к странным обстоятельствам, при которых было открыто это письмо. Однако самое простое обстоятельство могло изменить ход событий. Если б я остановила Ариель, когда она просила Декстера рассказать сказку, память Декстера могла бы не обратиться к гленинчской трагедии. Если бы я не забыла подвинуть стул, Бенджамин не записал бы бессмысленных, по-видимому, слов, которые позволили нам открыть истину.

Несмотря на то, я проклинала это ужасное письмо и тот день, когда были найдены его обрывки. Нужно было случиться этому именно в то время, когда к Юстасу возвратились здоровье и силы, когда мы снова соединились и зажили счастливо в ожидании рождения нашего ребенка. И вдруг появляется это письмо, угрожающее не только спокойствию моего мужа, но и самой его жизни, так как он еще не совсем оправился от опасной болезни.

Пока я сидела погруженная в эти размышления, пробили часы на камине. В это время Юстас приходил обычно в мой маленький будуар. Он мог войти каждую минуту, увидеть письмо, вырвать его у меня из рук. Вне себя от ужаса и страха я собрала противные листы и бросила их в огонь.

К счастью, это была только копия, но в эту минуту я поступила бы так и с оригиналом. Едва успела сгореть последняя страница, как дверь отворилась, и вошел Юстас.

Он взглянул на огонь. Пепел от жженой бумаги летал еще над угольками. Он видел, как мне за завтраком подали письмо. Не заподозрил ли он меня? Он не сказал ни слова, но несколько минут простоял, мрачно глядя на огонь. Потом подошел ко мне и посмотрел в глаза. Я, наверное, была очень бледна. Он первым делом спросил меня о здоровье. Я не хотела его обманывать даже в пустяках.

— У меня нервы не в порядке, Юстас, и более ничего.

Он снова взглянул на меня, как бы ожидая, что я скажу еще что-нибудь. Я молчала. Он вынул из кармана письмо и положил его передо мною на столе, где за минуту перед тем лежала исповедь его жены.

— Я получил сегодня утром письмо, — сказал он, — и у меня нет секретов от тебя, Валерия.

Я поняла упрек, скрывавшийся в этих словах, но ничего не ответила ему.

— Ты желаешь, чтобы я прочитала его? — спросила я.

— Я уже сказал, что не имею от тебя секретов, — повторил он. — Конверт распечатан, посмотри, что в нем.

В конверте оказалось не письмо, а вырезка из шотландской газеты.

— Прочти, — сказал Юстас. Вот что я прочитала:

«Странное происшествие в Гленинче.

Что-то романтическое происходит, по-видимому, в деревенском доме мистера Маколана. Тайные изыскания производятся... в мусорной куче. Найдено что-то важное, но никто не знает, что именно. Известно только, что несколько недель тому назад прибыли из Лондона два незнакомца, которые под руководством нашего почтенного соотечественника, мистера Плеймора, работают день и ночь, запершись в библиотеке Гленинча. Откроется когда-нибудь эта тайна, и не бросит ли она новый свет на трагическое событие, случившееся в Гленинче несколько лет

тому назад? Может быть, мистер Маколан по возвращении на родину в состоянии будет ответить на эти вопросы. А пока нам остается только ожидать развития событий».

Я положила на стол газету с чувством совершенно не христианским к людям, вмешивающимся не в свое дело. Я не знала, что делать, и ждала, что скажет муж. Он сейчас же обратился ко мне с вопросом:

— Ты понимаешь, что это значит, Валерия?

Я честно созналась, что понимаю.

Он замолчал и, по-видимому, ждал, что я объяснюсь, но я не сказала ни слова.

— Неужели я так и не узнаю ничего? — спросил он наконец. — Разве ты не обязана сказать мне, что происходит в моем собственном доме?

У меня не было другого выхода из моего затруднительного положения, как снова обратиться к его доверию.

— Ты обещал верить мне, — начала я.

Он подтвердил это.

— Я должна просить тебя, Юстас, ради тебя самого, подождать еще некоторое время. Я исполню твое желание, только потерпи немного.

— Долго ли я должен ждать? — поинтересовался он, и при этом лицо его омрачилось.

Я видела, что нужно было прибегнуть к более сильному средству.

— Поцелуй меня прежде, чем я скажу это, — промолвила я.

Он колебался, как истый муж, а я настаивала, как истая жена. Ему не оставалось ничего более, как уступить. Поцеловав меня не очень-то нежно, он снова спросил, долго ли ему ждать.

— Я желала бы, чтобы ты подождал до рождения нашего ребенка, — ответила я.

Он вздрогнул. Мое желание изумило его. Я нежно сжала его руку и оглянула на него. Он тоже ответил мне ласковым взглядом.

— Ты согласен? — прошептала я.

Он согласился.

Таким образом я выиграла время для того, чтобы посоветоваться с Бенджамином и мистером Плеймором.

Пока Юстас оставался в моей комнате, я была спокойна и весело разговаривала с ним. Но, когда он ушел, я долго плакала. Мои нервы были страшно напряжены с той минуты, как я прочла исповедь первой жены Юстаса.

Глава XXVIII. ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Я пишу по памяти; у меня не было ни записок, ни дневника, и потому я не могу сказать наверное, сколько времени оставались мы за границей, но, вероятно, несколько месяцев. Когда Юстас совсем оправился и был в состоянии отправиться в путь, его еще долго удерживали доктора в Париже. У него оказалось какое-то повреждение в одном из легких, и доктора боялись, чтобы воздух Англии не повредил ему. Итак, я получила в Париже последние новости из Глевинча.

Но на этот раз это было не письмо. К моему величайшему удивлению и радости, в одно прекрасное утро Бенджамин совершенно неожиданно появился в нашей прелестной парижской гостиной. Он был так парадно одет и так часто повторял в присутствии моего мужа, что приехал развлечься в Париж, что я сейчас же смекнула, в чем дело: для моих близких он приехал в качестве туриста, для меня же он был послан от мистера Плеймора.

Вечером нам удалось остаться вдвоем, и я убедилась, что не ошиблась в своем

предположении. Бенджамин приехал в Париж по просьбе мистера Плеймора, чтобы разъяснить мне все, относящееся к прошлому, и посоветоваться со мной насчет будущего. Он в виде кредитива привез мне записку от адвоката.

«Есть пункты, которые содержание письма не вполне объяснило, — писал мистер Плеймор. — Мы с мистером Бенджамином приложили все старания, чтобы разъяснить их, и, подумав, изложили все в виде кратких вопросов и ответов. Примете ли вы мои истолкования после тех ошибок, которые я наделал, когда вы советовались со мной в Эдинбурге? Я должен сознаться, что последующие события доказали ошибочность моих выводов относительно Декстера и смерти первой жены Маколана. Я чистосердечно признаюсь и предоставляю на ваше усмотрение решать, стоит ли вашего внимания мой новый катехизис или нет».

Я сочла «новый катехизис», как его называл Плеймор, вполне достойным моего внимания. Бенджамин по просьбе моей прочел мне вопросы и ответы, изложенные в следующем порядке.

Они делились на две группы: в первой рассматривались вопросы о дневнике Юстаса.

Первый вопрос. Стараясь добыть дневник мистера Маколана, знал ли Декстер о его содержании?

Ответ. Без сомнения, нет. Но, заметив, как мистер Маколан тщательно скрывал его, он заподозрил существование какой-то семейной тайны и, решив воспользоваться для своих личных целей, заказал подделать ключи.

Второй вопрос. Каким побуждением следует приписать сопротивление Декстера судебному следователю, когда тот захватил с прочими бумагами и дневник мистера Маколана?

Ответ. Мы должны отдать справедливость Декстеру и признать, что, как ни подло поступал он, все же не был совсем бессовестным. Хоть он тайно ненавидел мистера Маколана как своего счастливого соперника и всячески убеждал несчастную его жену бежать с ним, но не был способен допустить, чтобы друга его, человека, оказывавшего ему доверие, обвинили в убийстве, тогда как он не был в том виновен. Он, конечно, если бы полицейские не предупредили его, уничтожил бы дневник и письма, предвидя, как они могут повредить Маколану, которому и в голову не приходило, что его могут обвинить в убийстве жены, но Декстер смотрел на это дело с другой точки зрения. В последние минуты перед окончательным помешательством он упоминает о дневнике: «Дневник приведет его к виселице, я не хочу, чтобы его повесили». Вследствие этого он и не хотел допустить полицейских к исполнению их обязанностей. Он был сильно взволнован, когда просил Плеймора вмешаться в это дело.

Вопросы второй группы относились к исповеди жены.

Первый вопрос. Почему Декстер не уничтожил письмо, найденное им под подушкой покойной?

Ответ. По тому же самому побуждению, которое заставило его противиться захвату дневника. Он сохранял его до произнесения приговора и в случае осуждения Юстаса, вероятно, предъявил бы его на суде. Он скрыл его, не желая обнаружить, что был предметом ненависти и отвращения, но не допустил бы, чтобы невиновный попал на эшафот. Он был способен подвергнуть невиновного соперника публичному позору и обвинению в убийстве жены, но не мог довести его до виселицы.

Второй вопрос. Чем объяснить поведение Мизеримуса Декстера в отношении мистрис Маколан, заявившей ему, что она решилась добиться

пересмотра дела об отравлении первой жены ее мужа?

Ответ. По всему вероятно, Декстер боялся, не заметил ли кто, когда он тайком входил в комнату, в которой лежала покойница. Имея привычку подслушивать и подсматривать в замочные скважины, он, совершенно естественно, предполагал, что и другие не пренебрегают этим занятием. К тому же ненависть его к мистрис Бьюли давала ему средство избежать подозрений. Сохранить свою собственную тайну, подвергнув преследованиям ненавистную личность, — вот чем можно объяснить поведение его относительно мистрис Валерии.

Бенджамин положил записку и снял очки.

— Мы не сочли нужным вдаваться в большие подробности, — сказал он. — Не оставлен ли какой-нибудь вопрос необъяснимым?

Я задумалась, но не могла припомнить ничего, требующего объяснения. Впрочем, был один вопрос, появившийся у меня при намеке на мистрис Бьюли, который я давно желала уяснить.

— Говорили вы когда-нибудь с мистером Плеймором о привязанности моего мужа к мистрис Бьюли? — спросила я. — Не говорил ли вам когда-нибудь мистер Плеймор, почему Юстас не женился на ней по окончании процесса?

— Я сам спрашивал об этом мистера Плеймора, — отвечал Бенджамин. — Он очень легко объясняет это. Так как он был другом и поверенным вашего мужа, то последний советовался с ним насчет письма к мистрис Бьюли после процесса. Письмо это он повторил мне почти слово в слово. Если вы желаете, я передам вам его, как запомнил.

Я призналась ему, что очень желала бы услышать его содержание. Что передал мне Бенджамин, вполне согласовалось с рассказом Декстера. Мистрис Бьюли была свидетельницей публичного позора моего мужа, и этого было вполне достаточно, чтобы помешать ему жениться на ней. Он покинул ее по той же причине, по которой покинул и меня. Наконец моя ревность усмирилась, и Бенджамин мог покончить с прошлым, приступить к более интересным и животрепещущим вопросам о будущем.

Прежде всего он заговорил о Юстасе, спросил, не подозревает ли он о случившемся в Гленинге.

Я передала ему свой разговор с мужем и каким образом я добилась отсрочки неизбежного объяснения.

Лицо моего старого друга прояснилось при этих словах.

— Это будет приятная новость для мистера Плеймора, — сказал Бенджамин. — Дорогой друг весьма беспокоился, чтобы наше открытие не испортило вашего хорошего отношения к мужу. С одной стороны, ему очень хотелось бы избавить мистера Маколана от неприятного мучительного впечатления, которое произведет на него исповедь его жены; но с другой стороны, невозможно из-за чувства справедливости по отношению к вашим будущим детям уничтожить документ, который снимает с имени их отца позорное пятно, наложенное на него Шотландским вердиктом.

Я внимательно слушала Бенджамина. Он коснулся предмета, который немало меня тревожил.

— Каким же образом думает мистер Плеймор устранить затруднения? — спросила я.

— Он предлагает, — сказал Бенджамин, — запечатать найденное письмо в конверт, приложить к нему описание всех обстоятельств, сопровождавших его находку, засвидетельствовать вашей и моей подписью. Сделав это, вы можете объяснить все вашему мужу, когда найдете это наиболее удобным. И уже мистер Маколан сам решит, желает ли он вскрыть письмо или оставить его запечатанным детям, которые по достижении своего совершеннолетия могут, если пожелают, обнародовать его. Согласны ли вы, моя дорогая? Или предпочитаете, чтобы мистер Плеймор повидался с вашим мужем и переговорил с ним об этом деле?

Я, нисколько не колеблясь, взяла на себя всю ответственность, полагая, что мое

влияние на Юстаса сильнее влияния мистера Плеймора. Бенджамин одобрил мою решимость и в тот же день написал Плеймору, чтобы его успокоить.

Теперь оставалось только назначить срок нашего возвращения в Англию. Это зависело от докторов, и я решила посоветоваться с ними при первом же их визите.

— Не прикажете ли еще что-нибудь передать ему? — спросил Бенджамин, открывая свой портфель.

Я вспомнила о Декстере и об Ариели и спросила, не было ли каких вестей о них. Мой старый друг вздохнул и предупредил меня, что я коснулась грустной темы.

— Лучшее, чего только можно ожидать для этого несчастного, — это смерть, — сказал он. — Перемена, происшедшая в нем, грозит апоплексическим ударом. Вероятно, вы услышите о его смерти до вашего возвращения в Англию.

— А Ариель? — спросила я.

— Ничуть не изменилась, — продолжал Бенджамин, — и совершенно счастлива, пока находится при своем господине. Она, бедняга, не верит, что Декстер смертное существо, смеется, когда говорят о его смерти, и вполне уверена, что он опять будет узнавать ее.

Известия Бенджамина меня очень огорчили, и я вышла из комнаты, оставив его, занятого письмом к Плеймору.

Глава XXIX. КОНЕЦ МОЕЙ ИСТОРИИ

Дней через десять мы вернулись в Англию в сопровождении Бенджамина.

В доме мистрис Маколан мы нашли полный комфорт и с радостью приняли ее предложение поселиться у нее до моих родов и окончательного устройства наших планов на будущее.

После приезда в Англию я вскоре получила известие из дома умалишенных, к которому Бенджамин приготовил меня еще в Париже. Жизнь Мизеримуса Декстера медленно и тихо погасла. За несколько часов до своей кончины он пришел в себя и узнал Ариель, сидевшую у его постели, назвал ее по имени и спросил обо мне. Хотели послать за мной, но было уже поздно; прежде чем отправился посыльный, он сказал со свойственной ему торжественностью: «Молчите все! Мой мозг ослабел, я хочу уснуть». Затем закрыл глаза и заснул непробудным сном. Так тихо, без скорби и боли умер этот человек, это странное и разностороннее существо, жизнь которого была ознаменована преступлениями и несчастьями, проблесками поэзии и юмора, фантастической веселостью, эгоизмом, жестокостью и тщеславием.

Увы, бедная Ариель! Она жила только для своего господина, что же оставалось ей делать после его смерти? Она могла только умереть вслед за ним.

Ей позволили присутствовать на похоронах Декстера в надежде, что эта церемония убедит ее в его смерти. Но ожидания не сбылись, она упорно отрицала, что господин оставил ее. Должны были силой увести беднягу домой, она чуть не бросилась за гробом в могилу. В продолжение нескольких недель она или приходила в бешенство, или лежала в забытьи. Как раз в то время в доме сумасшедших давался ежегодный бал, и надзор за больными был ослаблен. Около полуночи поднялась тревога, пропала Ариель. Сиделка, видя, что она уснула, поддавалась искушению и сошла вниз посмотреть на танцующих. По возвращении наверх она не нашла больше Ариели. Присутствие посторонних и общая суматоха помогли ей убежать. Все поиски ночью были тщетны, на следующее утро ее нашли мертвой на могиле Декстера. До конца верная, Ариель последовала за своим господином, умерла на его могиле!

Написав эти грустные строки, я невольно перехожу к более радостным событиям.

Со времени обеда у майора Фиц-Дэвида и памятной для меня встречи с леди

Клориндой я не слыхала ничего о майоре. К стыду своему, должна сознаться, что совсем забыла о нем, как вдруг современный донжуан прислал нам со свекровью пригласительные билеты на свою свадьбу. Майор решил наконец остепениться, и, что было еще удивительнее, выбор его пал на «будущую царицу», круглоглазую нарядную особу с пронзительным сопрано!

Мы отправились с поздравлениями к майору и были очень огорчены тем, что увидели. Брак так изменил веселого и любезного поклонника, что я едва узнала его. Он оставил все свои претензии на молодость и сделался совершенно беспомощным старикашкой. Стоя за креслом, на котором восседала его величественная супруга, он после каждого слова, обращенного ко мне, смиренно взглядывал на нее, как бы испрашивая позволения продолжать разговор. Когда она без церемонии прерывала его, что случалось нередко, он с покорностью и восторгом смотрел на нее.

— Какая она красавица, не правда ли? — спросил он меня при ней. — Какой стан, какой голос! Вы помните ее голос? Это непоправимая потеря для оперы! Знаете ли, когда я думаю о славе, которой она могла достигнуть, я спрашиваю себя, имел ли я право жениться на ней; я чувствую, что я ограбил публику.

Что касается предмета этих похвал и сожалений, то она приняла меня очень милостиво, как старого друга. Пока Юстас разговаривал с майором, она отвела меня в сторону и с непостижимым бесстыдством объяснила мне причины, побудившие ее выйти замуж.

— У меня, видите ли, большое семейство, — говорила мне шепотом эта противная женщина. — Хорошо толковать-то о «царице пения» и тому подобных пустяках. Господи помилуй, я также бывала в опере и училась пению и понимаю, что значит стать хорошей певицей. У меня не хватит терпения, чтобы работать, как эти наглые женщины, отродье Иезавели; я ненавижу их. Нет, нет! Между нами говоря, гораздо легче женить на себе старика и этим способом добыть денег. Теперь и я, и семейство мое обеспечены, и для этого не нужно работать. Я люблю свою семью, я хорошая дочь и сестра. Посмотрите, как я одета, какая у меня обстановка. Я устроила хорошую аферу; очень выгодно выйти замуж за старика, можно вертеть им как угодно. Я счастлива, совершенно счастлива; надеюсь, что и вы тоже. Где живете вы теперь? Я к вам скоро заеду, и тогда мы подольше поболтаем с вами. Вы мне всегда нравились, и (теперь, когда я такая же леди, как вы) я желаю быть вашим другом.

Я коротко и вежливо ей ответила, твердо решив не принимать ее у себя дома. Я позволю сознаться себе: она была мне отвратительна. Женщина, продающая себя мужчине, становится не менее гнусной, если торг этот освящен законом и церковью.

Сидя за конторкой и описывая майора с его ничтожной супругой, вдруг вспомнила заключительную сцену моего рассказа.

Спальня. На постели лежат двое. Извините, читатель, что представляюсь вам в таком виде, — я и мой сын. Ему уже минуло три недели, и он рядом со мной. Мой добрый дядя Старкуатер приехал в Лондон крестить его. Мистрис Маколан будет крестной матерью, а Бенджамин и мистер Плеймор — крестными отцами.

Доктор только что ушел от меня в некотором смущении. Он застал меня в кресле, в котором я обыкновенно сидела в последние дни, но, заметив признаки утомления, отослал меня в постель.

Дело в том, что я была не вполне откровенна со своим доктором. Было две причины замеченной им во мне перемены: беспокойство и сомнение.

В этот день я решила привести в исполнение обещание, данное мною мужу в Париже. Он уже знает, каким образом была найдена исповедь его первой жены и что, по мнению мистера Плеймора, это письмо может публично доказать в суде его невиновность, а что важнее всего — он знает также, что эта исповедь запечатана и хранится в тайне от него не столько ради его собственного спокойствия, сколько из уважения к памяти несчастной женщины, бывшей некогда его женой.

Все это сообщила я моему мужу не устно; я обыкновенно не говорила с ним о его первой жене, но описала все обстоятельства, сообщенные мне Бенджамином и мистером Плеймором. Он имел достаточно времени обдумать все в уединении своего кабинета. Я ожидаю его с роковым письмом в руках, свекровь моя — в соседней комнате, обе мы хотели услышать из его собственных уст о решении — вскрыть конверт или нет.

Время идет, но мы еще не слышим его шагов на лестнице. Мои сомнения растут и все более и более мучают меня. Вид письма при настоящем состоянии моих нервов становится невыносимым для меня. Я с отвращением касаюсь его, я перекладываю его с места на место и не могу оторваться от него мысленно. Наконец в моей голове мелькнула новая мысль. Я взяла ручку ребенка и вложила в нее письмо, чтобы очистить эту страшную повесть греха и страдания прикосновением невинного существа.

Минуты шли за минутами, прошло полчаса, и наконец я услышала его шаги. Он тихонько постучался и отворил дверь.

Он смертельно бледен; мне даже кажется, что я замечаю следы слез на его щеках. Но не видно было ни малейшего волнения, когда он сел подле меня. Я поняла, что он хотел овладеть собой прежде, чем войдет ко мне, чтобы не встревожить меня.

Он взял меня за руку и нежно поцеловал.

— Валерия! — сказал он. — Прости меня еще раз за все, что я прежде делал и говорил. Я теперь понимаю одно, моя дорогая, что найдено доказательство моей невинности и найдено оно благодаря твердости и преданности моей жены.

Я наслаждалась этими словами, в которых выражались любовь и благодарность, и не спускала глаз с его лица, сияющего теми же чувствами. Тогда, собравшись с силами, я задала ему вопрос, от которого зависело наше будущее счастье.

— Ты желаешь видеть письмо, Юстас?

Он отвечал мне вопросом:

— Оно у тебя здесь?

— Да!

— Запечатанное?

— Да.

Он на минуту задумался, потом произнес:

— Дай мне обдумать хорошенько, как я должен решить. Предположим, что я настою на прочтении письма.

Тут я прервала его, хотя сознавала, что должна бы молчать, но не выдержала.

— Дорогой мой, не читай письма! Прошу тебя, пожалей себя...

Он сделал рукой знак, чтобы я замолчала.

— Мне нечего думать о себе, — промолвил он, — я думаю о моей покойной жене. Если я откажусь публично предъявить свидетельство моей невинности при моей жизни и оставлю письмо запечатанным, то полагаешь ли ты, как Плеймор, что я поступлю справедливо и гуманно по отношению к моей покойной жене?

— О, Юстас, в этом не может быть и тени сомнения.

— Заглажу ли я этим хоть сколько-нибудь те страдания, которые бессознательно причинял ей при жизни?

— Да, да!

— И тебе, Валерия, будет это приятно?

— Дорогой мой, милый, я буду в восторге.

— Где письмо?

— В руке нашего сына.

Он перешел на другую сторону кровати и поднес маленькую ручку к своим губам. Несколько минут стоял он молча, погруженный в грустные размышления. Я видела, как свекровь моя приотворила дверь и ожидала решения, так же, как и я. Тяжело вздохнув, он опустил ручку ребенка на запечатанное письмо и сказал сыну: «Я оставляю его тебе».

Этим оканчивается мой рассказ. Оканчивается он не так, как я думала, и читатель, вероятно, ожидал не того. Но что знаем мы о своей судьбе? Кому известно, чем кончатся его заветные желания? Известно это только Богу — и тем лучше!

Пора мне отложить перо, мне нечего более сказать, только позволю себе обратиться к вам с просьбой, читатель: не судите строго моего мужа, его ошибки и заблуждения. Браните меня сколько вашей душе угодно, но будьте снисходительны к Юстасу.

1875

«Закон и женщина» печатается по изданию:

Уилки Коллинз. Закон и женщина. Роман.

Москва. В Университетской типографии (Катков и К), на Страстном бульваре. 1875

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)